
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

**М. Н. КОВАЛЕНСКИЙ, С. С. КРИВЦОВ,
Е. А. МОРОХОВЕЦ и Н. Г. ТАРАСОВ**

**2-е издание
исправленное и дополненное**

**ИЗД.
"КРАСНАЯ НОВЬ"
Г. П. П. МОСКВА**

1 0 2 3

920
F 101
102
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

44923.

ХРЕСТОМАТИЯ по ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

ДЛЯ СОВПАРТШКОЛ
ПЕРВОЙ СТУПЕНИ

СОСТАВИЛИ:

М. Н. Коваленский, Ст. С. Кривцов, Е. А. Мороховец и Н. Г. Тарасов

2-е ИЗДАНИЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

7677-89

2010480924

М. Н. Коваленский.

(1874-1923 гг.).

Во время печатания второго издания настоящей хрестоматии трагически погиб под Москвой от руки бандита т. М. Н. Коваленский. Покойному, помимо участия в общей работе по составлению и редактированию нашей хрестоматии, принадлежит составление отдела, посвященного революции 1905 г.

По окончании курса в Московском университете М. Н. Коваленский занялся преподавательской деятельностью в средней школе в Москве, где в скором времени занял одно из первых мест. Одновременно он стал преподавать русскую историю на Пречистенских курсах для рабочих, в том прообразе наших совпартшкол. В свое преподавание он сразу внес новый дух, новые веяния, почему молодые учителя стремились попасть на его уроки и, присутствуя на них, наглядно учиться проведению социологического метода преподавания истории. Революция 1905 г. видит его уже в своих рядах, и он помогает своей культурно-просветительной работой нашей партии.

М. Н. Коваленский принимает участие в марксистском московском журнале „Правда“ 1904-1905 гг. и в большевистском издательстве Мягкова „Колокол“. Тогда же закладываются основы его учебника русской истории, и в результате его активной работы

в Московском педагогическом обществе упрочиваются его неблагонадежная репутация в глазах учебного округа и господ ревизоров-доносителей. В конце концов, вследствие травли этих господ из охранного отделения, М. Н. вынужден был бросить любимое преподавательское дело и заняться исключительно литературной работой: редактированием ряда изданий по русской истории и составлением своей известной „Хрестоматии по русской истории“.

Революция 1917 г. застает его на далекой Кубани, и мы сразу же видим в ее рядах М. Н., которому поэтому пришлось скрываться потом от добровольцев. Но зато каким ключом забила его работа в Краснодаре по восстановлению там советской власти. Он принимает близкое участие в работе тамошней областной совпартшколы, как преподаватель и как желанный советчик. Эту же работу он продолжает и по приезде в Москву в методической комиссии Г. П. П., где он принимает участие в выработке и составлении программ по истории совпартшкол. Из этой работы затем естественно родилась и настоящая хрестоматия.

В Москве М. Н. попрежнему — учитель будущих учителей в Академии Социального Воспитания, на педфаке Второго Университета, на рабфаке им. Артема Московской Горной Академии. Он снова среди молодежи, этот „комсомолец с седыми волосами“ и дни и вечера проводит за оживленными занятиями, в результате чего явились очень интересные инсценировки „Суда над Питерским СРД (в АСВ)*“ и над „первомартовцами“ (на педфаке.)

Строились оживленные планы о будущей работе, но пуля бандита прервала эту кипучую и полную творческих планов жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	1
Программа по истории для совцартшкол 1 ступени	3

Материалы для вступительной беседы.

1. Крестьянские и рабочие революции	13
2. Борьба классов	15
3. Мировая война и революция 1917 года	18

I. Дворянская Россия XVIII в.

1. Господствующая роль дворянства:	
а) дворянское управление	19
б) сила дворянства в деревне	23
в) значение дворянства в губернии и уезде	26
2. Крестьянские движения в России в XVII и в начале XVIII века	28
3. Пугачевщина	33

II. Зарождение буржуазного строя в России.

Вводная статья	36
1. Возникновение промышленного капитализма	38
2. Взгляд на Московскую выставку 1831 г.	43
3. Царь и буржуазия	45
4. Усиление крестьянских повинностей	49
5. Образцовый хозяин	53
6. Крестьянские волнения	58
7. Охота пуще неволи	60
8. Невыгодность барщины	62
9. Крестьянская реформа	64

III. Буржуазная Россия.

A. Аграрный вопрос после крестьянской реформы (1861—1905 гг.).

Вводная статья	67
1. Расслоение крестьянства	68
2. Разорение крестьянской массы	72

3. Хозяйственный мужичок	77
4. Помещик	79
5. Мироед	82
6. Нет выхода	84
7. Крестьянское движение	90

Б. Промышленное развитие России во второй половине XIX-го и в начале XX-го веков.

Вводная статья	100
1. Железнодорожное строительство	102
2. Железные дороги и рынок	103
3. Развитие промышленности	105
4. Внешняя политика	107
5. Союз буржуазии и царизма	109
6. Кустарь и скупщик	114
7. В фабричном царстве	118
8. Завод	121
9. В царстве чугуна и железа	122
10. Жизнь подростков на фабрике	128
11. Положение рабочих (80-е годы)	129
12. Рабочее движение	132
13. Рассказ рабочего П. А. Мосеевца о Морозовской стачке 1885 г.	141
14. Рассказ рабочего о стачке на ткацкой фабрике Кожевникова, 30-го мая—12-го июня 1896 года	143
15. Вой за правду	147
16. Первая маевка в Москве	149
17. Саратовская демонстрация	152
18. Митинг	155

В. Социалистическое движение в России.

Вводная статья	160
1. Хождение в народ	163
2. Поселения	165
3. Халтурин в Зимнем дворце	166
4. Первое марта 1881 года	169
5. Первые рабочие кружки в Петербурге	171
6. Речь московского ткача Петра Алексеева на суде 10-го марта 1877 года	174
7. Северный союз русских рабочих	177
8. Группа „Освобождение Труда“	183
9. Союз борьбы за освобождение рабочего класса	185
10. Манифест Российской Соц.-Демокр. Рабочей Партии 1898 г.	188
11. Объявление об издании „Искры“	191
12. Что делать?	192

Г. Революция 1905 года.

Вводная статья	198
1. 9-го января	210
2. 9-го января	212
3. Мужик бунтует	214
4. Крестьянские волнения 1905 года	218
5. Первый крестьянский съезд	221
6. Временное революционное правительство	227
7. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства	235
8. Октябрьская забастовка	238
9. Депутация от Совета Рабочих Депутатов в Гор. Думу	240
10. Петербургский Совет Рабочих Депутатов	246
11. Петербургский Совет Рабочих Депутатов	249
12. О советах	250
13. Воззвание к матросам и солдатам 1-го ноября 1905 года	251
14. Красный флот (в Севастополе)	252
15. Нелегальная типография Ц.К. большевиков	257
16. Как печатались „Известия“	259
17. Финансовый Манифест	261
18. Движение вкладов Государственной Сберегательной Кассы за декабрь 1902—1905 гг. (в тысячах руб.)	263
19. Пятый год в Москве	264
20. Декабрьское восстание в Москве	269
21. Декабрьское восстание	274
22. Красная Пресня	275

IV. Мировая война и революция 1917 года.

А. Империалистическая Россия.

Вводная статья	278
1. Крестьянство после революции 1905 года	280
2. Промышленное развитие России после революции 1905 года	289
3. Рабочее движение	293
4. Ленский расстрел 4 апреля 1912 года	295
5. Рабочая пресса	298
6. Русский империализм	301
7. Империализм и мировая война	302
8. Крах второго Интернационала	306
9. Отношение русского пролетариата к войне	308
10. Манифест Р.С.Д.Р.П. большевиков о войне	310

Б. Революция 1917 года.

Вводная статья	312
1. Экономическое влияние войны	316
2. Февральская революция	320

	<i>Стр.</i>
3. Февральская революция 1917 года	323
4. Первое заседание Петербургского Совета	326
5. Арест Николая II Петербургским Советом	329
6. О задачах пролетариата в данной революции	333
7. О двоевластии	335
8. Июльские дни 1917 года	336
9. Перед Октябрем	338
10. Аграрное движение	339
11. Настроение армии	343
12. Перелом в настроении города	344
13. Письмо в Ц.К. и М.К.Р.С. Д.Р.П. (6.)	346
14. 25 октября 1917 года	347
15. Октябрь в Петрограде	351
16. Как они „умирали“ за Керенского	355
17. Октябрь в Москве	356
18. Октябрь на фронте	364
19. Союз рабочих и крестьян	366
20. Советская Республика, как политическая форма диктатуры про- летариата	370

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Задача изучения истории в совпартшколах первой ступени—дать учащимся возможность приобрести умение исторически осмыслить явления современной жизни, усвоить навыки сознательного подхода к окружающему в текущей работе и к сознательному социалистическому строительству, обусловленному прошлым и настоящим.

Отсюда задача настоящей хрестоматии облегчит работу преподавателя и дать ему подобранный материал для сознательного понимания русского исторического процесса. При чём материал дается такой, в котором особенно ощутительно проявляется закономерность этого процесса и отчетливо обрисовывается борьба классов, за которой ясно выделяется основная движущая сила истории—развитие производительных сил.

Для достижения этой задачи составители сосредоточивают, в соответствии с программами, главное внимание на XIX и XX в.в., захватывая предыдущие два века—XVII—XVIII—лишь постольку, поскольку это необходимо для выявления всего процесса в целом.

Сообразно с основной задачей стоит и расположение материала. Прежде всего, дается материал для вступительной беседы, направляющей внимание на основные факты современности—империалистическую войну и революцию—с целью выяснить, в чем заключается особенность этой войны и нашей революции в отличие от предыдущих войн и революций, в чем различие крестьянских революций от рабочих революций, из-за чего происходит борьба классов и как она выражается в борьбе государств¹⁾.

Когда заложена основа понимания процесса, тогда дается материал по революционному движению XVII в. и характеристика XVIII в.—этого века диктатуры дворянства и господства крепостного хозяйства.

Далее следует отдел, посвященный зарождению буржуазного строя и характеристике аграрного вопроса и рабочего движения во вторую половину XIX в. и в начале XX в.

¹⁾ Для этой же цели может быть использован материал из статей 3-го отдела.

в связи с ростом промышленного капитализма. После этого обрисовывается выросшее на этой почве социалистическое движение и революция 1905 г. Наибольшее внимание уделено эпохе империалистической России и, главным образом, империалистской войне 1914—1918 г.г. и нашей революции 1917 г. по преимуществу в ее октябрьской фазе.

Материал, который предлагает хрестоматия, чрезвычайно разнообразен. Здесь даны связанные статьи из специальных исследований, живые картины быта и описания современников, очевидцев и участников, литературные произведения и статистические данные ¹⁾.

Отрывки взяты не целиком, а с купюрами, сделанными в интересах краткости для большей выпуклости и яркости. Но при всем разнообразии видов отрывков в хрестоматии проведена твердая система, и там, где не было возможности показать в самих отрывках связь процесса, на помощь читателю являются вводные статьи, которые вскрывают невыявленное, дополняют недосказанное и вводят в понимание процесса.

Во втором издании произведена некоторая перестановка статей в интересах большей стройности материала и сделаны некоторые добавления. В первой части взяты отрывки из манифеста Пугачева, для второй половины XIX в. дана картина завода из Куприна, из «Записок степняка» Эртеля извлечено изображение безвыходного положения крестьянина, эксплуатация кустаря торговым капиталом из Короленко, далее—несколько картин-иллюстраций рабочего движения. Революция 1905 г. дополнена рядом отрывков, показывающих сущность тогдашних разногласий между большевиками и меньшевиками. В последнем отделе дана статья, характеризующая деревню после революции 1905 г., и ряд картин февральской и октябрьской революций.

¹⁾ Дополнительные данные по статистике революционного движения в России и роста пролетариата можно найти в изданных „Красной Новью“ „Наглядных пособиях по истории революционного движения в России и РКП“, составленных М. Коваленским, Ст. Кривцовым, Е. Морозовым и Н. Тарасовым под ред. Н. Лахаянца и состоящих из следующих 10 таблиц: 1—Рост промышленного пролетариата, 2—Денежная и реальная заработная плата, 3—4—(две темы) Стачечное движение в России, 5—Профессиональное движение в России, 6—8 (три темы) Крестьянское движение в России, 9—Рост числа членов РКП и 10—Партийный состав съездов Советов РСФСР.

Программа по истории для совпартшкол I-й ступени.

Вступительная беседа.

Корни нашей современности в прошлом.

I. Дворянская Россия XVIII в.

1. Революционные движения 300—150 лет тому назад.

Крестьянская революция 300 лет тому назад. Чего желал холоп Болотников. Объединение против крестьянского движения торгового класса и дворянства. Неудача этого движения и Разиновского. Пугачевщина. Пугачев и казачество. Пугачев и Уральские горнорабочие. Пугачев и крестьянство. Программа пугачевщины. Причины первоначального успеха Пугачева. Связь движения с развитием крепостного хозяйства.

2. Рост торговли и промышленности в России и Зап. Европе.

Промышленный переворот в Англии. Хлебные цены. Русский хлеб и русский помещик. Крепостное право и его обострение в связи с мировой торговлей продуктами сельского хозяйства. Заинтересованность в сбыте продуктов сельского хозяйства и нажим на крепостной труд. Число помещиков, крестьян, рабочих. Господствующая роль дворян. Возможность для дворянства достигнуть удовлетворения своих интересов, несмотря на малочисленность класса, благодаря его политической власти в центре и силе на местах.

II. Зарождение буржуазного строя в России.

1. Возникновение промышленного капитализма в России.

Развитие текстильной индустрии в первой половине XIX в. Чем отличалась новая фабрика от крупной промышленности XVIII в. (машина и вольно-наемный труд). Условия, тормозившие развитие капиталистической промышленности: узость внутреннего рынка и недостаток свободных рабочих рук. Связь этих условий с крепостным правом.

2. Кризис крепостного хозяйства.

Развитие хлебного рынка (внешнего и внутреннего). Слабая производительность крепостного труда и напряженность крестьянских повинностей. Крестьянские волнения в 1-й половине XIX в. Положение крепостного хозяйства и борьба различных групп дворянства вокруг крестьянской реформы. Компромисс между крупной земельной знатью и средним дворянством при проведении крестьянской реформы. Пережитки крепостного строя. Что дала крестьянам реформа.

Рост пролетариата как одно из последствий реформы.

III. Буржуазная Россия.

1. Аграрный вопрос во второй половине XIX в. и в начале XX в.

Расслоение крестьянства и зарождение капиталистических отношений в деревне. Разорение и обнищание крестьянской массы, вызванное условиями освобождения крестьян и непомерной тяжестью прямых и косвенных налогов. Сохранение крепостнических и полукрепостнических отношений в деревне (голодная аренда, исполщина, отработка, правовые ограничения крестьян). Крестьянские движения 60—80 г.г. и начала XX в. Крестьянское законодательство конца XIX в. Сущность аграрного вопроса: противоречие между развивающимся капитализмом и пережитками крепостнических отношений. Необходимость коренного разрешения вопроса в интересах развития капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве. Связь этого вопроса с коренной реформой государственного строя.

2. Промышленное развитие России 1861—1905 г.г.

Железнодорожное строительство и расширение внутреннего рынка для русской промышленности. Приток иностранного капитала и пышный расцвет промышленного капитализма (90-е г.г.).

Усиление буржуазии и влияние ее на политику правительства (протекционизм), борьба за рынки сбыта и сырья. Тесный союз правящей группы крупных землевладельцев с крупной торгово-промышленной буржуазией. Укрепление самодержавного строя. Положение промышленных рабочих и развитие рабочего движения. Стачки 70 и 80 г.г. Стачечное движение 90-х г.г., его массовый характер. Политические забастовки и демонстрации начала XX века. Фабричное законодательство, как результат рабочего движения.

3. Развитие капитализма в Зап. Европе и рост рабочего движения.

Формы организации рабочего класса: профессиональные союзы и политические партии. Соединение классового рабочего движения с социализмом: К. Маркс и I-й Интернационал. Слабость рабочего движения и распадение I-го Интернационала. Возникновение II-го Интернационала и его характер. Революционное и оппортунистическое течения в нем.

4. Социалистическое движение в России.

Революционное народничество и его экономические корни. Переход к политической борьбе. «Народная воля». Зарождение социал-демократии в связи с развитием капитализма и рабочего движения. «Северо-русский рабочий союз», «Группа Освобождения Труда», Союзы борьбы за освобождение рабочего класса. Основание Р. С.-Д. Р. П. «Экономисты» и «Искровцы».

Социал-демократы и социалисты-революционеры. Раскол в социал-демократии. Большевики и меньшевики.

5. Революция 1905 года.

Русско-японская война и обострение отношений между царизмом и буржуазией. Земское движение. Обострение рабо-

чего движения в связи с войной. 9-е января. Октябрьская забастовка и декабрьское восстание 1905 г. Руководящая роль пролетариата в революции и организующее влияние социал-демократии. Аграрное движение, его неорганизованность и оторванность от рабочего движения. Уступки правительства под давлением революционного движения масс. Положение о Госуд. Думе и Манифест 17-го октября. Влияние развития массового движения на имущие классы: объединение помещиков и буржуазии в борьбе с революцией. Отражение интересов различных групп имущих классов в группировке политических партий: кадеты, октябристы, «Союз русского народа». Подавление рабочего и крестьянского движения. Аграрное законодательство Столыпина. Усиление роли крестьянского банка, переселения; закон 3 июля 1907 г. Что дала революция 1905 года.

IV. Мировая война и революция 1917 г.

1. Мировая война.

Экономическое развитие России после революции 1905 г., развитие синдикатов и трестов, зарождение финансового капитала, рост капитализма в сельском хозяйстве. Влияние неуспеха 1-й революции: незаконченность ликвидации крепостных отношений. Новая волна рабочего движения. Борьба за рынки сбыта для продуктов промышленности и капиталистического сельского хозяйства. Русский империализм и вопрос о проливах. Развитие финансового капитализма в других странах мира. Борьба за раздел мира между великими державами. Тройственный Союз и Тройственное Соглашение. Мировая война. Гражданский мир и социал-патриотизм. Крушение II-го Интернационала.

2. Революция 1917 года.

Интересы в мировой войне русской буржуазии. Обострение отношений между буржуазией и царским правительством под влиянием военных неудач. Хозяйственная разруха и обострение рабочего движения. Рост недовольства в армии. Февральская революция и падение царизма. Временное правитель-

ство и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Позиция кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Политика буржуазного министерства и его падение (апрельские дни). Коалиционное правительство, как замаскированная диктатура буржуазии. Бездействие коалиционного правительства в борьбе с хозяйственной разрухой и его внешняя политика. Бессилие его как против революции, так и против реакции (июльские дни и корниловская авантюра). Рост влияния большевизма в рабочих массах и в армии, развитие аграрного движения. Октябрьская революция и начало пролетарской диктатуры. Саботаж интеллигенции и гражданская война. Поддержка русской контр-революции со стороны мировой буржуазии. Советская Республика, как политическая форма диктатуры пролетариата. Образование Р. К. П. Влияние русской революции на развитие революционного движения в других странах. Возникновение III-го Интернационала.

Заключительная беседа.

Пособия.

- 1) Покровский. Русская История в самом сжатом очерке.
- 2) Н. Бухарин и Е. Преображенский. Азбука коммунизма.

Объяснительная записка к программе по истории для совпартшкол I-й ступени.

Исходным пунктом в построении программы является резолюция декабрьской Всероссийской Конференции работников совпартшкол, которая поставила задачей для совпартшкол I-й ступени поднять политическое сознание трудящихся и создать из них путем школы местных работников, элементарно-грамотных политически, могущих сознательно выполнять и проводить в жизнь мероприятия Советской власти в масштабе волости и уезда.

Задачей изучения истории должно быть: во-1-х, развитие у учащихся научного понимания истории, заключающего в

себе сознание закономерности хода исторического процесса, понимание сил классов и их борьбы (борьба классов), которые двигают этот процесс, и представлению об его основных этапах, и во-2-х, в результате этого—приобретение учащимися умения исторически осмысливать явления современной жизни.

Все это должно быть дано не в формах абстрактных, и потому чуждых пониманию мало подготовленных к отвлеченному мышлению слушателей, а в ясном конкретном виде, соответствующем их уровню.

Для разрешения этой большой и сложной задачи одним из главных условий, гарантирующим успех, является живой интерес со стороны слушателей совнартшколы. Пробуждение этого интереса—первый этап работы. Второй этап работы—приобретение учащимися умения исторически относиться к современной действительности (умение наблюдать, отбирать главнейшие факты и осознавать эти факты, как результат сложной борьбы классов).

Здесь предстоит серьезная работа, так как обычный недостаток большинства учащихся состоит в том, что они мало присматриваются и мало задумываются над окружающим и более чувствуют, чем дают себе отчет в происходящем, почему и не ищут его корней и причин. В противоположность этому надо развить понимание зависимости настоящего от исторического развития общества в прошлом и умение четко наблюдать и осмысливать настоящее.

Чтобы достигнуть этого, нужно: 1) непременно начинать, и, по возможности, продолжать изучение и осмысление исторических явлений на конкретном и живо затрагивающем учащихся материале окружающего и современного.

2) Углубляясь в прошлое, всегда иметь в виду настоящее, контрастирующее и сходное, все прошлое изучать не само по себе, не оторванно от настоящего, а отмечая в нем корни и зачатки современности.

3) Фактов брать немного и давать их, по возможности, ярче и выпуклее.

4) Там, где недостает материала в окружающей жизни, черпать яркие и сильные картины из художественной литературы как современной, так и той эпохи, которая изучается.

5) Только значительные и уже хорошо схваченные факты подвергать детальному научному анализу.

6) При ограниченности времени, при углубленности изучения, при ударении на современность нельзя заходить в даль веков, нельзя разбрасываться по истории всех стран и всех народов. Надо материал сгущать, почему материалом следует брать русское прошлое и при том не далее XVIII в.

Центром изучения являются вторая половина XIX века и начало XX столетия. Стержень, на котором строится его изучение—эволюция аграрных отношений и развитие промышленного капитализма в России. Это даст базу, на которой должно строиться ознакомление учащихся с капитализмом и социализмом.

Но этот русский материал не может быть рассматриваем, как исключительно русское явление. Осмысленное изучение русской истории XIX и XX веков немыслимо, если одновременно учащиеся не получают ясного представления о том, что этот процесс есть лишь частный случай общего развития человечества.

В соответствии с таким объемом и характером материала, программа распадается на следующие части: вступительная беседа, посвященная нашей современности; затем систематическое рассмотрение корней современности в прошлом и заключительная беседа, которая подводит итоги и выводит задачи настоящего и будущего.

Во вступительной беседе внимание направляется на самые крупные факты современности: на мировую войну, революцию 17 г., гражданскую войну, или на факты современной жизни, как она сложилась после революции, и при том только на то во всем этом, что пережито и перечувствовано самими слушателями.

Тема вступительной беседы может быть разработана в нескольких вариантах. Примерный план этой первой беседы может быть таков:

1) Наша современность. Мировая война и революция 17 г. Как было принято известие о войне? Как провожали отправлявшихся на войну? Как встречали вести о победах и поражениях? Как отразилась война на нашем районе? Изменилось ли что-нибудь в деревне, в городе? Лучше ли

стало жить? Как была встречена весть о низвержении царизма? Что было после? Как отнеслись к Октябрьской революции и декретам о национализации земли и фабрик и заключению мира? В чем отразилась Октябрьская революция у помещика, у крестьянина и у рабочего на фабрике? Как возникли Совдепы?

2) Первая ли это революция? Похожа ли эта война на другие? Отчего происходят войны и революции? На кого работал крестьянин и рабочий? Что получал помещик и фабрикант? Как жил крестьянин и рабочий? Борьба классов между собой. Крестьянские и рабочие революции. Борьба государств из-за торговых и промышленных интересов. Какому классу и почему особенно выгодна война?

Первая беседа может строиться и иначе: в самой современности можно взять не войну и не революцию с их переживаниями на местах, — а факты современной культуры, хозяйственной, социальной и политической, и исходить из них.

Современная жизнь складывается в общем из трех составных частей, из фактов трех исторических формаций: 1) из пережитков крепостного строя, наследия крепостничества в жизни русской деревни; 2) из фактов торгового, промышленного и финансового капитализма, переплетающихся в окружающей действительности и наблюдаемых в жизни современного города; 3) из тех фактов, в коих намечаются элементы будущего социалистического строя.

Беседа должна начаться с выяснения того, что известно самим учащимся об этих трех рядах фактов, о жизни деревни с ее полевыми работами и аграрными отношениями, о жизни фабрики, лавки, базара и банка, или о внешней культуре города: о распределителях и кооперативах, советах и исполкомах; о взаимных отношениях современного города и деревни. В беседу вводятся новые факты, неизвестные, может-быть, учащимся, для пополнения картины.

Вся цель беседы, весь ее уклон — подвести к вопросу, всегда ли так было, и как было раньше? Весь смысл ее — возбуждение интереса к исканию корней современной жизни в прошлом.

Этому поможет сопоставление фактов трех различных исторических формаций.

В живой непринужденной беседе путем постановки последовательного ряда вопросов о том, что пережито учащимися, можно исследовать почву и характер их интересов, определить объем и качество знаний, степень наблюдательности и вдумчивости слушателей. В то же время эти вопросы оживляют пережитое и пережитое, что и служит основой для дальнейшей работы и, для поднятия интересов к окружающему и искания его корней в прошлом.

В основной части курса последовательно выявляются важнейшие моменты из жизни рабочих и крестьян в эпоху дворянского и буржуазного государства, этапы борьбы 1905—17 г.г., при чем выдвигается всюду движущая сила экономических условий.

В заключительной беседе на основе всей предшествовавшей работы делаются обобщающие выводы; определяются, путем анализа проработанного, главные моменты классовой борьбы в прошлом и отсюда, как неизбежное, выступают основные задачи настоящего и будущего, которые предстоит нам разрешить и которые нужно проводить сознательно в жизнь в виде тех или иных мероприятий в масштабе волости и уезда.

Примерный план заключительной беседы может быть таков:

За что идет борьба? Капитализм и коммунизм. Главные моменты борьбы. Разрушение буржуазного строя. Социальная революция. Диктатура пролетариата. Конечная цель коммунизма: уничтожение классов, отмирание государства, как орудия классового господства, прекращение войн, мировое объединение народов.

Программа не дает обязательной схемы. Она выдвигает необходимость использования личных и местных переживаний, она намечает один из способов. Разработка может быть сделана каждым работником в зависимости от тех условий, которые найдутся в данный момент в данной местности. В местности сельской—один уклон (обратить больше внимания на историю земельных отношений), в местности

промышленной—другой (развитие промышленного капитализма и рабочего движения).

Чем соответственнее условиям будет приспособлена программа, тем она даст больше результатов. Обязательным должно остаться сосредоточение внимания на современности и на зависимости ее от предшествовавшей аграрной эволюции и развития капитализма и рабочего движения в России.

Материалы для вступительной беседы.

1. Крестьянские и рабочие революции.

Теперь во всем мире происходит революция: рабочие стремятся свергнуть власть буржуазии, т.-е. тех, кто этих рабочих эксплуатирует, другими словами—тех, кто наживает-ся на их счет, заставляет их работать как можно больше, а платит им за эту работу как можно меньше, кладя в свой карман всю разницу, которая существует между ценой вещи, сделанной рабочим, с одной стороны, и платой, которую он получает за работу,—с другой. Спрашивается: что же, эксплуатация существует только в настоящее время, а раньше знатные и богатые не эксплуатировали простой народ? Нет, эксплуатация всегда была. Раньше, чем возник теперешний порядок буржуазного общества, с его фабриками, заводами, банками, железными дорогами и т. д., существовало феодальное общество, существовало крепостное право, и тогда не фабриканты отнимали у рабочих все то, что они вырабатывали, платя им за это гроши, а помещики отнимали у крестьянина плоды его труда, не платя ему за это совсем ничего. Были ли тогда восстания эксплуатируемых против эксплуататоров? Были ли тогда революции, похожие на теперешнюю? Были и тогда, но они были всегда неудачны. Почему? Потому, что крестьяне не могли между собой столкнуться, не могли организовать-ся, т.-е. образовать одно большое целое, которое действовало бы по общему плану. А почему так было? Потому, что крестьяне ра-

ботаю каждый на своем участке, сравнительно редко помогая друг другу, а когда продают произведения своей земли, тогда уже являются соперниками друг другу. Чем меньше на рынке овощей, сена, хлеба и т. д., тем все это дороже и тем, значит, выгоднее каждый крестьянин может все это продать. Чем больше всего этого, тем все дешевле и тем, значит, каждому отдельному крестьянину за его продукты достанется меньше. У крестьянина, таким образом, не может развиться сознание, что все люди должны держаться вместе, что все они друг с другом связаны, не могла развиться, как говорят, употребляя иностранное слово, солидарность. Рабочие, напротив, работают на фабрике все вместе, локоть к локтю, постоянно получают помощь друг от друга в этой работе. Один рабочий ничего не может сделать без других, и всякий должен помогать каждому. В рабочем классе, таким образом, развивается солидарность, которой нехватает крестьянам. Вот почему рабочие лучше и легче организуются, нежели крестьяне. Вот почему рабочие революции гораздо сильнее, гораздо дружнее тех крестьянских восстаний, которые были в прежнее время. Крестьяне не могли справиться с теми, кто их эксплуатирует. Крестьянские восстания постоянно были неудачны. Крестьянам никогда даже не удавалось овладеть властью; тогда как рабочие уже обладают властью в одной из больших стран, именно в России, и находятся на пути к этому в целом ряде других европейских стран.

Таким образом, наблюдая то, что происходит теперь, или то, что происходило сравнительно недавно, мы замечаем правильность в исторических переменах—именно, что история движется людьми определенных занятий и изменяется, смотря по тому, какой класс общества делает историю, т. е. производит те или другие общественные перемены. Мы видим, что когда массы народа состояли из крестьян, история шла иначе, чем теперь, когда во главе движения идут рабочие.

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке» III. Ч. I и II, 2 изд., стр. 7—8).

2. Борьба классов.

Как же образуются классы? Почему раньше производство все было в руках крестьян, почему в то время не только хлеб или лен, или шерсть получались из деревни, где каждый работал на своем участке, но также и башмаки, и платье, все это изготовлялось отдельными ремесленниками, каждый из которых сидел в своей каморке и работал у себя на дому, тогда как теперь мы имеем огромные фабрики обуви, огромные магазины готового платья и т. д. Потому, что в то время человек должен был все делать своими руками. Машин не было или почти не было. Были только машины, приводившиеся в движение водой, как, например, мельницы. Но таких было очень немного. 200 лет тому назад человек начал строить машины, приводимые в движение сначала паром, потом электричеством и теплотой, теперешние керосиновые и т. п. двигатели. С тех пор, как появились машины, стало возможно производить всякого рода вещи в гораздо большем количестве, гораздо скорее, чем это делалось раньше. Достаточно одного примера: когда хлопок очищали руками, нужен был целый рабочий день, чтобы очистить один фунт хлопка; теперь, когда хлопок очищают машиной, в один день один рабочий может очистить 100 фунтов.

Тогда невыгодно стало работать в одиночку, потому что каждому рабочему заводить машины было бы невозможно, и рабочие стали собираться огромными массами около этих машин. Так возникло крупное производство, возникли фабрики. Те, кому принадлежали машины, предприниматели или буржуазия, и стали хозяевами всего дела. Давая возможность рабочим работать на машинах, они отнимали у них все то, что те производили, и давали им за это грошовую плату, как указано выше.

Так образовался класс рабочих, который работал не у себя дома, а в чужом доме, и не своими руками, а при помощи машин, которые ему не принадлежали. Образовался пролетариат. Значит, чем объясняется возникновение того или другого общественного класса? Оно объясняется тем, как ведется хозяйство. Прежде хозяйство было мелким, вся-

ний работал в одиночку, — это было одно устройство общества. Потом стали работать все сообща, и получилось другое устройство общества. В основе всех перемен лежит, таким образом, перемена в хозяйстве, перемена экономическая.

Что же заставляет человека заниматься хозяйством? Это понятно само собой всякому, и не приходится над этим много думать. Достаточно посмотреть на то, что производилось в прежнее время крестьянами и производится теперь фабриками и заводами, чтобы понять все это. Крестьянское хозяйство производит хлеб, мясо, шерсть, лен, всякое, одним словом, сырье, которое необходимо нам для того, чтобы питаться и одеваться. Фабрики из этого мяса делают консервы, делают одежду, делают обувь, — словом превращают сырье в такую форму, при которой нам удобно им пользоваться. Все это, в конце-концов служит к поддержанию человеческой жизни. Человек, таким образом, хозяйствует для того, чтобы иметь возможность существовать. Это, повторяю, нечего объяснять и доказывать, это всякий маленький ребенок сам понимает. Но если в основе всех исторических перемен лежат перемены хозяйственные, то это значит, что работать человека заставляют его потребности, его, как говорится, материальные потребности, стремление спасти себя от голода и холода.

Раньше история объяснялась нам иначе. А именно: все перемены, которые происходили в человеческом обществе, объяснялись из перемен, которые происходили в уме людей, имеющих власть и богатство. Изображали дело таким, например, образом, что вот прежде люди не размышляли над тем, почему и как сложился тот или другой порядок в обществе, а послушно подчинялись этому порядку. Тогда и не было революций. А появились люди, которые начали критиковать это общество, т. е. находить в нем разные недостатки, и они внушили массе сомнение в том, что этот порядок правилен. Масса послушалась этих агитаторов и зачинщиков и стала бунтовать. Так, по мнению буржуазии, начались революции.

Одним словом, в истории дело представлялось буржуазии так же, как оно идет на фабрике или в магазине: хозяин рассуждает, придумывает и приказывает; рабочие или приказчики слушаются.

Нетрудно видеть ошибочность этого объяснения. В самом деле, если бы не было того, о чем мы говорили выше, если бы эксплуататоры рабочего класса, капиталисты, не отнимали бы у рабочих произведения их труда или платили бы за эти произведения столько, сколько они стоят, то какие же агитаторы смогли бы заставить эту рабочую массу бунтовать? Ведь, если при помощи агитации, при помощи словесного или письменного убеждения можно поднять бунт, то можно поднять бунт среди всякого класса и, стало-быть, с одинаковым успехом можно было бы взбунтовать и буржуазию, как рабочих. Даже буржуазию легче было бы взбунтовать, потому что она, как более образованная, легче может понять всякую агитацию. Почему же сейчас такой агитации поддается самый бедный и, значит, самый невежественный класс, а образованная буржуазия всюду против революции, и, что бы ни говорили агитаторы, она их не слушает и от них отворачивается. Потому что для буржуазии эта агитация невыгодна; потому что она идет в разрез с ее материальными интересами. И вот, защищая эти материальные интересы, защищая свое право сидеть на чужой спине, сладко есть и пить, жить в хороших домах и т. д., буржуазия не только не слушает агитаторов, но если где ей попадется в руки агитатор, она его расстреливает или вешает и яростно борется против рабочих, стремящихся к лучшей жизни.

Итак, во-первых, история движается при помощи борьбы классов, классов угнетенных, эксплуатируемых, крестьян и рабочих, с классами, которые угнетают и эксплуатируют — помещиками и буржуазией. Во-вторых, эта борьба классов движется материальными интересами, т.-е., в конце-концов, потребностью человека в пище, одежде, жилище, топливе и т. д. Люди стремятся удовлетворить эти потребности, и нужно стремиться, чтобы эти потребности удовлетворялись возможно справедливо, т.-е. чтобы все земные блага между всеми распределялись в меру их потребности, — это и стремятся осуществить социалисты.

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I и II, стр. 8—10).

3. Мировая война и революция 1917 года.

15 июля 1914 г. произошло военное столкновение между Австрией и Сербией. Через два дня, 17 июля, к Австрии примкнула Германия, а к Сербии—Франция и Россия, затем Англия, Япония и, наконец, Америка и другие государства. Всего в войне приняли участие 14 государств, почему эта война и получила название мировой.

Россия выставила на фронт до 10.000.000 солдат. Ее расходы на войну в первые месяцы достигали сначала 8 миллионов в день, потом 10, 15, 30 и 100 милл. в день (на тогдашние деньги).

Производство было приспособлено к нуждам войны: 80% всего производства текстильной промышленности и 60%—металлургической; почти вся химическая промышленность служила войне и поглощалась ею.

Началось быстрое истощение страны, невероятный рост дороговизны. К полному оскудению вели все новые и новые наборы в армию.

При таком падении производительных сил и расточении народных богатств стало расти стихийное недовольство народных масс, разворачивалась классовая борьба все более нищавших и все более обогащавшихся.

Нарастало сознание неизбежности идти напролом.

Сначала сознание необходимости революции было в сравнительно небольших группах социалистов.

По мере разворачивания событий сознание охватывало все большие круги. В середине третьего года войны, 27 февраля 1917 года, произошел революционный взрыв.

Самодержавный строй пал, но задачи революции не были решены. Война, капиталистическая политика, буржуазный строй оставались.

Для измученных крестьян и рабочих нужно было свержение буржуазии и борьба с капиталистической войной.

Движение все назревало и вылилось в Октябрьскую революцию 1917 г., когда власть перешла в руки рабочих и крестьян. Эта революция и началась 25 октября 1917 г. в Петрограде, охватила Москву и затем распространилась на всю страну.

1. Дворянская Россия XVIII в.

1. Господствующая роль дворянства.

А. Дворянское управление.

Со вступлением на престол Елисаветы, дворянство, возведшее ее, взяло управление в свои руки. В чем же заключалось дворянское управление России, начавшееся 25 ноября 1741 года и оборвавшееся 6 ноября 1796 года, почти ровно через 50 лет, в день смерти ее невестки Екатерины II?

В нем легко подметить две полосы: одна, которая все сводила к избавлению шляхетства от тягостей, наваленных на него службой. Эта полоса охватывает царствование Елисаветы и Петра III—ее кульминационным пунктом является манифест о вольностях дворянства 18 февраля 1762 г., освобождающий совсем дворянство от обязательной службы. С этого момента пассивная оборона может считаться достигнувшей своей конечной цели: тягости со шляхетства были страхнуты. Одержанная социальная победа пробуждает политические инстинкты; дворянство скоро недовольствуется этим; оно хочет организовать все государство заново и по-своему. У него оказывается теперь программа. Выполнение этой программы и споры около нее наполняют вторую полосу дворянской политики; межевыми камнями этой полосы можно поставить 1767 г., год созыва Екатерининской комиссии, и 1785 г.—издание жалованных грамот дворянству.

Центром дворянского управления был елисаветинский сенат. Такое значение сената было тесно связано с сосредоточением в столице массы дворян: сенат был орудием со-

циальной политики гвардии, как лейб-компания—орудием ее придворного влияния. В сенат вошло все, что было по-виднее среди шляхетства.

Особенно характерна для елисаветинского сената его власть над армией. Обе воинские коллегии были обязаны строгою ответственностью перед сенатом в денежных суммах, находившихся в их распоряжении... По его (сената) распоряжению формируют новые полки. Он заботился об образовании молодежи, приготовляющейся к военной службе... Укомплектование полков и наборы вполне находятся в его распоряжении... Обмундирование и продовольствие армии находилось под его руководством: точно то же следует заметить и о вооружении армии. Образцы оружия обыкновенно присылались в сенат, который уже распоряжался о сделании оружия по этому образцу для всей армии. Общий бюджет армии составлялся в сенате, который, по представлению воинской коллегии, распределял сумму на военные расходы. И в этой области классовое значение сената успело сказаться достаточно рельефно. Рекрутчина брала у помещиков много рабочих рук: сенат заботился о сохранении рекрутских наборов такой пропорции, чтобы и «армия была укомплектована, и умножался бы народ к земледелию». Сенат чрезвычайно энергично боролся с попытками крепостных самовольно поступать в армию, которые петровским законодательством прямо поощрялись. Опираясь на петровские указы, дворовые «порознь и целою толпой» стали подавать Елисавете просьбы о принятии их в военную службу. «За таковое их вымышленное и противное указам (!) дерзновение учинено им на площади с публикою жестокое наказание: которые подавали челобитные не малым собранием, тех били кнутом, и нущие из них заводчики сосланы в Сибирь на казенные заводы в работу вечно, а которые подавали челобитные порознь, тех били плетью, других батогами и по наказанию отданы помещикам». В то же время для самих дворян служба всячески облегчалась. При Елисавете было отменено правило Петра, согласно которому недорослей, не явившихся к смотру, отдавали «вечно» в солдаты и матросы. Одновременно с этим при Елисавете окончательно укореняется обычай, не нашедший себе вы-

ражения в законодательстве, но который для дворян был полезнее всех писанных законов по этой части: обычай записывать в службу детей. Фактически дети, разумеется, не служили, и нередко на руках у няньки уже пробегали первые ступеньки военной иерархии. Пяти- и семилетние капралы и сержанты к началу их действительной службы бывали уже офицерами, и пожелание шляхетства, чтобы дворянских детей в нижние чины не отдавать, осуществлялось при помощи такого обходного движения без дальних хлопот и без помощи кадетского корпуса.

Но настоящей сферой дворянской политики Сената должны были стать финансы. Именно, донесения иностранных дипломатов от самого начала царствования сохранили нам чрезвычайно любопытный проект—совершенного уничтожения подушных путем замены их увеличением соляного налога. Стремление к упразднению номинально крестьянского, а на практике дворянского налога (упомянутый нами иностранный дипломат необычайно точно определяет подушные, как «подать, платимую каждым помещиком со своих крестьян») составляет постоянную тенденцию финансовой политики Елизаветы, притом тенденцию сознательную. Душа этой политики, тот же П. И. Шувалов, писал Сенату в 1758 году: «Народ есть главная сила государственная, и потому надобно желать, чтобы народ, положенный в подушный оклад, от сего платежа совсем был свободен». Это звучало очень красиво—и как нельзя быть больше отвечало интересам помещиков. На практике возможно было, конечно, не достижение идеала, а только более или менее близкое к нему приближение. При вступлении Елизаветы на престол подушный оклад был уменьшен на 10 коп., на два следующие года—1742 и 1743, что должно было оставить в карманах помещиков около миллиона рублей (9—10 миллионов довоенных). В 1752 году подушный оклад вообще был уменьшен на 81,4 копейки, а манифестом 15 декабря этого года запрещена вся недоимка подушного сбора с 1724 по 1747 г.—более двух с половиной миллионов рублей (20—25 довоенных).

Несравненно больше значения, нежели все частные льготы, имела назначенная, по представлению сената, новая ре-

визия. Мотивировка ее не оставляет ничего желать по своей социальной выразительности. Сенат просил императрицу учинить ревизию для «удовольствия всех помещиков и пресечения доныне происходящих непорядков и в платеже отбывательства и запущения впредь недоимок... и на будущее время производить ее через 15 лет, чем все непорядки... пресекутся, а бедные и неимущие помещики, кои сами и жены и дети в доимках под караулом содержатся и помирают, от такого бедствия освободятся». Даже крупнейшая финансовая реформа царствования—уничтожение в 1753 г. внутренних таможен—рассматривалась проводившими ее с той же точки зрения, хотя и начинали с указания на то, какие обиды терпит от устаревшей таможенной системы крестьянство, на те мытарства, которые приходится испытывать крестьянину, везущему «на продажу от Троицы в Москву воз дров», но дрова эти чаще всего были барские—или из вырученных на них денег крестьянин должен был заплатить барский оброк.

Естественно является вопрос—кто же расплачивался за все эти льготы в пользу шляхетства, льготы, которые должны были образовать порядочную брешь в государственном бюджете: одно упразднение внутренних таможен должно было уменьшить доходы казны на миллион почти рублей. Конечно, «народ». Упразднение внутренних таможен было покрыто огромным повышением внешних таможенных пошлин—в $2\frac{1}{2}$ раза. Большую часть заграничного привоза все еще составляли, если не предметы роскоши, то, во всяком случае, предметы потребления высших классов. Но эти последние жили или крестьянским трудом или крестьянским оброком. Рост этого последнего в елисаветинское царствование достаточно показывает, что положение «народа» не облегчалось с облегчением платежей, падавших так или иначе на помещика. Возьмем один пример: в Загарской волости, Московского уезда, крестьяне платили своему барину в 1740 годах 300 руб. оброку, в начале 1750 г. уже—2.300, в 1766—3.900 р.

Но и все другие финансовые эксперименты сводились к

такому же переложению податного бремени с плеч дворянства на плечи других классов—и в первую голову крестьянства.

Увеличение дохода от винной монополии дало блестящие результаты: от продажи вина удалось сэкономить 750.000 рублей, на которые был основан первый в России дворянский банк.

(Покровский, М. Н. «Русская История». 1922 г., т. III, стр. 85—90).

Б. Сила дворянства в деревне.

Силен был помещик-дворянин в деревне. Елисаветинский дворянин был настоящим «государем в своем имении». Центральная власть, еще недавно, при Петре, довольно энергично вмешивавшаяся во внутренние отношения вотчины, незаметно отходит в сторону. Указ 1719 года, предписывавший отдавать в монастырь «под начал для исправления» тех дворян, которые разоряют крестьян своих вотчин, был, собственно, единственной юридической сдержкой помещичьего произвола на весь XVIII век, но и о ней предшественники Екатерины II, повидимому, совсем забыли. Зато с необычайной последовательностью практика проводит точку зрения на крестьянина, как на «подданного» своего барина. Уже один из указов конца петровского царствования требует от ушедшего в город на заработки крестьянина паспорта, выданного помещиком и визированного, так сказать, представителями центральной власти—земским комиссаром и полковником. В случаях недальней отлучки или когда правительство по тем или другим причинам желало облегчить крестьянский отход,—так было, например, по отношению к судорабочим,—визы правительственных агентов не требовалось, и достаточно было разрешения одного помещика: точно так, как и теперь в пограничных местностях, для облегчения сношений упрощают паспортные формальности.

- Елисаветинский закон (1760) предоставил помещикам право налагать на своих крестьян одно из самых тяжких уголовных взысканий—ссылать их в Сибирь. Как бы для того, чтобы подчеркнуть характер помещичьего господства,

на решение барина в этом случае не разрешалось апелляции. В то же время, чтобы барин не потерпел материального ущерба от результатов своей расправы, сосланный зачислялся ему в рекрута. «Вследствие позволения, данного дворянству, произвольно, по своему усмотрению отправлять в ссылку ему подвластных, при чем суд даже не может спросить о причине ссылки и исследовать дело, ежедневно совершаются самые возмутительные дела», писал Екатерине II новгородский губернатор Северс в 60-х годах.

Помещичьи права, юридически, были ограничены лишь в одном пункте: права жизни и смерти над своими крестьянами помещик никогда не получал.

Предполагалось подвергать помещика судебному преследованию за убийство крепостного в том случае, если он совершил это убийство лично, притом не случайно, а с заранее обдуманном намерением. Если же крепостной умирал от последствий жестокого наказания, назначенного барином, но исполнявшегося другими людьми (крепостным кучером, например), проект возлагал ответственность на этих последних. На практике помещики запарывали своих крестьян насмерть чуть не ежедневно, и никто в это не вмешивался. Даже когда свирепые наказания не вытекали естественно из уголовной юрисдикции помещика, а являлись просто любительским мучительством, на них смотрели сквозь пальцы: дело об известной «Салтычихе» начиналось двадцать один раз без всякого результата. Когда уже дело рассматривалось в юстиц-коллегии, челобитчики на Салтыкову, ее крепостные, были, по распоряжению сената, наказаны плетью: так строго сенат соблюдал правило, неоднократно подтверждавшееся в течение XVIII века, — что на барина государю бить челом нельзя. За границу помещичьего государства центральная власть могла проникнуть или по собственному почину или по почину самого помещика: но для подданных этого последнего государство кончалось его барином: идти дальше без позволения барина они не смели.

Пытка в государственной практике начала отживать в то

время: ее применяли теперь только при политическом розыске да при следствии по важнейшим уголовным делам. В помещичьем государстве пытка продолжала процветать, и находились особые любители заплочного мастерства. Уже в начале царствования Екатерины один орловский помещик, Шеншин, устроил у себя в деревне форменный застенок со всеми приспособлениями—дыбой, клещами и т. д. У Шеншина «работало» иногда до 30 человек палачей и их помощников. Пытали не только крепостных, но и свободных: однодворцев, канцеляристов, даже священников: на пытке одного купца и сорвалось все дело: купец пожаловался, и, так как он был не крепостной, начался процесс. Священника Шеншин пытал, подозревая в том, что тот давал его дворовым «чародейский корень», чтобы извести барина. Другой помещик пытал своего крестьянина, его жену и сына по подозрению в том, что они его испортили. Любители пытки были, сравнительно, редкостью, но это отнюдь, однако, не были какие-либо изверги. Бить крепостного считалось настолько нормальным делом, что этим не гнушались представители тогдашней интеллигенции, притом,—что особенно интересно,—они сами потом рассказывали о своих подвигах, как о деле вполне обычном. Болотов, автор известных мемуаров и автор книжки «Путеводитель к истинному человеческому счастью», изданной Новиковым, сам рассказывает, как он истязал своего крепостного столяра, подвергая его сечению в несколько приемов,—чтобы не засечь до смерти,—а в промежутках держа его на цепи. Он довел этим самым столяра до самоубийства, одного из его сыновей—до покушения на самоубийство, а другого—до покушения на убийство самого Болотова: но даже этот трагический исход не навел Болотова на мысль, что он совершил нечто ненормальное: напротив, ненормальными людьми «сущими злодеями, бунтовщиками и извергами» оказались у него замученные им крепостные, хотя он сам признает, что раньше сыновья столяра были хорошими работниками.

Нет ничего удивительного, что помещик, потерявший способность видеть в крестьянине человека, а видевший в нем вещь, его продавал вместе с животными и печатал (в объ-

явлении): «продается девка, умеющая шить белье. Тут же продаются брильянтовые вещи и цветные камни, да бык и корова хорошей породы за сходную цену».

(Покровский, М. Н. «Русская История». Т. III, стр. 92—96).

В. Значение дворянства в губернии и уезде.

В середине XVIII века дворянство было недовольно тем, что власти в уездах и в губернии была назначаемой из центра. В наказах своим депутатам, ехавшим в 1767 году в Комиссию по составлению Нового уложения, они ясно выражали пожелания изменения такого порядка и передачи власти на местах в руки выборных местного дворянства.

«От прежде бывших времен и донныне из правительствующего сената в города определяются воеводы, — писали козельские дворяне, — а к их должности принадлежащих качеств правительствующему сенату, за множественным числом оных, определяемых в воеводы, знать невозможно, то благоволено будет отдать выбор воеводы дворянству того города, чтобы они выбирали из своих сотоварищей»...

Но, передав в руки местных помещиков уездную администрацию до самой ее верхушки, почему не передать в их руки и местный суд? Скромнее других в этом отношении были костромские дворяне. Судиславское дворянство выражалось так: «весьма бы для дворянства способно и полезно было, если бы ее императорское величество, милосердная мать отечества, соизволила повелеть для дворянства учредить словесный суд и по оному определить того уезда из дворян, выбрав обществом. судью, и к нему, по таковому же выбору, определить же из дворян четыре персоны помощников... А суд дозволить им производить в нижеследующих делах, а именно: в иссорах, драках, потраве хлеба и лугов, в порубке леса, в перепашке земель и в других случающихся просьбах (окроме криминальных и разныских дел), для того, чтобы дворяне, не имея себе убытка и приказной волокиты, могли получить себе вскоре и малое удовольствие, счтя за большое, ибо из дворян многое число таких, которые приказных порядков не знают, а другие и грамоты вовсе не умеют».

Совершенно естественно, что калужане не довольствовались переходом в дворянские руки одних низших судебных инстанций. «Чтобы на учрежденный дворянский суд апелляцию просить от каждого уездного города прямо в губернских городах, в учрежденном же дворянском суде также избрание общим дворянским», ходатайствовали они. В этом губернском суде центральная власть была бы представлена одним губернатором, который в нем должен был председательствовать; апелляционной же инстанцией для губернского суда был бы только сенат или юстиц-коллегия. Перемышльские и воротынские дворяне (нынешней Калужской же губернии) желали, чтобы и местная прокуратура была выборная: на местах получался, таким образом, сомкнутый фронт дворянских учреждений, противостоявших непосредственно центральной власти, тоже дворянской, — но в состав которой местные помещики не желали мешаться. Далее, писали калужане и медынцы: «препоручаем вам, почтенному господину депутату, в учрежденной комиссии представить, чтобы дворянство, везде и всегда, избавлено было бы всякого телесного и бесчестного наказания и пыток, а потому и смертной казни».

Каширское дворянство шло еще дальше и подбиралось к «действительной неприкосновенности личности», исключительно дворянской, конечно. «Следовало бы было положение... дабы дворянин, действительно владеющий своим имением, без предводителя и других ему в помощь назначенных, никогда и ни по какому делу арестован не был, в деревнях своих находящийся». И все дворянские пожелания прямо и просто резюмирует кашинский наказ (нынешней Тверской губернии): «живущий дворянин в уезде независим бы был ни от кого, кроме того уезда дворян, и чтобы воеводская канцелярия и ниже другие какие правительства не могли дворянина собою к суду призвать или к должности определить, или по какому делу взять». «Дворянство должно было стать сословием политически привилегированным».

А затем, после роспуска комиссии 1768 г. большая часть практических пожеланий дворянских наказов была превращена в законы, что в истории получило пыльное название

«реформ Екатерины II». По положению о губерниях 1775 года, уездная полиция была отдана выборному от дворян капитан-исправнику, были созданы дворянские суды не только в уезде, но и в губернии (верхний земский суд), были удовлетворены даже второстепенные требования дворянства: учреждены, например, дворянские опеки, о которых много толковали указы 1767 г.—дворянский предводитель занял определенное место среди губернской администрации. Изданная в 1785 году «жалованная грамота дворянству» обещала, что «благородный» без суда не будет лишен ни дворянского достоинства, ни чести, ни жизни, ни имени, что он будет судим только своими равными, что его не коснется телесное наказание; что с дворянами, служащими в нижних чинах, будут поступать во всех штрафах так, как с обер-офицерами; что благородный имеет право покупать деревни, устраивать в них фабрики и заводы, торговать оптом сельскими продуктами, вести заграничную торговлю; было разъяснено, что право собственности на земли распространяется и на «недра той земли», так что упущенные Щербатовым в его наказе минералы не ушли-таки от дворянских рук. Наконец, подтверждено было собранию дворянства дозволение делать представления и жалобы через депутатов их «как сенату, так и императорскому величеству на основании узаконений».

(Покровский, М. Н. «Русская История». Т. III, стр. 110—120).

2. Крестьянские движения в России в XVII и в начале XVIII века.

К началу XVI в. крестьяне повсюду, за исключением крайнего севера, потеряли право собственности на землю, обрабатывали земли помещика, платя ему за пользование пашнями, покосами и выгонами оброк или выполняя барщину. И на Руси, как на Западе, повинности, при господстве натурального хозяйства, выплачивались продуктами: хлебом, мясом и пр., пока Москва не была вовлечена в торговые обороты с Западом. Случилось это только во второй поло-

вине XVI столетия, вызвало появление в народном хозяйстве денег, что сейчас же и отразилось крайне невыгодно на жизни крестьян. Все больше и больше нуждаясь в деньгах, служилый класс (помещик) разорял подвластных крестьян денежными оброками и платежами, крестьянство запутывалось в долгах, окончательно прикрепляясь не только к земле, но и к личности помещика-землевладельца.

Правда, у московского крестьянина был выход: бежать на привольные, никому не принадлежащие места: на Дон, на Украину, где беглецы, собираясь вольными казацкими ватагами, добывали себе пропитание, беспрестанно воюя с татарами. Однако, не все могли бежать, а положение оставшихся «старожильцев», благодаря уменьшению народонаселения в центре, с каждым годом заметно ухудшалось.

В начале XVII в., когда в Московском государстве вспыхнула смута, крестьянство приняло в ней живое участие. Смута, как известно, началась с появлением названного Дмитрия, занявшего московский престол в 1605 г., с помощью украинного служилого люда. Недолго, всего 11 месяцев, процарствовал Дмитрий и был убит, что вызвало почти поголовное восстание украинских служилых людей и крестьянства, объединенного на юге вместе с холопами «большим воеводой» Болотниковым. «Собрахуся,—пишет современник,—боярские люди (холопы) и крестьяне... и стрельцы, и казаки, и начаша по городам воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих и дома разоряху и животы (имущество) грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху». Взрыв народного гнева, как и всегда, выразился в поджогах, грабежах и убийствах.

Болотников быстро подвинулся со своею ратью к Москве, но здесь, близ села Коломенского, был разбит войсками «боярского» царя Василия Шуйского, благодаря измене дворянского ополчения, предавшего его на сторону царя. Болотников отошел к Туле, где после долгой осады мятежникам пришлось сдаться, выдав своих вождей. Участие крестьянства в смуте этим не закончилось: появился на Украине новый самозванец, скоро подошедший с казацко-крестьянским войском к Москве, в с. Тушино (откуда и название самозванца—«Тушинский вор»). И снова запыхла-

ли помещичьи усадьбы, предавались разгрому города, на этот раз севернее Москвы. Всеобщая разруха окончилась только в 1613 году, когда принявшие участие в смуте поляки стали хозяйничать по Москве, как в завоеванном государстве. Глава рязанского дворянства Ляпунов призвал всех стать против поляков, давая заманчивые обещания крестьянам и холопам: «А которые люди боярские и крепостные и старинные, и те бы шли без сумления и боязни,—всем им воля и жалованье». Но дворянство, больше всех выигравшее от смуты, не исполнило обещаний своего представителя. Напротив, после смуты крестьяне окончательно превратились в крепостных, теперь уже на точном основании закона, по Соборному Уложению 1649 г.

Положение крестьянства значительно ухудшилось при первых Романовых. Помимо полного закрепощения, на плечи крестьянина свалились новые подати, собираемые теперь с каждого двора, тогда как раньше крестьянство платило со вспаханной земли. Сидевшие по провинциальным городам воеводы, не получая «государева жалованья», кормились с населения, доставлявшего им все необходимое. Воеводам открывалось широкое поле для злоупотреблений; судили они пристрастно, оправдывая за взятки; подати собирали с расчетом, чтобы побольше положить в собственный карман. Терпение народа истощалось. В городах нередко вспыхивали бунты (в Москве, Новгороде, Пскове 1648—1650 г.г.), направленные против царских воевод, притеснявших народ взятками и вымогательством. Достаточно было толчка, чтобы поднять крестьянство; такой толчок дали донские казаки, поднявшие восстание на всем Поволжье, во главе с атаманом Степаном Разиным (1670—1671). В самой среде донского казачества не было уже прежнего единения, когда казацкая старшина ничем не отличалась от рядовых казаков. Появились домовитые зажиточные казаки, владевшие земельными угодьями, неохотно принимавшие «голытьбу», тех беглецов, что шли на Дон из центральных земель московского государства. Вольная голытьба часто хаживала на Кубань повоевать и пограбить; появлялась на Волге, чтобы «тряхнуть Москвой». Раньше эти походы имели вид разбойничьих набегов, но теперь, едва «помощнички» Ра-

зина появились на Волге, к ним стали присоединяться окрестные крестьяне и холопы, доведенные до отчаяния невыносимыми поборами.

Уже в начале восстания Степан Разин располагал 7-тысячной армией, взявшей Царицын. Отсюда рассылаются по всему Поволжью «воровские» грамоты с призывом бить бояр, дворян, воевод и помещиков и устраиваться по-вольному, по-казацки. Эти грамоты-воззвания имели громадный успех: отовсюду к Разину стекались крестьянские толпы, всюду его принимали как освободителя. Разин разбил царское войско, взял Астрахань, Саратов, Самару. Движение росло. Всюду горели помещичьи усадьбы; воеводы и прочие «слуги царские» избивались. Однако, восстание народных низов по самому характеру было обречено на неудачу: народ бунтовал не против правительства, не против царя, полагая, что все беды от разорителей бояр, воевод и помещиков, а что сам «царь-батюшка», знай он правду о крестьянских нуждах, вступился бы за народ. Никаких новых порядков народ не мог противопоставить тому, что было создано укладом общественной жизни. Правда, крестьянство, выставляло, как идеал, вольное казачество, но сами казаки, как мы видели, находились на пути к разложению и для того времени являлись отсталым, изживающим себя элементом. Это не замедлило сказаться на поле брани. Казаки, посвятившие всю жизнь ратному делу, оказались не в состоянии бороться с обученными на европейский лад московскими войсками. Под Симбирском Разина разбили наголову; сам он бежал на Дон, где его выдали властям своим же «домовитые» казаки. Началась расправа; людей избивали тысячами (погибли во время усмирения больше ста тысяч человек), а самого атамана казнили всенародно в Москве на Лобном месте. Ничто не изменилось в положении крестьян; жизнь пошла своим путем; напротив, крестьянство с каждым десятилетием становилось все более и более придавленным тяготами помещика и царской податью.

При Петре I особенно напряглись народные силы. Непрерывная война со шведами требовала денег и солдат. Петр ввел подушную подать, вместо подворной, так как крестьянство нашло способ уклоняться от платы подворной подати,

ссылаясь по несколько семей в одном дворе. При Петре же введены были рекрутские наборы; свободных раньше от военной службы крестьян стали забирать в солдаты (раньше служить должны были только дворяне-помещики). Число беглых крестьян увеличилось. Все спасавшиеся от податей и рекрутчины убегали попрежнему на Дон, пополняя там ряды казацкой голытьбы. Указ за указом шлет правительство донским казакам с запрещением принимать беглых. Наконец, Петр приказал произвести казацкую перепись с тем, чтобы арестовать всех беглецов и водворить их по прежним местам. Это распоряжение вызвало бунт среди казацкой голытьбы, поднятой атаманом Кондратием Булавиным в 1707 г.

И опять, как при Разине, писались и рассылались «преlestные письма», побуждая «бить бояр, прибыльщиков, дворян и подъячих». Весь Дон встал на сторону Булавина, защищая старые казацкие вольности, требуя, «чтобы казацкие реки остались попрежнему, как было там казачество, и чтобы промежду всеми казаками было побратимство». Крестьянство, кроме беглых, бывших на Дону, не принимало непосредственного участия в бунте; однако, отклики его зашли далеко за пределы Дона, сказавшись в Тамбовской губ. и нижнем Поволжье. Булавицы взяли Царицын, а жители Камышина сами перешли на сторону казаков, побросав в воду офицера и полкового писаря. В Тамбовском и Козловском уездах крестьяне многих деревень «склонились к воровству», введя у себя казацкое устройство.

Обученным Петровским солдатам было гораздо легче справиться с восстанием, чем стрельцам царя Алексея с Разиным. Казаки были быстро усмирены, а Булавин застрелился, не желая отдаться живым в руки палачей.

После смерти Петра служилое дворянское сословие начинает постепенно освобождаться от обязанностей нести военную службу, оставляя за собой все те преимущества, какие давало когда-то несение ратного дела, т.-е. продолжая владеть поместьями и крестьянами. Освободившись окончательно от всяких служебных обязанностей при Екатерине II, дворянство засело на своих усадьбах, превратившись в праздное «благородное шляхетство», живущее за счет крестьян-

ского крепостного труда, более, чем когда-либо, крестьянин окончательно превратился в раба, в рабочий скот, и в глазах благородного дворянства ценился иногда гораздо ниже породистого борзого щенка.

Усилившаяся торговля с Западом, куда шли из России исключительно хлеб и другое сырье, привело при Екатерине II, с одной стороны, к постоянным войнам за обладание берегами Черного моря, откуда открывался более или менее свободный выход русским торговым судам, с другой — к увеличению барской запашки. Помещик старается теперь как можно больше засеять земли с помощью крепостного труда, чтобы продать хлеб за границу. Барщина ложится тяжелым гнетом на крестьянина. Радищев рассказывает в «Путешествии из Петербурга в Москву», что крепостному приходилось работать на помещицком поле всю неделю, уделяя своему жалкому наделу только ночи, праздники и воскресные дни. Все большее и большее число крестьян попадает при Екатерине в крепостную зависимость: императрица щедрою рукою раздавала своим фаворитам государственные земли, где жило крестьянство, не знавшее крепостной зависимости.

(«Светский календарь на 1920 год». Стр. 49—50).

3. Пугачевщина.

Нищета и бесправие крестьян не могли пройти бесследно. Там и здесь вспыхивали крестьянские бунты; наконец, крестьянское возмущение вылилось в грандиозном восстании, поднятом беглым донским казаком Емельяном Пугачевым в 1773—1774 г.г. Учитывая психологию крестьянских масс, продолжавших верить, как и при Разине, что все зло от дворян и чиновников, а царь не при чем, и что будь на престоле настоящий царь, не было бы зла, — Пугачев объявил себя императором Петром III, будто бы спасшимся от убийц, посланных Екатериной. Народ охотно верил ему и признавал за подлинного царя, тем более, что новоявленный император и «самодержец Всероссийский» Петр Федорович жаловал всех «верноподданных» вольностью без всякого требова-

ния в казну подушных и прочих податей и рекрутов набору... Сверх того в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый восчувствует прописанную вольность и свободу».

Какую же свободу нес Пугачев? В своих «манифестах» он «жаловал» «всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков верноподданными рабами собственно нашей короны»—быть, поясняется дальше, «вечно казаками», «не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владение землями, лесными, сепокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброку». Это была полная программа освобождения крестьян не только с их землей, но и с возвращением крестьянам всех угодий, когда-либо отобранных от них и от казаков помещиками и откупщиками (рыбные ловли и соляные озера сдавались на откуп). Кроме подушных, рядом с рекрутчиной манифест освобождал крестьян «от всех прежде чинимых—от злодеев дворян, градских мздоимцев и судей, крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений».

Столь коренное преобразование манифест явно не рассчитывал провести силами одной царской власти, от имени которой был написан манифест. В заключение этот последний предлагал крестьянам действовать собственными средствами и помещиков—«противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и выпать».

Все Поволжье стало на сторону Пугачева; крестьяне толпами стекались под его знамена; города при приближении самозванца высылали к нему депутацию с хоругвями, иконами и хлебом-солью. Снова запылали помещичьи усадьбы, снова народ мстил, иногда зверски, за свои обиды, грабя, насилая и убивая. Отзвуки «Пугачевщины» докатились до центральных губерний, где дворянство, дрожа от страха, с минуты на минуту ждало «холопного» бунта.

Пугачев победоносно дошел по левому берегу Волги до самой Казани, ворвался в город: начались пожары, грабежи и убийства всех, кто попадался в городе навстречу в немецком платье. Перепугавшееся насмерть правительство Екатерины высылаю одну за другой армии против

«злодеев», назначив своего самого выдающегося генерала Суворова на борьбу с самозванцем. Суворову, впрочем, усмирять Пугачева не пришлось; это сделали более мелкие полководцы. Полковник Михельсон трижды разбил пугачевцев под Казанью, после чего Пугачев бежал на правую сторону Волги, где, не встречая сопротивления, пошел на юг, боясь встречи с войсками нагонявшего повстанцев Михельсона. По пути Пугачева повторялись те же сцены, что и на левом берегу Волги: помещиков вешали, грабили усадьбы и сжигали поместья.

Пугачеву удалось истребить много помещиков, но помещичье сословие истребить не удалось. В центральную коренную помещичью Россию его не пустили. Его войско было достаточно хорошо организовано, чтобы разбивать отдельные небольшие правительственные отряды, но справиться с целой правительственной армией Пугачев оказался не в силах. Под Царицыном пугачевская армия получила смертельный удар. Пугачев бежал в степь, был выдан казаками, и казнен в Москве на Болоте 10 января 1775 года.

Крестьянское восстание было подавлено с варварской жестокостью, целые деревни были «сбиты» карательными отрядами. И еще долго около всех деревень бунтовавшего края красовались виселицы и колеса на страх «злодеям и преступникам подлого состояния».

(«Советский календарь на 1920 год». Стр. 50).

(Покровский. «Русская История в самом сжатом очерке». Стр. 116—117).

II. Зарождение буржуазного строя в России.

Вводная статья.

1.

Первая половина XIX века является эпохой зарождения в России промышленного капитализма. В силу условий Тильзитского мира с Наполеоном (1807) Россия вынуждена была примкнуть к так-называемой континентальной блокаде, т.-е. порвать торговые сношения с Англией. Устранение английской конкуренции дало толчок для развития русской промышленности, преимущественно текстильной. Быстро растет число фабричных предприятий, ручное производство сменяется машинным, увеличивается количество наемных рабочих, складывается новый класс—промышленная буржуазия. Развивающаяся промышленность наталкивается на недостаток свободных рабочих рук и узость внутреннего рынка: связь этих явлений с крепостным правом заставляет буржуазию поднять вопрос об освобождении крестьян. Растущая сила промышленного капитала приводит к союзу между правящей группой, крупной земельной знатью, и промышленной буржуазией, придающему буржуазный уклон всей экономической политике эпохи. В 1822 году издается таможенный тариф, сильно затруднивший доступ в Россию иностранным фабрикатам; в 1828 г. учреждается мануфактурный совет с участием приглашенных правительством капиталистов, для обсуждения вопросов, касающихся промыш-

лепности; устраиваются мануфактурные выставки (первая — в Петербурге в 1829 г.); в 1831 г. основывается в Петербурге первый в России технологический институт с целью подготовки для фабрик инженеров; законом 24 мая 1835 г. помещикам запрещается отзывать своих крепостных, работающих по найму на фабриках, до окончания срока найма; закон 18 июня 1840 г. разрешает владельцам посессионных заводов отпускать на свободу приписанных к заводам крепостных; уложение о наказаниях 1845 г. устанавливает суровые кары за стачки и беспорядки фабричных рабочих; к 1843 г. восстанавливается металлическое денежное обращение. Интересами промышленности преимущественно направляется и внешняя политика; дело идет теперь не столько о захвате торговых путей, сколько о захвате внешних рынков для сбыта продуктов промышленности (Персидская война 1826—28 г.г., Турецкая война 1827—29 г.г., Хункиар-Искелесский договор 1833 г. с Турцией, обеспечивший России господство на Черном море, Афганский поход 1836 г., Хивинский поход 1839 г., Крымская война 1853—56 г.г.).

2.

Развитие хлебного вывоза заставляет помещиков стремиться к повышению продуктивности хозяйства: учреждаются сельскохозяйственные общества, делаются попытки применения сельскохозяйственных машин и улучшенных способов ведения хозяйства. Но повышение производительности труда в помещичьем хозяйстве оказывается недостижимым, благодаря слабой интенсивности и низкому качеству крепостного труда. Единственный способ увеличения количества продукта с барской пашни состоял в усиленном напряжении барщинного труда, благодаря чему расширялось собственное хозяйство крестьянина, служившее опорой помещичьего хозяйства. Низкие цены на хлеб на европейском рынке в 20—30-х годах отодвинули на время вопрос о поднятии производительности труда в сельском хозяйстве; но с конца 40-х годов, после отмены хлебных пошлин в Англии 1846 г.), повышается спрос на русский хлеб за границей, повышаются хлебные цены, и вновь обостряется вопрос о ликвидации крепостных отношений. Рост

крестьянских волнений, вызванный усилением эксплуатации крепостного труда, пугая дворянство призраком Пугачевщины, в свою очередь приводил его к мысли о необходимости крестьянской реформы.

3.

Разгром России в Крымской войне заставил и правящие круги поставить на очередь вопрос о крестьянской реформе. С конца 1857 г., по повелению Александра II, началась организация губернских комитетов из представителей местного дворянства, для предварительной разработки плана освобождения. На основании материалов, представленных губернскими комитетами, был выработан проект положения о ликвидации крепостных отношений. 19 февраля 1861 г. Александр II подписал манифест об отмене крепостного права и утвердил «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». 5 марта 1861 г. манифест был обнародован, но крестьяне встретили объявленную им «волю» с большим недовольством. Ограбленные реформой в пользу казны и помещиков, крестьяне остались в зависимости от барина и мира, припавшей лишь новые формы. В течение 1861 и 62 гг. на почва недовольства реформой произошло больше 2000 крестьянских волнений, усмирённых посредством беспощадной порки, а в иных случаях и при помощи военной силы.

1. Возникновение промышленного капитализма.

В конце XVIII века вновь вспыхнула борьба Англии и Франции за мировое первенство, когда Англия захотела воспользоваться французской революцией, чтобы окончательно раздавить свою соперницу. Она очень обманулась: на деле Франция от революции не ослабла, как ожидали англичане, а усилилась и стала быстро экономически расти. Французский промышленный капитализм, организовавшись в империю Наполеона Бонапарта, вступил с английским в борьбу за рынки. Англия стала организовывать против Франции одну коалицию (военный союз нескольких держав) за другой, при чем Россия, на которую англичане

смотрела почти как на свою колонию, была, конечно, в центре всех этих коалиций, но наполеоновская Франция держалась долго и упорно. Две первые коалиции (сначала Россия и Австрия, потом Россия и Пруссия) были разбиты вдребезги. Наполеон взял и Берлин и Вену, а Россию принудил заключить мир (в Тильзите, в 1807 г.), по которому русский царь Александр Первый отказался от союза с Англией и заключил союз с Францией. Наполеон обязал его «присоединиться к так-называемой «континентальной блокаде», т. е. дать обязательство, которого Наполеон требовал от всех побежденных им государств, не торговать с Англией. Наполеон надеялся таким путем запретить для английских товаров весь континент Европы (отсюда и название континентальной блокады) и, так сказать, сварить англичан в собственном соку.

Избавленные от английской конкуренции русские фабрики стали расти буквально как грибы. Особенно бумагопрядильные и бумаготкацкие: хлопчатобумажные ткани были тогда новостью и привозились в Россию исключительно из Англии. В 1804 году таких фабрик в России было 199, большею частью мелких, с $6\frac{1}{2}$ тысячами рабочих и производством на 5 миллионов рублей; а 10 лет спустя, в 1814 г., фабрик было 423, рабочих на них 39 тыс., а производство увеличилось вшестеро, до 30 миллионов. Американский хлопок (другого тогда не было) стали ввозить в Россию в таком количестве, что она обогнала по этой части чуть не все европейские страны: еще в 1809 году его ввезли только полмиллиона фунтов (эту редкость тогда еще на фунты вешали, а не на пуды), а в 1811 г. ввезено было в Россию хлопка уже $9\frac{1}{4}$ миллионов фунтов. В то время, как все иностранные товары бешено дорожали, хлопок стал дешеветь, и цена его упала почти вдвое, — так много навезли. Иностранцы, слышавшие от всех «порядочных людей» жалобы на континентальную блокаду и видевшие в то же время это процветание, только руками разводили в недоумении. В самом разгаре блокады французский посланник доносил своему правительству, что хоть русские и жалуются на дороговизну предметов роскоши, на падение курса рубля, но промышленность в России развивается, отсталось много

суконных, шелковых, прядильных фабрик, богатые помещики выписывают иностранных рабочих, которые обучают русских рабочих. Открылись также свеклосахарные заводы, умножаются водочные заводы и т. д.

Когда в 1812 году был восстановлен союз с Англией, правительство под влиянием дворянства, продолжавшего вопить о дороговизне иностранных товаров, разрешило, было, по-старому, почти свободный ввоз произведений английской промышленности. Но тут уже завопили фабриканты, и так громко, что их пришлось услышать. Они подали Александру I записку, где прямо заявляли, что Англия для них хуже Наполеона, а свободный ввоз английских товаров хуже московского пожара 1812 года. Промышленный капитал был уже настолько силен, — во многих фабриках было заинтересовано и дворянство, при том очень крупное (кн. Юсупов, например, имел огромные суконные фабрики), — что с ним приходилось считаться. В 1822 году были введены высокие пошлины на заграничные товары с целью «покровительства» отечественной «промышленности». С тех пор эта «покровительственная» система никогда не оставлялась совсем русским правительством, временами только несколько ослабевая.

Ввоз английских товаров не прекратился окончательно, кто мог покупать дорогое, держался все-таки английского, но сократился чрезвычайно. До пошлин 1822 года Англия ввозила ежегодно в Россию на 3 миллиона фунтов стерлингов, а в 1831 г. она ввезла меньше, чем на 2 миллиона, при чем почти $\frac{1}{4}$ этого ввоза составляли не готовые товары, а пряжа, которая должна была пойти на изготовление материй внутри России русскими же фабриками, т. е. служила опять-таки для конкуренции с англичанами. Русская же промышленность, за стеной таможенных пошлин, росла чрезвычайно быстро. В 1824—26 годах в Россию ввозилось, в среднем, в год 74 тысячи пудов хлопка и 337 тысяч пудов хлопчатобумажной пряжи, а в 1848—50 гг. уже более миллиона с четвертью пудов хлопка, но пряжи зато лишь 281 тысяча пудов. Это огромное увеличение ввоза хлопка, дядом с уменьшением ввоза пряжи, показывало, насколько возросла самостоятельность русской текстильной промышленности. Прежде русский ситцевый фабрикант не

мог обойтись без английской пряжи, теперь в России появляются свои прядильные фабрики и растут с такой же быстротой, как раньше ткацкие. В 1843 году в России было 40 таких фабрик, и на них работало до 350 тысяч веретен, а в 1853 году в ходу было уже до одного миллиона веретен.

Быстрый рост русской промышленности стал обгонять рост нашего внутреннего рынка. Так как у крепостного крестьянина барин собирал все «лишнее», то этот крестьянин был в сущности нищим. Какой же это был покупатель? Покупателем произведений русских фабрик было, главным образом, городское население, но оно росло чрезвычайно туго, благодаря тому же крепостному праву, привязывавшему крестьянина к деревне. Городское население России в XVIII веке составляло только 4%, всего населения, в первой половине XIX — немного более 6%. Простым выходом было бы, опять-таки, освобождение крестьян. Избавленный от барской эксплуатации, располагая своими заработками, крестьянин сразу превращался в покупателя.

Но пока существовало крепостное право, внутренний рынок расширяться не мог: оставалось искать внешних. Прежде многим казалось, что империя Николая I, «Николая Палкина», с ее огромной армией, казармами, шпицрутенами, рекрутчиной, преклонением перед военным мундиром, господством военщины везде и всюду, — что эта империя есть такая противоположность буржуазии, какую только можно придумать. На самом деле казарма была необходимым дополнением к фабрике: «Николай Палкин» «вооруженною рукою пролагал российской торговле новые пути на Востоке», по свидетельству государственного совета этого царя. Вот для чего вся Россия была затянута в военный мундир. И недаром Николай с одинаковым усердием устраивал смотры своим солдатам и мануфактурные выставки русских товаров, открывал кадетские корпуса и технологические институты, ездил на маневры и на Нижегородскую ярмарку. Сначала дело у него шло успешно: две его первых войны, с Персией и Турцией, кончились победами и таким миром, который широко открывал границы этих обеих отсталых стран русским

товарам. Персидским рынком удалось совсем овладеть, русский фабрикант там царил, русский червонец был ходячей монетой, русские торговые обычаи—образцом; иностранцы—англичане, немцы—на каждом шагу слышали: «так делают русские, так принято в торговле с Россией».

Уже и это иностранцам,—на первом месте тем же англичанам,—не могло быть приятно. Закрытие границ самой России для большей части английских товаров должно было раздражать англичан еще более. А когда русские, не довольствуясь Турцией и Персией, стали пробираться в Среднюю Азию и Афганистан, к границам Индии, англичане совсем забеспокоились, и в воздухе запахло войной. Так как Николай действовал грубо и резко, не скрывал своих завоевательных планов,—явно было, что Россия собирается монополизировать (сделать своей исключительной собственностью) восточные рынки для своей промышленности,—то англичанам не трудно было найти союзников. В восточной торговле вместе с ними были, например, заинтересованы и французы.

В 1853 году русские войска заняли Молдавию и Валахию (теперешнюю Румынию). Это послужило поводом к войне с Турцией и перекинуло в лагерь противников России Австрию, заинтересованную в свободе дунайской торговли.

Турецкая война пошла сначала для Николая успешно. Николай мечтал о захвате Константинополя. Русские капиталисты готовились стать хозяевами всего Востока. Этого, конечно, ни Англия, ни Франция, ни Австрия стерпеть не могли. Английский и французский флот вошел в Черное море. Австрия мобилизовала свою армию. Англичане и французы высадились на русских берегах, в Крыму, и после одиннадцатимесячной осады взяли Севастополь, главную русскую военную гавань на Черном море, стоянку черноморского флота, который был при этом весь потоплен.

Николай не перенес неудачи и отравился, а его сын и наследник Александр II должен был заключить мир (Парижский, в 1856 году), по которому Россия потеряла право держать флот на Черном море. Русский капитализм должен был отказаться от надежды стать хозяином в Турции. Поиски

внешнего рынка кончились крахом—приходилось волей-неволей расширять внутренний.

(Покровский. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 115—122).

2. Взгляд на Московскую выставку 1831 года.

Московская выставка продолжает обращать на себя общее внимание. Каждое утро она—сборное место многочисленных посетителей: на бирже, на площадях, в гостиных, в смиренных жилищах простолюдина, в кабинетах ученых; она—предмет общих разговоров, наблюдений, пересудов. Москва более, нежели когда-нибудь, столица мануфактурная. Вельможи, дамы, чиновники, светская молодежь (не говоря уже о мануфактуристах, промышленниках, торговцах),—все только и толкуют, что об изделиях, все как-будто из-за станков, из мастерских, все вольноопределяющиеся кандидаты в члены технологического института...

Устройство, расположение Московской выставки хорошо обдуманы и хорошо исполнены.

Каждая зала имеет свою живописную наружность и свое внутреннее достоинство. Зала, убранная разноцветными шатрами из бумажных изделий Титова, Урусова и других, привлекает взоры красотой декорации своей, а еще более удовлетворяет внимание, когда, по пристальном рассмотрении изделий, убедишься в значительных успехах, коими упомянутые почтенные фабриканты возвысили степень промышленности своей. Наряды азиатской роскоши, которую присвоила себе и преобразила Европа, шали Гучкова, Колокольцовых, Мерлиной служат великолепными обоями залы, ими обвешанной: здесь заглядывают не одни дамы, развлеченные и озабоченные выбором шали, платка или шарфа, но и хладнокровные и бескорыстные знатоки, которые поражаются усовершенствованиям фабрик наших и пожелают братьям Гучковым идти далее и далее по стезе, которую проходят они с честью. Разноцветность, блеск, обилие шелковых изделий придают радужную яркость зале, содержащей в себе богатства фабрик князя Юсупова, Кондрашова, Май-

кова-Доброхотова, Щеглова, Рогожных, Локтева и других сособственников их в сей отрасли мануфактурной, которая едва ли у нас не опередила других и по праву старшинства, и по новым успехам своим. То же должно сказать и о парчах золотых и серебряных и прочих изделиях того рода...— изделия сии обращают особенное внимание публики на имена Колокольникова, Полякова, Левина, Тюлева, отличающихся приношениями своими на выставку отечественных произведений. Зала, обставленная фарфорами с Имп. С.-Пб. заводов, с заводов Попова, братьев Гарднеров, хрустальными с Имп. Стекланных заводов, с заводов Мальцовых; Орлова, цветными стеклами Амелунга, переносит воображение в область волшебства, застрасынную чертогами зеркальными и хрустальными.

Всего величественнее общая картина, открывающаяся перед взорами при входе в большую залу. Здесь разнообразие предметов, вынужденное обширностью залы, не позволяет входить в отчетливое исчисление. Но если следовать за разливами толпы, по мере как теснится она к тому или другому отделению, то нельзя не упомянуть: о прекрасных клеенках фабрики Чурсинова, достигнувших, кажется, до возможного совершенства; о тканых картинах с Имп. шпалерной фабрики, уже купленных московским купцом Лепешкиным и заслуживающих общего удивления; о сабле, или правильнее, о сабельных ножнах серебряных, с изображением сражений. Металлические изделия, железные, стальные и чугунные, удивляют наиболее чужестранных посетителей мастерством обработки и дешевизною цен. Косы, гвозди с заводов Шенелевских и другие предметы с прочих казенных и частных заводов хотя и не имеют за себя большинства тесноты в приливах публики, но не менее того достойны общего внимания и общей признательности. То же можно сказать и об отделении изделий льняных и пеньювых: публика не заглядится на образцы равентуха, пестряди, полотен парусных и других; на канаты и снасти, но внимательный ревнитель пользы отечественной не пробежит мимо их смиренного достоинства... Машины, физические и металлические инструменты, если также не доступны любопытному участию всей публики, то весьма важны для

некоторых. Уже замечено было, что в те дни, когда выставка открыта для всех посетителей, то около сих отделений теснее, нежели в другие дни. Сметливость, переимчивость наших мастеровых и вообще простолюдинов, привычка их учиться с глаза объясняет это обстоятельство. Может-быть, сим прогулкам по выставке, сему курсу практического учения, обязаны мы будем новым Жакартам, новым Кулибиным. И в этом отношении инструменты, представленные адмиралтейскими заводами, машины, выставленные фабрикантом Гучковым, отличная ворсостригальная трансверсальная машина Нильсена, модели гг. Портнова и Лебедевых и другие пособия изобретательности и науки, приложенные к промышленности, важны и занимательны не только по искусству, в отделке, по общим в них потребностям художников и всех образованных людей, но и по действию и вдохновению, которые они произвести могут в простолюдине, еще не постигнувшем тайны назначения своего.

(Соч. кн. Вяземского. Том II, стр. 175—181).

3. Царь и буржуазия.

(Рассказ купца Рыбникова об обеде в Зимнем дворце

13 мая 1833 г.).

В С.-Петербурге, в бытность мою, Рыбникова, 13-го мая 1833 г., е. и. в. всемилостивейший государь император Николай Павлович, по случаю выставки российских произведений, изволил назначить в Зимнем дворце царский обеденный стол на 50 кувертов, к которому были приглашены по билетам, по высочайшему повелению, в три часа, а как все собрались в концертную залу, где стояла водка и закуски, то желающие пили водку и закусывали; потом к столу были первые прощены московские фабриканты, за ними с.-петербургские заводчики из дворянского сословия и из иностранцев, потом все высшие чины: председатель гос. совета, его светл. Кочубей, министры, генерал-адъютанты, посланники дворов и все военные и статские первоклассные особы, члены мануфактурного и коммерческого советов и комитета выставки и с.-петербургское первых двух гиль-

дий купечество; всем были назначены свои места, а что более удивило,—по назначению самого императора, в том столе, где сам государь с государыней и весь императорский двор намерены кушать,—назначены восемь персон сидеть за тем же столом, а именно: по левую руку императора: 1) мануфактур-советник, суконный фабрикант, Иван Назаров Рыбников, 2) мануфактур-советник Гаврила Никитин Урусов, 3) мануфактур-советник Павел Назаров Рогожин, 4) с.-петербургский градский глава Кукушкин, 5) мануфактур-советник Иван Михайлов Кондрашов, 6) московский первой гильдии купец, суконный фабрикант, Илья Семенов Бабкин, 7) с.-петербургский первой гильдии купец, мануфактур-советник, сахарный заводчик и кавалер, Проконций Иванович Пономарев, 8) заводчик химических произведений, московский первой гильдии купец и член коммерческого банка, Василий Логинович Лепешкин.

Возле государя императора по правую руку сидел министр финансов гр. Егор Францевич Канкрин, возле него иностранные министры, посланники дворов и так далее, а по левую, рядом с императором, сидел помянутый фабрикант мануфактур-советник и кавалер Рыбников, с которым е. и. в. изволил во весь стол, кушавши, разговаривать, и священные е. и. в. слова остались незабвенными у всеподданнейшего и в потомстве его Рыбникова.

Еще два стола были поставлены к помянутому первому столу и обозначали литеру покой, за которыми сидели: по правой стороне в оном столе московские фабриканты и заводчики, тож и с.-петербургские и многие особы из дворян, имеющие фабрики и заводы. В другом столе, по правую сторону, с.-петербургские купцы первой и второй гильдии и первоклассные чины, все те, кои были приглашены по билетам, военные и статские.

Е. и. в. всемилостивейший государь Николай Павлович во время стола изволил говорить со мною, Рыбниковым.

Сперва государь император изволил сказать: «Кажется, мануфактура наша скорыми шагами идет вперед, я очень рад». Имел счастье Рыбников отвечать:—Всемилостивейший государь! Мы в Москве были в великом унынии и страхе.—«Отчего?»—У нас разнеслись слухи, в. и. в., якобы на все

мануфактурные товары пошлина уменьшится и многие артикулы вовсе дозволятся вести без пошлины. — «Это неправда, но, напротив, уверяю вас, что тариф вновь будет рассмотрен, и на некоторые статьи пошлина надбавится, а некоторые мануфактурные изделия и вовсе будут запрещены». — Государь, это единственная будет польза для отечества и всех сословий в государстве в. и. в.

«Выставкой я очень доволен, нашел все изделия и прочие вещи слишком хороши». — Государь, я от всех фабрикантов всеподданнейше благодарю в. и. в. — «Московские фабриканты достойны внимания по своим изделиям. А ваша фабрика идет хорошо?» — Слава Богу, в. и. в. — «Что, на Кяхту вы много продали?» — До девяти тысяч штук, в. и. в. — «Отчего в Москве тонкими сукнами в сбыте затрудняются, я слышал?»

— Полагаю потому, в. и. в., что в Москве и ее округе в течение трех лет до двухсот фабрик вновь развели, и умножилось количество, а покупатели все те же, да к тому же и из Польши возут очень много тонких сукон, поелику пошлина взимается почти ничтожная, в сравнении по тарифу из прочих мест наложенной.

«Были вы в технологическом институте?» — Был, в. и. в. — «Это заведение в самом младенчестве». — Впоследствии времени это заведение должно пользу принести, в. и. в.; только иностранных мастеров и механиков должно чаще перемонять и выписывать через каждые три года; известно, что в Англии и Франции успешнее механика идет, нежели где либо. — «Это правда, но Москва становится мануфактурный город, как Манчестер, и, кажется, вовсе забыли несчастный 12-й год»...

«Вам, господа, непременно должно стараться выдержать соперничество в мануфактуре с иностранцами, и чтобы сбыт был ваших изделий не в одной только России, а и на прочих рынках». — Точно, стараться надо, в. и. в., но еще потребно на это немного времени, ибо иностранцы столетиями нас опередили. — «Почему наши российские негоцианты неохотно приступают к строению кораблей и иметь обширную торговлю и сношение со всеми государствами?» — На это потребны, в. и. в., большие капиталы, а у нас не у многих они есть. — «Можно бы на акциях или компаниями». — На пер-

вый случай, в. и. в., и то было бы хорошо, ежели бы от нашего купечества в иностранных торговых городах были открыты торговые дома, а тогда по времени и корабли сделались бы необходимыми.—«Это, правда... Но я вам мешаю кушать; кушайте».

Сложив руки ладонями вместе и прижав к сердцу, я сказал: — В. и. в., как мы счастливы, что удостоились за одним столом кушать с батюшкой-царем и матушкой-государыней.—«Вы того стоите».—В. и. в., потомки наши должны благословлять в сердцах своих незабвенное сие событие, и в истории останется навсегда бессмертным.—«Дети ваши здоровы?»—Покорно благодарю, в. и. в.; меньшой сын виноват перед в. и. в., детей у него и теперь еще нет; а в. и. в. ему на Московской выставке сказать изволили, что надеетесь «у него будут дети». Ежели, в. и. в., случится, у первого младенца осчастливьте быть восприемником.—«Изволь, изволь, изволь; не скажу вам, что я в сем году приеду в Москву на шесть месяцев, а на три непременно».—В прошлом году е. и. в.-во Михаил Павлович изволили обозреть у меня фабрику и были в доме; в. и. в., за время бытности в Москве осчастливьте пожаловать ко мне на фабрику.—«Изволь, непременно буду у вас; вы будете на Макарьевской ярмарке?»—Буду, в. и. в.—«И мне жалеется побывать; как она начинается и когда оканчивается?»—С 25 июля, в. и. в., и кончается 28 или 29 августа, почти до 1 сентября.—«Я под конец самый, хотя на один день; постараюсь быть; что, у вас коммерческий суд открыт? Вы довольны им?»—Открытия не было, в. и. в., а председатель и товарищи выбраны, равно и члены от купечества; полагаю, очень скоро к сему приступят.

Как скоро стали подавать хлебное, всемилостивейший государь встал, тож и государыня, наследник престола и великие княжны и все присутствующие.

Государь: «Здоровье московских фабрикантов и всей мануфактурной промышленности!».

Фабриканты были предварены, тотчас, не садясь, благодарили всемилостивейшего государя, императрицу, наследника престола, великого князя Михаила Павловича, великих князев и всех присутствующих низкими поклонами;

в продолжение стола подавали фрукты, варенья, мороженое и кофе. По окончании стола государь и государыня и все вышли в концертную залу. Государь и государыня изволили остановиться посредине залы, а как фабриканты московские и с.-петербургские и прочие с купечеством с.-петербургским стояли видом в полукружии, то всемилостивейший государь изволили почти к каждому фабриканту подходить, и министр гр. Канкрин каждого представлял и всякого по фамилии называл. Государыня всех приветствовала, со многими изволила разговаривать, что она знает его изделия, видела на выставке и некоторые хвалила, а Кондращову, указав на свое белое шелковое платье, изволила сказать:

— Это ваша материя.

Потом, подойдя ко мне, Рыбникову, всемилостивейше изволила мне поручить:

— Когда приедете в Москву, кланяйтесь от меня князю Дмитрию Владимировичу Голицыну и Татьяне Васильевне.

Потом сам государь император изволил так же, как и императрица, всех обойти, и министр гр. Канкрин тоже всех по фамилиям называл и представлял; государь со многими фабрикантами и купцами изволил разговаривать.

Потом начали государь и государыня раскланиваться, и мы, насладясь лицемерием благословенной четы, государю и государыне поклонясь несколько раз, пошли из дворца, и сказал я, Рыбников: «Слава тебе, боже, и тебе, царю-батюшке, многолетствовать».

Иван Назарович Рыбников, мануфактур-советник и кавалер.
(«Русск. Арх.». 1891 г., № 12).

4. Усиление крестьянских повинностей.

Крестьянские оброки сильно повысились с конца VIII века.

В конце XVIII века оброк с души в Нижегородском уезде равнялся 4 р. 75 к. сер.; в 1840-х гг. он уже достигал 9 р. 74 к. сер.; а в десятилетие 1851—1860 гг. равнялся 10 р. 14 к. сер.

В имении Позняковых (село Борисовское и дер. Ройки) крестьяне в 1827 году платили с души до 25 р. ассигнациями,

или по 6 р. сер., имея пахотной земли по 2,1 дес. К 1849 году оброки почти удвоились: в Борисовском платили 14 р. 10 к. серебром; в Ройках—по 13 р. В 50-х годах оброки увеличились в 1½ раза, а с разными поборами вдвое, при уменьшении надела на ½ десятины. В 1859 году этим крестьянам приходилось платить по 24 р. сер. в год.

Кроме чисто оброчных имений, в XIX веке было большое количество имений, где к оброку присоединялось, при существовании барщинной запашки, известное количество барщинных дней в году и некоторые другие работы.

В имении Долломанова, Медынского уезда, Калужской губ., крестьяне до 1834 г. (когда они перешли во владение этого помещика) состояли на чистом оброке, платя по 60 р. ассигнациями с тягла и не неся никаких повинностей, кроме ночных караулов и возки дров для господского дома. Земли у них было достаточно, на тягло приходилось по 7 дес. пашни на трех полях и до 100 пуд. сена, и крестьяне жили в достатке. Долломанов повысил оброк до 75 р. ассигнациями и установил небольшую барщину. С годами господская запашка увеличивалась, рос оброк, а количество крестьянской земли уменьшалось. К 1860 г. крестьянские наделы уменьшились с 7 дес. до 5½ на тягло, количество сена со 100 пуд. до 40, по показанию крестьян, и до 70, по показанию самого Долломанова. Из 165 тягол, по показанию помещика, 145 состояли на смешанных повинностях и 20 на чистой барщине, отбывая ее на винокуренном заводе и помогая остальным в полевых работах «лишь в свободное от заводских работ время». Смешанным 145 тяглам приходилось платить денежный оброк по 25 руб. 68 коп. сер. с тягла и обрабатывать до 150 десятин в озимом и яровом полях, т. е. по 1 дес. на тягло. Осенние и зимние работы приходилось выполнять женщинам и подросткам, так как женщины после уборки хлебов уходили на заработки, чтобы было чем уплатить оброк. Помимо этого каждая женщина должна была доставить по 10 аршин холста из своего льна и выпрясть из господской воины (шерсти) по 4 аршина сукна; вдовы и девушки должны были доставлять в лето по 3 фун. сушеных грибов или уплатить их стоимость деньгами по существующим ценам. Женщины сверх этого пололи морковь для

конского завода и перебирали картофель для крахмального.

Вместе с переходом к денежному хозяйству росли и помещичьи запашки. Помещики начинали все более и более ценить землю. Необходимость отвода части земли крестьянам стесняла их, а потому у них являлось стремление уменьшить количество крестьянской земли. В двадцати губерниях, где преобладал процент барщинных крестьян, общее количество земли, предоставленной в пользование крестьян, упало в XIX веке сравнительно с XVIII до половины и менее всей господской удобной земли. С целью сохранить для себя возможно большее количество земли, некоторые помещики прекращали нарезку земли на вновь прибывшие тягла, прекращали увеличение количества последних, переводя часть крестьян в затыглые, отпускали лишних крестьян на безземельный оброк, наконец, переселяли их в другие свои многоземельные имения или же продавали крестьян без земли на вывод. Об увеличении барщинной запашки свидетельствуют современники: в черноземных губерниях в сороковых годах крестьяне обрабатывали на помещика более, чем на себя. Так, в Саратовской губернии, в имении кн. К.—каждое тягло должно было обработать более 21 дес., из которых лишь 7 десятин обрабатывало на себя. В Нижегородской губ., в имении г-жи Пр-вой, «крестьяне, обрабатывая на себя по 740 дес., помещику обрабатывали 900 десятин и т. д.».

Как на последствие увеличения ценности земли для помещика и стремления увеличить господскую запашку, необходимо также указать на очень интересное явление, которое наблюдается еще в XVIII веке и учащается в XIX веке. Это так-называемая месячина. В таких случаях помещики отнимали от крестьян землю и давали взамен крестьянам и их семействам жилище и полное содержание круглый год; землю же обрабатывали месячники собственными орудиями помещика. Такие крепостные работали на помещика целую неделю.

С малой интенсивностью труда помещики боролись различными способами. Одним из них был усиленный надзор над крепостными. Некоторые помещики для контролирова-

ния непрерывности работы надевали на шею работников рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю. Чтобы понудить рабочих скорее окончить господские работы, крестьян во время жатвы иногда не допускали к воде и питью, несмотря на зной. Наиболее обычной мерой воздействия на крестьян были розги, палки, «лнут, иногда аралник и др. орудия наказания за «лень», «неисправность» и медленность в работе.

С малою интенсивностью крепостного труда помещики боролись и другими мерами. В числе этих мер можно отметить перевод крестьян на урочное положение.

В имении Бунина, Тамбовской губернии, «при обыкновенной трехдневной барщине, точно определялось и предписывалось, что должен сделать каждый крестьянин: например, в рабочий барщинный день полагалось вспахать половину десятины и скосить половину большой десятины ржи и половину казенной десятины овса или сена. Женщина должна была сжать или связать 2 ряда, по 4* крестца в каждом ряду, по 13 снопов в каждом крестце».

Непосильные уроки при обязательности их окончания хотя бы в свои дни легко могли превратить трехдневную барщину в 4-х и 6-тидневную.

При такой урочной системе помещики легко могли довести крестьян до разорения. Оценивая урочную систему с точки зрения помещичьих интересов, можно указать, что урочная система облегчала, во-первых, контроль над барщинной работой, во-вторых, могла повысить интенсивность труда: крестьянин стремился оканчивать быстро свой урок из желания скорее перейти к своим работам. Это относится особенно к тем имениям, где уроки были не безнадежно обременительны, и где крестьянам разрешалось переходить к своим работам только по окончании господских уроков.

Но слепшность, неизбежно сопровождающая урочную работу, понижала ее качество. Повышения качества труда и при уроках помещики должны были добиваться или по-прежнему страхом наказания за дурную работу, или же искать новых путей и новых способов организации хозяйства.

Невыгодность обработки земли трудом крепостных побуждала некоторых помещиков к отдаче земли своим же кре-

постным взаем. Например, в имении князя Васильчикова, в Воронежской губернии, крестьяне не несли барщинных и оброчных повинностей, а платили за количество десятин земли, которую снимали от помещика на тех же правилах и правах, как отдается земля в арендное содержание посторонним лицам.

Некоторые помещики пытались перейти к вольнонаемному труду, как средству заменить мало интенсивный крепостной труд. В этом отношении любопытен пример обработки помещичьей земли в 40-х годах в имении зарайского предводителя дворянства Титова своими же крестьянами, но «по найму, по вольному соглашению».

(Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». Стр. 80—135).

5. Образцовый хозяин.

Часы показывают три, но Арсений Потапыч Пустотелов уже на ногах. С деревни до слуха его доносятся звуки отбиваемых кос, и он спешит в поле. Наскоро сполоснувши лицо водой, он одевается в белую пару из домотканного полотна, выпивает большую рюмку зверобойной настойки, заедает ломтем черного хлеба, другой такой же ломоть, густо посоленный, кладет в сетчатую сумку, подпоясывается ремнем, за который затыкает нагайку, и выходит в гостиную. Там двери уже отперты настежь, и на балконе сидит жена Пустотелова, Филанида Протасьевна, в одной рубашке, с накинутым на плечи старым драдедамовым платком и в стоптанных башмаках на босую ногу. Перед балконом столпилось господское стадо,—слишком сто штук,—и барыня наблюдает за доением коров. Этим делом, кроме двух скотниц, занято около десяти крестьянских баб.

Пустотеловы—небогатые помещики. У мужа в наших местах восемьдесят душ крестьян, которых он без отдыха томит на барщине; у жены—где-то далеко запропастилась деревушка душ около двадцати, которые обложены сильным оброком и нищенствуют. Жить потихоньку было бы можно, но бог наградил их семью в двенадцать человек

детей, из которых только двое мальчиков, а остальные девочки. Поэтому оба бьются как рыба об лед; сами смотрят за всем хозяйством, никому ни малейшей хозяйственной подробности не доверяют. Зато хозяйство у них идет не в пример исправнее, чем у соседей, и они по всей округе слывут образцовыми хозяевами.

Земли у Пустотелова довольно; поэтому он увеличивает запашку, и теперь довел ее до шестидесяти десятин в каждом поле. При восьмидесяти душах он, конечно, не мог бы справиться с такою запашкой, но, по счастью, верстах в пяти находится большое и малоземельное экономическое село. Раз в четыре в лето созывает он помочи—преимущественно жней—варит брагу, печет пироги, и при содействии трехсот, четырехсот баб успевает в три—четыре праздничных дня сделать столько работы, сколько одна барщина и в две недели не могла бы справиться. Благодаря этому жнитво у него всегда кончается вовремя, и зерно не утекает.

Покуда Арсений Потапыч дошел до деревни, последняя уж опустела. Бабы, которым еще нечего делать на барской работе, погнали в стадо коров; мужики ушли поголовно на барщину. Почти у самой околицы около сорока косцов (Пустотелову на этот счет удача: мужички тягнутся исправно, голова на голову) обкашивают довольно большой луг, считающийся лучшим в целом имении. Значительная часть его скошена еще вчера; остальную предстоит докосить сегодня. Луг еще влажен, и работа идет споро; косы быстро, в такт, мелькают в воздухе, издавая резкий свист. Трава нынче выросла хорошая; густые и плотные валы ложатся один возле другого, радуя сердце образцового хозяина. Он подходит то к одному, то к другому валу, перевернет палкой и посмотрит, чисто ли скошено, нет ли махров. Ничего, кажется, все исправно.

— Чище косите, чище, чтобы не было ни махров, ни огрехов, всякий огрех — на спине, — кричит он вслед косцам.

Затем он укладывает копнушку скошенной травы, постилает сверху обрывок старой клеенки и садится, закуривая коротенькую трубочку. Попыхивает он из трубочки, а глазами далеко вперед видит. Вон Митрошка словно бы за-

минаться стал, а Лукашка так и вовсе попусту косою машет. Векакивает Арсений Поталыч и бежит.

Как у образцового хозяина, у него все приведено в систему. За первую вину—пять ударов нагайкой, за вторую—десять, за третью—пятнадцать, а за четвертую—не прогневайся, счета не полагается.

Раздается крик, и через минуту все приходит в порядок.

От времени до времени он отлучается в соседнее поле посмотреть, как наливается рожь, но сейчас же возвращается назад и опять начинает ходить взад и вперед по рядам валов, поглядывая в то же время вперед. Ему кажется, что косцы начинают приставать, что косы двигаются валю, и валы укладываются не с прежней быстротой.

— Пошевеливайся, ребята, пошевеливайся, пока трава не обсохла,—то-и-дело покрикивает он.

Наконец, урочное время настало. Барин провозглашает: шабаш, — и барщине дается час для завтрака и отдыха.

Время, назначенное для отдыха, Арсений Поталыч проводит дома. Он завтракает, обедает и кончает день одновременно с мужиками, потому что иначе нарушился бы правильный надзор. Наскоро позавтракавши, он беспрестанно вынимает из кармана луковицу, и ровно в девять часов снова появляется на лугу.

Косцы уже взмахивают косами, и так как луг совсем обсох, то прибежали с деревни и бабы и разворачивают скошенные накануне валы. Солнце так и поливает сверху зноем, и в то же время с севера поддувает ветерок; вообще сушка предвидится отличная. Работа идет в глубоком безмолвии, потому что Арсений Поталыч празднословия не терпит. Он не сторонник веселой работы; любит, чтоб дело шло ходко и бойко, а для этого не нужно разговоров, а требуется, напротив, чтобы все внимание рабочей силы обращено было на одну точку. Он проходит, по-свистывая, между рядами баб, которые, в одних рубашках, прилипших к потному телу, высоко вскидывают граблями. Он не торопит их, потому что, покуда они дойдут от начала луга до конца, нужно, чтоб верхний слой первых валов сколько-нибудь прожарился. Только тогда работа

пойдет безостановочно, и он не даст бабам понапрасну засиживаться.

Побродивши по лугу с полчаса, он чувствует, что зной начинает давить его. Видит он, что и косцы позамялись, черезчур часто косы оттачивают, но понимает, что сухую траву и коса не скоро берет: станут торопиться, — пожалуй, и покос перепортят. Поэтому он не кричит «пошевеливайся», а только напоминает: «чище, ребята, чище косите», и подходит к рядам косцов, чтобы лучше удостовериться в чистоте работы.

Ничего, все идет, как следует. Нагайка хоть кого выучит исправности. Изнемогая от жары, весь в поту, возвращается он к давешней компаньонке и закуривает трубку. Мысль, что перед его глазами работают люди, которые тоже изнемогают от жары, не приходит ему в голову. Если бы была другая работа, в роде пахоты, например, он, конечно, в такой жар на сенокос людей не послал бы, но в начале июля, кроме косьбы, и в поле выходить не зачем.

Арсений Поталыч складывает руки между колен и задумывается. Теперь идет сенокос, потом бабы рожь жать начнут, потом паровое поле под озимь двоить будут, потом сев, яровое жать, снопы возить, молотить. А рядом с этим в доме идет варенье, соленье, настаиваются водки, наливки. Везде — он, везде — его хозяйский глаз нужен. В течение двух-трех месяцев надо все до последнего огурца к зиме припасти. Он проверяет в уме количество домашней птицы, предназначенной на убой, и высчитывает, какой может произойти до осени в птичьем стаде урон. Потом мысль его переносится на скотный двор и определяет количество молочных скопов, сколько для домашнего обихода потребуется, сколько на продажу останется. И вот, наконец, наступают и заморозки: надо птицу подкармливать. Всякая крошка у него на счету: все остатки от трапезы господ и дворовых, все бережно собирается в кучу и вместе с сывороткой и лишним творогом превращается в птичий корм. Зима все съест, да, кроме домашнего запаса, и денег не мало потребует. Надо жене и дочерям хоть по одному новенькому платью сшить, а двум невестам, пожалуй, и по два. Надо хоть фунта два чаю да две головы

сахару купить, водки, вина недорогого, свечей. Он высчитывает предполагаемый урожай, старается заранее угадать цены, определяет доход и расход и, наконец, сводит концы с концами.

— Шабаш, — кричит он, выходя из задумчивости и убеждаясь, что часовая стрелка показывает уж час пополудни.

Косы и грабли мгновенно опускаются, и он спешит домой, где, наскоро пообедавши, ложится отдохнуть, наказывая разбудить себя невступно в три часа.

Покуда он отдыхает, и на лугу царит глубокий сон. Надобно сказать, что в имении Пустотелова заведен такой порядок, что крестьянам разрешается топить печи только по воскресеньям. Распоряжение это сделано под предлогом устранения пожарных случаев, но, в сущности, для того, чтоб ни одной минуты барской работы, даже для приготовления пищи, не пропадало, так как и мужики, и бабы всю неделю ежедневно, за исключением праздников, ходят на барщину. Поэтому крестьяне горячей пищей пользуются только по праздникам, а в будни довольствуются исключительно тюрей из черного хлеба, размоченного в воде.

Вообще, заведенные Аросением Потанычем порядки крайне суровы. Он всецело овладел рабом в свою пользу и дает ему управляться у себя лишь урывками. По праздникам (а в будни только по ночам) мужики и бабы вольны управляться у себя, а затем, пока тягловые рабочие томятся на барщине, мальчики и девочки работают дома легкую работу: сушат сено, вяжут снопы и проч. Почти нет той минуты в сутках, чтобы в пустотеловских полях не кипела работа; три часа в течение дня и немногим более в течение ночи — вот и все, что остается крестьянину для отдыха. Но, сверх того, Пустотелов и прихотлив. Он требует, чтоб мужичок выходил на барщину в чистой рубашке; чтоб дома у него было все, как следует, и хлеба доставало до нового; чтоб и рабочий скот, и инструмент были исправные; чтоб он, по крайней мере, через каждые две недели посещал храм Божий (приход за четыре версты) и смотрел бы весело. Он желает, чтоб про него говорили, что он не только образцовый хозяин, но и попечительный распорядитель.

В три часа Арсений Потапыч опять на своем посту. Рабочие и на этот раз опередили его, так что ему остается только признать, что заведенная им дисциплина принесла надлежащий плод. Он ходит взад и вперед по разбросанному селу и удостоверяется, что оно уже достаточно провяло, и завтра, пожалуй, можно будет приступить к уборке. Подходит к кочкам, с удовольствием видит, что к концу вечера и луг будет совсем выкошен.

— Старайся, братцы, старайся, — поощряет он мужичков: — ежели раньше выкосите — домой отпущу.

Жар помаленьку спадает; косцы, в виду барского посула, удваивают усилия, а около шести часов и бабы начинают сгребать сено в копнушки. Еще немного, и весь луг усееется с одной стороны валами, а с другой — небольшими копнами. Пустотелов уселся на старом месте и на этот раз позволяет себе настоящим образом вздремнуть; но около семи часов его будит голос:

— Готово, Арсений Потапыч.

Луг выкошен окончательно; сено тоже сгребено в копны; сердце образцового хозяина радуется.

— Спасибо, молодцы, — произнес он благосклонно, — теперь можете свою работу работать.

По уходе крестьян образцовый хозяин с четверть часа ходит по лугу и удостоверяется, все ли исправно. Встречаются по местам небольшие махры, но вообще луг скошен отлично. Наконец, он, вяло опираясь на палку, направляется домой, проходя мимо деревни. Но она уже опустела; крестьяне отужинали и исчезли на свой сенокос.

(Салтыков. «Пошехонская Старина»).

6. Крестьянские волнения.

Активное проявление недовольства крестьян происходило в виде поджогов, убийств и наказаний помещиков и управляющих.

В течении девяти лет (1835—1843 г.г.) в Сибирь было сослано за убийство помещиков 416 человек (298 мужчин и 118 женщин).

Но администрации делались известными далеко не все случаи подобных расправ с помещиками. Большинство считало нужным молчать, видя в оглашении таких случаев не только позорящее для того, на кого нападение было произведено, но и опасное для сохранения помещичьего авторитета.

Способы убийства были различны.

Помещик Ярославской губернии Щепочкин был ночью во время сна взорван порохом, подложенным под спальню дворовыми людьми. Был случай, когда крестьяне замолотили (буквально) помощника управляющего, выведенные из терпения его притеснениями.

В селе Устерин, Корсунского уезда, Симбирской губ., крестьяне подожгли суконную фабрику и бросили живого помещика в огонь. В 1846 году двое дворовых могилевского помещика Л.-свого убили в один день в трех имениях шесть и ранили 8 человек дворян.

Важное место среди способов противодействия крестьян занимают крестьянские волнения. Крестьяне, ожидая выхода вольной грамоты, волновались в начале каждого нового царствования. Всего в царствование Николая I было 556 волнений в 29 лет, т.-е. по 19 волнений ежегодно.

С 1826—1829	было	41	волнение
„ 1830—1834	„	49	„
„ 1835—1839	„	59	„
„ 1840—1844	„	101	„
„ 1845—1849	„	172	„
„ 1850—1854	„	137	„

Волнения достигали больших размеров. Подавлялись они большей частью с помощью военных команд, при чем за усмирением следовала обыкновенно экзекуция. В остальных случаях крестьяне усмирялись сечением и преданием суду зачинщиков.

Очень сильные волнения были во время Крымской войны.

Слухи, что поступившие в ополчение крестьяне получат освобождение, сильно распространялись в народе. Толпы крестьян шли в Москву для заявления о желании поступить в ополчение. Посылались войска для их усмирения и водворения на место жительства. Волнения были в Рязан-

ской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Киевской, Саратовской, Симбирской, Воронежской губ. и захватили многие уезды. Волнения эти были настолько сильны, что в одну Киевскую губернию было выслано 16⁷ эскадронов кавалерии, 2 роты сапер, резервный батальон и 1 дивизион.

Вообще крепостная масса все с большим и большим нетерпением сносила рабское иго, ожидая освобождения от правительства. «При современном состоянии крепостного состояния,—говорит современник,—пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни, приезд государя в Москву (как это было в 1843 году), всякое происшествие, почему-либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе; ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания. Все это возможно в каждую минуту, и никакая полиция не поручилась бы за один день спокойствия».

«Призрак пугачевщины,—говорит позднейший исследователь,—вечно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное предостережение, напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков».

(Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». Стр. 256—262).

7. Охота пуще неволи.

Статья А. И. Кошелева (1847 г.).

Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, работает сколь возможно меньше,—ему не дело делать, а день убить. На господина работает он три дня и на себя также три дня. В свои дни он обрабатывает земли больше, справляет все домашние дела и еще имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние, или в ярость. На-

казываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству—как единственно-возможному, чтобы дело вперед подвинуть. С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит: материалов не наготовишься, времени проработают они менее барщинского крестьянина, отдохнут они более его, но наделают они вдвое, втрое. Отчего?—Охота пуще неволи.

Взойдите в мануфактуру, где работают по наряду, даже где, в виде поощрения, дается некоторая задельная плата. Что вы там найдете? Инструменты непременно в худом виде, ибо работники их не берегут, они за них не отвечают, можно этих людей наказывать, но нельзя прогнать. По этой же самой причине работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработанного количества, то, верно, едва в половину против вольного работника. Какая разница войти в мануфактуру, истинно на коммерческой ноге устроенную. Как там один перед другим боится переработать, так тут они друг друга одушевляют и подстрекают. Вычет заставляет каждого строже всякого надсмотрщика наблюдать за чистотой работы. Собственная выгода будит его до света и освещает ему вечером.—Охота пуще неволи.

У нас в домах слуг много, а прислуги мало. Всякий имеет свою часть и даже свою часть исправляет столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менее, чем сколько нужно. За границею, даже в С.-Петербурге у иностранных купцов—в доме один слуга, а между тем все чисто, все убрано; за столом он один служит пятнадцати, двадцати человекам; везде он поспевает; нигде нет за ним остановки. Почему?—Потому, что он получает жалованье хорошее, т. е. то, чего нам стоят двое, трое наших невольных слуг; потому, что если он не будет исполнять всех требований своего хозяина, не будет предупреждать его желаний, то его сошлют и возьмут слугу более усердного. Спросите иностранцев в Петербурге, как они довольны нашими так-называемыми артельщиками; один человек служит за троих. Отчего?—Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, беспечны, ленивы,—да как же им быть иными? О чем им заботиться?

Они знают, что барин их накормит и оденет. К чему им радеть?.. Что чем больше, они будут работать, то тем больше навалют на них дела, и одно средство быть покойным—дела не делать и от дела не бегать. Что же касается до ума, то в их тешерешнем положении это самая опасная и бесполезная вещь: почти все умные слуги или пьяницы, или отчаянные головы. Самая лучшая вещь в слуге—чтобы он был не умен и не глуп.

Дело другое в вольном человеке: он должен позаботиться о том, чтобы припасти к старости, на случай болезни; ему надобно подумать или об отце и матери, или о жене и детях. Если он будет служить плохо, то его прогонят; если он может в доме исправлять только одну часть, то он и жалованье получит за $\frac{1}{4}$, за $\frac{1}{2}$ слуги—одним словом, всякий слуга служит без усталы, мечется во все углы, все им приведено в порядок, потому что он служит по доброй воле, потому что он получает для себя по мере, как он служит для другого.

Одна привычка, одна восточная лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей. Почти все мы убеждены в превосходстве труда свободного перед барщинскою работою, вольной услуги перед принужденною, а остаемся при худшем, зная лучшее.

(«Биография Кощелева». Т. II. Приложения).

8. Невыгодность барщины.

В Тульской губернии у помещика А—ва дается на каждое тягло по 2 дес. в каждом поле, 1 дес. покосу, и 1 десят. под усадьбу; всего 8 десят.

В том же имении свободная земля отдается в наем по 19, 20 и даже 22 руб. за десятину. Положив еще менее, 18 руб. за десятину, каждое тягло стоит помещику 144 руб.

Следовательно, годовой работник с работницей будет стоить 288 р. *).

*) Так как тягло дает три рабочих дня в неделю.

В тех же местах хорошего работника и работницу можно нанять за. 60 р.
 Пища им. 40 „
 Процент, издержки на лошадь, сбрую, орудия, наконец, на помещение сих людей могут быть оценены не свыше 70 „

Итого . . . 170 р.

Следовательно, менее против крестьянского тягла 118 руб.

Но при оценке тягла мы не принимали в расчет ни процентов с капитала стоимости самих крестьян, ни разные другие расходы (как-то: лесом, вспоможением при пожарах, во время голода и пр.). Все это не может быть оценено ниже 30 руб.

Один благоразумный и проницательный владелец в Московском уезде обрабатывал одну часть своей земли крепостными, а другую наемными работниками. По его расчету, переведенному на рожь, оказалось:

Тягло крепостное стоило помещику. 21 четв. ржи
 Вольнонаемные мужина и женщина 20½ „ „

Дохода помещик получал:

От крепостного тягла 15½ „ „
 От вольнонаемных работника и работницы. . 43 „ „

Воляжский купец Рекк сообщил нам подробные расчеты своего хозяйства.

У него в Новоузенском уезде 2.067 десят. земли. Часть сей земли он отдает в оброк, а сам обрабатывает ежегодно до 480 десятин наемными работниками.

Идержки на сих работников, платою и пищею, простирались в год до 5.770 р. асс.
 Сверх того, временные работники стоят. . . . 6.881 „ „
 На поправки и хозяйств. заведения издержано. 1.225 „ „

Итого . . . 13.876 р. асс.

С 480 десятин он получил в прошедшем 1840 г.:

Ржи 165 четв.
 Пшеницы 1.667 „
 Овса 160 „
 Ячменя. 88 „
 Проса. 97 „

Все сии произведения по меньшей мере должны быть оценены в 22.000 руб.

Следовательно, обработка земли вольнонаемными работниками принесла чистого дохода до 8.000 руб., или свыше 57 % капитала.

Эти примеры достаточно убеждают в возможности обработки земли вольнонаемными работниками. Если расчеты иных владельцев приводят к противному результату, то это потому, что они упускают из вида, что вольнонаемных работников для одного и того же пространства земли нужно гораздо менее.

В хозяйстве купца Рекка приходится более 9 дес. на каждого работника. Тогда как в имении князей К—в, при самой усиленной барщине (на помещика обрабатывается вдвое больше, нежели на крестьян), ежегодная запашка на одного работника простирается не свыше 5 дес.

(Заблочный-Десятовский. «Гр. Киселев и его время». Т. IV, стр. 281—284).

9. Крестьянская реформа.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., которую буржуазная история окрестила громким титулом «великой реформы», по существу была сделкой между помещиками и промышленной буржуазией. На долю старых господ досталась, конечно, львиная доля, а промышленная буржуазия получила лишь столько, сколько ей было совершенно необходимо, и даже немножко меньше и этого. Прежде всего крестьянин был освобожден с землей и прикреплен к этой земле: он не смел уйти из деревни без согласия «мира», а так как население деревни было связано круговой порукой в деле уплаты податей (очень увеличившихся после 19-го февраля, как сейчас увидим), то ему был весь интерес крестьянина не выпускать, ибо тогда каждому из оставшихся приходилось платить больше. Привязанный к своему жалкому клочку земли, крестьянин остался под властью дворянства, в лице мирового посредника, по приказанию которого волостной «суд», всецело от посредника зависевший,

в два, в три почти раза больше (до 270%). Иными словами, на одну уплату податей крестьянин должен был продать весь хлеб, да еще приработать на стороне. Подати выжимали из него прибавочный продукт не менее успешно, чем оброк и барщина. Вот в чем был секрет знаменитого «освобождения крестьян с землею».

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 118—120).

в два, в три почти раза больше (до 270⁰/₀). Иными словами, на одну уплату податей крестьянин должен был продать весь хлеб, да еще приработать на стороне. Подати выжимали из него прибавочный продукт не менее успешно, чем оброк и барщина. Вот в чем был секрет знаменитого «освобождения крестьян с землею».

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 118—120).

III. Буржуазная Россия.

А. Аграрный вопрос после крестьянской реформы (1861—1905 г.г.).

Вводная статья.

После крестьянской реформы денежно-хозяйственные отношения все более и более проникают в деревню. В результате, среди более или менее однородной до реформы крестьянской массы происходит расслоение: с одной стороны, из нее выделяется сельская буржуазия, с другой—сельский пролетариат и полупролетариат. Но этот процесс расслоения задерживается уцелевшими пережитками крепостнического строя. Тяжелый гнет выкупных платежей и государственных налогов, при недостаточном обеспечении крестьянства землей, вынуждает крестьянина арендовать помещичьи земли по дорогой цене и на самых невыгодных условиях, наниматься в батраки к соседу-помещику или кулаку за дешевую плату, занимать деньги у сельского ростовщика под большие проценты, нести на рынок нужные ему самому продукты, сокращая собственное потребление. Крестьянин попадает в кабальную зависимость от кулака и помещика, при чем сохраняются по существу и прежние, крепостнические формы этой зависимости—оброк и барщина, основанные лишь не на юридическом (как прежде), а на экономическом принуждении. Не имея средств улучшить свое хозяйство, крестьянство все более опускается—разоряется и нищает. Рост арендных цен задерживает развитие капиталистического хозяйства на землях помещиков и крестьянской

буржуазии, а обнищание крестьянской массы сокращает внутренний рынок для фабрично-заводской промышленности. Разрешение аграрного вопроса становится все более неотложным в интересах развития народного хозяйства страны, поднятия ее производительных сил.

Все возрастающая безвыходность положения крестьянской массы создает почву для развития крестьянского движения, господствующим лозунгом которого является требование земли. Поднявшись на значительную высоту в конце 70-х и в начале 80-х годов, волна крестьянских движений достигает давно уже небывалого размаха в первые годы XX века, грозя вылиться в крестьянскую революцию. Страх перед повторением пугачевщины, с одной стороны, и забота об углублении внутреннего рынка—с другой, заставляют правительство пойти на уступки: в первой половине 80-х годов была отменена подушная подать, значительно сокращены выкупные платежи (в среднем на 27%), упорядочена система взимания податей, учрежден Крестьянский банк для содействия крестьянам в покупке земли. В начале 1902 года было открыто «Особое совещание о нуждах с.-х. промышленности» и предписано организовать губернские и уездные комитеты для обсуждения мер к поднятию производительных сил в сельском хозяйстве. Разрешение аграрного вопроса было признано неотложной задачей.

1. Расслоение крестьянства.

Со времени отмены крепостного права в России усиленно происходит превращение потребительского крестьянского хозяйства в товарное.

Крестьянин втягивается в круговорот товарного хозяйства и как покупатель городских товаров, и как вольный или невольный продавец сельских. А раз втянувшись—подчиняется всем его законам. Всякий продавец всякого товара должен стараться не потерять покупателей, чтобы другие продавцы не разорили его развитием их хозяйств. Отсюда между крестьянскими хозяйствами, существовавшими прежде сравнительно независимо одно от другого, неизбежно должно начаться часто незаметное сначала для них самих соперничество. Те

из них, которые в силу различных причин лучше приспособлены к новым условиям существования, выживают, остальные начинают падать. У кого случайно в семье больше мужчин, кто получает поэтому больше земли от общества, у кого больше лошадей или еще какое-нибудь благоприятное обстоятельство, тот меньше стеснен, может выждать благоприятного времени для продажи зерна, может сам свезти его в город, не обращаясь к перекупщику, может обойтись без помощи ростовщика и т. д. Кто стоит в худшем положении, у кого, например, меньше работников в семье, меньше земли, тот быстрее попадает в зависимость от других, тот не может завести себе лучшего плуга, удобрять как следует свое поле, уплачивать аккуратно подати и т. д. Один, два случайных неурожая способны лишить такого хозяина всякой самостоятельности, закабалить его своему же более счастливому соседу (превращающемуся в кулака), лишить лошади, а то и поставить в невозможность вовсе продолжать самому вести свое хозяйство.

Из прежней однородной крестьянской массы постепенно выделяются, с одной стороны, деревенские предприниматели, сельская буржуазия, а с другой—деревенская беднота, безлошадные, бесхозяйные, сельскохозяйственные батраки—деревенский пролетариат. Крестьянство, обратившись к товарному хозяйству, раскалывается на различные классы с различными интересами, как это имеет место и в городе.

Если взять сведения по всей России, то окажется следующее. В 1877 г. в 46 губ. Евр. России было 8 милл. 400 тыс. крестьянских дворов, с 110 милл. дес. удобной земли. Из них малоземельных (до 10 дес. на двор) было 37% всего числа дворов, и у них было 18% всей земли,—вдвое меньше, чем следовало бы по их численности. Хозяйств с десятью—пятнадцатью дес. было 39%, и у них 36% всей земли—почти столько, сколько и следует по среднему расчету. Хозяйств с 15, 20 и выше десятинами было 24%, и у них 45% земли—вдвое больше сравнительно с их численностью. Уже тогда, следовательно, четверть хозяйств пользовались почти половиной всех наделных земель. С тех пор сосредоточение деревенского хозяйства в руках сельской буржуазии и зарождение сельского пролетариата ушло много дальше.

Уже в 90-х годах зажиточные хозяйства (20% общего числа дворов) пользуются 40% наделной земли, а арендованной даже 60—70%. Им же принадлежат и почти все улучшенные орудия труда.

Из всего рабочего скота высший разряд, одна пятая всех крестьянских дворов, сосредоточивает в своих руках от 42 до 46%, т.-е. до половины, а местами и более.

Что делать тому, у кого нет ни рабочего скота, ни других средств производства?

Остается заняться только промыслами, т.-е. либо стать наемным рабочим у соседа многолошадного или помещика, либо переселиться в город искать работы вне земледелия, либо, удержав за собой дом на родине, уходить на лето на сельскохозяйственные работы на юг, на постройки, на зиму в лес, в извоз, у себя в деревне работать на скупщика какие-нибудь сапоги и колеса или другие предметы сельского кустарного производства.

Занимается промыслами и сельская буржуазия, все эти многолошадные, многопосевные. Но только их занятия уже другого характера. Низшие разряды безлошадных, однолошадных могут заниматься промыслами на месте и отхожими только в качестве рабочих—кроме своих рук у них ничего нет. Высшие же разряды, опираясь на сосредоточенные ими у себя средства производства и капиталы, занимаются промыслами уже в качестве хозяина и предпринимателя: заводят торгово-промышленные заведения, открывают лавки, трактиры, делают скупщиками хлеба, ростовщиками, раздают работу кустарям и т. п.

Перед нами уже вырисовывается ясная картина. С одной стороны, имеются крестьянские дворы, живущие исключительно или преимущественно продажей своей рабочей силы.

Одни из них, не имея ни орудий, ни средств для обработки земли (безлошадные, беспосевные), сдают ее в аренду или забрасывают и уходят совсем на фабрики, в города, делаются постоянными сельскохозяйственными рабочими и т. п. Другая же часть, однолошадная или малосеющая, сохраняя еще собственную запашку, подчас по бешеным ценам арендует землю в надежде поправиться, уходит ежегодно на промыслы, зимой отправляется в леса, в извоз,

летом миллионами уходит на юг на сельскохозяйственные работы, на постройку и т. д.

Вот класс сельских пролетариев, безлошадных и бесхозных, и полупролетариев, однолошадных, с ничтожными посевами.

С другой стороны, мы имеем многолошадную, многопосевную сельскую буржуазию.

Она является нанимателем, скупщиком и ростовщиком для остального крестьянства, владельцем торгово-промышленных заведений, одним из главных приобретателей распродающихся дворянских земель и значительным арендатором. В современной русской деревне противостоят друг другу крестьянский пролетариат и крестьянская буржуазия. Одни покупают, другие продают; одни нанимаются, другие нанимают. Интересы их противоположны, и примирения между ними не может быть.

Посредине—так-называемое трудовое крестьянство, для которого земледелие является главным занятием и источником средств к жизни, хотя уже и не единственным. Чтобы удержаться на земле, с каждым годом принуждено оно все более и более заниматься отхожими промыслами, отхожими работами и лишь в исключительных случаях может пробиться вверх, в ряды сельской аристократии. Гораздо чаще неурожай, пожар, падеж скота, увеличение сборов, случайная потеря одного из работников выводит его из состояния неустойчивого равновесия и бросает в ряды полупролетарских и пролетарских слоев деревни. Не будучи в силах обеспечить большую прочность своему хозяйству, оно в то же время еще удерживает его за собой—ценой недоедания и чрезмерной работы.

По приблизительным расчетам, в середине 90-х годов можно было насчитать около 15% крестьянской буржуазии, около 20—25% деревенского пролетариата, процентов 20—25 полупролетариата и до 40% трудового крестьянства.

К концу XIX века разложение экономически однородного крестьянства под влиянием торжества товарного производства русской деревни, как видим, есть уже совершившийся факт, с каждым годом все расширяющийся и углубляющийся. Однородного русского крестьянства не существует.

Трудовое, хозяйствующее, самостоятельное мелкое крестьянство не составляет уже подавляющего большинства в русской деревне. Деревня втянулась в товарный круговорот. Все меньше становится хозяйств, не входящих в круг капиталистического производства, все больше связываются с ним, — одни — продажей своих сил, другие — продажей своих товаров.

(Ларин. «Крестьянский вопрос и с. д.». Стр. 20—36).

2. Разорение крестьянской массы.

Из дохода, получаемого со своего надела, крестьянин прежде всего должен был выплатить поземельный налог и выкупные платежи. Выкупные платежи были настолько высоки, что часто чистого дохода с надела не хватало на их уплату, и приходилось отказываться от удовлетворения своих потребностей, меньше есть, хуже одеваться и т. п., лишь бы уплатить подати.

Но гораздо более выкупных крестьяне выплачивали в казну, не зная даже об этом, в виде всяких косвенных налогов. На одной водке собирали с крестьян вдвое больше всех прямых налогов. Затем были обложены, хотя и менее значительно, но все же высоко, табак, спички, керосин, сахар, хлопок и шерсть для выделки материи на платье, все железные и чугунные предметы, письма, проезд по железной дороге и многое другое, необходимое крестьянину. Налог включен здесь уже раньше в цену предмета, так что, покупая плуг или ситец жене, крестьянин и не знает, сколько он в том числе уплатил за покупку, а сколько налогу.

В Московской губернии в 1901 году чистый доход крестьянского хозяйства с надела, за вычетом необходимейших расходов, составлял 15 руб. в год. Прямых налогов (выкупных и др.) шло с хозяйства 25 с половиною рублей, а главнейших косвенных (не всех) 52 р. 21 к. Всего почти 75 руб. Следовательно, на платеж уходит не только весь чистый доход, но еще и часть того, что нужно для необходимейших расходов. А так как без «необходимейших» не проживешь, то крестьянину во что бы то ни стало надо откуда-нибудь

пополнить этот недостаток. И первым делом он, естественно, бросается на аренду соседней помещицъей, монастырской или удельной земли. Так как его вынуждает прибегнуть к аренде недостаток в средствах к жизни—голод, то он согласится отдать все, что получится с арендуемого участка, за исключением той части, которой он покроет свой недостаток. Он согласится на условия худшие, чем если бы он был просто сельским рабочим. Если бы он был рабочим, он потребовал бы себе платы, достаточной хотя бы для плохой жизни. Теперь же он часть средств получает со своего наделъного участка, и потому помещик может прижать его еще больше, чем прижимает того же сельского рабочего.

Тот же крепостнический способ выжимания из крестьян пота, только по названію отличающійся от аренды, мы имеем при обработке помещицъей экономии крестьянским инвентарем и крестьянским скотом. При крепостном правѣ помещик иногда отдавал крестьянам землю и получал оброк, иногда заставлял их прямо работать на барщине и выдавал им их содержание натурой. Если крепостническая аренда представляется тем же оброком в других формах, то обработка помещиком своих земель крестьянским инвентарем и скотом сплѣнь и рядом является той же барщиной. Сплѣнь и рядом в таких случаях помещик отдает крестьянину кусок земли в аренду, и тот обязуется отработать на помещицъей землѣ.

Таким образом, из всех земель, и наделъных и арендуемых, крестьяне-хозяева не могут сохранить ничего для поддержки и улучшения земледельческаго хозяйства.

Ни в одной европейской странѣ не употребляется так мало усовершенствованных орудій в земледелии, как в Россіи. Ни в одной странѣ не сохранилось такой отсталой системы земледелия, как наша трехпольная, благодаря которой третья часть пашни ежегодно пустует. В то время, как в Россіи число рабочаго скота уменьшается, во всех других странах оно увеличивается. Сокращеніе рогатаго скота наблюдается также только почти в одной Россіи. Земля не получает удобрения, сколько нужно; обрабатывается очень несовершенным способом.

В результате, урожайность в Россіи ниже, чем где бы

то ни было. Чистый сбор всех хлебов (без семян) в России—30,3 пуда с десятины, в Англии—114, в Венгрии—74,5, во Франции—71,8 и т. д.

А ведь по величине своего надела русский крестьянин стоит не только не ниже, но еще выше своего западно-европейского собрата. На сто человек крестьянского населения в России приходится 196 десятин крестьянской удобной земли; в то время, как на сто французских крестьян лишь 181, а на сто германских, даже 175.

Следовательно, у нас крестьяне владеют большим количеством земли. И земля в общем не худшего качества, а целой половине России даже лучшего—чернозем.

Земли у русских крестьян больше, но получают они с нее меньше, так как нет средств обрабатывать эту землю.

В последнее десятилетие XIX века начинается и прямое уменьшение урожаев. В годы, ближайшие к 1893, средняя урожайность (валовая) для всей России равнялась 45 пуд. с десятины; в годы, ближайшие к 1899—только 43.

С каждым годом все больше нищает страна, все дальше загоняется в тупой угол народное хозяйство. Результаты: смертность в России в год—35 чел. на тысячу, а во Франции—22, в Англии—19, в соседней Швеции и Норвегии—даже только 17.

Между тем, в 1816—1820 г.г. смертность в России составляла только 23 на тысячу,—следовательно, с тех пор увеличилась наполовину. А во всех странах она сокращается.

Так как по недостатку средств крестьянин не может обеспечить себя улучшением производства своей земле, то единственный выход для него—расширять площадь своего землепользования.

Такое положение приводит к страшному повышению арендных цен. Мы видели, что какой-нибудь мелкий крестьянин платит не столько, чтобы оставить себе какой-нибудь чистый доход, но все, что он может отдать сверх пополнения того недостатка в жизненных средствах, который ему нужно покрыть. А из этого следует, что где имеют место такие условия, землевладельцу гораздо выгоднее сдать свою землю по «голодной цене» крестьянину, чем вести на ней самому капиталистическое товарное хозяйство. В самом деле, при ве-

дении своего хозяйства, ему придется оплачивать более или менее полное содержание наемных рабочих, и ему останется только прибыль сверх этого. У крестьянина же арендатора он может забрать не только эту прибыль, но и часть его содержания—ту часть, которая этому арендатору остается от его собственной наделной земли.

Следовательно, крепостнический гнет над мелким крестьянством делает ведение улучшенного капиталистического хозяйства менее выгодным, чем сдача крестьянам земли в аренду. Этим останавливается развитие земледелия, развитие производительности труда не только на крестьянских землях, но и на помещичьих.

Но это еще не все. Рядом с арендой мелкого крестьянского хозяйства, преследующего цели своего существования, цели продовольствия, существует еще аренда крупного крестьянского хозяйства. Крупный крестьянин арендует землю уже не по нужде, а ради расширения своего хозяйства и своих торговых оборотов.

Однако, существование рядом крепостнической аренды ради продовольствия чрезвычайно затрудняет подъем производительности труда и на крупно-крестьянской аренде. Благодаря соперничеству со стороны арендаторов по нужде, арендаторы ради выгоды все же должны уплачивать столь высокие поборы, при которых значительное усовершенствование в земледелии делается невозможным.

Таким образом, возможность крепостнического обирательства крестьян затрудняет повышение производительности труда и развитие современного хозяйства не только на землях трудового и пролетаризирующегося крестьянства, но и на землях крупных крестьян (сельской буржуазии) и в частновладельческих имениях. Поэтому развитие товарного хозяйства в русском земледелии не приводит к быстрому и значительному повышению его уровня, не создает в должной мере прочного, все расширяющегося рынка для торговли и промышленности.

С другой стороны, еще тяжелее отражается господство крепостнических отношений на десятках миллионов пролетаризирующегося мелкого крестьянства и сельском пролетариате.

Чем хуже приходится мелкому крестьянину на своем участ-

ке, тем больше потребность в аренде, тем выше арендные цены, тем затруднительнее развитие хозяйства с наемными рабочими, и, следовательно, тем труднее ему оставить свое хозяйство ради наемной работы.

Таким образом, на всех разоряющихся крестьян, на всех этих малолешадных и малопосевных, на все эти десятки миллионов полукрестьян-полурабочих крепостнические поборы влияют прежде всего тем, что препятствуют им развиваться так или иначе с теперешним своим положением. Даже заработок сельскохозяйственного наемного рабочего выше дохода такого крестьянина или какого-нибудь арендатора по нужде, не говоря уж об еще высшем положении фабрично-заводского пролетариата. Но перейти к этому более выгодному заработку пролетаризирующийся крестьянин сплошь и рядом не может, а если и переходит, то понижает его выгоду.

Промышленность не способна поглотить все бегущее из деревни пролетаризирующееся крестьянство. Желающих работать оказывается гораздо больше, чем требуется работы, голодный крестьянин соглашается на низкую плату и дурные условия труда.

Наемный труд в сельском хозяйстве еще тяжелее чувствует на себе влияние крепостничества. Положение сельских рабочих в России хуже, чем где бы то ни было. Средняя годовая заработная плата сельского рабочего в России в конце XIX века была 50 руб., а в Германии втрое больше—150, во Франции вчетверо—200 и в Англии впятеро—250. Низкая производительность труда и сравнительная маловыгодность капиталистического хозяйства, эти следствия крепостнического гнета, удерживают плату русского сельского рабочего на ничтожной высоте.

В итоге крепостнические поборы, задерживая поднятие производительности труда в земледелии вообще, вместе с тем тяжелым бременем ложатся, как мы видим, на все слои русской деревни, кроме, конечно, самих крепостников.

Вместо расширения хозяйства одних и увеличения спроса на труд других мы находим очень часто просто общее обнищание.

(Ларин. «Крестьянский вопрос и с.-д.». Стр. 11—17, 36—43).

3. Хозяйственный мужичок.

Как поступает хозяйственный мужик, чтобы обеспечить сытость для себя и своего семейства? Это целая наука. Тут и хитрость змия, и изворотливость дипломата, и тщательное знакомство с окружающею средою, ее обычаями и преданиями, и, наконец, глубокое знание человеческого сердца.

Прежде всего он начинает с самого себя, с своей семьи, с работника или работницы, ежели у него есть, с людей, созываемых на помочи и т. д. И главная забота его заключается в том, чтобы этот рабочий улей как можно умереннее потреблял еды и в то же время был достаточно сыт, чтобы устоять в непрерывной работе. Первый предмет, представляющийся его вниманию, — хлеб. Он не подает на стол мягкого хлеба, а непременно черствый. Почему? Потому, что черствый хлеб спорее; мягкого хлеба вдвое съешь. Затем, он круглый год льет в кашу не коровье масло, а конопляное, хотя первое можно найти дома, а второе нужно купить, и оно обойдется почти не дешевле коровьего. Почему? Потому, что налей мужику коровьего масла, он вдвое каши съест. Свежую убоину он употребляет только по самым большим праздникам, потому что она дорога, да в деревне ее, пожалуй, и не найдешь; но, главное, потому, что тут ему уж не сладить с расчетом; каково бы ни было качество убоины, мужик набрасывается на нее и наедается до пресыщения. Одно средство, за редкими исключениями, — совсем изгнать ее из насыщающего обихода.

Не менее мудро поступает он и с гостями во время пирований, которые приходится на большие праздники, как Рождество, Пасха или престольные, и на такие семейные торжества, как свадьба, крестины, именины хозяйки и хозяина. Он прямо подносит гостю большой стакан водки, чтобы он сразу захмелел.

— Как поднесу я ему стакан, — говорит он, — его сразу ошеломит; ни пить, ни есть потом не захочется. А коли будет он с самого начала по рюмочкам пить, так он один всю водку сожрет, да и еды на него не напасешься.

Скотину он тоже закармливает с осени. Осенью она и сена с сырцой поест, да и тело скорее нагуляет. Как нагу-

ляет тело, она уж зимой немного корму запросит, а к весне, когда кормы у всех к концу подойдут, подкинешь ей соломенной резки—и на том Бог простит. Все-таки до новой травы выдержит, с целыми ногами в поле выйдет.

Голова скромного хозяйственного мужичка не знает отдыха; с утра до вечера она занята всевозможными устроительными подробностями. Много лежит на нем обязанностей: прежде всего нужно, конечно, определить крайний минимум, чтобы прокормить себя и семью; потом—подумать об уплате денежных сборов и отыскать средства для выполнения этой обузы; наконец, ежели окажутся лишки, то помечтать о так-называемой «полной чаше». Но расчеты его черезчур часто нарушаются. Беспредостанно встречаются экстренные расходы: то свадьба в доме, то крестины,—все это составляет предмет мучительных забот. Мужику все нужно; но главное всего нужна предусмотрительность, умение заблаговременно приготовиться и запастись, способность изнуряться, не жалеть личного труда, лишь бы как можно меньше истратить денег.

Деньги—это кровная изва крестьянского быта. Дома крестьянин очень мало в них нуждается—только на соль, да вино, да на праздничную убойну. От времени до времени требуется сшить девушке-невесте ситцевый сарафан, купить платок, готовый шугайчик; по возвращении из поездки в город хочется побаловать ребят калачом или баранками. В кои-то веки он купит праздничный армяк синего сукна для себя и недорогой материи на сарафан для жены. Вот и вся его домашняя денежная трата. Остальное он должен добыть на уплату всевозможных сборов.

Ради них он обязывается урвать от своего куска нечто, считающееся «лишним», и свезти это лишнее на продажу в город; ради них он лишает семью молока и отпайкает теленка, которого тоже везет в город; ради них он в дождь и стужу идет за тридцать-сорок верст в город пешком с возом «лишнего» сена; ради них его обсчитывает, обмеривает и ругает скверными словами кунец или кулак; ради них в самой деревне его держит в ежовых рукавицах мироед.

Неудивительно, стало-быть, что он весь погружен в одну думу: спасти себя и присных.

(Салтыков. («Мелочи жизни»)).

4. Помещик.

Конон Лукич Лобков, помещик средней руки, обладает очень неважными средствами. В старину у него было душ двести-триста крестьян, а за наделом их в его распоряжении осталось десятин пятьсот с небольшим. Из них сто под пашней в трех полях (он держится отцовских порядков), около полутораста под лесом, слишком двести под пустошами, да около пятидесяти под лугом; болотце есть, острец в нем хорошо растет, а кругом, по мокрому месту, травка мяконькая. Но нет той пяди, из которой он не извлекал бы пользу, кроме леса, который он до поры до времени бережет. И, благодарение Создателю, живет,—не роскошествует, но и на недостатки не жалуется.

Лобков не столько рассчитывает на силу урожая, сколько на дешевизну и даже на безвозмездность необходимого для обработки земли труда.

Вот с этой-то целью и изобретена им целая хитросплетенная система подспорьев.

Первое место в ряду подспорьев занимает прижимка. Конон Лукич подкрадывался к ней издалека, еще в то время, когда только-что пошли слухи о предстоящей крестьянской передрыге (так называет он упразднение крепостной зависимости). В то время он всячески ласкал крестьян и обнадеживал их: «Вот уж, будете вольные, и заживем мы по-соседски мирком да ладком. Ни вы меня, ни я вас—все у нас будет по-хорошему». Так что когда наступил срок для составления уставной грамоты, то он без малейшего труда опутал будущих «соседушек» со всех сторон. И себя, и крестьян разделил дорогою; по одну сторону дороги—его земли (пахотная), по другую—надельная; по одну сторону его усадьба, по другую—крестьянский порядок. А сзади деревни—крестьянское поле, и кругом, куда ни взгляни,—господский лес.

— Вы пашни больше берите,—увещевал он крестьян,—в ней вся ваша надежда. За лесом не гонитесь, я и сучьев на престоление и валежнику на лучину, хоть задаром, добрым соседям отпущу. Лугов тоже немного вам нужно,—у меня

пустешей сколько угодно есть. На кой мне их шут. Только горе одно... хоть даром косите.

Словом сказать, так обставил дело, что мужичку курицы выпустить некуда. Курица глупа, не рассуждает, что свое, что чужое, бредет туда, где лучше,—за это ее сейчас в суп. Ищет баба курицу, с ног сбилась, а Конон Лукич молчит.

— Вы что ли, Конон Лукич, курицу взяли?—пристаёт она к барину.

— Не внаю; видел я давеча курицу у себя в огороде; а твоя ли, моя ли—Христос их разберет.

— Куда же она девалась?

— Должно-быть, в суп ко мне попала. Не ходи в огород. За это я не только чужой, но и своей курице потачки не дам.

И полеводство свое он располагал с расчетом. Когда у крестьян земля под паром, у него через дорогу овес посеян. Видит скотина—на пару ей взять нечего, а тут же, чуть не под самым рылом, целое море зелени. Нет-нет, да и забредет в господские овсы, а ее оттуда кнутьями, да с хозяина штраф. Потравила скотина на гривенник, а штрафу рубль. «Хоть все поле стравите, мне же лучше,—ухмыляется Конон Лукич:—ни градобитиев бояться не нужно; ни бабам за жнитво платить».

Однако, он настолько добр, что денег за штрафы не требует.

— Мне на что деньги,—говорит он:—на свечку Богу да на лампадное маслице у меня и своих хватит. А ты вот что, друг: с тебя за пограву следует рубль, так ты мне вместо того полдесятины вспалши, да сдвой, а уж посею я сам. Так мы с тобой по-хорошему и разойдемся.

— Мучитель вы наш, Конон Лукич.

— Ты говоришь: «мучитель», а я говорю: правило такое есть—на чужую собственность не заглядывайся. Я к тебе не хожу, ты ко мне не ходи. Знаешь ли ты, что такое собственность? Ею, друг, государство держится. Потому, всякому своего жаль, а коли своего жаль, так, стало-быть, и чужого касаться не следует. Все друг по дружке живут; я тебя берегу, ты меня... потому что у каждого есть собственность. А ежели кто это забывает, значит, тот и государству изменник, да и вообще... ну, просто, значит, ничего нестоящий человек.

Словом сказать, и потравы и порубки не печалят его, а радуют. Всякий нанесенный ему ущерб оценен заблаговременно, на все установлена определенная такса. Целый день он бродит по полям, по лугам, по лесу, ничего не пропустит и словно чутьем угадает виновного. Даже ночью одним ухом спит, а другим—прислушивается.

Другое подспорье—это система так называемых одолжений. У мужичка к весне и хлеб, и сено подошли, а Конон Лукич всегда готов по-соседски одолжить.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени,—кланяется мужичок.

— С удовольствием, друг. И процента не возьму: я тебе два пуда, и ты мне два пуда,—святое дело. Известно, за благодарность, ну, что-нибудь порботаешь... Что бы, например?—Ну, например, хозяйка твоя с сношеньками полдесятинки овса мне сожнет.

— Помилуйте, Конон Лукич, полдесятины-то овса сжать мало-мальски два с полтиной ютать нужно.

— Это ежели деньгами платить, а мне—за благодарность. Я ведь не неволю; мне и гуляючи отработаете. Наступит время, поспеет овес—бабыньки-то твои и не увидят, как, шутя, полдесятинки сожнут.

За первым мужичком следует другой, за другим—третий, и так далее. У всех нужда, и всех Конон Лукич готов наделить. Весной он обеспечивает себе обработку и уборку полей. С наступлением лета он точно так же обеспечивает уборку сенокоса.

Здесь ему приходит на помощь третье отличное подспорье—пустопь...

— Берите у меня пустопи,—советует он мужичкам:—я с вас ни денег, ни сена не возьму,—на что мне. Вот лужок мой всем миром уберете,—я и за то благодарен буду. Вы это тут на гулянках сделаете, а мне—подспорье.

— Все на гулянках, да на гулянках. И то круглый год гуляем у вас, словно на барщине,—возражают мужички.—Вы бы лучше, как и другие, Конон Лукич, за деньги, либо исполу...

— Что вы, Христос с вами. Да мне стыдно будет в люди глаза показать, если я с соседями на деньги пойду. Я—вам,

вы—мне; вот как по-христиански следует. А как высите мне лужок,—я вам ведро поставлю, да пирожками убелю—это само собой.

Словом сказать, благодаря подспорьям, гуляют у него мужички на работе, а он прощитывается.

(Салтыков. «Мелочи жизни»).

5. Мироед.

Истинный мироед зачался одновременно с упразднением крепостного права, но настоящим образом он оперился, оформился и расцвел, благодаря сивушной реформе, которая каждую деревню наградила кабаком.

Доступность водки произвела оглушающее действие. «Гольтепа» массой потянулась в кабак.

Противались заработанные тяжким трудом деньги, а ежели денег не доставало—пропивалась самая жизнь. Рабочие орудия, скот, одежда, личный труд, будущий урожай,—все потянулось к кабаку и словно пропадало в утробе кабатчика. А рядом с кабаком стояла лавочка, где весь деревенский говар был налицо, начиная от гвоздя до женского головного платка. Зачем запасаться дома, зачем копить, копей скоро все в лавочке найти можно. И денег не нужно—знай, хребтом шевели: мироед своего не упустит! Он, брат, укажет, где и как шевелить!

И, действительно, он укажет. Он знает каждого члена окружающей «гольтепы» и может во всякое время определить, кто чего стоит. Вот этот хребет еще долго выдержит, а вот тот уж надламывается. Первому можно без риска верить; что касается до второго, то не лишне и остережся. И изба, и клеть, и соха, и всякий гвоздь в избе,—все на виду у мироеда и все принимается им в расчет. Даже семейное положение: у кого сын на фабрике, у кого дочь в казачках—в крайнем случае, они и отработать могут. Мужичья изба словно фонарь—все в ней наружу. Вот она стоит, оголивши ребра, словно остов зверя. Там бревно из пазов вышло, тут иструщело совсем; солома на крыше гниет, ветром ее истрепало, на корм скотине клочья весной повывтаскали. Но

и из этой груды полуистлевшего хлама пользинку извлечь можно. Вон он, вон, околю телеги копошится. Э, да он, видно, остатки сена на воз навивать хочет...

— Авдей, а, Авдей. Никак ты сено-то в город везешь?— кричит мироед на всю улицу.

— Собрался было, Петр Матвейч,—робко откликается Авдей, чувствуя угрозу.

— Вези лучше ко мне—те же деньги, да и в город ездить не нужно. А коли искупить (что в городе хотел, так и у меня в плавке повару довольно.

Авдей не прекословит. Вязанку за вязанкой он перетаскивает сено во двор к мироеду и получает расчет. В городе сено тридцать копеек стоит, мироед дает двадцать пять—«экой ты, братец, поехал бы в город, наверное, больше пяти копеек на дуд истряс бы».

— Чтой-то, Петр Матвейч, словно бы маловато весу у вас выходит. Надо быть, сена у меня тридцать пудов было, а у вас двадцать семь весы показывают...

— Чудак, братец, ты: разве я вешаю? Стрелка вешает. Вон, смотри стрелку-то—прямо стоит? А коли прямо, значит, верно.

— У Петра Матвейча весы живые: сколько ему захочется, столько и весят,—шутит сосед, даже член мирской «гольтепы», случайно проходя мимо.

Попутит прохожий, попутит и сам продавец, попутит и мироед—так на шутке и помирятся. Расчет будет сделан все-таки, как мироеду хочется; но в добрый час он и косушку поднести не прочь.

— Вот на этом спасибо,—благодарит Авдей.—Добер ты, Петр Матвейч, это так только вороги твои клепят, будто ты крестьянское горе сосешь... Ишь, ведь: и денежки (до копеечки заплатил и косушку поднес; кто, кроме Петра Матвейча, так сделает? Ну, а теперь пойти к старосте, хотя пятишницу в недоимку отдать. И то намердись стегать меня собирался.

С утра до ночи голова мироеда занята расчетами; с утра до ночи взор его вглядывается в деревенскую даль. Заручившись деревенской статистикой, он мало того, что знает хозяйственное положение каждого общественника, как свое

собственное, но может даже напомнить односельцу о таких предметах, о которых тот и сам позабыл.

— А помнишь, дядя Семен, рыдван у тебя тележный старенький был,—где он теперь?

— Ах, прах те побери,—спохватывается дядя Семен:—и взаправду ведь был. Где он теперь? Вот ловко: находку нашел.

И бежит домой, обшаривает двор и, наконец, где-нибудь в пустом хлеву, где осенью поросенка откармливали, находит остов тележного рыдвана.

— Нашел,—радуется он на всю улицу.—Ишь ты, починить его мало-мальски, и опять за новый пойдет. И с чего это я его бросил!

— За новый он не дойдет,—это ты вздор мелешь,—резонно говорит Петр Матвееч,—и бросил ты его оттого, что он уж совсем изрешетился. А коли хочешь за него полштоф—бери.

— Получай,—соплашается дядя Семен.—Что-ж, кабы не ты, я и не вспомнил бы, что у меня на дворе клад есть. Ах, добер ты, Петр Матвееч, уж так ты добер, так добер...

Дядя Семен доволен, потому что он сутки пьян. Петр Матвееч тоже доволен, потому что он починил тележный рыдван, обил его изнутри рогожей,—и будет он ему еще долго служить наравне с новыми.

(Салтыков. «Мелочи жизни»).

6. Нет выхода...

Лошади устали и пошли шагом. Я откинул воротник шубы и огляделся. Кругом распространялась снежная степь. Кусты там и сям выделялись на ней серыми пятнами. Был сильный ветер, и шелла поземка. Растрепанные тучи быстро бежали по небу. Из-за туч неверно и трепетно светил месяц. Прихотливые тени мелькали вдоль дороги. Дали то озарялись молочным блеском, то покрывались клубами свинцового мрака. Торжественный гул ветра доносился из кустов. Колокольчик звенел редко и уныло.

На перекрестке поравнялись и затем потрусили за нами убогие дровнишки... Взъерошенная лошаденка в веревочной

сбруе, тяжело отдуваясь, торопливо переступала маленькими ножками. Она беспрестанно вздрагивала всем своим худым телом, и при малейшем шорохе вожжей пугливо вздергивала голову.

Из дровней выскочил мужичок. Неизвестно для чего, ударив кулаком бедную лошаденку, он побежал с нею рядом, вслед за нашими санями. Трепетный свет луны иногда скользил по нем фантастическими пятнами, иногда озарял его яственно и резко. Мужичок доражал убогим своим видом. Одежда его, начиная с шапки и кончая онучами, была одно сплошное лохмотье. Утлые руки болтались вяло и беспомощно. Тонкие, как спички, ноги копытливо переступали по снегу, спотыкаясь и заплетаясь друг за друга. От всего существа его веяло какой-то слабостью и уничижением.

Он на бегу поклонился мне, и по его лицу, в этот миг освещенному луною, расплылась неопределенная улыбка. Он, видимо, очень озяб. Сжатые губы его дрожали, сморщенное в кулачок лицо было бледно. Отсутствие всякой растительности на этом лице придавало ему какой-то бабий вид.

— Чей ты?—спросил я.

— Ась?...—торопливо отозвался мужичок и побежал рядом с моими санями, от времени до времени хватаясь за задок. Я повторил вопрос.

— О-ох, чей-то я?... Козельский я мужичок, матушка, козельский... Поплешкой меня звать. Отца—Викторкой, меня—Поплешкой...

— Что же это за имя?—удивился я.—Может, дразнят тебя так?..

— Нет, зачем дразнить,—настоящее званье: Поплешка ¹⁾.

— Чудное имя.

— Ох, правда твоя, матушка,—чуден у нас поп... Самовластительный, гордый поп. Это что Поплешка, у нас Бутылка есть... Ей-же ей, матушка, Бутылка... Мужик как есть, во всех статьях, и видом, и все, а Бутылка... О, самовластительный поп.

— Ну, а кроме-то имен, ничего себе поп?—поинтересовался я.

¹⁾ В сватках—Попий.

— Он ничего себе... В кабале мы у него, матушка. Как лето придет, он нас и забирает: того на дюкос, того на возку, того на молотьбу... Поп гордый, поп богатый. Поп не то, чтоб спуску давать, а всячески в оглобли норовит нашего брата. Свадьба ежели—три десятины ему уберешь; крестины—полнины; молебен—свезешь ему десятину; похоронить ежели—молоти десять ден... Человек тяжелый, немилосердный человек.

— Ну, вы и не жаловались на своего пона?—спросил я после маленькой паузы.

— На отца Агея?.. Нет, не жаловались...—и внезапно придя в веселое расположение духа, добавил:—Хе, хе, хе... А подика, пожалуйся на него... Попробуйся-ка... Он тебе, брат, таких...Он тебе таких засыпет!.. Нет, нет, матушка, жалоб чтоб не было. Поп он гордый, не любит жалоб.

— Мы довольны,—заметил он после некоторого молчания.— Поп он жестокий, а мы им довольны. Он вызволяет нас. Работаеть ему—он рад. Он работу помнит—придешь к нему, сейчас он тебе водки... Добрейший поп... Кабак-то у него свой,—таинственным полушопотом добавил он:—попадьян племянник в нем. Племянник попадьин, а кабак попов,—и мужичок с лукавством прищурил правый глаз.

— Откуда ты едешь?

— Хутор тут есть, матушка,—оттуда. Чумаковский хутор-то.

— Зачем же?

— Хомуточка, признаться, на шейку добывал...

Поплешка снова рассмеялся.

— Какого хомуточка?—не понял я.

— А работки бы мне. Работки ищу.

— Ну, что же, взял?

— Э, нет! Не дали, матушка. Скуп стал Чумаков-купец, не дал работки.

Он несколько помолчал.

— Да, признаться тебе, матушка, бедовое их дело, этих купцов... Знамо, я так рассуждаю: скуп купец. Но только и наш брат мудрен стал... Ты теперь возьми меня вот: лошаденка у меня одна, и тут...—мужичок с какой-то детской злобой замахнулся на лошаденку, от чего она так вся и

шарахнулась в сторону, так вся и затрепетала: — работник я один, бабу ежели считать — хворая она, ребятишки малы... Вот я летось взял у Чумакова косьбу, а пришло дело, меня с собаками не отыскиали. Ох, мудрен поне народ стал!

— Отчего же ты не косил?

— Косить, как не косить... Косить-то я косил, да только у другого... Другой позверовитей... Другой взял меня прямо из клетки да и поставил на полосу: коси, хошь издыхай...

— Да как же ты это?

— Эка, матушка... У двух-то по зиме взята работа, а то еще наемка была — прямо на деньги. Тут взят задаток. Да попу еще... А там само-собой своя нивка осыпается... Бедность то наша, сокол мой, непокрытая!

— Что-же, и все такие бедняки в вашем селе?

— Ну, нет... Есть дуже поскуднее... Вот у Бутылки, у этого, опричь двух овец, и скотины нету — должно поне на подушное пойдут. Есть и еще мужички... Есть и такие — окромя рубахи и портков ничего нету... Ну, те уж в батраках. Ох, плохие, матушка, есть жители...

— Что же у вас земли мало?

— Маловато, маловато. Да мы ее, признаться, и не видим. Раздаем мы землю-то. Есть у нас такие мужички, — нечего сказать, богатые мужички, — они нас выручают: землю-то за себя берут, а нам деньгами... Много раздают денег.

— Но чем же вы кормитесь?

— Кормимся-то чем? Ох, трудно, матушка, по нынешним временам кормиться... Страсть, как трудно! Работкой мы больше кормимся... Заберем, бывало, по зиме работку и кормимся. А то опять землю сываем, у купцов сываем, у господ... Как хлебушко поспеет — платим за нее. Хорошие деньги платим!.. — и мужичок добавил с легким вздохом: — Ох, трудно кормиться, матушка!

А спустя немного — продолжал, впадая в таинственный тон:

— Ты вот что скажи, матушка, купцы-то что затевают... О, великое дело затевают купцы!.. Я вот поехал, признаться... Прошу работки, а Чумаков мне в окно кажет: «Смотри, говорит, Поплешка... Вы у меня, говорит, Поплешка, душу вынули своей работой, — шабаш теперь». И смотрю я, матушка, в окно и вижу: сметы нет, сох наворочено... Сохи, бороны,

плуги, телеги...—Это что же, говорю, означает, Праксел Аксеныч?—«А то, говорит, означает—будет вас баловать-то. Наберу теперь батраков и шабаш... Мы вас, говорит, скрутим... И я, говорит, завожу батраков, и иные купцы заводят, и господа сох понакупили»...—О-ох, хитрый народ купцы.—Как же нам-то, говорю, Праксел Аксеныч? Ну, мы в батраки, а детки-то?..Смеется...—«Обойдитесь... говорит, мы, может, говорит, и фабрики заведем—всем работа найдется, не робейте»...—Вот оно что, матушка!..

— Как же вы теперь жить-то будете без земли и без работы?

— А уж не знаю, как жить... По-миру, ежели... Да плохая тоже статья стала. Обнудел народ, немилостивый стал, строг... Ходят у нас по-миру—половина села ходит... Только плохо... А вот я тебе, матушка, скажу: хорошо это купцы удумали—батраков заводить. Заведут себе батраков—как важно работа у них пойдет. Народ—купцы—строгий, хозяйственный народ!..

— Вы-то чем жить будете, вы-то?

Мужичок промолчал.

— Что вам-то делать?—настоятельно повторил я.

Но мужичок снова не ответил и неожиданно вымолвил:

— Хорошие есть места на Белых Водах!

— Ты почему знаешь?

— Ходили некоторые.

— Что же, там и остались?

— Э, нет, воротились. Не способно, матушка... Земли там свободной не стало. Придешь—гонят. Купить ежели—достатков нехватает... Воротились.

— Вот урожай опять,—помолчав, произнес он,—оченно стали плохи урожам. С чего это?—и, не дождавшись моего ответа, сказал: А с того, матушка, нечем нам стало работать... Ни навозу у нас ни лошадей. Ледащий мы народ.

— Ну, надеетесь же вы на что-нибудь, ждете же чего? Чего вы ждете? Ну, чего вы ждете?

— Может, нарезка какая будет... Может, насчет земельки как...—робко и неуверенно предположил Поплешка.

— Да если вам и дать-то еще земли, вы, небось, и ее мироедам отдадите...

Поплешка подумал.

— Ежели прямо, вот как теперь, — отдадим, — сказал он решительно: — нам один конец ее отдать... Потому, насчет пищи у нас недохватка. Большая недохватка насчет пищи. Ежели так будем говорить: нарежь ты мне теперь, ну, хоть бы три сороковых, — прямо бы я их Зоту Федосеичу заложил. Куда как нужно тридцать целковых!.. Это тридцать, матушка, ежели не подохнуть... А там, окромя еще: там долгов за мной более двух сот, — вот за одра за этого шестьдесят целковых Зот Федосеич считает, — с ненавистью указал он на лошададенку, — там недоимки семнадцать, там скотиненки надо! — и как бы охваченный наплывом непрестанных нужд, он с безнадежностью воскликнул: — Э, нет, и нарежут ежели, то не поможет! Умирать нам, матушка... Один нам конец — умирать!

Он опять замолчал. Колокольчик монотонно позвякивал под дугою. Шумел ветер. Тучи нескончаемой вереницей бежали по небу. Свет месяца бросал на них янтарный отблеск. Безграничная степь расстилалась юкрест.

— Народ болеет, матушка! — неожиданно воскликнул Поплешка. — Дуже болеет народ... Так болеет — даже ужасно... Ребятишки теперь это — валом валят бедняги... Захватит горло, заснуявет, и готов миляга. Квелый народ. — Али теперь болеть дурную взять — и нет тебе двора, и нет тебе семьи, где бы без ней... Насквозь изболели... Али горячеа... Э, трудные времена, матушка! Такие-то, трудные, такие-то горькие времена — беда!..

— Может, урожай хороший будет, — старался я ослабить угнетающий меня призрак грядущей беды.

— Урожай?.. — как бы спросонья отозвался мужичок. — Э, нет, матушка... Посылай, Бог урожая, давно урожая не было, ну, только нам это плохая подсоба... Увязли мы, сокол мой... Так увязли, так увязли. И родится ежели — отберут у нас хлебец-то... Зот Федосеич отберет, отец Агей отберет, в магазей отсыпят, на подушное продадут... А долги-то?.. Мало их, матушка, долгов?.. Ох, нет у Бога такого достатка, чтобы народушко вывозить... Изболел народ, истомился...

...Лошади рванулись и побежали. Колокольчик зазвенел надоскучным звоном. Я оглянулся назад. Отставший Поплешка кропотливо трусил около своей лошададенки, от времени до

времени утощая ее ударами кулака. В небе клубились тучи. Сумрачные тени мелькали вдоль дороги. Печальная степь убегала в смутную даль... Поземка мела. Серебристая пыль струилась над сугробами...

(Эртель. Записки Степняка. Собр. сочин., т. II, стр. 63—70).

7. Крестьянское движение.

Обнародование манифеста об отмене крепостного права вызвало множество местных крестьянских беспорядков, кончавшихся по большей части полицейскими усмирениями, часто сопровождавшихся присылкой солдат на постой, а иногда приводивших и к усмирению вооруженной силой.

Наибольшее впечатление на современников, и по силе и по широте движения, а особенно по суровым, кровавым усмирениям, произвело безднинское движение. Это волнение тем более любопытно, что в нем выпукло и отчетливо проявилось столкновение народных понятий о «воле» с официально дарованною волею.

Безднинское движение захватило в районе своего прямого или косвенного воздействия 3 смежных уезда Казанской губернии (Спасский, Чистопольский и Лаишевский), и, по крайней мере, некоторые места Самарской и Симбирской губерний; продолжалось оно в общей сложности более месяца.

Еще до получения «Положения» в народе поплыли толки о полной воле с настоящего момента, о правах собственности крестьян на все земли и леса, о праве их на запасные хлебные магазины, а в иных местах даже на раздел хлеба в господских амбарах.

Уничтожение всяких крепостных обязанностей разумелось при этом само-собой. На основании одних только толков о воле крестьяне в некоторых местах перестали ходить на барщину или исполняли ее крайне небрежно. Отношения между крестьянами и помещиками настолько обострились, что в иных имениях сами помещики не наряжали крестьян на работы, из других помещики бежали в город. Во многих местах тогда же начались порубки леса. Начав с единичных похищений, крестьяне перешли к открытому дележу бар-

ских лесов, так что на лучшие деревья крестьяне бросали жребий, кому рубить.

Манифест и Положение крестьяне приняли с полным доверием, но совершенно не удовлетворялись вычитываемым из Положения. Отсутствие указаний в Положении на волю, как ее понимали сами крестьяне, они объясняли или тем, что чтецы подкуплены господами и умышленно скрывают волю, или не умеют ее вычитать.

К числу чтецов принадлежал и знаменитый Антон Петров, сыгравший роковую роль в безднинском движении.

Антон не менее других крестьян был убежден, что раз от царя присланы книги, то там должна быть воля, следует только читать внимательно их.

Сам А. Петров в своем показании так изложил сущность своих толкований. Он говорил крестьянам, «чтобы они не слушали помещиков и начальников, приказывал крестьянам не ходить на барщину, не платить оброка, не давать подвод, даже не препятствовать, когда крестьяне увидят, что другие будут брать из барских амбаров хлеб, если вода разломает мельницу, то не исправлять самим, от помещиков ничего не брать. Толковал, что вся земля принадлежит крестьянам, а помещику остается только одна треть». А. Петров признал, что он советовал миру выбрать новых сотских, но отрицал всякое подстрекательство со своей стороны к буйству или грабежу. «Народу я не наказывал делать грабежа, убийства, дерзости начальству и т. д., а, напротив, говорил, — показывал он, — чтобы никого не обижать». Показания других крестьян единогласно сходились с этими показаниями А. Петрова.

Движение, начавшееся до открытия воли А. Петровым, продолжалось приблизительно в тех же формах и после того, получив лишь осязательное подтверждение, что в царских книгах, действительно, есть воля, и это придало всем действиям крестьян характер лояльности, уверенность, что они не бунтовщики, а первые слуги царя и исполняют лишь его волю. От этого все действия крестьян, — отказ от крепостных повинностей, от повиновения экономическим властям, даже попытки делить господское имущество, хлеб и проч., где они были, получили большую смелость, уверен-

ность. Лояльность крестьян в том виде, как они понимали новый закон, видна из того, что, несмотря на несомненно сильное озлобление крестьян против помещиков, неизвестно ни одного случая насилия над помещиками или экономическими властями.

Несмотря на корректное поведение крестьян, широта движения и радикальность разрешения некоторых экономических вопросов (делаж земли, лесов и т. д.) сильно напугали дворянство, и они называли движение пугачевщиной, а А. Петрова—вторым Пугачевым, требуя суровых и энергичных мер против бездннцев. Этим настроением дворян вполне проникся ген.-майор гр. Апраксин, посланный в Казанскую губернию на случай беспорядков. Приняв на себя все усмирение бездннского движения, он повел его резко.

Узнав, что к 12 апреля в с. Бездне будут власти, царский посол и военная команда, крестьяне совещались между собой, как им лучше встретить власти. Навстречу гр. Апраксину высланы были старики с хлебом и солью, которую тот отказался принять.

Введя военную команду в с. Бездну, он под угрозой стрельбы требовал от крестьян выдачи А. Петрова в грубой и резкой форме, уснащенной ругательствами.

Отказываясь выдать А. Петрова, крестьяне были вполне вежливы, корректны. «Что у крестьян не было и мысли о сопротивлении силою,—пишет следовательно по этому делу,—это не подлежит никакому сомнению. Все их сопротивление состояло только в том, что, окруживши дом Антона густою массою, они ничего не допускали к нему». Крестьяне, повидимому, даже опасались столкновения, ибо при входе в село стояли старики и приказывали вновь приходившим бросить палки, если они имелись в руках. Но эта мирная толпа достигала громадных размеров, постоянно возобновлялась, одни приходили, другие уходили.

Когда толпа наотрез отказалась выдать А. Петрова, то гр. Апраксин приказал стрелять. Результаты расстрела безоружной мирной толпы, стоявшей недалеко от фронта солдат, были ужасны. Задние ряды не сразу узнали об опустошениях, произведенных выстрелами, и, лишь слыша выстрелы, стояли неподвижно, заграждая таким образом путь для бегства пе-

редним рядам. В то время, как передние ряды принуждены были для бегства разломать плетень и этим вызвали усиленную стрельбу, задние, узнав, наконец, о результатах выстрелов, сломали ворота при выходе из деревни и бежали через протекавшую в конце деревни речку, при чем тонкий уже лед проломился, и, как говорили, многие утонули. Очевидец расстрела говорит в своих воспоминаниях, что «вся улица была усеяна убитыми и ранеными: убитых оказалось 71 и раненых 115; в действительности же их было гораздо больше, так как много и раненых и убитых крестьяне вынесли из толпы и увезли по деревням; по счету доктора, приехавшего на другой день из Казани и лечившего пострадавших в течение слишком двух месяцев, всех жертв было более 350 человек».

Несчастный же Антон Петров, поставленный в центр движения, был предан военно-полевому суду и расстрелян.

Всех крестьянских беспорядков и недоразумений насчитывается за первые два года после отмены крепостного права 1.100 случаев, при чем беспорядками было охвачено более 2.000 селений.

Повсюду освобожденные крестьяне не признавали объявленный манифест за настоящий и ждали от царя другой воли. Повсюду рассылались солдаты, и шли усмирения. «Вредную поездку куда бы то ни было, — пишет об этом времени один из очевидцев, — не встретишь, бывало, по дорогам солдат, двигающихся на усмирение. Страх в народе распространился неимоверный».

Движение 61—63 г.г. замерло не только потому, что было механически подавлено, но и потому, что новое положение все же представляло некоторые возможности к приисканию источников существования и, кроме того, несомненно, включало в себе освобождение от непосредственного гнета крепостника-барина.

Но уже в конце второго десятилетия после реформы появились признаки того, что крестьянское движение разгорается снова.

В 1880 г. один современный наблюдатель отмечает начавшееся, особенно с русско-турецкой войной, возбуждение умов в деревне. Он «поражился, с какой свободой говорят

мужики на сходах». Мужик ничего не боится. Публично, всенародно, на улице, среди деревни мужик обсуждает всевозможные политические, социальные вопросы—открыто, все, что думает.

Темой этих «свободных» бесед служила все та же вековая мысль о грядущем переделе: «весь мужик,—по выражению автора,—уверен, что милость насчет земли будет и будет скоро». «Передел по общему убеждению должен состояться на основании указа от царя».

Что толки о земельном переделе достигли значительного развития, ясно из факта издания правительством циркуляра 16 июня 1879 года.

«С некоторого времени между сельским населением стали ходить ложные слухи и толки о предстоящем будто бы общем переделе земель. По-особому Государя Императора повелению, объявляю, что ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может. При действии наших законов о праве собственности никогда не может случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законным порядком за кем-либо укрепленная, была у законного владельца отнята и передана другому». Циркуляр этот, по свидетельству современника, «вызвал обратное действие против того, которое он желал произвести: он-то сам и был главнейшим поводом к распространению в народе толков о новом наделе землею».

Толки о переделе помещичьих земель между крестьянами становятся все настойчивее, но с течением времени прежние надежды крестьянства на то, что передел этот совершится по указу царя, начинают мало-по-малу терять под собой почву; в крестьянстве все более и более развивается сознание необходимости насильственного захвата земель непосредственными усилиями народа.

В 1882 году в Кузнецком уезде у арендатора В., крестьяне ночью свезли весь хлеб с половинных посевов, и, когда он вздумал было силой возратить свои снопы с крестьянских гумен, то был встречен дружным натиском в колья, вилы и т. д. У владельца С. в Саратовск. у. было скошено и свезено с гумов сено, прежде сдававшееся крестьянам

и удержанное за недоимки. В Аткаревском уезде у помещика Ш. за многолетние притеснения сожжено гумно с хлебом на несколько тысяч рублей. В некоторые села становые и урядники не показываются иначе, как с большим конвоем сотских и казаков. Особенно плохо приходится урядникам. В Саратовской губ. осенними праздниками было до 20 случаев, что урядников избивали, как говорится, до полусмерти. Подобные же сведения идут и из других губерний.

«Всюду пать и пестроения великие,—писали в одном либеральном журнале,—вот как можно охарактеризовать переживаемую нами тяжелую эпоху, очевидно, тревожащую важными будущими событиями». Коренную причину такого состояния страны журнал видит в том, что «масса обнищала вконец, масса голодает».

Поняло опасность положения и правительство. Были сняжены недоимки, понижены выкупные платежи, облегчены условия взимания сборов, а затем учрежден крестьянский банк. Несомненно, что вся совокупность этих мер могла предупредить волнения в тех случаях, где давала облегчение от наиболее болезненной тяготы.

Там, где особенно давили недоимки и выкупные платежи, крестьяне облегченно вздохнули; там, где во что бы то ни стало нужно было приобрести землю, и где из-за нее уже происходили столкновения, являлась возможность приобрести ее при посредстве банка и т. д. Но все это, конечно, имело значение лишь местами и только временное, паллиативное,—доказательством чего служат продолжавшиеся волнения.

«Со всех сторон,—пишут в 1884 году,—несутся горькие жалобы имущих классов на самовольные порубки лесов, на насильственные захваты владельческих земель, на поджоги помещичьих усадеб, сена, хлебов и строений, на убийство и калечение скота, на акты насилий по отношению к управляющим, на сопротивления судебным приставам и чинам земской полиции, доходящие нередко до кровавых побоищ».

С 1886 года начался ряд урожайных лет, сопровождаемый резким падением хлебных цен, и быстрый рост промышленности. С этого же времени приостановился рост арендных цен, непрерывно продолжавшийся целое 25-летие с момента реформы 61 г. до 1885—86 г.г.

Крестьянство вновь, как в период 61—78 г.г., находило способы приспособляться к жизни. Это означало зависимость положения крестьянства от общего хода экономической жизни страны. Правительство, убаюканное воцарившимся спокойствием деревни, не поняло, что это ватишье временного характера, что рано или поздно общий ход экономической жизни почувствует свою обратную зависимость от положения крестьянства.

Едва прошло 10 лет, как правительство вынуждено было уже принимать экстренные меры по поводу возобновившихся крестьянских волнений. Приведем в подлиннике циркуляр министра внутренних дел от 17-го июля 1898 года, в котором описываются как самые волнения, так и меры для борьбы с ними.

«Из поступающих в министерство внутренних дел сведений усматривается, что в некоторых, преимущественно южных и юго-восточных, губерниях за последнее время возникает ряд крестьянских беспорядков, проявляющихся в виде систематических потрав помещичьих полей и лугов, с выгоном скота под караулом вооруженных дилками, кольями и вилами людей, в нападениях на помещичьих объездчиков и сторожей или значительных порубок в помещичьих лесах, при драках с полеводцами. При захвате объездчиками крестьянского скота, крестьяне, с целью его освобождения, нередко целыми деревнями совершают вооруженные нападения на экономии и усадьбы землевладельцев и производят раздел хозяйственных и даже жилых построек, нанося побои и увечья служащим и караульщикам. Подобные бесчинства сопровождались в некоторых случаях вооруженным сопротивлением прибывающим для усмирения беспорядков властям и нанесением побоев и ран чинам полиции. Буйствам и своеволию крестьян местные власти были бессильны оказать какое-либо противодействие и, из боязни по отношению к ним со стороны крестьян насилий, большею частью бездействовали».

Далее циркуляр говорит: «Признавая действительно необходимым положить предел своеволию крестьянского населения по отношению к землевладельцам и их имуществам, имею честь просить принимать самые решительные меры:

1) усилить наблюдения за ярмарками и базарами и вообще местами скопления рабочего люда; 2) внимательно следить за взаимными отношениями крестьян с землевладельцами и арендаторами, стараясь предупредить возникновение конфликтов; 3) установить особое наблюдение за сельскими адвокатами и другими пришлыми людьми, особенно высланными из других мест; 4) арестовывать в порядке охраны тех, которые могут действовать вредно на сообщественников и представлять их в министерство к высылке; 5) на места волнения высылать вице-губернатора или ехать самому губернатору и вызывать воинскую команду для прекращения в самом зачатке волнения, могущего выразиться в буйстве и насилии.

Несмотря на то, что эти меры фактически всю сельскую Россию отдавали под режим чрезвычайной охраны, несмотря на то, что все они были рассчитаны на то, чтобы предупредить или прекратить волнения в самом зачатке их, — возобновившееся крестьянское движение все развивалось и развивалось. Темп развития промышленности замедлялся, — в 1901 г. разразился уже кризис, арендные цены, после временной приостановки, быстро шли в гору, крестьянин уже успел лишиться значительной доли лошадей и других средств производства, жить стало «не в моготу».

Уже в августе 1901 года из типичной губернии черноземного центра — Воронежской — писали: «У нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожаров, по земле стелется кровавый туман — дышится и живет трудно, точно перед грозой. Мужик угрюмо молчит, а если заговаривает иногда, то так, что мороз по коже пробирает».

В январе 1902 года правительство, чувствуя, что в деревне неладно, что одними репрессиями ограничиться нельзя, — образует «особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», а весной одновременно и независимо одно от другого в двух противоположных концах черноземной России, на западе в Малороссии и на востоке в Саратовской губернии, возникают серьезные массовые движения, охватывая в течение нескольких дней несколько десятков тысяч человек. В ряде остальных губерний, как северных (Тверской, Вятской), так и южных (Херсонской,

Донской, Киевской, Подольской), как западных (Псковской, Ковенской), так и восточных (Уфимской)—очень беспокойно.

В Малороссии недостаток хлеба для продовольствия был непосредственным поводом для движения: крестьяне пошли за хлебом, но было бы большой ошибкой истолковать их движение только, как продукт голода. Нет, крестьяне в большинстве случаев стремились покончить со всем прежним строем отношений. Хождению по экономиям предшествовало общее возбуждение, брожение умов.

Еще в феврале в среде крестьян Константиноградского уезда пошли толки, что скоро настанет время, когда не будет ни панов, ни мужиков; появились книжки и прокламации.

Пропаганда шла навстречу умственным потребностям крестьян, и несомненно, выражала то, что назрело в душе крестьянской: страстное желание добраться до земли и сознание своего права на нее. Первого марта была ярмарка в с. Максимовке; народ собирался толпами и толковал: «отцы и деды обрабатывали барскую землю, значит, все добро наше».

После 25 марта получились вполне достоверные сведения о брожении среди крестьян и казаков. Управляющий Карловской экономией и городской голова Трегубов затребовали присылки войск. В первой экономии забрали часть картофеля; из экономии второго—весь хлеб. Население, уверенное в том, что теперь все möglich, отобрало в целом ряде имений весь хлеб, запасы сена и соломы. Крестьяне действуют спокойно, с полным сознанием своей правоты. Часто со старостами и сотскими во главе подъезжают они к усадьбам и требуют ключей от амбаров и складов. Обыкновенно владелец предупреждается за день, что у него назначен разбор хлеба. Если владелец не дает ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлебом, и все разъезжаются по домам. Крестьяне объясняют, что «царству панов пришел конец» и что «велено забирать по 5 пудов на душу». Один помещик отвесил эту порцию 80 крестьянам, явившимся к нему, и у него больше ничего не тронули. Хлеб забирается и у односельчан-богачей, особенно у тех, кого народ не долюбивает. Никаких избиений и насилий крестьяне не производят.

Рост движения быстро увеличивается. Роль возбудителя

сыграли прокламации и брошюры. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, предположения и догадки. Говорили, что царь бежал за границу и отказался от помещиков, что три года будет править наследник, и что теперь «их, мужиков, власть». Упоминают о манифесте и о наделении крестьян по 6-ти десятин и т. д.

Между тем, движение с каждым днем принимало все более и более стихийный характер.

Когда при попытке толпы крестьян из нескольких деревень разобрать муку на мельнице Трепке, явились власти и отряд солдат, то из толпы раздались крики: «У нас нет ни ступни земли, пусть нам дадут есть, а то возьмем все сами». «Дайте же нам по 5 пудов хлеба и по столько же (по 5 десятин) земли». «Режьте нас, все равно приходится умирать без земли».

На угрозы начальника отряда, что он прикажет стрелять, толпа отвечала: «Бреешь. Стрелять не смеешь. Царь не велел». Понадобилось три залпа, после которых легли двое убитых и несколько раненых, чтобы толпа разбежалась.

Но характерно: на следующий день она вновь собралась и потребовала, чтобы ушло войско, говоря, что «офицеры строго ответят за происшедшее накануне перед Государем Императором».

Описанное движение вовлекло в себя много десятков тысяч и охватило значительную часть двух уездов Полтавской губернии, Константиноградского и Полтавского, и двух же уездов, Валковского и Богодуховского, губернии Харьковской. В первой было разобрано 54 поместья, во второй — 25 экономий, и 2 усадьбы сожжены. Подавлено движение было частью пулями, но, главным образом, массовыми телесными истязаниями и грандиозными арестами.

К суду привлечено 1.098 человек.

Но наказали не только дубьем, но и рублем. На волновавшиеся сельские общества была наложена 800-тысячная контрибуция.

В 1904 году почти по всей России происходили совещания сельскохозяйственных комитетов. И вот какие речи раздавались на них.

В симбирском губернском комитете губернатор Ржевский

указывал, что «население не подготовлено к борьбе с нищетой и, сознавая свое бессилие, под гнетом нужды делается способным воспринимать пропаганду агитаторов. Ужас харьковских и полтавских беспорядков именно в этом и заключался, так как они доказали, что необеспеченный земледелец может стать гораздо опаснее всякого пролетария». С этой точки зрения посмотрел на крестьянское движение предводитель дворянства Юматов в вольском комитете: «На городские, на фабричные и даже на столичные беспорядки опасны для государства. Опасность для спокойствия государства грядет из деревни».

По его предложению комитет принял следующую резолюцию: «Разрешение аграрного вопроса является самым необходимым, самым неотложным и важным государственным мероприятием настоящего времени».

Аргументируя теми же недавними «с печальными событиями в Полтавской, Харьковской, Саратовской и Воронежской губерниях», ряд комитетов высказался за экспроприацию части частно-владельческих земель в целях борьбы с острыми формами малоземелья: «дабы не довести дело до худшего конца и для народа и для государства».

(Ист. Росс. XIX в., Изд. Гранат, т. VI, стр. 165—166, ст. Шишко. «Велик. Реформа». Изд. Сытина, т. V, стр. 211—219, ст. Игнатович. «Общ. движ. в Росс. в нач. XX в.». Т. I, стр. 232—257, ст. Горна).

Б. Промышленное развитие России во второй половине 19-го и в начале 20-го веков.

Вводная статья.

Развитие железнодорожной сети во второй половине XIX века, вовлекая в товарный оборот отдаленные уголки России, способствует образованию внутреннего рынка для русской промышленности. Одновременно с этим постепенно увеличивается численность промышленного пролетариата, образуется резервная армия труда. Приток иностранного капитала (с конца 80-х годов) дает сильный толчок разви-

тию промышленности (90-е годы). Вырастает ряд огромных предприятий, оборудованных по последнему слову европейской техники и концентрирующих в своих стенах тысячи и десятки тысяч рабочих. Промышленная буржуазия превращается в мощную силу, оказывающую организованное давление на правящие круги. Расцветает система протекционизма—усиленного покровительства «отечественной» промышленности со стороны правительственной власти: повышаются пошлины на иностранные фабрикаты, раздаются субсидии и ссуды фабрикантам и заводчикам, промышленные предприятия обеспечиваются казенными заказами, в столкновениях между рабочими и предпринимателями правительство оказывает энергичное содействие капиталистам. В интересах промышленного капитала производится денежная реформа—вводится золотое обращение (90-е годы). В целях расширения внешнего рынка завоевывается Туркестан и ведется захватная политика на Балканах (Турецкая война 1877—78 г.г.). Исключительное внимание правительства к нуждам и интересам капиталистов приводит к тесному союзу между крупной буржуазией и земельной знатью, держащей в своих руках правительственную власть: самодержавие находит себе новую опору в лице промышленной буржуазии.

Скопление громадных масс пролетариата в промышленных центрах способствует пробуждению классового сознания среди рабочих; растущее недовольство рабочих своим тяжелым экономическим положением и полной беззащитностью перед произволом фабрикантов проявляется в стачечном движении. Разрозненные стачки 70—80 годов превращаются в 90-х годах в широкое массовое движение («стаечная эпидемия» 96—97 годов). С начала XX века, под влиянием полицейских репрессий, рабочее движение принимает политическую окраску: борьба с капиталом за улучшение своего материального положения превращается в борьбу с самодержавно-политическим режимом. Под давлением разрастающегося рабочего движения правительство вынуждено вмешаться в отношения между трудом и капиталом и сделать некоторые уступки требованиям рабочих (фабричные законы 1882—86 г.г., закон 2 июня 1897 г. об 11½-часовом рабочем дне).

1. Железнодорожное строительство.

Постройка железных дорог в России до 1861 года не заслуживает особенного внимания с экономической точки зрения: ко времени освобождения крестьян железнодорожная сеть простиралась менее, чем на полторы тысячи верст, из которых наибольшее значение имели лишь 593 версты Николаевской железной дороги. Усиленное железнодорожное строительство началось с середины 60-х годов, когда развитие сети пошло правильным и быстрым темпом; именно:

Годы.	В течение пяти- летия открылось верст жол. дор.	К началу пяти- летия длина жел. дор. была.
1861—1865	2,055	1,488
1866—1870	6,659	3,543
1871—1875	7,424	10,202
1876—1880	4,529	17,626
1881—1885	3,074	21,155
1886—1890	3,864	24,229
1891—1895	6,643	27,093
1896—1900	6,532	33,736
1901—1905	7,978	41,714

Таким образом, в течение первых 15 лет по освобождению железнодорожная строительная деятельность обнаруживала такое усиленное оживление, что общее протяжение железных дорог увеличилось в 12 раз против начала 60-х годов; но, после постройки в первую половину 70-х годов до 71½ тыс. верст пути, железнодорожное строительство начало сильно замедляться, вплоть до 90-х годов, когда расширение железнодорожной сети снова пошло усиленным темпом, благодаря чему в последнее десятилетие железнодорожная сеть Европейской России увеличилась почти на 15 тысяч верст, не считая азиатских дорог, вместе с которыми общая длина железнодорожной сети доходит (к 1 октября 1907 г.) до 65099.

(Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», Т. I, стр. 258—259.)

2. Железные дороги и рынок.

Непосредственная задача ж.-д. строительства сводилась, во-первых, к созданию наиболее усовершенствованных способов передвижения товаров и их скорой доставки на рынок, во-вторых, к вовлечению сельскохозяйственных районов в товарный оборот. И мы видим, что направление железнодорожных магистралей преследует именно эти цели.

К концу 1868 года была уже открыта сеть линий, соединяющих Москву с производительными районами: дорога Москва—Курск привлекла к Москве грузы центра, Москва—Козлов—Воронеж собирала хлеб с юго-востока, Москва—Нижний—со всего волжского и камского района, Москва—Петербург отчасти служила путем привлечения грузов с северо-запада, отчасти снабжала южным хлебом С.-Петербург. Вслед за сооружением этих линий началась постройка путей, соединяющих хлеботорговые районы с портами и служащих для доставления хлеба на вывоз. Сюда принадлежит прежде всего магистраль Рига—Царицын. Пройдя с низовьев Волги и юго-восточных степей через черноземный центр, она явилась широким руслом для вывоза избытков хлеба за границу. Кроме этой линии, главными экспортными линиями явились: Курск—Харьков—Одесса, Харьков—Ростов, Воронеж—Ростов, Харьков—Севастополь, служившие выходами хлеба центра в южные порты, и линия Либава—Ромны, ставшая вместе с Риги-Царицынской линией стягивать грузы не только центральных, но и южных губерний к балтийским портам.

К 1875 году явился вполне законченным остов железнодорожной сети, в осуществлении которого выразился главный принцип экономической железнодорожной политики: 1) соединить Москву, как главный потребительный рынок, снабжающий также и всю нечерноземную полосу, с производительными районами Поволжья, юго-востока, юга и центра; 2) дать каждому порту Балтийского и Черного моря свою дорогу, с помощью которой он мог бы привлекать к себе грузы тяготеющих к нему районов.

Так как железные дороги проходили от портов, через

земледельческие районы и промышленные центры, к портам другого моря, то создавалось русло, по которому, стекаясь с прилегающих районов, двигались хлеба из земледельческих районов в порты (или в пункты сухопутной границы), задерживаясь в промышленных районах, насколько это необходимо для внутреннего потребления; и, наоборот, из портов и пунктов сухопутной границы шли товары промышленности в центры, где распределялись и соединялись с товарами туземного производства и оттуда радиусами расходились в стороны земледельческих районов. Таковы, например, магистрали: Рига—Царицын, соединяющаяся у Орла и Смоленска с Москвой, а у Двинска с Петербургом; Севастополь—Москва—Петербург, соединяющая порты двух морей с главнейшими промышленными и земледельческими районами. Таким образом, хлебные грузы стягивались к портам, а грузы промышленные концентрировались в промышленных же пунктах, а затем двигались по направлению к окрестностям.

По мере вовлечения земледельческих районов в товарное обращение, создавался спрос на предметы фабрично-заводского производства.

Внешним показателем этого могут служить цифры ярмарочных оборотов в Нижнем.

Нижегородская ярмарка.

Годы.	Привезено.	Продано.
1851—1860 в среднем	71.511	69.783
1861—1870 "	119.443	104.804
1871—1880 "	168.116	149.392
1881—1890 "	199.905	187.127

Из этой таблицы видно, что ценность товаров, привезенных (и проданных) на важнейшую ярмарку России, возросла чрезвычайно: в 1881—1890 г.г. в Нижнем продавалось товаров на 196% более, чем в 1851—1860 г.г.

Если мы обратимся к состоянию нашей товарной торговли во вторую половину девяностых годов и в начале девятидесятых годов, то увидим, что развитие ее шагнуло вперед по сравнению с 70—80 годами;

1881—1885 гг.	1.418.500.000 пуд.
1886—1890	1.801.000.000 „
1891—1895 „	2.270.400.000 „
1896—1900 „	3 312.000.000 „
1904 г.	4.661.000.000 „

Это произошло благодаря дальнейшему расширению железнодорожной сети и дальнейшему развитию денежных отношений.

Со второй половины 90-х годов началась усиленная постройка железных дорог. Построены были линии, раздвинувшие далеко на восток и северо-восток границы тяготения азовских портов и Новороссийска и давшие новый выход восточному, волжскому и заволжскому хлебу.

Как в семидесятых годах железнодорожная горячка спешила соединить хлебородные поля центра и юга, чтобы вывезти на рынок их залежавшиеся богатства, так новые, пошедшие на восток, железнодорожные линии несли сюда с собой пробуждение к жизни девственных полей и промышленных богатств, продукты которых потекли широкой рекой на запад.

При разбросанности населения и редкости торговых пунктов железные дороги являются у нас почти единственным средством к развитию торговли. Всякая новая линия усиливает спрос, расширяет рынок, вовлекая данный район в цикл менового обращения.

(«Общественное движение в России в начале XX века. Том I, стр. 98—116, ст. Мукосеева.

Лященко. «Очерки аграрной эволюции России». Том I, стр. 239—269).

3. Развитие промышленности.

Уже в 70-х годах правительство Александра II стало принимать энергичные меры, чтобы искусственно увеличить приток золота в страну и задержать его отлив. В 1877 году пошлину за ввозимые в Россию иностранные товары стали брать золотом, а не бумажками, как раньше. Так как курс бумажного рубля был тогда на $\frac{1}{3}$ ниже номинальной цены, то это означало повышение пошлины на $\frac{1}{3}$. Россия вновь

возвращалась к «покровительственной системе». Покровительство «отечественному» производству достигало двух целей: во-первых, меньше товаров покупалось за границей—туда золото не уходило: Англия в 70-х годах ввозила к нам на 10 миллионов фунтов стерлингов (около 100 милл. золотых рублей 1914 года), а в 80-х уже только на $7\frac{3}{4}$. А, во-вторых, высокие барыши, обеспеченные, благодаря «покровительству» русским промышленникам, приманивали деньги из-за границы уже в виде капиталов, вкладывавшихся иностранцами в русские предприятия. До конца XIX века русская промышленность получила из-за границы, прямо и косвенно, до полутора миллиарда золотых рублей. Но для достижения этой цели пришлось поднять таможенные пошлины на чугун—берем для примера—с 3 до 45 копеек золотом. Только тогда русская промышленность была достаточно «ограждена», чтобы французские, бельгийские, английские капиталисты «полюбили» Россию.

Огражденная чудовищными пошлинами от иностранной конкуренции, наша промышленность обнаружила чудовищную способность роста. В 1861 году в России было выплавлено менее 20 миллионов пудов чугуна, в 1885 г. 31 милл. пудов, в 1895 г. 87 миллионов, а в 1898 г. уже 136 миллионов. Потребление хлопка русскими фабриками составляло $2\frac{1}{2}$ миллиона пудов в 1861 г., 8 миллионов пудов в 1880 г. и 17 миллионов в 1898 г. «До 1887 года на юге России работало только два железодельательных завода—Юза и Пастухова. С этого года заводы начинают расти, как грибы. За короткое время возник целый ряд чудовищных чугуноплавильных заводов: Александровский, Каменский, Гданцевский, Дружковский, Петровский, Мариупольский, Донецко-Юрьевский, Таганрогский и др. Число рабочих на чугуноплавильном заводе Юза—около 10 тыс., на прочих немного меньше. В 1899 г. на юге было 17 больших чугуноплавильных заводов с 29 действующими доменными печами и 12 вновь строящихся». Так изображает дело один современный наблюдатель. К концу XIX века наша металлургия обогнала уже некоторые большие западно-европейские страны, например, Францию, как за десять лет пе-

ред этим Россия обогнала Францию в области бумагопрядильного производства.

В то же время самый тип производства становится все более и более «современным». Кустарь все больше уступает место фабрике. В 1866 году из всего числа рабочих, занятых в хлопчатобумажном производстве, приблизительно $\frac{3}{5}$ —95 тысяч, работали на фабрике, остальные 66 тысяч у себя на дому; в 1895 году на 242 тысячи фабричных приходилось уже только 20 тысяч кустарей. Но и мелкая паровая ткацкая фабрика, возникающая на место кустарной «светелки», является лишь переходным типом: ее самое быстро вытесняет предприятие-гигант, с сотнями и тысячами рабочих. В 1909 году более трети всех рабочих в промышленных заведениях, подчиненных фабричному надзору, было занято в предприятиях, имевших более 1000 рабочих каждое (672 тысячи из 1788 тысяч).

В XX век Россия вступила уже вполне определенно и бесспорно, как страна развитого промышленного капитализма.

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 233—265, 126).

(Покровский, М. Н. «Очерк истории русской культуры». Т. I, стр. 176—177).

4. Внешняя политика.

Мы помним, чем руководилась внешняя политика Николая I; не чувствуя себя в силах расширить внутренний рынок для русской промышленности, освободить крестьян, Николай считал посильной для себя задачей завоевание внешнего рынка прежде всего на Ближнем Востоке. Его сын, освободив крестьян, но не совсем, раздвинув границы внутреннего рынка, но не широко, должен был, хотел он этого или нет, сознавал или не сознавал, все равно, идти по следам Николая. Сначала он выбрал для завоевания области, далекие, казалось, от всех соперников России—Туркестан, непосредственными соседями которого были китайцы, афганцы да бухарцы. После ряда войн, очень лег-

ких в военном отношении для России, к середине 70-х годов туркестанские сарты и узбеки стали русскими подданными. Завоевание Туркестана имело громадное значение для развития русской промышленности. Туркестан стал первой русской колонией; туркестанский хлопок в 1914 г. покрывал больше половины всей потребности в хлопке русских ситцевых фабрик.

В 1871 г. Александр добился отмены унижительного для него Парижского договора 1856 г. Россия снова получила право строить и держать военные корабли на Черном море. Но черноморский флот был лишь средством, целью было подчинение Турции и захват проливов, ведущих из Черного моря в Средиземное, т.-е. захват Константинополя.

Уже движение русских в Туркестан настроило англичан весьма подозрительно: ведь от Туркестана рукой подать до Индии. А прямой путь из Англии в Индию вел, после прорытия Суэцкого канала (1870 г.), через Средиземное море. Попытка России утвердиться на берегах этого моря, на место смирной и безобидной Турции, должна была довести англичан до белого каления. На сторону Англии могла встать Австрия. Для ее промышленности Балканский полуостров и Турция были главным рынком; австрийские товары занимали там после английских первое место; покушение русского капитализма на турецкий рынок было для капитализма австрийского ударом в лицо.

С Австрией Александр начал переговоры еще в 1873 году, и в марте 1877 г. столбовались на таком разделе Европейской Турции (шедшей тогда до Дуная): Австрия занимает Боснию и Герцеговину, Россия—Болгарию от Дуная до Балкан. О видах России на Константинополь от Австрии пришлось скрыть (самая сделка скрывалась от всего мира). Россия призналась только, что желает еще получить Батум в Малой Азии. В апреле 1877 г. царь торжественным манифестом объявил войну Турции.

К началу 1878 г. турки были сломлены. Русские войска были перед Константинополем. Но австрийцы, поняв, на что метит Александр II, поняв, что и их он обманул секретным договором, где Россия обещалась не идти дальше Болгарии, круто повернули от России к Англии. Опять,

как в 1855 году, Австрия мобилизовала свою армию. Приходилось заключать мир, не достигнув цели.

Война окончилась, в сущности, русской победой—Россия получила Батум в Азии, ставший скоро очень важной русской гаванью, и фактически заняла Болгарию, номинально (на словах) превратившуюся в самостоятельное княжество, только князем был назначен племянник Александра II, а его министрами были русские офицеры. Но это было так далеко от надежд, возбужденных самим же правительством Александра, что Берлинский конгресс, на котором была ликвидирована война, был принят русской буржуазией, как поражение и позор.

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 215—223).

5. Союз буржуазии и царизма.

Рост промышленности в пореформенный период выдвинул в России новую общественную силу—крупную промышленную буржуазию. К началу 20-го века этот класс является слабым по своей численности, но весьма сильным по своему удельному весу в хозяйственной и общественной жизни России.

При всем различии в степени развития и, отчасти, в условиях существования различных частей этого класса,—его общественно-политическая физиономия представляется довольно однородной. Она характеризуется главным образом двумя чертами: с одной стороны, весьма энергичное, организованное и успешное отстаивание своих узкоклассовых материальных интересов; с другой—мирное сотрудничество с органами старого политического режима. Экономически самый сильный общественный класс России, крупная буржуазия, является к началу 20-го века самой отсталой в политическом отношении общественной группой.

Корни этого явления лежат в особенностях положения торгово-промышленного класса в России,—главным образом в особенной, прочно сложившейся в последней четверти XIX века, органической связи между капиталом и государственной властью.

Считаясь со все возрастающей экономической силой класса капиталистов, правительство приспособляло к их интересам свою деятельность в области постановки кредита, технического образования, железнодорожного дела и т. д. Этой же цели служили обильные субсидии, казенные заказы, премии и другие подачки.

Когда Полякову в 60-х годах была сдана концессия на постройку Азовской дороги, а Джону Юзу (в начале 70-х годов) на постройку Константиновской, то им щедрою рукою дали тысячу десятин земли с их минеральными богатствами, ссуду, премии и пр.

В 1866 г. повелено, чтобы все заказы для железных дорог исполнялись внутри России—«несмотря ни на какие затруднения или неудобства»; а в 1874 г. запрещен беспошлинный ввоз рельсов, и установлены особенно льготные условия казенных железнодорожных заказов с крупными премиями.

За время с 1884 до 1895 г. русское правительство уплатило заводчикам за одни только рельсы на 100 милл. руб. больше, чем если бы рельсы были приобретены за границей. На эту сумму можно было бы построить 2.000 верст железных дорог.

Мы не станем описывать здесь все бесконечное разнообразие подачек промышленникам из казенного сундука— в форме вывозных и иных премий, возврата пошлин, нормировок, субсидий, гарантий, ссуд, льготных железнодорожных тарифов, прекращения деятельности казенных заводов для поддержания частных и т. д.

Эти меры, равно как вся экономическая политика правительства, обеспечивают российским промышленникам увеличение и без того непомерно высокого, по сравнению с другими капиталистическими странами, процента прибыли; а отдельным промышленным группам и предприятиям достаются прямо баснословные барыши. За 1891—93 г.г. (неблагоприятные по причине голода) фабрика Шейблера в Лодзи получила 32% прибыли, Никольская мануфактура— 52,8%. По отчетам сахарных заводов за 1901 г., их прибыль составляла до 66% основного капитала.

Было бы ошибочно думать, что голос промышленников раздается обыкновенно в виде разрозненных заявлений от-

дельных лиц. Если так оно было в 60-х и 70-х годах, то со временем положение коренным образом изменилось, и уже к концу 90-х годов давление промышленной буржуазии на государственную власть носит характер организованного и весьма живого взаимодействия между этими двумя сферами.

Связь между властью и капиталом, в дореформенный период выражавшаяся исключительно подачками отдельным представителям «купечества», с течением времени становилась органической и более сложной. Подачки не прекратились,—наоборот, сделались во много раз обильнее и постоянное, но они потеряли резко отталкивающий характер тайных подачек отдельным лицам; они давались систематически, открыто целому классу и выработались в целую систему «создания крепкой национальной промышленности».

Вместе с тем крупная буржуазия сложилась в силу, сознающую свое значение и охотно мирящуюся со склонностью бюрократии к опеке над всеми потому, что эта опека в данный период как раз гарантировала буржуазии безграничное удовлетворение ее широких материальных вожделений и успешное организованное давление на правительственный аппарат.

В то время, как все другие слои населения наталкивались на полицейские рогадки при малейшей попытке к самостоятельности, организации и открытому выражению своих желаний,—организации промышленной буржуазии росли, как грибы. Постепенно выработалась целая система организованного представительства интересов крупно-промышленного класса, система широкого его «участия в делах управления, касающихся интересов торговли и промышленности».

Их излюбленная форма—так-называемые «съезды». Под этим названием действовали постоянные и стройные организации представителей капитала при режиме, вообще не знавшем никакого коалиционного права граждан. Съезды собираются регулярно,—большой частью ежегодно, действуя на основании формальных уставов. В промежутках между съездами исправно работает исполнительный орган—«Совет съездов», избранный съездом, как центральный комитет данной капиталистической организации. «Совет» издает свой

центральный орган, отчитывается в своих действиях перед следующим съездом и получает от него соответствующие директивы. «Совет» находится в организационных сношениях с членами данной организации в промежутках между съездами. Члены делают регулярные взносы по определению съездов. Съезды и «Совет» имеют определенный бюджет и заведуют различными постоянными учреждениями и должностными лицами.

На всех этих съездах обязательное участие принимали представители правительства. Председатели съездов назначались соответствующим министерством; им же и устанавливалась и программа съездов. Но от этого несколько не терпела ущерба самостоятельность съездов. Не к ограничению ее вело участие агентов правительства, а к увеличению скорости и организованности взаимодействия между капиталом и властью.

Правительственные органы постоянно созывают совещания с представителями промышленников по вопросам, их близко касающимся. К середине 90-х годов без совещания с представителями капитала уже не решается ни один вопрос этого рода. И уж во всяком случае благосклонное отношение к себе встречают промышленники во всех тех случаях, когда они поднимают свой голос.

В своей речи при открытии торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде председатель съезда, член совета министра финансов Кобеко, заявил, между прочим: «Министерство финансов признало нужным ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленного класса по вопросам, наиболее их интересующим. Так поступало оно и прежде. Свыше 40-летняя деятельность моя по министерству финансов дает мне право и основание засвидетельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества».

На 4 съезде польских горно-промышленников председатель торжественно заявил: «Почти все более существенные ходатайства предыдущих съездов были удовлетворены или всецело, или в значительной степени; многие из ходатайств содействовали направлению дел в желательном для съездов смысле; но буквально ни одно из заявлений и просьб

съездов не оставалось без рассмотрения ни одно из них не было гласом вопиющего в пустыне».

К концу XIX века российская буржуазия стояла в зените своей силы, своих успехов, чувствовала себя хозяином положения. Это чувство нашло свое отражение в связи с Нижегородской выставкой и торгово-промышленным съездом 1896 г. За месяц до открытия съезда, в самый разгар выставки, появился знаменательный в своем роде манифест буржуазии в «Волгаре» — органе волжских судоходчиков.

«Всероссийское купечество деятельно готовится к встрече Царя на Нижегородской ярмарке, — гласил манифест. — Это будет первый в истории случай такого всероссийского чествования Царя купечеством, составляющим ныне оплот торгового и промышленного могущества России». Указав на то, что в рядах купечества теперь имеется масса европейски образованных людей, из которых многие занимают важные места в административных и высших правительственных учреждениях, «Волгарь» продолжает: «Становясь в ближайшее общение с народом, составляя его наиболее крупную часть, купечество наиболее всех других сословий сохранило в себе самобытный русский дух, и национальные чувства нигде не проявляются с такой силой, уверенностью и широтой, как в этом сословии. Оно единственно сильное в наше время и своей зажиточностью. Оно все может... И вот это-то русское, не изменившее заветам предков, сословие, привыкшее горячо и беззаветно любить Россию со всем, что в ней есть хорошего и худого... русское купечество покажет, на гордость целой России, что представляет из себя это сословие и какую опору в нем имеет государство... Впервые еще купеческие дети из московского и нижегородского родового купечества готовятся представить из себя почетную охрану при особе Государя, как встарь дети дворянские служили своим Государям... Везде купечество занимает часть места в рядах прочих сословий, принимающих Царя. Здесь же все это место принадлежит одному купечеству. Вот почему будет особенно знаменательно чествование Царя на Нижегородской ярмарке».

(«Общественное движение в России в начале XX века. Т. I, стр. 313—344, ст. Ерманского).

6. Кустарь и скупщик.

Обстановка скупки придумана как бы нарочно для того, чтобы во всяком стороннем человеке вызвать жуткое чувство. Темная нора, прилавок, трепетный огонек салыного огарка в фонаре, освещающий фигуру за прилавком, и напряженные лица кустарей, напирающих с улицы. Скупщик одет в теплую шубу, кустари дрожат от пронизывающего ветра. Он сдержан, холоден, спокоен, — они взволнованы. Он разворачивает образцы и равнодушно отодвигает одни, назначает цену за другие. Соответственно с этим на физиономиях мастеров сменяются выражения: надежды у тех, кто подходит, — страха у тех, чьи образцы в руках скупщика, — вражды на лицах отходящих... «Вот паук, раскинувший свою сеть у входа в пещеру», — невольно приходит в голову при виде этого человека, сидящего у фонаря за прилавком в середине загороженного входа.

Но, с другой стороны, если бы скупщик не засветил сегодня своего огня, многие кустари впали бы в уныние. Если бы не вышло их трое или четверо, уныние достигло бы значительных размеров. Если бы не явился ни один, все Павлово принуждено было бы голодать целую неделю и, пожалуй, прекратить работу за недостатком материала.

Итак, выходя, он оказывает этой толпе благодеяние. Он скупит эти замки и ножи, а отсюда, из его подвалов, они разойдутся по всему белому свету, попадут в Турцию и в Персию, и на далекие недоступные рынки неведомых стран Средней Азии.

Он здесь не один. Рядом; вдоль улицы и в переулках, горят такие же огни, идут те же разговоры. Он знает, что все его соседи будут сбивать цену до той степени, до какой только масса будет подаваться. И он должен не отставать от соседей, иначе его товар выйдет дороже, и Москва возьмет у других.

И вот он окидывает толпу острым, пронизательным взглядом. Он ее давно изучил; он видит, как люди жмутся, точно испуганные бараны, и думает, что «нонче народ станет уступать до последнего». Это его не радует и не печалит, он просто принимает это за сведению.

— Рука, что ли, Иван Иванович?— и кустарь кидает образцы на прилавок.

Скупщик медленно разворачивает и равнодушно отодвигает товар.

— Не рука.

Может быть, он и мог бы взять этот товар, но ему нужно укрепить свое положение и расшатать положение другой стороны. Для него отодвинутые образцы—несколько гривенников барыша; для кустика, работавшего их целую неделю, это новая неделя сравнительной обеспеченности или голода. Кустарь схватывает образцы и судорожно выбивается из толпы, чтобы бежать к другому огню, а в оставшейся толпе этот эпизод уже посеял некоторую долю неуверенности и уныния.

— Рука, что ли?—спрашивает следующий.

— Почем отдашь?

— Попржежнему, Иван Иванович, как всегда.

— Без долтины.

— Много дороже слышали...

— Надо было отдавать.

И он опять завертывает образцы и отодвигает их, обращаясь к следующему.

Это он пробует, до какой степени народ поддается. Через некоторое время, после нескольких уступок, после того как кустари бежали другие огни, он уже отлично знает положение сегодняшнего рынка.

Вот перед ним старик, деревенский кустарь, с которым он ведет дело давно и с которым пускается иногда в приятельские разговоры.

— Не сойдутся опять образцы у тебя с товаром. Личка ¹⁾ у вас плюха,—говорит он.

— Личка у нас ноне, Иван Иванович, первый сорт. Ноне мы рабочих нажали несколько. Забудут спать-то.

— Почему?

— По шести гривен.

— Уступай, Потапыч, уступай.

¹⁾ Личать — значат обтачивать поверхность ножей на камне перед полировкой.

— Уступлено, Иван Иванович, сами знаете, по восьми бранн.

— Знаю, что по восьми. Да еще уступить надо. Ноне, сам видишь, до слез уступает народ.

Уступают до слез! Скупщику не нужны эти слезы. Зачем они ему? В-общем, человек, все-таки, человек, и слеза народа иному скупщику, может-быть, даже неприятна. Но он ее выжмет. Ему нужна уверенность, что дальше уже не идет уступчивость, что больше не выжмет ни он, ни его сосед, что предел уступчивости народа достигнут для данного рынка. Конкуренция—пресс... Кустарь—материал, лежащий под прессом, скупщик—винт, которым пресс нажимается. Мне самому пришлось видеть, как во время приемки ¹⁾, которая следует за скупкой, торговец взял в руки связку образцов, оглядел их, посмотрел записанную цену и швырнул с досадой в общую кучу.

— Еще упала цена! Все уступают, да уступают. Этот замок полгода назад шел по рублю, ноне вон по шести гривен валят. Из-за чего работают только, дьяволы,—за такую цену отдавать!

— Разве это вам невыгодно?—спросил я, удивленный этою досадой на дешевизну покупки.

Оказалось, что в данном случае, действительно, ему было невыгодно: на прежних базарах он запасся большим количеством товара, и если бы цена поднялась, он продал бы дешевый товар дороже. Теперь цена еще упала, и ему придется, наоборот, дорогой товар пускать по более дешевой цене. Но он, конечно, жмет на скупке так, как всегда: необходимо дожать до последней возможности.

К огню подходит молодой мастер и молча, угрюмо кидает товар на прилавок. Он, видимо, уже обетал другие огни, слышал цены, но из него скупический пресс выжимает не слезу, а угрюмое ожесточение. Скупщик окидывает его проницательным взглядом и с особенным вниманием присматривается к образцам. Мастер с оттенком пре-

¹⁾ На скупке принимаются от кустаря образцы, к которым привешивается ярлычек с обозначением условленной цены. Во время приемки кустарь доставляет условленное количество самого товара.

зрения наблюдает эту процедуру. Он знает, что образцы у него безукоризненны, что скупщику это известно, что именно потому-то он и не может отдать товар так дешево, как отдают другие. Каждое продолжительное понижение цены понижает также общее качество товара; форма остается та же, но вес и работа—другие. Он—артист своего дела, гордый своим искусством, один из тех, которые до последней возможности не идут на компромиссы...

— Почему?

— Знаете сами, почему брали.

— Теперь дешевле.

— А как?

— Полтина.

Мастер сам берет образцы с прилавка, не дожидаясь, пока их завернет скупщик.

— За полтину этот товар отдавать—солому надо есть. Не научились еще дети у нас.

— Научатся,—говорит скупщик хладнокровно.

Много, конечно, нужно упражняться в жестокое дело, чтобы так спокойно кинуть ближнему такое слово. Но в этой железной торговле вырабатываются и железные сердца, не знающие жалости.

Мне пришлось однажды зайти в дом кустика. Он сидел, больной, на своей постели, встретив меня каким-то лихорадочно-беспокойным взглядом. Разговаривая, он все посматривал в окна и на двери.

— Вы о чем-то беспокоитесь?—спросил я.

— Беспокоюсь, верно. Баба у меня с образцами послана. Болен сам. Это в нашем деле, господин, беда большая, что бабу послать к торговцу. Залугивают их... Ну, встает, кажись, погоди-ка...

В избу вошла молодая женщина, села в изнеможении на лавку и как-то виновато опустила руки на колени.

— Почему?—спросил мужик угрюмо.

— По шести.

— Так и знал. Это, господин, пятаком дешевле самой низкой цены. Говорил, ведь, я цену тебе?

— Не берет. Ни почему, говорит, завтра этот товар не возьмут, в последнее и брали.

И вдруг, как-то встрахнувшись и вытирая рукавами слезы, молодая женщина заговорила с истерическою торопливостью:

— Да еще дает пять с полтиной и смеется: «Бери, грабь, загребай с меня деньги лопатой». — «Полно, говорю, вам над беднотой над нашей смеяться, Василь Василич! Какая это цена!» — «Да, ведь, отдают!» — «От нужды отдают, мол. Плачут, да отдают!» — «Какая, говорит, ваша нужда: в своих домах живете, в калошах ходите, по праздникам белый хлеб покупаете. Вот будет нужда, как в прочих местах уже дошел народ: по пяти семей в одну избу на-толкаетесь, на десять человек одна шуба, а о пшеничном хлебе и думать забудете».

Женщина посмотрела на меня и на мужа обезумевшими, испуганными глазами.

(Короленко. «Павловские очерки». Полн. собр. соч. Т. VIII, стр. 188—192).

7. В фабричном царстве.

(Из Реймонта).

Лодзь просыпалась.

Первый резкий фабричный свисток нарушил тишину раннего утра, а вслед за ним со всех сторон города, все более беспорядочно и шумно, раздавались другие, оравшие хриплыми и дикими голосами, точно хор чудовищных петухов, металлическими гортанями возглашавших призыв к труду.

Громадные фабрики, длинные черные корпуса и тонкие трубы которых мелькали во мраке рассвета, среди тумана и дождя, начинали медленно пробуждаться, вспыхивая языками пламени, вздыхая клубами дыма, начинали жить и двигаться в темноте, которая еще покрывала землю.

Тысячи рабочих, как тихие черные рои, выползли вдруг из боковых переулков, из домов, стоявших на окраинах города, и наполнили Петроковскую улицу шумом шагов, бряцаньем жестянок, блестящих при свете фонарей, отрывистым стуком деревянных подошв, каким-то сонным гулом и всхлипыванием грязи под ногами.

Они заливали всю улицу, шли со всех сторон, заполнили тротуары, толпились по мостовой, где было множество луж. Одни из них становились беспорядочной кучей перед воротами фабрик, другие, построившись гуськом, длинной нитью исчезали в воротах.

В темных глубинах начали вспыхивать огни; черные молчаливые остовы фабрик внезапно озарялись сотнями освещенных окон и как будто сверкали каменными глазами. Большой дым начинал вылетать из труб и расползаться между этим могучим каменным лесом, который, казалось, вырос на тысячах колонн и как бы качался в трепетном электрическом освещении.

Постепенно улицы пустели, фонари тухли; последние свистки прозвучали, тишина залегла кругом. Только в сотнях фабрик кипела напряженная, горячая жизнь; глухой грохот машин гудел в туманном воздухе.

Свернем налево, в маленькую немощеную улицу, освещенную несколькими фонарями на веревках, и зайдем в одну из громадных фабрик, длинный пятиэтажный корпус которой сверкает всеми окнами.

Вот первая зала—так-называемая «кухня», где приготовляются краски; она утопает во мраке. Под цокатыми, низко висящими крышками, как под стальными зонтиками, медленно автоматически вертятся широкие медные мешалки, взбалтывающие краску в больших котлах, которые блестят полированной медью.

От движения машин дрожит все здание. Длинные передаточные ремни, точно бледно-желтые змеи бесконечной длины, мчатся с умопомрачительной быстротой под потолком, мелькают над двойным рядом котлов, ползут вдоль стен, перекрещиваясь высоко вверху, едва заметные в облаке едких цветных паров, которые то и дело вырываются из котлов, затемняют свет и убегают сквозь стены, через все отверстия, в другие залы. Силуэты рабочих, в рубахах, вымазанных красками, тихо мелькают и исчезают в темноте; вагонетки с громом вкатываются и выкатываются, переполненные готовыми красками, которые они развозят в печатни и красильни. Страшно резкий запах серы расходится всюду.

Чтобы попасть отсюда в красильню, надо идти по корид-

дорам и проходам, загроможденным вагонетками, полными промокших материй, людьми и грудами товара, который лежит на полу в больших кипах, ожидая своей очереди.

Красильня вся заставлена большими красильными бадьями, над которыми растянутые на больших валах штуки материй вертятся и купаются в краске, разбрызгивая ее на лица и рубахи рабочих; рабочие стоят неподвижно, поминутно черпая ладонью воду из кадок и смотря, есть ли в ней еще краска, которую вытягивает материя. С другой стороны, за двойным рядом желтых столбов, поддерживающих верхние этажи фабрики и часто расставленных по огромной зале, стоят полоскательницы, длинные ящики, полные кипящей воды, пенящейся от соды, механических прачёк, выжималок мыла, по которым скользит материал; брызги взбиваемой метелками воды рассыпаются по зале и образуют над прачечными такой густой туман, что свет ламп едва виден, словно отраженный в зеркале. Механические получатели лязгают, принимая как бы растопыренными своими руками вымытый в этих полоскательницах товар, и отдают его рабочим, которые прутьями укладывают его в широкие складки на вагонетках, подвозимых ежеминутно.

Стены непрерывно дрожат. Подъемные машины, прикрепленные на стенах, соединяют низ фабрики с ее верхними четырьмя этажами. Поминутно раздается глухое бряцанье в разных местах залы: это подъемная машина принимает или выбрасывает из себя вагонетки, товары, людей...

И куда ни пойдешь по фабрике, всюду приходится пробираться сквозь паутину бесконечных ремней, среди резких запахов красок, белил и сырых материй, разогретых в этой жару.

Но если где жарко, так это в сушильне.

Там громадные четырехстенные жестяные ящики, наполненные страшно раскаленным и сухим воздухом, грохочут, точно отдаленные громы, выбрасывая бесконечную полосу цветных материй, сухих и жестких. На низких столах, на полу, на возках, которые тихо передвигаются, лежат целые кипы материй, и в этом сухом ясном воздухе залы, стены которой сделаны почти исключительно из стекла, они горят матовыми красками золота, пурпура с лиловым оттен-

ком, аквамариновой синевы, изумруда, точно кинны металлических листьев.

Рабочие в одних рубашках и босиком, с серыми лицами и потухшими глазами, передвигаются медленно, автоматически.

(Крубер, Григорьев, Барков и Чефранов. «Европейская Россия». Стр. 175—178).

8. Завод.

Пройдя полверсты, Бобров взобрался на пригорок. Прямо под его ногами открылась огромная панорама завода, раскинувшегося на пятьдесят квадратных верст. Это был настоящий город из красного кирпича, с лесом высоко торчащих в воздухе закопченных труб, — город, весь пропитанный запахом серы и железного угара, оглушающий вечным, несмолкаемым грохотом. Четыре доменные печи господствовали над заводом своими чудовищными трубами. Рядом с ними возвышалось восемь кауперов, предназначенных для циркуляции нагретого воздуха, восемь огромных железных башен, увенчанных круглыми куполами. Вокруг доменных печей разбросались другие здания: ремонтные мастерские, литейный двор, промывочная, паровозная, рельсопрокатная, мартиновские и пудлинговые печи и т. д.

Завод спускался вниз тремя громадными природными площадями. Во всех направлениях сновали маленькие паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они с пронзительным свистом летели наверх, исчезали на несколько секунд в туннелях, откуда вырывались, окутанные белым паром, гремели по мостам и, наконец, точно по воздуху, неслись по каменным эстакадам, чтобы сбросить руду в кокс, в самую трубу доменной печи.

Дальше, за этой природной террасой, глаза разбегались в том хаосе, который представляла из себя местность, предназначенная для возведения пятой и шестой доменных печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворот выбросил наружу эти бесчисленные груды щебня, кирпича разных величин и цветов, песчаных пирамид, гор плитняка, штабелей железа и леса. Все это было нагромождено как будто бы без толку, случайно. Сотни подвод и тысячи лю-

дей суетились здесь, точно муравьи на разоренном муравейнике. Белая тонкая и едкая известковая пыль стояла, как туман, в воздухе.

Еще дальше, на самом краю горизонта, около длинного товарного поезда, толпились рабочие, разгружавшие его. По наклонным доскам, спущенным из вагонов, непрерывным потоком катились на землю кирпичи; со звоном и дребезгом падало железо; летели в воздухе, изгибаясь и пружинясь на-лету, тонкие доски. Одни подводы направлялись к поезду порожняком, другие вереницей возвращались оттуда, нагруженные доверху. Тысячи звуков смешивались здесь в длинный бесформенный гул; тонкие частые и твердые звуки каменщиков зубил, звонкие удары клепальщиков, чеканящих заклёпы на котлах, тяжелый грохот паровых молотов, могучие вздохи и свист паровых труб покрывались то и дело глухими подземными взрывами, заставлявшими дрожать землю.

Это была страшная и захватывающая картина. Человеческий труд кипел здесь, как огромный, сложный и точный механизм. Тысячи людей: инженеров, каменщиков, механиков, плотников, слесарей, землекопов, столяров и кузнецов собрались сюда из разных концов земли, чтобы, повинувшись железному закону борьбы за существование, отдать свои силы, здоровье, ум и энергию за один только шаг вперед промышленного прогресса.

(Куприн. «Молох». Рассказы. Т. I, стр. 3—5).

9. В царстве чугуна и железа.

(Из Вас. Немировича-Давиденко).

Домна строится обыкновенно высотой в хороший трехэтажный дом. Пасть у нее наверху. Когда рабочие с составом для плавки подходят к ней, оттуда уже пышет жадный огонь, освещающий темноту сарая, построенного над ней. На непривыкшего человека, как, например, на меня, это производило чрезвычайно сильное впечатление. Что-то адское было в этих взрывах красного пламени, в этом хлопоте руды, в недрах громадной печи, в этом громадном,

круглом зеве домны, жадно раскрытом в ожидании своей обычной добычи. Наверху, черные, окуренные дымом и покрытые сажеем балки кровли, редкие просветы в ней, сквозь которые день не решался заглядывать в таинственную глубину, окутанную мраком и озарявшуюся только красным пламенем домны, почти голые рабочие, сновавшие на ярком фоне этого пламени черными силуэтами и опять исчезающие во тьме,—все это настраивало известным образом, заставляло забывать, что перед тобою простое механическое производство.

— Жарко,—оборачивается один из рабочих, которого совсем поджарило пламя, вытравившееся вверх из домны.

— Не приведи Господи.

Бросился к воде, жадно припал к ней и пьет, а пот крупными каплями падает в тот же ковш с почерневшего от копоти лба. Всматриваясь в окружающих, я замечаю, что они, как и эти балки и стены, тоже покрыты копотью и сажеем. На почерневших лицах добродушно или озабоченно смотрят усталые глаза, кое у кого и воспаленные; видимое дело—недаром достается эта близость огня, этот жар, пышущий изнутри, из самых недр колоссальной печи.

— Сторонись, сторонись...—и меня оттолкнули в сторону.

Не успел я очнуться, смотрю—на то место, где я стоял, стали сносить калоши, т. е. коробка с рудой и углем. Полунегие рабочие подхватили два новых калона и стали опоражнивать их в дышащую огнем и зноем пасть домны. Целая туча пыли, дыма и искр поднялась вверх к черным балкам кровли. Туча эта на минуту окутала нас всех, перехватывала дыхание, клепала глаза. Чудовище еще громче заклокотало; еще сильнее стало вырываться и свистать во все стороны пламя, точно оно и до нас хотело дотянуться своими огненными жалами. Мы невольно отступили назад, издали разглядывая все это таинство.

— Федор, Федор, [куда ты?—закричал надсмотрщик на рабочего, который кинулся прочь от домны.

Там, где стоял он, всего сильнее поднималось пламя, точно оно его-то именно и хотело захватить и унести в недра, где кипел металл.

— Невозможно.

— Что невозможно?

— Стоять. Так палит... Дышать нельзя...

— Ну, пошел, пошел. Надо, чтобы руда ложилась по всей домне ровно, а не то, что в один край много, а в другой ничего. Этак, чего доброго, и домну испортишь. Пошел, пошел.

— Эх, ты, доля собачья,—протестовал по-своему рабочий, отправляясь жариться в самой пасти.

Несмотря на жару, любопытство взяло верх, и я подошел.

Действительно, тут палило. Домна теперь уже горела ровным розовым пламенем; внутри, в ярком хаосе, трудно было что-нибудь разобрать ослепленным глазом. Чудились только в однообразном золотом фоне огня какие-то белые ослепительные змеи, пробегающие по горевшей руде; снопами ярких лучей вспыхивали порою флюсы, выбрасывая вверх бриллиантовые звезды; раскаленные уголья, точно налившиеся кровью глаза баснословных чудовищ, смотрели на нас из этой пловучей пузырившейся массы. Порою она точно проваливалась кое-где внутрь и в раскрывшихся таким образом недрах огнедышащей горы пробегали еще более яркие змеистые струи белого пламени, светились совсем уже ослеплявшие глаз распалившиеся флюсы, и какое-то белое молоко вскипало между ними,—молоко, одна капля которого могла бы прожечь насквозь. Это именно и был ставший уже жидким чугун.

В углу пышут обжигательные печи. Рабочий,—скелет, обтянутый кожей,—сыплет туда для прокаливания еще нераздробленную руду. Мы подходим к нему. Он смотрит на нас совсем каким-то безнадежным взглядом.

На рабочих рубахи, кто не снял их, мокры от пота. Случается, что в жару в этих рубашках кристаллизуется поваренная соль, выступающая вместе с потом из пор. Вот несколько рабочих сели в угол—отдыхают. Ни слова между ними, точно замерли.

Понурились, захватили руками колени. Сидят уже несколько минут—хоть бы звук какой. Я подошел. Один спит тяжелым прерывистым сном. Другой поднял на меня голову. Недоуменный, усталый взгляд скользит куда-то. И опять голова бессильно опускается на колени. В стене дыры. В них продувает прохлада. Свет скупо струится извне. Под ним лица их кажутся мертвенно бледными.

— Эй, ребята, пора... После насидитесь,—позвали их.

Усталые спины разогнулись, колеблющаяся походка выдавала слабость ног.

— Ну, сейчас будут выпускать руду,—сказал мне мой спутник.

Мы пошли к устью печи, за которым слышалось какое-то клокотанье.

Степан осторожно открыл устье печи, какая-то темная корка в нем вспузырилась и треснула. В трещине сверкнула белая расплавленная масса. Она вздулась, заполнила все устье, двинулась под давлением сверху всего остального расплавленного чугуна и флюсов и длинною жидкою, слепящею глаза змеею потекла по узкому ходу, устроенному для нее в мягкой земле. В темном сарае стало сразу светло. Целые массы ярких звезд вскидывались вверх от этого чугунового молока. Металлические брызги, как снежинки, только гораздо крупнее их, принимали самые разнообразные формы. Одна за другой они подымались к бревенчатым сводам, врывались туда мерцающими снопами и точно таяли там, в тяжелой тьме.

Наконец, руда влилась в формы и стала остывать. Сначала она побагровела, ее подернуло синью, потом точно зола сверху отделилась; слышно было легкое шипенье под этой золой. Рабочие возились, отделяя один кусок от другого.

Когда мы вышли отсюда на свет и вольный воздух яркого летнего дня, грудь задыхалась легче. Безоблачное небо улыбалось нам; зелень лесов пышными облаками мягко круглилась на скатах гор. Молодые березы тут же, около завода, замерли в тепле. Казалось, им было лень шевельнуть своими нежными листьями. Птицы задорно перекликались. Издали слышалась песня иволги. И как ужасен показался рядом с этой негой и дремотой полудня непосильный труд человека, во тьме и зное, у самого адского пламени ненасытной домы. Тут, действительно, не даром обходится каждый грош; хлеб насущный достается в поте лица.

Было уже темно, когда я отправился опять на завод. Еще за полверсты от завода до меня долетел неровный гул; поближе—в нем уже выделились стук молотков, визг железа, свист и пыхтенье паровых машин и шум воды, падавшей в

шлюзе. Чем более вырастали передо мною громады кирпичных зданий с черными трубами и круглыми кровлями, тем шум неустанной работы, совершавшейся здесь, становился все оглушительнее. Когда я вошел в самое отделение, где разбивались чугуны в железо, у меня голова пошла кругом. Казалось, что эти паровые молоты стучали в моем мозгу, что свист мехов и сильные струи воздуха, вдуваемые в формы, сорвут меня с места и унесут бог знает куда. Глаза слепило; я не знал, на чем остановиться, за что взяться; какой-то непонятный хаос совершался кругом. Я не отделял машин от людей, все смешалось, все кружилось, меня контуры и размеры.

Мрак сгущался вверх под бревнами кровли. Внизу ослепительно горели зевы нескольких десятков печей, в которых раскаливались куски чугуна. Еще ослепительнее казалось здесь от темноты, стоявшей кругом завода. Изредка из печей выхватывали ярко горевшие косяки железными щипцами, и кто-то невидимый бежал, бежал с ними к паровому молоту. Казалось, раскаленный метеор стремился прямо на меня, оставляя за собой светящийся хвост и горячую струю нагретого им воздуха. Тяжело хрипя, поднимался паровой молот, метеор укладывался под ним. Гроыхая, громадный язык этого молота рушился прямо на горящий чугун, и тысячи ярких звезд разбрасывались в разные стороны, шипя и погасая во тьме, скоплавшейся вверх, уходя в песок, лежащий на полу, заносаясь в далекие углы, где работали такие же огненные печи, сверкали такие же метеоры, носились в воздухе такие же звезды. Вон из сварочных печей выползают огненные змеи, вытягиваются и извиваются внизу. Из-под прокатных машин скользят во все стороны такие же пламенные струи. И под этим блеском, полным какого-то зловещего очарования, мой присмотревшийся взгляд стал, наконец, различать какие-то черные тени, силуэты людей с щипцами, полосами железа, непонятными крючьями в руках. Подойдя ближе к этим рабочим, я начал всматриваться в них еще с большим интересом. Это были железные люди. На них гремели железные фартуки, которые спасали их от огненных звезд, посившихся в воздухе. На ногах гроыхали железные сапоги. Целые струи

пламени и горячего металла лились кругом, а эти железные люди посреди этого ада казались неприкосновенными. Они то-и-дело ворочали белые куски железа, красные комья чугуна, наклонялись к печам, дышавшим невозможным жаром; мокрые лица моментально высыхали, брови, совсем спаленные, закруглившиеся от страшной температуры ресницы, красные, налившиеся кровью глаза иногда обращались в нашу сторону.

К нам подошел один обжимальщик. Издали еще при каждом шаге громыхало железо его фартука и сапог. Точно стародавний рыцарь, весь закованный в латы.

— Уж вы мне, пожалуйста, мундир другой дайте,—прожгло этот наскрозь. Сегодня мне одна искра попала, болит так,—беда. Я уж думал к фершалу бежать.

— Ну, хорошо, хорошо.

— Да и то еще: нет ли у вас газет, поновой которые. А то стоишь-стоишь, одурь возьмет. На отдыхе бы почитать.

— Как же, есть. Приходи после, дам.

— Ну, вот чудесно. Чего лучше. Я почитаю, и товарищи послушают.

— Что это, исключительный тип?—спросил я, когда железный человек пошел от нас прочь, так же погромыхивая своими насквозь прожженными латами.

— Какое исключение, помилуйте. Напротив, все почти читают. А если сам не читает, то от другого послушает. Очень любознательный народ. При машинах весь век, потому. Тут даже поэты есть, которым в огне разное чудится.

Оказалось, что некоторые из рабочих, целые смены по несколько часов выстаивающие у огня, размешивая плавящуюся массу чугуна, видят в переливах огня, в сверкающей массе металла всевозможные образы: то река льется в серебряных берегах, и вырастают на них золотые дворцы и храмы; то море из белого пламени разливается шипучими волнами; ходят над ним морские чудовища, огненная буря шумит, налетая на них; то клочкотание геены огненной, точно перед задумчивым рабочим разверзаются в этой печи врата адавы.

(Крубер, Григорьев, Барков и Чефранов. «Европейская Россия». Стр. 591—598).

10. Жизнь подростков на фабрике.

(Крекольмская мануфактура в Нарве, 60-е годы).

На работу нас поднимали в 4 часа утра. Я работал на ватерных машинах, и мне приходилось стоять все время на одной ноге, что было очень утомительно. Этот адский труд продолжался до 8 часов вечера.

Измученные этой работой до полного истощения сил, мы принуждены были в 9 часов вечера идти еще в школу, где нас учили или, вернее сказать, мучили до 11 часов. В школе нас обучали письму, чтению и арифметике. Но, конечно, учение наше шло очень плохо; до учения ли нам было в этот поздний час; тем более шло оно плохо, что наш учитель принадлежал к типу тех педагогов, которые признают кулак да розгу лучшими средствами для воспитания детей. Мы очень боялись учителя; бывали случаи, что некоторые из нас падали в обморок, когда учитель набрасывался на них с поднятыми кулаками. Усталые, измученные, дрожа каждую минуту в ожидании толчков и затрепчин, мы ровно ничего не выносили из школы. Я помню, например, как один ученик делал у нас вычитание так: $2-2=2$. И этот ученик учился уже 8 лет.

По праздникам и по воскресеньям к нам приезжал священник и учил нас закону божью.

По воскресным дням и по вечерам, по окончании работ, я не смел выйти никуда без билета, который должен был брать у учителя. Он, выдавая билет, обыкновенно говорил: «Смотри, я отпускаю тебя на час; если ты просрочишь, то — в карцер или розги». В карцер сажали на хлеб и на воду, а розог давали от 25 до 100. Розгами били в казарме, и при этой операции находились: учитель, управляющий Александр Егорович Фрей и десятник, а наказывали сторожа. На фабрике же наказывали директор и его помощник Василий Васильевич Тринкин. Эти лица были настоящие тираны; особенно отличались Тринкин и учитель. На фабрике наказывали плетью. В конторе постоянно у дверей стоял палач Голяницев, который бил по приказанию начальников. Я привожу несколько фактов, как били меня самого. Один раз я печально сломал щетку, за что получил 25 уда-

ров плетью, другой раз—50 ударов за то, что проехал на подъемной машине с 4-го этажа в третий; меня били так сильно, что на моей спине не осталось белого места,—вся была черная, как сапог. В карцере я сидел несколько раз; так, однажды, я попал туда за то, что не успел на проверку. Не стану говорить о том, сколько я головомоек получил от десятников и от других... Скажу только, что на фабрике мастера и подмастерья явно убивали детей. Я сам видел, как один подмастерье бил одну девушку, которая на другой же день слегла в больницу и там умерла. Детей ставили часа на два на колени на осколки старых кирпичей и на соль, таскали за волосы, били ремнями... Словом сказать, делали с ними все, что только хотели.

При поступлении на фабрику директор положил жалованья нам по 4 рубля; из этих денег нам давали лишь 8 к. в месяц, т. е. по 2 к. с рубля. За такое жалованье я жил целых четыре года. До шестнадцати лет с меня хозяин брал за содержание 6 р. 50 копеек. Поэтому я оставался должен ему каждый месяц по 2 р. 50 к., а иной раз и больше, так как с нас часто брали штраф за разные провинности, и эти штрафные деньги присчитывались к долгу. Когда мне наступил двадцатый год, с меня хозяин стал брать за содержание по 10 рублей в месяц.

Таким-то образом и составилась мой долг, на покрытие которого шел почти весь мой заработок. Через три года мне удалось выплатить все, что я должен был хозяину. Но положение мое после этого не особенно улучшилось, так как мне все-таки не выдавали на руки весь мой заработок, а только 10 копеек с рубля, остальные деньги шли в ссудосберегательную кассу, и я мог их тратить лишь под контролем хозяина.

(Герасимов. «Жизнь русского рабочего полвека тому назад». Стр. 8—11).

11. Положение рабочих.

Фабрика была магнитом, притягивавшим к себе деревенскую бедноту, притягивавшим иногда издали; уже около 1860 года на текстильных фабриках города Москвы поль-

ко меньшинство рабочих, около двух пятых, были уроженцы Московской губернии; большинство, почти три пятых, были из соседних губерний—Калужской, Смоленской и т. п. Большая их часть еще не раскрестьянилась окончательно—сохранили свое хозяйство в деревне, куда и уходили на летние работы; но уже значительная часть, более четверти (29%), работала на фабриках круглый год.

В каких условиях жил этот новый общественный слой? Только наиболее ценные для хозяина, наиболее квалифицированные рабочие имели в начале 80-х годов особые помещения для жилья: серая рабочая масса спала там же, где работала. На московских ткацких фабриках ткачи «почти всегда» спали в мастерских, на своих ткацких станках. На таком станке, $2\frac{1}{2}$ аршина в длину и 2—в ширину, спала целая семья. Подстилкой служила собственная одежда, или же «какой-то грязный и рванный хлам», космы рогожи и т. п. Но, благодаря пыли, в ткацких было столько блох, что даже терпеливый русский рабочий не выдерживал и летом убегал спать просто на двор. В других местах, спасаясь от блох, рабочие устраивали себе нечто в роде гнезд—ящики под потолком, на 3 аршина от полу, которые они сами называли «скворешницами».

Так жила масса. Но и рабочая «аристократия», имевшая для жилья не только отдельную казарму, но и отдельную каморку в казарме для каждой семьи, была весьма далека от буржуазного существования. Вот как фабричный инспектор 80-х годов описывает рабочую «каморку» тех дней—одну двухоконную, а иногда и однооконную комнату, обитавшуюся двумя семьями: получить целую комнату на семью не могли мечтать даже «аристократы». «При входе, по обеим сторонам двери, в простенках стоят кровати, прикрытые занавесками и принадлежащие двум семьям; далее, вдоль стены устроены спальные места для малолетних каждой семьи; при чем иногда и у последних имеются также кровати, но большею частью они спят на полу. В этих же местах обыкновенно висят и зыбки с грудными детьми; наконец, в простенках, по обеим сторонам окна, у каждой семьи имеется свой стол, за которым она обедает. В углах, у окон, висят обыкновенно несколько образов, непременно с лампадкой. у

каждого; а по стенам—любочные картинки, с изображением почти всегда членов царской фамилии; между этими картинками висят иногда дешевые стенные часы. В некоторых каморках есть даже и цветы на окнах и занавески».

Этот набожный и верноподданный пролетариат и ел, конечно, так же плохо, как жил. Всегда в кухнях отмечается «невообразимая грязь». В рабочих столовых была такая теснота (иногда обедали в два ряда—у самого стола, сидя, взрослые, а сзади них, стоя, дети) и стоял такой густой пар и от кушанья, и от самих обедающих, что нельзя было «даже разобрать сразу, что тут делается». Обычную его пищу составляли: вяленая вобла, солонина, часто с душиком, а ежели свежее мясо, то в виде «гусака», т.-е. вырезанных из убитого быка внутренностей. При том все это рабочие должны были покупать не на «вольном рынке», а в фабричной лавке, по цене много дороже рыночной.

Плохо питаясь, живя в ужасных условиях, рабочий страдал, конечно, всяческими болезнями: на московских текстильных фабриках туберкулез у женщин-работниц доходил до 134 на тысячу. Но к этим болезням бедности присоединялась еще одна «эпидемия», исключительно пролетарская—«травматическая эпидемия», как называли ее иногда, мрачно шутя, врачи, повальная болезнь ран и увечий. Вот, со слов фабричного инспектора, картина быта тогдашней фабрики, объясняющая нам эту «эпидемию». На Даниловской мануфактуре «в опальне или палильне, между двумя машинами, со множеством зубчатых колес, вращающихся в разных направлениях, существует проход всего, примерно, в три четверти аршина, через который в течение суток проходят, нет сомнения, сотни рабочих, и в том числе малолетние; малейшая неосторожность, особенно при господствующем шуме и жаре в этом отделении, один нетвердый шаг или толчок,—и человек в этом проходе легко может зацепиться за ту или другую шестерню и быть изуродованным».

На Соколовской мануфактуре за два года среди ткачей было 67 изувеченных на 1000 человек, среди носильщиков—250, среди слесарей—535, среди токарей—625 на тысячу. А среди котельщиков число это доходило до 750: за два года только один рабочий из 4 ушел от поранений.

Экономически рабочий зависел всецело от милости или немилости своего хозяина. Прежде всего хозяин платил рабочему его заработную плату, когда хотел. Не считая себя обязанным платить рабочему определенную плату в определенные сроки, хозяин требовал от рабочего сверхъестественной аккуратности, немилосердно штрафуя его за всякую оплошность. За прогул одного рабочего дня вычиталось два дня, а за одну треть дня—как за целый день. «Поводы к штрафованию весьма многочисленны и значительны,—писал московский инспектор в своем отчете. Так, например, одним рублем штрафа наказывали тех из рабочих, которые почему-либо явились в контору не в одиночку, а несколько человек разом, а во второй раз такие нарушители удалялись даже совсем с фабрики, с уплатой неустойки (по 10 р.). На фабрике Михеева (суконной) до сих пор, повидимому, сохранился вполне взгляд на рабочих, как на крепостных людей; так, деньги выдаются лишь два раза в год, но и при этом лишь те, которые нужны для податей (а остальные потребности удовлетворяются фабричной лавкой). Выдаются они, кроме того, рабочим отнюдь не на руки, а посылаются по почте сельским старостам и волостным правлениям. Таким образом, рабочие круглый год остаются без денег, уплачивая, между тем, по расчетным книжкам крупные штрафы на своей фабрике, которые будут у них вычтены при окончательном расчете в конце года». На фабрике Пешкова можно было видеть два объявления—одно гласило: «кто поступил на фабрику, тот не имеет права выхода за ворота; за нарушения правила штраф 1 рубль»; другое: «так как фабричные дозволяют себе беспокоить хозяина—просить денег, то, предупреждая, выдача денег ближе 20 ноября не будет (а обычный срок прошел 22 октября); осмелившийся спросить раньше будет разочтен совсем».

(Покровский, М. Н. «Русская История в самом сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 168—174).

12. Рабочее движение.

В первой половине 70-х годов стачки встречаются нам все чаще и чаще во всех концах России—и на Кренгольмской мануфактуре, около Нарвы, и в Костроме, и в Москве, и

на юге России, и в Виленской губернии. Основная причина была одна и та же всюду—борьба из-за заработной платы, при чем рабочие добивались не столько увеличения этой платы, сколько чтобы им вообще платили за их работу, что некоторые предприниматели делали весьма неаккуратно, да еще забирая себе добрую долю заработанного их рабочими—в виде штрафов. Протест против штрафов и встречается нам поэтому неизменно при всех забастовках до середины 80-х годов. Всего по газетам можно насчитать за время с 1865 по 1875 год до 20.000 бастовавших рабочих—на деле их было, конечно, гораздо больше, потому что в провинции газеты не смели писать о забастовках.

С 1878 года стачечное движение разрослось особенно широко. Всего за 1878—1880 годы историки рабочего движения насчитывают по России 29 стачек, в которых участвовало 30—35 тысяч рабочих.

Это стихийное забастовочное движение тем менее можно было остановить, что обострившийся после короткой передышки (1878—1879 года, благодаря военным заказам) промышленный кризис давал фабрикантам возможность так прижимать рабочего, как это они не могли делать ранее даже в России. Сокращение производства под влиянием кризиса делало предпринимателя самодержцем над жизнью тысяч людей: «я хочешь работать на моих условиях—ступай, куда знаешь, у меня рабочих и так больше, чем нужно».

Кризис захватил всю первую половину 1880 годов, и за шесть лет (1881—1886) историки русского рабочего движения насчитывают 48 крупных стачек, в которых участвовало более 80.000 рабочих. Самой памятной из них осталась знаменитая «морозовская стачка»—забастовка в январе 1885 года на фабрике Тимофея Морозова в Орехове-Зуеве, фактически первый успех русского рабочего движения, как увидим ниже, хотя окончилась она кажущейся победой фабриканта.

У Морозова, как и всюду, пользуясь кризисом, резко уменьшили заработную плату (сразу на 25%)—в то же время администрация фабрики получила от хозяина приказ так немилосердно штрафовать рабочих, что из каждого рубля еще 25% оставалось в хозяйской кассе уже в виде штрафа. Штрафовали за всё: за курение был положен штраф от 3 до 5

рублей, за один прогульный день вычитали 3-дневный заработок и т. д. Сверх того, еще вычитали за все: и за баню, и за освещение каморок, и за уголья для самовара; с обитателей каморок брали плату поголовно, так что за каждого ребенка в семье приходилось платить.

При таких условиях забастовка должна была вспыхнуть стихийно, сама собой, тем более, что у Т. Морозова, свирепого эксплуататора, рабочие, можно сказать, привыкли бастовать: первая забастовка у него на фабрике была еще в 1865 году. Но отличительной особенностью морозовской стачки 1885 года было именно то, что она не была стихийной. Во главе ее стояли сознательные рабочие: Мосеенок и Волков; первый был старым борцом петербургского рабочего движения конца 70-х годов и за участие в петербургских стачках побывал в ссылке, в Восточной Сибири. Волков, как увидим ниже, сумел так осмысленно передать требования рабочих, что из волковской «тетради» кое-что прямо перешло в русские фабричные законы 80-х годов. Стачка была проведена с большой выдержанностью и настойчивостью; начавшие забастовку ткачи, сумели «снять» с работы сначала ткачих, потом прядильщиков, потом красильщиков; все предприятие стало. Мосеенок и Волков уговорили товарищей не делать никаких насилий, но раздражение пролетарской массы против администрации было слишком сильно, и квартиры главных подручных Морозова порядочно пострадали. Движение было настолько грозно, что Владимирский губернатор вызвал на место два батальона пехоты и полк казаков (рабочих бастовало до 8.000 человек). Но рабочие и перед лицом войска не пошли на условия фабриканта. Морозов начал сдаваться, увидев дружный натиск рабочих. 11 января (забастовка началась 7) они устроили шествие с красным знаменем, а когда уполномоченные рабочих после этого были арестованы, отбили их из-под ареста. Только после ряда побоев с казаками и пехотой и ареста 600 человек, геройское сопротивление стачечников было сломлено. Работы возобновились с 14 января, но к ним приступило только 800 человек из 8.000.

От таких событий слишком пахло рабочей революцией, чтобы правительство Александра III, вообще бравшее не столько храбростью, сколько хитростью, не забеспокоилось.

Бесправие рабочих начинало быть опасным для самого правительства; чтобы Александр III чувствовал себя безопасно на престоле, нужно было дать какие-то «права» рабочим.

На путь фабричного законодательства правительство Александра III вступило еще в 1882 году.

Законом 1 июля этого года была ограничена эксплуатация малолетних на фабриках, и для надзора за исполнением закона учреждена была инспекция. Но, во-первых, закон решились ввести в действие только через два года, с 1-го мая 1884 года. Во-вторых, фабричному инспектору никакой власти дано не было; он мог только ездить, смотреть, составлять протоколы, из которых ничего не выходило.

Немудрено, что, когда являлся инспектор, на иных фабриках ему небрежно отвечали, что ни о каком законе ничего не знают. А один московский фабрикант не стал даже слушать инспектора, прервав его словами: «Вы меня извините, господин, мне пора в город в амбар ехать, а вы расскажите свое какому-нибудь молодцу в конторе; они мне потом все передадут, будьте спокойны». Страх за собственную шкуру заставил Александра III и его министров подойти к фабрикантам смелее: впервые посягнули на отношения хозяев не к детям (там начальственную опеку можно было объяснить малолетством опекаемых), а к взрослым рабочим. Закон 3 июня 1885 года запретил ночную работу для женщин, а ровно год спустя охрана коснулась труда всех рабочих, всякого пола и возраста. Главная суть закона заключалась в ограничении хозяйского произвола по части рас­ плат, штрафов и т. д., т.-е. того, на что неизменно жаловались рабочие при всякой забастовке, обращавшей на них внимание начальства. Сравнивая отдельные статьи закона с требованиями морозовских рабочих в январе 1885 года, мы еще раз убеждаемся, как сильно эта стачка подействовала на начальство: целый ряд требований целиком перешел в закон: расплата каждые две недели, предупреждение о расчете за две недели, удовлетворение рабочего «особым вознаграждением» за неправильный и несвоевременный расчет, сокращение штрафов до такого размера, чтобы они никак не брали более 5% заработной платы (вместо 25, практиковавшихся у Морозова) и т. д.

Но если фабриканты в первую минуту и встревожились от похода на их «права», они скоро должны были успокоиться. Во-первых, инспектора были назначены в таком количестве (в Московской, например, губернии двое, инспектор с помощником, на 2.000 фабрик), что наблюдать за фабрикантами всерьез, они, разумеется, не могли. Затем над инспектором были поставлены фабричные присутствия, где были представлены фабриканты, а рабочие, разумеется, отсутствовали, и где решающее значение имели голоса обер-полицеймейстера и жандармского генерала.

При этом положение рабочего по отношению к государству оставалось прежнее: рабочий попрежнему оставался бесправным, как и все подданные Александра III, попрежнему он лишен был права коалиции, не мог образовывать союзов, попрежнему стачка оставалась преступлением, за которое по суду сажали в тюрьму, а в административном порядке ссылали в Сибирь.

К началу 90-х годов стачечное движение не только не ослабело, а, наоборот, стало гораздо шире и ярче. Если в начале 80-х годов за 5 лет можно было насчитать 80.000 забастовщиков, то в одном 1895 году бастовало 48.000 человек, а за 5 лет, 1895—1899 г.г., их число достигло почти полу-миллиона (434 тысячи человек).

1896 год, знаменитый петербургской стачкой ткачей, положил начало настоящей «стаечной эпидемии».

К весне 1896 года стачечное движение захватило всю массу рабочих петербургского прядильно-ткацкого производства, и во второй половине мая 1896 года 35.000 рабочих этого производства забастовали, выставив ряд общих требований, в том числе сокращение рабочего дня до 10 часов. Стачка длилась больше месяца и отличалась как стойкостью рабочих, так и удивительной сдержанностью и спокойствием, не покидавшими стачечников, несмотря на провокаторские действия полиции, жандармов и фабричной инспекции.

Из Петербурга стачечное движение перекинулось в Москву и другие города Центрального промышленного района (Кострому, Серпухов, Ярославль, Орехово-Зуево, Гусь-Мальцево, Иваново-Вознесенск). В Западном крае забастовки охватили массу ремесленных рабочих: в Либаве и Риге ба-

ствовали крупные механические заводы; в Варшаве стачечное движение охватило все почти отрасли фабричного и ремесленного труда, а затем перекинулось в польский горно-заводский район. На юге России движение развивается в Киеве, Одессе, Екатеринославе, в целом ряде пунктов Донецкого района, проникает на Кавказ. На Урале организованное рабочее движение проявилось на Златоустовском казенном оружейном заводе, где в течение нескольких месяцев рабочие стойко боролись за введение 8-часового рабочего дня.

В конце 1898 года ткацкое движение в Петербурге закончилось крупной стачкой на фабриках Максвеля и Палля, при чем рабочие, обороняясь от неистовств полиции, оказали ей упорное и стойкое сопротивление, побежденное при помощи воинской команды. Победители подвергли рабочих страшным истязаниям, которые стоили жизни нескольким человекам. Затем последовал суд над рабочими, закончившийся весьма суровыми приговорами.

В других городах движение не прекращалось до самого конца 90-х годов.

Крупные события разыгрались в мае 1899 года в Риге, когда там вспыхнула стачка работниц джутовой фабрики. На грубую расправу полиции с забастовщиками весь пролетариат Риги ответил забастовкой и энергичной борьбой на улицах с войсками. Множество убитых и раненых осталось на улицах Риги.

Стачечное движение описываемого времени благоприятно отразилось на положении русского пролетариата. Ничем неограниченная до тех пор эксплуатация рабочего была введена в известные границы. Заработная плата во многих местах была повышена; были уничтожены самые вопиющие злоупотребления русских фабричных порядков, делавшие рабочих рабами в полном смысле слова. Еще важнее было достигнутое рабочими лучшее обращение со стороны фабрикантов и мастеров. С наибольшей энергией борьба велась за сокращение рабочего дня, который в России был продолжительнее, чем где бы то ни было в мире. И в этой области рабочие достигли заметных успехов. Правительство, испугавшись роста рабочего движения, было вынуждено поставить на очередь вопрос о законодательном ограничении ра-

бочего дня. Соображения «государственного порядка и спокойствия» взяли верх над заботой об «опоре престола» — капиталистах; 2 июня 1897 года правительство издало первый закон, ограничивающий продолжительность рабочего времени для мужчин. Рабочий день был определен в 11¹/₂ час. в сутки; сверхурочные работы сильно ограничены. Вместе с тем было во много раз увеличено количество фабричных инспекторов.

Но не прошло и года после издания закона 2 июня, как под давлением слезных просьб капиталистов стали издаваться дополнения к закону и допускаться изъятия для отдельных производств. В скором времени от закона не осталось почти ничего, и рабочие сохранили приобретенные улучшения лишь там, где сумели отстоять их силой. Что же касается до увеличенного состава фабричной инспекции, то он очень скоро превратился в столь же многочисленную банду фабричных полицейских, напрягавших все усилия на борьбу с рабочим движением.

Вообще, очень скоро правительство, бросив в сторону политику мнимого «попечения» о рабочих, взялось со всей энергией за «искоренение» рабочего движения. Кроме обычных приемов ареста «зачинщиков» стачек и «экстренных» расправ с безоружной толпой, при помощи скорострельных ружей, кроме выхватывания из толпы стачечников отдельных жертв для судебной комедии, вводилась ссылка в сибирские и другие отдаленные губернии на основании простого отъезда губернаторов, собирающих свои сведения при посредстве полиции всякого рода (в том числе и фабричных инспекторов, не брезгавших ролью доносчиков). Рабочие отрывались от труда и от семьи и отправлялись в сибирские и архангельские тундры владеть голодное и холодное существование.

Рядом с этой мерой шли массовые высылки стачечников из места забастовки или на место родины, закрытие на время стачек потребительных обществ и всевозможные другие меры, имевшие нескрываемой целью принудить рабочих к беспрекословному подчинению капиталу.

Насилие правительства и бездушное упорство капиталистов уплачивали рабочую массу и развивали в ней тот боевой дух и ту дисциплину, без которых невозможно возрожде-

ние пролетариата, придавленного и истерзанного угнетением капитала и созданной им нищетой. А успехи, одержанные в стачечной борьбе, внушили ему сознание той силы, которой он может стать, благодаря своему объединению. Каждая новая стачка и каждое новое вмешательство правительства в стачечную борьбу служили новым уроком, и первые плоды этих уроков сказывались в возрастающей ненависти к правительству. Широко распространялось в пролетариате сознание своего классового единства, общности интересов всего пролетариата, без различия профессии, национальности и вероисповедания. Это сознание является той основой, на которой вырастает понимание необходимости политической борьбы, борьбы целого класса за власть в государстве. Признаком растущего понимания своего классового единства явилось то сочувствие, с которым пролетариат воспринял идею майского праздника. Из немногочисленных кружков, которые в начале 90-х годов справляли майский праздник на тайных собраниях, эта идея перешла теперь в массы. В Польше, в Литве и среди латышских рабочих Риги происходили уже массовые забастовки в день 1-го мая и уличные манифестации. В коренной России первая крупная майская демонстрация произошла в Харькове в 1900 году, захватив почти все фабрики и заводы.

Особенное значение имели майские дни 1901 года в Петербурге. Забастовал Обуховский завод, и когда администрация начала преследовать «зачинщиков», обуховцы ответили стачкой, которая привела к упорной схватке с вооруженной силой. «Победа» правительства была куплена ценою многих убитых и раненых, но весть о героической «обуховской обороне», о стойкой защите рабочими своих позиций, о помощи, оказанной обуховцам женщинами-работницами, и об их смелости, — весть эта влила новую революционную струю в рабочие массы. Клич «долгой самодержавие» носился над обуховской обороной, и с этим же кличем рабочие Выборгской стороны в день 1 мая вразались с отрядами полицейских, ставших на пути их шествию. Расправа с «обуховцами» вызвала движение и на других заводах, которое не стихало в течение всего лета.

В течение зимы 1901—1902 годов демонстрации не прекра-

щались. На улицах многих городов развевались красные знамена и раздавались революционные возгласы. Усиливались неистовства «усмирителей», а толпа, все более раздражаемая этими неистовствами, начинала оказывать вооруженное сопротивление.

Революционная волна, поднятая участием рабочих в политических демонстрациях, поднялась до неслыханной еще высоты в ноябре 1902 года.

Стачка железнодорожных мастеровских в городе Ростове стала историческим событием для всей России, так как вызвала грандиозное политическое движение, в котором принял участие весь город. Дело в том, что рабочие под руководством Донского Комитета Рос. С.-Д. Раб. Партии, перешли к новой форме борьбы. Место прежних демонстраций заняли митинги под открытым небом; место революционных песен и возгласов — речи на политические и социальные темы. Митинги стачечников привлекли к себе внимание всего города. Под их влиянием рабочие всех промышленных заведений Ростова бросили работу, чтобы выразить свою солидарность с забастовавшими железнодорожниками. Громадные, десятитысячные толпы с напряженным вниманием слушали речи ораторов Донского Комитета, разъяснявших необходимость борьбы с самодержавием и задачи рабочего движения.

Местные власти растерялись: они привыкли иметь дело с шествиями тысяч людей и не знали, как «разогнать» десятки тысяч, собиравшиеся на одной площади. Только через неделю после начала митингов решено было действовать «со всей строгостью», и начали работать солдатские ружья, а затем властям удалось не допустить новых собраний и выловить некоторых руководителей. Но «ростовские ноябрьские дни» успели уже оказать свое могучее влияние, показав воочию, что к политическому движению можно привлечь громадные массы. С другой стороны, пример ростовских ноябрьских дней указывал на всеобщую забастовку, как на новое средство борьбы. В этой именно форме произошло новое выступление пролетариата.

Оно началось почти одновременно в двух местах: в Баку и в Одессе. И здесь и там пролетарская солидарность побудила десятки тысяч рабочих бросить работу и начать все-

общую стачку. А затем последовали многотысячные митинги, в которых движение быстро перерастало свою чисто-экономическую форму. Революционные организации выясняли массам необходимость борьбы с самодержавием, а обычные насилия властей подтверждали в глазах масс правоту революционеров.

Всеобщие стачки в Одессе и в Баку взволновали весь Юг. Один за другим к движению примыкали новые пункты. Везде забастовка была поголовной. Везде происходили демонстрации и грандиозные митинги. Рабочие здесь выставляли самые различные экономические требования и—впереди всех—требование 8-часового рабочего дня. Но политическое возбуждение не давало массам сосредоточиться на отстаивании экономических требований, и сплошь и рядом рабочие, получив от хозяев удовлетворение этих требований, не прекращали забастовки. Взамен того они предъявляли требования политических прав, и крик «долой самодержавие» носился над всеми собраниями. Чувствуя значение своего выступления, рабочие проявляли громадное воодушевление, терпя всевозможные лишения и смело идя навстречу выставленным против них солдатским ружьям.

Весь июль и август всеобщее внимание было привлечено к этому могучему движению рабочих масс. Самые близорукие чувствовали, что приближается время открытой схватки народа со старым порядком, и что в этой борьбе пролетариат сможет развернуть гигантские силы.

(Покровский, М. Н. «Русск. Ист. в сам. сжатом очерке». Ч. I—II, стр. 258—266. Мартов. «Пролетарская борьба в России». Стр. 83—126).

13. Рассказ рабочего П. А. Мосеевка о морозовской стачке 1885 г.

Стало-быть, в 1884 году было, вот уже четвертый под тому пошел. Работал я в Орехове-Зуеве на Морозовской м-ре; порядки были, строгости, душили штрафами. Мимо директорских окон в шапке пройдешь—штраф; в казарме громко заговорил—штраф; по улице Орехова-Зуева с песней или гармошкой пройдем—штраф; жена двойню родила—штраф. Ну, мочи нету, хотя прямо ложись да помирай.

А обсчитывали, а обвешивали при выдаче и приемке, а рабочий день был—до 16, по 17 часов работали, а если чуть заболел,—на улицу, как собаку; рабочий народ на положении был хуже зверя, хуже псов... Вспомнишь, так жутко.

А на фабрике работал народ темный, сплюнь безграмотный. И все корпуса, вся фабрика кипела сыщиками и полицейскими, да и наш брат-рабочий нередко продавал своего же брата. С горя, с неустанный работы, с этой собачьей жизни пили страсть—все пропивали. Ну, работать с таким народом уже очень тяжело было, почти невозможно; а нас было двое политиков—я, да покойный Волков. Ну, на всякие хитрости пускались. Или прямо ведем пропаганду в казармах, или на фабрике соберутся в сортире курить, набьется народу—вошь, дым, темь—не продохнешь... А мы с Волковым возьмем по газете, какую попадет, хоть черносотенскую, хоть прошлогоднюю, держишь перед собой иной раз кверху ногами,—все одно не видать!—и будто читаешь по ней, а на самом деле свое из головы тачаешь: «Доколе же, мол, вы будете терпеть эту каторгу? Ведь, мол, хозяин опился нашей крови, лопнет скоро; не бараны же мы, которых только свежуют». И пойдешь чесать, аж за ушами звенит. Ну, все стоят, затаив дух, слушают и только удивляются: как здорово нынче в газетах стали писать—как это цензура терпит,—вот времена пришли!.. «И как это ты, Анисимыч, в темноте такой разбираешь буквы. Котинные у тебя глаза!» А где тут разбираешь, коли кверху ногами держишь! Ну, так вот их и начинаешь, как колбасу, покуда не придет мастер да не повыгоняет всех.

8.000 человек бросили работу, как один. Красильщикам, которые было заартачились, повыбили окна, когды и помяли; мастера разбежались, фабрика стала. Сейчас же понаехало начальство, губернатор, пригнали солдат, казаков,—и пошла писать губерния. Рабочие распалились в одну душу: «разнесем фабрику, и шабаш!..».

У нас с Волковым вся забота была, чтобы не допустить до погрома, а возможно дольше выдержать стачку. Говорить—то уж очень трудно было; чуть соберется кучка,—бегут солдаты, казаки,—и в нагайки, и в приклады.

Раз как-то налетели казаки, отрезали от толпы человек сто

и заперли в столовую, а у дверей поставили солдат с заряженными ружьями. Вижу—надо добывать этих ребят, а то плохое впечатление на рабочих этот арест произведет, погнутся духом. А тут бегут ко мне наши фабричные ребята, —они у меня вместо адъютантов были,—и шепчут: «дяденька, с этой стороны караула нету». Оббежали мы кругом,—верно, караула нету, ну, только двери заперты, а двери тяжелые—дубовые. Попробовал я было плечом, куда тебе. Опять ребята кричат: «дяденька, во скамейка, —скамейкой»!..

Скамейка стояла длинная, на которой обедали. Подняли мы с ребятами скамейку, раскатали на руках, да как двинем, так дверь и разлетелась; ребята закричали «ура!», а арестованные стали выскакивать. Гляжу, бегут все рабочие сюда и солдаты, и кинулись солдаты колоть рабочих... У меня аж в глазах помутилось,—полется кровь... Кинулся я к солдатам, как закричу не своим голосом: «как, своих колоть!.. Своих колоть!»...

А солдат размахнулся, да прямо мне в грудь штыком. Я в полушубке был, успел ухватиться за штык, вырвал у него ружье, да об'ел, —приклад и разлетелся, оттолкнул солдата и опять заревел не своим голосом: «братьев своих колоть!».

От моего реву и солдаты попятилось. Так я проделал между ними такой проход и все ходил и приговаривал: «не трожьте, брадцы, друг дружку, вы братья ведь кровные».

Вечером стал раздеваться в казарме, смотрю,—рубашка у меня на груди, как лубок. Э-э, да это он меня штыком. И рана запеклась, и на рубашке кровь запеклась, а ведь тогда, как кольнул он меня, я и не чуял.

(«Морозовская стачка», под ред. Рязанова, стр. 14—16).

14. Рассказ рабочего о стачке на ткацкой фабрике Кожевникова, 30 мая—12 июня 1896 г.

С 1888 года у нас на фабрике в продолжение 8½ лет последовал целый ряд сбавок расценки. С некоторых товаров даже несколько раз было сбавляемо.

Относительно берда и питок в основе, набора и колес—произвол полнейший, да и везде, и во всем произвол. Пять минут опоздал на работу, хотя и прибежишь, сейчас штраф; иногда стоишь у двери и смотришь в окно, а тебе пипнут штраф, а если гуляешь до вине хозяина, то не платят, хотя гулять приходится часто. И вот, наконец, наши ткачи, под влиянием стачек, уже начавшихся тогда на других фабриках, прекратили работу 30 мая, в 12 часов дня, и не возобновляли до 12 июня, 9 часов утра. Требования наши были: 12-часовой рабочий день, с 7 часов утра до 7 часов вечера, и в том числе $1\frac{1}{2}$ часа на обед, а в субботу в 2 часа кончать совсем, при чем, конечно, чтобы заработная плата не уменьшалась прежняя, а где можно, там повысить.

В первый день забастовки несколько человек (около 30 из всего числа 500 рабочих) пошли работать. Но при таком количестве рабочих могла попортиться машина, и рабочих пришлось выслать, а фабрику совсем остановить. Управляющий сделал это, надеясь, что утром все вернутся на работу.

На следующий день, в половине пятого часа утра, нагнали массу полицейских, боясь, что рабочие—зачинщики стачки—будут останавливать желающих начать работать. Но останавливать вовсе некого было, потому что ни один из рабочих утром даже не вышел (на работу) из своей квартиры, за исключением одного старика Семена Пленивого. Таким образом, полицейские немало были удивлены, когда то же самое повторилось несколько раз; каждое утро они собирались восстановить порядок, а мы спокойно спали по своим квартирам. Наконец, они решили действовать иначе, и на четвертый день забастовки пошел слух, что утром обомоточные, городовые и дворники будут брать с квартир и таскать на фабрику силой.

И, действительно, с вечера полицейские к чему-то стали готовиться; в подкрепление городовым пригнали много жандармов, которые разъезжали по фабричным улицам и гнали рабочих в квартиры. Улицы буквально опустели, и наступила какая-то зловещая тишина; чувствовалось, как приближалась минута борьбы. Неравенство силы каждому было ясно, а главное, у каждого мало надежды на остальных товарищей. Но вот, наконец, настало утро. Действительно, без-

образе полиции восстало перед рабочими во всей наготу. Около 5 часов утра во дворе дома № 12, по Воронежской улице, где помещается около $\frac{3}{4}$ всех рабочих Кожевниковской фабрики, притянули массу жандармов и полицейских с дворниками. Околоточные в сопровождении городских и дворников стали ходить по квартирам и таскали с постели. Раздетых женщин брали с постели от мужей.

Таким образом, полицейские разбудили и выгнали из дома большую половину его жильцов. Впрочем, большая часть разошлась только из квартир и попряталась, кто на чердак, кто в ватерклозет. Несмотря на то, что на фабрику под руку водили, всего удалось загнать туда человек 20, и те с 8 часов утра ушли все до единого.

Затем от градоначальника появились объявления, приглашавшие рабочих, под угрозой уголовного преследования, в трехдневный срок приняться за работу. Но рабочие только посмеивались над этим объявлением и говорили: «Наши лучше», т. е. прокламации. Вообще прокламации у нас читались очень охотно, и всегда рабочие при чтении замечали: «Вот правда-то где». И в самом деле: ведь мы чувствовали, только сказать не могли, как написано. Замечу еще, что не осталось ни одного человека на всей фабрике, кто бы не читал прокламаций или книжек, в таком же духе написанных.

В первый день стачки, часа в 4 вечера, явился фабричный инспектор и попросил для объяснений. Рабочие заявили свои требования; инспектор же приглашал начать работы, а дело обещал разобрать и сделать, если можно, все, как требуют. Но рабочие требовали сначала сделать так, как требуют, а потом они начнут работу, и, конечно, эти объяснения ни к чему не привели. Потом инспектор являлся чуть не каждый день и до того надоел, что мы перестали с ним разговаривать. Однажды явился он к фабричным воротам; рабочих около фабрики было много; он издали стал звать рукой рабочих поговорить. Но они только смеялись. Наконец, он истощил все терпение, плюнул и ушел.

После этого, на следующий день, явился околоточный и попросил, чтобы мы избрали от себя депутацию к градоначальнику. Мы избрали пять человек. Они предстали перед очами жреца петербургской полиции, который не дал сказать

ни единого слова; а сказал, что он знает, что фабриканты нас притесняют, и что он поручил это дело разобрать, а нас просит начать работу; затем расшаркался и ушел. На следующий день градоначальник прислал телеграмму рабочим, что он выслушал наших депутатов и вполне сочувствует нам, что вследствие этого дело он поручил уже разобрать, и сам будет стараться, насколько это возможно, поддерживать нас, а до решения дела просит приняться за работу. И вот околоточный тысячу раз прочитал, что «его превосходительство»..., а дальше рабочие кричат: «Не согласны»...

Затем придумали новый фокус: стали нас вызывать к следователю в фабричную контору. Но мы стояли на своем. Когда и это нашли недействительным, тогда потребовали в здание Окружного Суда, и из первой же партии рабочих следователь засадил в предварилку троих рабочих. Этим он хотел заставить рабочих отказаться от своих требований, но рабочие говорили: «Как все, так и я, я пойду—меня могут побить». Хотя рабочий вполне был уверен, что делает так по доброй воле, и что бить его никто не будет.

Когда фабрикант убедился, что никто рабочих не в состоянии заставить приняться за работу—ни полиция, ни следователь (а в начале стачки он на них шибко надеялся и даже попросил, чтобы ему выслали казаков отодрать рабочих и плетью заставить работать; но драть было нельзя, потому что рабочие вели себя примерно), то переменял свой тон. Выйдя на улицу, он стал зазывать рабочих поговорить с ним. Рабочие от себя послали дворника, чтобы Кожевников, если желает говорить, выслал полицию и управляющего прочь. Он так и сделал, но попросил рабочих к себе во двор. Здесь рабочие, быть-может, в первый раз почувствовали себя равными фабриканту и стали говорить ему, горькую правду, что он дал волю управляющему, и нас от себя гонит прочь: «Благо тебе хорошо, а мы работаем чуть не даром». Когда же хозяин стал оправдываться, то рабочие, чуть не бранью, отвечали, что он самым бессовестным образом сбавлял расценки и прибавлял меры в кусках. Тогда он сказал: «Хорошо, вы только начинайте работать,—я расценки прибавлю, но время я сейчас сбавить не могу: дело

теперь, как ваше, так и мое, разбирается, а если я убавлю время, то меня посадят за это в тюрьму».

Наконец, рабочие, как ни крепко стояли с начала дела и как ни надеялись тогда на успех своего дела, стали торчать надежду, да кроме того у многих и экономическая необеспеченность давала себя знать самым чувствительным образом, и под влиянием этого рабочие мало-помалу начинали работать, и уже 12 июня фабрика пошла полным ходом. Но духом мы не упали и при первой же возможности повторим то же самое.

Жаль, что у нас трудно устраивать кассы на случай стачки, будь у нас хлеб, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими «разумными мерами».

(Тахтарев. «Очерки петербургского рабочего движения 90-х годов»).

15. „Бой за правду.“

(Рассказ участника стачки на фабрике Макселя 1898 года).

Фабричный народ предъявлял фабричной администрации, что расценки мал на пуд или на кусок материи.

Фабричная администрация не приняла рабочих слов и делала по-своему. Тогда фабричный народ задумал сделать стачку.

В это время появились печатные листки. Фабричный народ читал листки 13 декабря, в 12 часов ночи, а 14 декабря была устроена стачка.

В это время приезжал инспектор и требовал с рабочих жалобы. А фабричная администрация в это время в главной конторе сняла рабочих фотографической машиной.

На 15-е декабря рабочие увидели гибель братьев. Тогда рабочие предъявили писарю, который служил в доме фабриканта, чтобы не пускать полицию по ночам, на то день даден, чтобы ходить забирать, писарь не обратил на слова рабочих внимания.

Полиция каждую ночь убавляла рабочих. Тогда рабочие захотели открыть кровавый бой. На 17-е декабря в кори-

доре была полная партия русского народа, некоторые народы играли в карты, и у каждого человека было полено в руках или больше. В 11½ часов ночи залаяла собака, которая была у двери входа. В это время рабочие были готовы приняться за бой, вдруг на пороге входа появилась полиция. Рабочие бросились на полицию, и полиция была разбита. Тогда сам пристав потребовал еще больше войска, конного.

Пристава приказ был исполнен, и приблизилось войско 310 человек, конных городских и жандармов.

В это время некоторые рабочие видали, что каждому городовому и жандарму принесено водки для разгара сердца; откуда водку представляли, это неизвестно.

В это время открылся бой настоящий. Рабочие бросали в полицию ведрами, бочками, чашками, дровами и даже фабрикантовыми часами.

В эту несчастную войну, я знаю, много малых детей пострадало, потому что война была полных 4 часа, а в это время был очень большой шум и крик, потому что у русского народа не было командира, а также и городовые были все пьяные. От такого шума и крику, малютки-дети испугались и кричали дурным голосом.

Каких-нибудь минут 15,—тогда бы полиция сдалась в плен рабочим.

В это время рабочие видят, что нечем бросаться, а неприятель уже в 4-м этаже. Пришел неприятель уже и в 5-й этаж.

Когда полиция вошла в 5-й этаж, в 5-ом этаже была большая масса народа; в это время один городской ударил женщину опасную, и женщина через два дня выбросила маленького мертвого ребенка, а полицеймейстер кричал: «Я вас выпшлю в Сибирь, а детей на отбросную яму выброшу», а пристав кричал: «Все по местам». Рабочие видят—дело неустойка, и побежали кто куда—кто в квартиру убежал, а несколько человек ушли на чердак, а один человек ушел на крышу дома.

Пристав дал полиции приказ, чтобы у каждой квартиры было 15 человек городских. Приказ пристава был исполнен, некоторые городовые вытащили шашки наголо и рубили шашками дари, в ларях находились рабочего разные при-

пасы: водка, мясо, сыр и т. п. Городовые водку пили, а мясом закусывали.

В 4¹/₂ часа пошла кровавая переборка русскому народу. Пристав ходил по квартирам с писарем; еще было с приставом несколько сыщиков.

Когда выводили арестованного человека на волю, то на воле стояло два ряда городских, по обеим сторонам по двадцать городских; это происшествие называется «сквозь строй». Городовые пихали рабочего сквозь строй, и рабочего секли плетями, после чего рабочий выдавал на своем теле раны, хоть не очень большие.

Пристав обходил все квартиры, а на чердаке еще не был. Идет пристав на чердак и видит там людей; эти люди были взяты в плен, также и с крыши дома был человек стащен и взят в плен.

Теперь пристав собрал вольных дворников в свидетели. Дворники с радостью шли в свидетели, а сами дела не видали.

Теперь русского народу взято в плен 50 человек слишком. Забранные люди были замечены сыщиком или писарем, а больше всего простым русским человеком, т. е. русский человек не замечал ни в чем, а выдавал по осердке или чтобы защитить себя.

Кровавая битва кончилась в 12 часов пополудни. 17-го числа, в 9 часов утра, были пленники посажены на дилижансы и отправлены в Рождественскую часть.

(Тахтарев. «Очерки петербургского рабочего движения 90-х годов». Стр. 87—89).

16. Первая маевка в Москве.

(Воспоминания М. Лядова).

Это было в 1895 г. «Московский Рабочий Союз» решил первый раз произвести смотр своей организации. Решено было отпраздновать «1-е мая».

Надо было прежде всего напечатать в достаточном количестве прокламации. «Московский Рабочий Союз» мог гордиться. У него уже была своя типография—ручной станок и натасканный из разных типографий разнородный шрифт.

Для постановки типографии нужна была квартира, для квартиры нужны были надежные хозяева. По решению «Союза», только что распропагандированного студента Петра Дурнова поженили с Евдокией Петровой и нашли им квартиру. Там отпечатана была «печатная» прокламация «Праздник рабочих». Другие две прокламации были отпечатаны на mimeографе.

Теперь нужно было найти место для праздника. Долго искали по окрестностям Москвы подходящий уголок. Никто не должен был знать день и место праздника. Боялись болтовни, боялись провокаторов.

Наконец, выбрали лес, расположенный между Вешняками, Кусковым и Перовым. С трех станций могли слезать приглашенные. Это будет незаметно для шпионов. Вдали от дач, в лесу выбрали удобную полянку; оттуда не услышат на дачах голосов, не услышат даже громкого пения. На каждом заводе, на каждой фабрике назначили ответственного руководителя. С каждым из них тщательно проверили, кого пригласить. Лишь самые надежные, самые испытанные могли участвовать. Праздновать решили в воскресенье, 30-го апреля: легче среди гуляющих затеряться отдельным группам наших рабочих. Накануне каждый руководитель получил пароль и приказ явиться с своим пятком на такой-то вокзал к такому-то поезду и молча, не разговаривая друг с другом, доехать до такой-то станции. На конечных станциях поезда встречали руководители с условным знаком. Не заговаривая, надо было молча идти вслед за ним. Таким образом, незаметно привели мы всех в условное место. Никто не нарушил приказа. Конспирация была строго соблюдена.

Прибыл последний из назначенных поездов. Привели последнюю партию на лужайку. Рабочие молча, подозрительно оглядывая друг друга, группировались вокруг своих руководителей. Кто знает, не затесался ли чужой. Произвели проверку. Человек около 300 собралось с 35 фабрик. Чужих нет, все члены кружков. Федор Поляков разворачивает спрятанное на груди «красное знамя». Нет нужды, что это только простой красный кумач, но на нем чернилами выведена надпись: «Да здравствует первое мая». Раздается могучее—ура! Первое свободное «ура» почувствовавших волю. Мне поруч-

чили сказать первую речь. Я не помню, о чем я говорил. Но я хорошо помню, что чувствовал, что живыми нитями связан с моими слушателями, что я выражаю лишь то, что накопило,росло в душе у каждого из них. После меня сильную, хорошую речь говорил Федя Поляков, ткач, родившийся в корпусах Раменской мануфактуры и за несколько лет пробродивший чуть ли не по всем ткацким Москвы. После него говорили другие.

Всем хотелось высказаться. Легко чувствовалось в этот первый свободный день. Все почувствовали себя, действительно, братьями, детьми одной великой, могучей семьи. И все чувствовали, что этот же праздник празднуют рабочие всего мира. На всех языках во всех странах раздается тот же призыв к борьбе за лучшую долю, за торжество социализма.

Раздали прокламации. С какой гордостью брали и прятали листок, отпечатанный в типографии своего союза. Один старик, рабочий с Курских мастерских, тщательно сложил листок и сказал мне: «Сам читать не умею, дома внучку заставлю прочесть; ведь это важней, чем когда нам волю объявляли. Не царская, а наша, рабочая, это будет теперь воля».

До позднего вечера провели мы в лесу. Перепели все песни. Поляков прочел все свои стихи, в которых он так искренно, так задушевно описывал тяжелую долю рабочих. Много сердечных разговоров было в этот день. Молодой Саша Хазецкий, один из лучших боевых агитаторов, все спрашивал: «Неужели не доживем до свободы, чтобы собираться свободно, говорить свободно, дышать свободно?».

Поздно вечером закончили мы торжество, но не хотелось расходиться в одиночку. — «Пойдем все вместе!» — и мы пошли. Забыли всю конспирацию. Громко понесли по чистому весеннему воздуху звуки «Марсельезы», рабочей «Дубинушки», и мы шли по направлению к Москве, вслед за красным нашим знаменем.

Только у заставы, и то после усиленных убеждений, удалось настоять, чтобы толпа рассыпалась, чтобы молча, без разговоров, по-двое, по-трое, разошлись по домам. А на завтра, в день 1-го мая, всюду на гуляньях, в Сокольниках, на Девичьем поле, в Анненгофской роще, — всюду, где рабо-

чие привыкли справлять старинную «маевку», туда должны были прийти участники нашего праздника, должны были раздать листовки и как можно большему числу лиц рассказать про рабочий праздник.

И, действительно, на завтра вся рабочая Москва приобщилась к нашему торжеству. Я обошел все гулянья и всюду видел кучки рабочих, которые жадно слушали рассказы про рабочий праздник. Слухи о празднике проникли всюду. В массах говорили о десятках тысяч, которые, будто бы, участвовали на этом празднике. Говорили о начале чего-то нового и страшного и в то же время хорошего. Самая сильная закваска была пущена в рабочие массы. И закваска эта забродила в этих массах.

(«1-е мая». Живая газета Мосгуброста, 1923 г., стр. 7—10).

17. Саратовская демонстрация.

(Воспоминания Косовича).

До 1902 г. саратовские рабочие, как и по всей России, праздновали 1-е мая тайно, где-нибудь за городом, в лесу или на островах Волги. В 1902 г. саратовский комитет Р. С.-Д. Р. П. после ряда совещаний с представителями рабочих постановил открыто выйти на улицу с красными знаменами, с обычными первомайскими лозунгами на них и, кроме того, выставить определенные политические лозунги: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует демократическая республика!» По практическим соображениям (чтобы больше собрать народу) демонстрация была назначена не на 1-ое, а на 5-ое мая, так как это число приходилось на воскресенье.

Перед демонстрацией были выпущены, разбросаны и расклеены по городу, на фабриках и заводах, прокламации с призывом к рабочим и всем сочувствующим кличу «долой самодержавие» выйти 5-го мая на улицу и стать под красное знамя. Для Саратова это было ново и необычайно. Власти выполнили.

Официально местом сбора была объявлена Соборная площадь, у Липок; на самом же деле сборным пунктом был

назначен Верхний базар. Это была необходимая уловка, иначе полиция не только не допустила бы демонстрации, но не дала бы возможности даже собраться. Верхний базар в Саратове, это—толкучий рынок, на который в праздники стекается масса трудящегося люда, и здесь-то демонстрантам можно было собраться совершенно незаметно.

Так оно и случилось. В то время как на Соборной площади были сосредоточены переодетые полицейские и филеры, а во дворах прилегающих улиц попрятаны отряды пеших и конных городских, на толкучке не было даже постового полицейского. В 12 часов к назначенному месту стали подходить знакомые лица... Вдруг, как-то неожиданно, на длинном толстом удилище, которое держал в руках крижистый молодой рабочий, взвилось ярко-красное шелковое знамя с резко выделяющейся белую надписью «Долой самодержавие!»; невдалеке замелькали еще несколько красных полотнищ и вскоре тоже затрепетали над толпой; с шумом посыпались разбрасываемые веером прокламации, и раздалась «Марсельеза». Нервно настроенная толпа бросилась к знаменам. Торговцы и торговки шарахнулись в сторону, как оппаренные, опрокидывая на бегу столики с «товарами». Послышался звон разбивающейся посуды, раздались крики: «спасайся, кто может», и лязг засовов и замков наскоро запираемых лавченков. Торговцы вообразили, что начался погром. Наконец, знамена заколыхались, и демонстранты с пением «Варшавянки» двинулись по заранее намеченному маршруту. Когда на ходу построились в ряды, то образовалась довольно порядочная колонна, человек в 1.000. Мы направились к главной улице города—Немецкой, чтобы затем, пройдя ее, выйти на Соборную площадь и соединиться с ожидавшей там публикой, не знавшей о нашей хитрости.

По дороге все время пели революционные песни, разбрасывали прокламации; некоторые товарищи останавливались и разъясняли любопытным, что это за демонстрация, что означают надписи на знаменах и т. д.

Когда мы завернули на Немецкую улицу, мчавшийся нам навстречу отряд городских преградил дорогу. В то же время в демонстрантов неожиданно посыпался град булыжников,

раздались крики—«бей их», и какие-то субъекты в штатском платье и с тверскими лицами, с дубинками и железными прутьями набросились на нас и стали избивать без разбора, как мужчин, так и женщин. Шествие, конечно, остановилось; произошла всеобщая свалка. Демонстранты защищались, кто чем мог: палками, вырытыми из мостовой булыжниками, оторванными от забора досками и т. п. По улицам метались люди в разорванном платье, без шапок, с разбитыми головами и окровавленными лицами.

К этому времени полицейских подоспело уже такое количество, что нас начали арестовывать по одиночке и отводить во двор одного вблизи находящегося дома, к которому был приставлен усиленный караул. На месте свалки появились и высшие власти: прокурор, жандармерия, полицмейстер и др.

Во дворе продержали нас несколько часов. Наконец, нас вывели на улицу, окружили целым батальоном пехоты, впереди поставили десяток барабанщиков, сзади зачем-то несколько батарей артиллерии, скомандовали—«вперед» и повели. И вот тут-то началась вторая демонстрация, более торжественная, пожалуй, чем первая. Всех арестованных оказалось более 70-ти человек. У многих головы были перевязаны носовыми платками, сквозь которые просачивалась кровь, многие были в безобразно истерзанном виде. Мы выстроились по несколько человек в ряд, взяли под руки и стройной колонной, запев «Марсельезу», двинулись. Чтобы заглушить пение, был отдан приказ бить в барабаны. Но от этого получилось только более стройное пение, а также и шествие. К этому времени посмотреть на демонстрантов, сбегался весь город: все прилегающие переулки, тротуары, балконы, окна и даже некоторые крыши были переполнены народом. Публика, мимо которой мы проходили, приветствовала нас платками, снимала шляпы и фуражки, из многих окон бросали живые цветы.

Так, под грохот барабанов, с пением революционных песен, возбужденные и гордые, прошли мы через весь город, окруженные «почетным караулом», уже не боясь быть разогнанными полицией. Водворили нас на жительство в губернскую тюрьму, стены которой мы оставили только спустя

год, для того, чтобы, лишённые всех прав состояния, быть сосланными в Восточную Сибирь на вечное поселение.

(«1-е мая». Живая газета Мосгуброста, 1923 г., стр. 11-13).

18. Митинг.

(Ростовская стачка 1902 г.).

В воскресенье, 10 ноября, часов в десять утра, по обыкновению, Камышевахинская балка, широкими бортами спускавшаяся к городу, наполнилась тридцатитысячной массой рабочих и горожан. День выдался, несмотря на середину ноября, тёплый, солнечный. Вверху над балкой собралось несколько пролеток городской буржуазии, приехавшей посмотреть, что же тут творится. Тут же резвились ребяташки, бегавшие, прыгавшие и затевавшие игры. Продавцы носили в коробках сласти.

Но сегодня тут же видна уже была и группа жандармской полиции. Кроме этого, внизу в балке стоял эскадрон верховых казаков и расположилась пешая сотня, вносящая немую настороженность в настроение рабочих.

Но вот, в одиннадцать часов на обычном месте появления ораторов, среди моря голов поднимается Брагин,

— Товарищи!—звучно, с перекатом по всему собранию, несутся его слова.—Вчера бросили работать рабочие гвоздильного завода! Мы получили известие, что к нам намереваются присоединиться также мастерские на станции Тихорецкой, поддерживающие все наши требования!

— Ура!—отвечает ликующая толпа, прерывая оратора.

— Теперь, товарищи, мы даем слово делегации, бывшей у наказного атамана. Слово имеет товарищ Осадчий.

Старый монтер которого события вынудили также сделаться оратором, поднялся и, то поглаживая бороду, то безнадежно махая рукой и чеша затылок, степенно рассказывал, как нескольких его товарищей арестовали. Арестованных отвезли в поезде верст за двадцать к Новочеркаску и на промежуточной станции «Акса́й» ссадили с поезда и велели идти, куда хотят.

— Меланхоличная у нас эта жандармерия, что-ли, что не знает, что делает?—развел руками под дружный хохот митинга удивленный рабочий.

Затем Осадчий сообщил о переговорах депутатов с наказным атаманом.

Атаман предложил представителям рабочих выдать вожakov, стать на работу, и тогда возможные требования будут удовлетворены.

Для обсуждения его предложений он разрешил сегодняшнее открытое собрание рабочих.

После сообщения делегатов поднялся Ставский. Ставский указал на особенности условий наказного атамана.—Ставьте прежде на работу, выдайте вожakov, тогда возможные требования будут удовлетворены. Но какие же требования считается возможным удовлетворить? Об этом атаман не говорит. И не скажет. Атаман требует выдачи вожakov. Мы здесь все налицо: откажемся ли мы пойти в тюрьму? Нет, но что из этого выйдет? Атаман знает, что если вы одних выдадите, других арестует он сам, и тогда с вами не только не будут говорить об удовлетворении требований, а завтра же каждый мастер опять безнаказанно будет рукопашно расправляться с закабаленными рабочими. Но решайте сами, товарищи,—обращается вожак к собранию, не пропускающему ни одного слова,—скажите, и мы сейчас будем в тюрьме. Хотите ли вы этого, товарищи? Хотите ли вы, чтобы мы были арестованы, а стачка сорвана?

— Нет!—гремит балка,—долгой самодержавие! Не хотим слушать об этом!

— Вот этого пусть попробуют!—поднимается вверх несколько палок и кулаков.

— Может-быть, вы отвечаете не подумавши, товарищи, может-быть, вы в глубине души думаете, что лучше сговориться с атаманом и развязаться с нами? Говорите тогда это прямо, товарищи!

— Нет!—снова гремит тридцать тысяч человек, посылая свой ответ перекатами эхо, несущегося к самому городу.

— А если нет, то давайте, товарищи, держаться. Сегодня нас больше, чем было вчера. Сегодня у нас здесь собралось полгорода людей, сочувствующих нам. Товарищи, они

пришли не только посмотреть на нас, а и помочь, чем могут. Товарищи, производите сборы для стачечников. Пусть жертвует, кто чем может, для помощи нуждающимся.

По толпе начинают ходить сборщики с шапками и кружками. Видно, как толпа дает им дорогу и суется руками к кружкам. В то же время среди собравшихся начинают раздаваться и разбрасываться очередные воззвания Донского Комитета. Пачки их взлетают белыми голубками над головами толпы, волнующейся возле них и подхватывающей их. В разных местах начинается чтение.

Но вот, на борту балки задвигалась полицейская группа, и из ее среды выделяется какой-то держиморда.

— Слушайте, эй, вы! — кричит он, выставившись всей фигурой на бугорке. — Слушайте, что я вам скажу. Собрание!

Толпа с недоумением оборачивается то к нему, то к месту, где находятся вожаки рабочих.

На плечах толпы поднимается Ставский и взмахивает рукой, приглашая сохранить спокойствие.

Тогда полицейский чин получает возможность говорить. Многие узнают в нем полицмейстера.

— По распоряжению наказного атамана, — кричит он, — если вы не выдадите зачинщиков, собрание должно разойтись, иначе оно будет разогнано. Здесь у меня наряд полиции для ареста ваших главарей. Расходитесь немедленно!

— Слышали это!

— Долой отсюда!

— Долой его!

— Товарищи, тихо! — кричит Ставский, останавливая возмущение толпы. — Товарищи! — говорит он, когда ему удастся успокоить собрание. — Мы уже говорили по поводу предложения атамана. Теперь мы только проголосуем этот вопрос, чтобы храбрый полицмейстер увидел наш ответ и передал его наказному атаману. Товарищи, кто за то, чтобы выдать полиции вожakov, представителей Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии, и разойтись — поднимите руки! Смотрите, полицмейстер! — кричит Ставский монументально красующемуся вдали на возвышении чину: — Никого! Товарищи! Кто за то, чтобы мы спокойно продолжали наше собрание, поднимите руки! Смотрите, гражданин полицмей-

стер!— снова обращается Ставский в сторону полицейского, — все!... Мы будем продолжать наше собрание, идите и скажите наказному атаману, чтобы он не мешал нам бороться с нашими хозяевами. Это единственное, чего мы хотим от него.

— Я сейчас отдам распоряжение о том, чтобы вас разогнали!

— Смотрите, полицмейстер, мы и в городе тогда вас найдем!...

Ставский сходит. Вместо него показывается бескровное лицо Брагина. Трепещущий всеми нервами агитатор наэлектризовывает толпу одним своим появлением.

— Товарищи!—бросает он раскаленные брызги мыслей, сдернув с глаз пенсне.—Ни полицмейстер, ни жандармерия, ни казаки, ни войска—никто сегодня нашего собрания не разгонит. У нас сегодня здесь на балке происходит разрешенное собрание забастовавших рабочих. Понимаете ли вы, товарищи, что это значит? У нас, в России, не могут собраться трое рабочих для чтения какой-нибудь книжки. У нас, в России, за работой не может сойтись пять человек для того, чтобы поговорить о своей заработной плате и каторжном положении. У нас, в России, за тайные собрания рабочих томятся тысячи людей в ссылке и крепостях. Допустить рабочие собрания царское самодержавие никогда ни за что не решалось, зная, что они приведут прямо и непосредственно к революции. А вот здесь, у нас, сегодня в балке, происходит разрешенное собрание пролетариата целого города. Знаете вы, что это значит, товарищи? Это значит, товарищи, что мы не напрасно так упорно боремся вот уже две недели за наши требования. Это значит, что старший полицейский холоп в области признал нашу силу! Самодержавие признало нашу силу и свое бессилие перед мирной стачкой нескольких тысяч тружеников! Кто, в самом деле, сильнее из нас: мы, рабочие мастерских, или они, мастера полицейских участков и самодержавного насилия? Мы, потому что на нашей стороне сочувствие всего пролетариата, почти всех слоев общества! А они могут опираться только на городских, жандармов и на военщину. Давайте же воспользуемся нашим сегодняшним собранием для того, чтобы запомнить,

как пролетариатом достигается победа. Путем объединения, путем классовой организации, путем отчаянной борьбы...

В то время, как оратор говорит и толпа, загибнотизированная его словами, не спускает с него глаз, группа полицейских чинов проявляет какое-то оживление. От нее вниз бежит гонец к расположенным на дне балки казачьему эскадрону и пешей сотне. Потом он также бегом возвращается. Войсковые части выстраиваются. Одновременно снова на той же возвышенности, где он появился и в первый раз, поднимается полицеймейстер.

— Собирайтесь, разойдитесь! — внезапно раздается полувизгливый, полусурывающийся злой голос, и головы собравшихся обращаются к нему. Оратор обрывается на полуслове.

У казаков уже взяты на руки пини. Пехота заряжает ружья.

Глубокое молчание, мгновенно пробежавшее по толпе, оквало на секунду ее, и казалось, что в этот миг совершенно иной вид приобрела и балка, залитая солнцем, и десятки тысяч собравшихся рабочих, их жен, детей и горожан, и под широким небом широкая степь, на срыве которой выдвигались с одной стороны окраины города и панорама его зданий, а с другой — смыкавшийся с ущельем балки горизонт.

— Разойдитесь, еще раз приказываю! — несется по балке полицейский крик.

— Пей нашу кровь, душегуб, если хочешь! — кричат в ответ из толпы рабочие, делая движение по направлению к возвышенности, на которой стоит полицейский.

— Изверги! Кровопийцы! — вырываются восклицания.

Эскадрон казаков приходит в движение, и вдруг несется на замершую толпу. Ставский оглядывает трепещущую массу собрания, и вдруг его что-то осеняет.

— Товарищи! — взывает он повелительно к собранию, — ни одного движения! Ни нападать, ни защищаться! Все садитесь! Падайте на землю! Садитесь!

Его предложение сразу схватывается толпой, она садится, делая балку необычайно просторной, и подскочивший эскадрон оказывается перед решившимися умереть под но-

гами лошадей, но не разбежаться, сидящими людьми—мастеровыми, женщинами, детьми!

Это обескуражило и казаков и их командиров.

Некоторое время растерянно не движутся усмирители, и выжидающе следит за ними сидящая толпа.

Наконец, командующий казаками чахоточный есаул, злобно вытянувшись в сторону поднявшегося Ставского, кричит ему с лошади:

— Понимаете: изничтожим всех. Мы не посмотрим на это! У нас дисциплина! Растопчем!

— У нас тоже дисциплина,—кричит Ставский.—Бейте детей! Сидите, товарищи!

Есаул, подняв глаза к тому месту, где был полицмейстер, махнул с отчаянием рукой и повернул лошадь.

Эскадрон, потоптавшись на месте перед крайними рядами, в которые почти уперлись головы лошадей, отступил. Тотчас же толпа вскочила на ноги.

— Ура! Ура! Ура!—завопила она, разражаясь ликованием. —Ура!

Брагин, поднявшись, продолжал речь, изобличая гнусности царского строя.

Еще раз была сделана попытка пригрозить стрельбой и выпустить эскадрон против митинга, но с тем же результатом: толпа моментально села, эскадрон отступил.

Продолжался сбор пожертвований, речи, и только часа полтора—два спустя был распущен этот митинг.

(Васильченко и Ставский. Первый бой. Стр. 21—26).

В. Социалистическое движение в России.

Революционное движение 60—70 годов есть движение мелкобуржуазной интеллигенции. Если мы присмотримся к происхождению массы революционеров, мы чаще всего найдем детей духовенства, попов и дьячков, чиновничества, особенно провинциального, низших офицеров, небогатых помещиков и т. п. Сельский поп, владеющий участком земли, уездный чиновник, у которого есть свой домик в уездном городе, помещик, владелец нескольких десятков десятин—

все это собственники, буржуазия, но буржуазия мелкая. Правильно, научно выражаясь, разночинец есть мелкий буржуа или выходец из рядов мелкой буржуазии. Именно интеллигентность и делала его революционером. Мелкая буржуазия, по мере развития капитализма разоряющаяся, превращающаяся в пролетариат, обыкновенно недовольна. И когда мелкий буржуа достаточно образован, он хорошо видит ближайшего врага, от которого он страдает всего более. Для мелкобуржуазного интеллигента в России времен «великих реформ» таким ближайшим врагом было крепостническое государство. (Покровский, 130).

На этой-то почве и родится мелкобуржуазный социализм. Ненавидя остро капитализм, который его разоряет, он мечтает о тех блаженных временах, когда у каждого был свой домик, своя корова, свои курочки и уточки; для него выгодно уничтожить капитализм, а под капитализмом он понимает именно крупное производство; мелкобуржуазная литература в России наполнена смешными спорами о том, будет ли у нас капитализм или нет. И всякий добрый мелкобуржуазный социалист должен верить, что у нас этого зла быть не может. Идеалом его была в России сельская община. (Покровский, 136—137).

Идеализируя существовавшую тогда в России общину, русские народники должны были верить, что только в народе и через народ можно найти спасение от надвигающегося призрака капитализма. Россия счастливее Запада, так как у нас социальный вопрос—вопрос сохранения старого векового социалистического строя—общины с ее миром и артелью. Поэтому нужно учиться у народа, нужно идти к нему и вместе с ним выйти на уже сознательный путь социализма. Вот почему вместе с сознанием долга перед народом, на крови которого создана современная культура, и что надо искупить, и пошла молодежь в народ учиться у него и стремясь помочь ему оформить его вековой бунтарский дух, так как народники верили, что народ готов восстать против власти буржуазии и помещиков каждую минуту.

Но опыт хождения в народ и поселений в народе, убедил «бунтарей» в невозможности поднять массовое народное вос-

стание, и тогда они перешли к террору. Вождь террористов, назвавшихся партией «Народной Воли», А. И. Желябов, выразил это в следующих словах: «История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать, иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возмутятся за дело». Террором думали раскачать буржуазию, вывести ее из состояния трусливого оцепенения, а правительство надеялись довести до такого оцепенения. И в том, и в другом ошиблись. «Народная Воля» возникла на развалинах уцелевших от преследований бунтарских кружков, которые объединились в тайное общество «Земля и Воля». Практика неудачной работы в деревне все чаще ставила перед бунтарами вопрос о политической борьбе, и первое покушение на Александра II вышло из его недр—выстрел 2 апреля 1879 г. А. Соловьева. Этот выстрел закрепил и оформил стремление перейти к политической борьбе, в результате чего и появилась партия «Народной Воли». Она не восставала против буржуазии и эксплуатации, а ставила себе определенную задачу—путем заговора добиться политического переворота, низвержения царской власти и созыва Учредительного Собрания.

Центром заговора был «Исполнительный комитет партии Народной Воли», составившийся из нескольких десятков наиболее решительных террористов. Задачу борьбы с властью «Исполнительный комитет» взял непосредственно на себя постановлением 26 августа 1879 г., решив: «все силы (террора) сосредоточить на одном лице государя». Исполнение этого смертного приговора Александру II и наполнило всю работу комитета до 1 марта 1881 г. (Покровский, 156—158).

Кроме террористической работы революционеры ставили своей задачей агитацию устную, а главное печатную—через распространение изданий тайных типографий.

После 1 марта Исполнительный комитет обратился к Александру III с письмом, в котором выявил свою программу.

Но если среди крестьянства пропаганда народников шла туго, то совершенно неожиданно для них их проповедь находила живой отклик среди рабочих.

Неудача «Народной Воли», не нашедшей поддержки, не-

смотря на кажущийся успех—уничтожение Александра II, заставила наиболее чутких революционеров задуматься над вопросом: возможна ли революция в России сейчас, или для этого нужно рождение в России новых общественных классов? Как раз эту работу проделала группа «Освобождение Трудя» во главе с Плехановым.

Обострение классовой борьбы внутри России заставило марксистов в России образовать в середине 90-х годов ряд союзов борьбы за освобождение рабочего класса.

Движение росло и ширилось, но ему нехватало организационного центра: нужно было объединить все с.-д. кружки и выработать общую тактику и программу. После ряда неудачных попыток, 1 марта 1898 г. в Минске состоялся первый съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, который и дал партии название, объединил местные организации по единому плану и создал центральный комитет, который в скорости был арестован, почему организационных следов этот съезд не оставил, но от имени партии был выпущен манифест.

Неудача объединения путем создания центра сверху заставила одного из вождей питерского союза борьбы В. И. Ульянова выступить с планом создания общерусской политической газеты, которая сплотила бы на почве программы группы местных работников, закалила бы их идейное единство, и после этой предварительной работы закрепить достигнутое единство будет нетрудно. Это было тем важнее, что в среде марксистских кружков царил разброд. С одной стороны, наиболее видные теоретики предшествовавшего времени ушли поголовно в пересмотр теории Маркса и социал-соглашательство, а с другой,—среди практиков движения стал развиваться экономизм.

1. Хождение в народ.

В январе или феврале 1874 года я жил в Москве, в одном из тех домов, в которых прошло мое детство. Раз рано утром мне сказали, что меня желает видеть какой-то крестьянин. Я вышел и увидел Сергея (Кравчинского), который только-что бежал из Тверской губ. Он был очень

силен и ходил по деревням, как пыльщик, вместе с другим, таким же силачом, отставным офицером Рогачевым. Работа была очень тяжелая, в особенности для непривычных рук; но и Рогачев и Сергей полюбили ее. Никто не узнал бы в двух здоровых пыльщиках двух бывших офицеров. Они ходили таким образом, не возбуждая подозрения, недели две, смело пропагандируя направо и налево. Иногда Сергей, знавший евангелие почти наизусть, толковал его мужикам и доказывал стихами из него, что следует начать бунт. Иногда он толковал им от великих экономистов. Крестьяне слушали пропагандистов, как настоящих апостолов, водили из избы в избу и отказывались брать деньги за харчи. В две недели пропагандисты создали настоящее брожение в нескольких деревнях. Молва про них широко распространилась вокруг. Старые и молодые крестьяне стали шептаться по амбарам про «ходовков» и начали громче говорить, что скоро землю отберут от господ, которых царь возьмет на жалованье. Молодежь стала посмелее по отношению к полиции и говорила: «Подождите, скоро придет наш черед». Но слава пыльщиков дошла до станового, и их забрали. Отдан был приказ доставить их в стан, находившийся верстах в двадцати.

Повели их под конвоем нескольких мужиков. По пути пришлось проходить деревней, где был храмовой праздник. — Кто такие? Арестанты? Ладно. Валяй к нам, дя-деньки,—говорили пировавшие мужики.

Арестантов и стражу задержали на целый день, вода их из избы в избу и угощая брагой. Стражники не заставляли себя упрашивать долго. Они пили и убеждали арестантов тоже пить. «К счастью,—рассказывал Сергей,—брага обходила кругом в таком большом жбане, что никто не мог видеть, сколько я пью, когда я прикладывался к посудине». К вечеру стража перепилась; и так как она не хотела предстать в таком виде перед становым, то решено было заночевать в деревне. Сергей все время беседовал с крестьянами. Они слушали его и жалели, что таких хороших людей ведут в стан. Когда все укладывались спать, один из молодых конвойных шепнул Сергею: «Ворота я притворю только, не запру их на замок». Сергей и Рогачев поняли

намок. Когда все заснуло, они выбрались на улицу, пошли скорым шагом и к пяти часам утра были уже верстах в двадцати пяти от деревни, на полустанке, где с первым поездом отправились в Москву.

(Кропоткин. «Записки революционера». Ч. 4, гл. 15).

2. Поселения.

Весною 1877 года значительная часть членов Общества «Земли и Воли» двинулась в провинцию заводить поселения с целью агитации и организации народа. Явились поселения в Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губ., на Кубани и на Дону. Устраивались они приблизительно так: выбрав местность для поселения, группа отправлялась в ближайший город, оставляла там одного или нескольких из своих членов, которые становились центром, остальные же члены расселялись по всему району данной местности. При расселении по деревням революционеры стремились теперь занять другое положение, чем в период пропаганды. Прежнее утверждение, требовавшее, чтобы революционер отправлялся в народ в качестве чернорабочего, потеряло свою безусловную силу. Положение человека физического труда признавалось попрежнему весьма желательным и целесообразным, но безусловно отрицалось положение бездомного батрака, ибо оно никоим образом не могло внушить уважения и доверия крестьянству, привыкшему почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность, — а потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положение, в котором революционеру, при полной материальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность притти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности, входить в их интересы и пользоваться влиянием на их общественные дела. В силу этого люди устраивались хозяйственным образом на положении всякого рода мастеровых, заводили фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельских и волостных писарей, учителей, фельдшеров, врачей и проч. Особенно желательным считалось, чтобы в

среди поселенцев был хотя бы, по крайней мере, один человек из уроженцев данной местности. Устройство поселений с первых же шагов встретило массу препятствий. Начальство было на-стороже, и поселенцам приходилось часто бросать устроенные мастерские и оставлять занятые должности, переезжать на новые места под новыми фамилиями. А там опять повторялось то же самое, и редко-редко когда удавалось поселению существовать несколько месяцев или год. Но зато в этих исключительных случаях революционеры заслуживали любовь, уважение и доверие крестьян.

(Серебряков. Очерк по истории «Земли и Воли», стр. 16).

3. Халтурин в Зимнем дворце.

5 февраля 1880 г., около 6 час. вечера, из главных ворот Зимнего дворца, после произведенного легкого поверхностного обыска, вышел один из низших служащих и зашагал через Дворцовую площадь по направлению к Александровской колонне. Из тени последней выделился на встречу ему другой человек.

— Готово, — отрывисто произнес первый, и как бы в подтверждение этой фразы, сильный взрыв потряс всю площадь и далеким эхом отозвался за покрытой ледяною корою Невой.

Потухло освещение в Зимнем дворце, блестящий, горевший тысячами огней фасад потускнел, потемнел, слился с царившей над городом мглою.

В только что убираемой с такою заботой столовой мебель была раскидана, на полу зияло несколько отверстий, а в дверях, судорожно ухватившись за притолоку, с искаженным от страха лицом и открытым ртом стоял самодержец России, еще раз случайно избежавший рокового конца.

Взрыв Зимнего дворца 5 февраля 1880 г. не достиг своей цели — пострадал только бывший в тот день караул Финляндского полка: 11 человек солдат были убиты, 56 ранены.

Вышедший из дворца человек был Степан Халтурин, устроитель взрыва; его встретил Андрей Желябов, руководивший этим делом.

Осенью 1879 г. в дворцовые столяры, по рекомендации одного из служителей, был принят Степан Батюшков, крестьянин Олонецкой губ., Каргопольского у., Троицкой волости, деревни Суток.

Обычное испытание Батюшков выдержал с честью, поддержал свою рекомендацию и был зачислен в штат дворцовых столяров, и, как таковому, ему полагалось пользоваться и квартирой.

Квартира отводилась в подвальном этаже, — чуть ли не в уровень с землею были пробиты в саженных толщиною стенах полукруглые окна, защищенные массивною чугуною решеткою; мало света проникало в этот подвал. Сыростью, затхлостью несло из углов темного подвала, но начальство полагало, что это жилье вполне подходит для мастерового человека, к тому же ведь в своей комнате он только спит — другое время он проводит в мастерской, где света и тепла достаточно. В один из углов такого подвала поставили деревянную кровать, около которой, в углу капитальных стен, Степан Батюшков уместил свой очень большой деревянный сундук.

— И куда ты такую махину припер? — смеялись над Степаном товарищи, — у самого один рванный зидун, а в сундук чуть ли не всю гардеробную поместил.

— Ничего, — огрызнулся Степан, — на царской работе разбогатею, а сундук уж больно хорош и крепок, и укладист.

И началась жизнь регулярная, правильная, один день точно капля воды походил на другой: работа в мастерских или даже в самых царских покоях. Раз не успели убрать Степана из кабинета, и в то время, как он усердно лакировал какую-то ножку, в кабинет вошел сам император: пришлось Степану задом пятиться к двери, чтобы убраться и не мешать самодержцу.

По праздникам, да и после работы Степан частенько уходил в город, но возвращался в «аккурате», без винного запаха и подозрительной походки — словом, ни в чем не могли заметить этого нового столяра ни его товарищи, ни надзиравший за ними старик вахтер.

А время было тревожное. У одного из террористов — Квятковского — при обыске был найден план Зимнего дворца,

личных комнат императора Александра II, и на этом плане там, где помещалась столовая, был поставлен крест. Что означал этот крест, не могли решить ни жандармы, ни полиция, ни судейские. Под столовой находилась гауптвахта, а под нею подвал, где жили столяры. Были сделаны обыски, обшарили везде и повсюду и ничего не нашли. Обыск делали ночью, и Степан Батюшков и тут свою деревенщину ярко обнаружил: когда жандармский полковник, производивший обыск, задал ему какой-то вопрос, Степан так и остался сидеть на постели с разинутым ртом и выпученными глазами.

— Деревня деревней и останется,—философствовал жандарм, поселенный в одной комнате со столярами. Он почувствовал к Батюшкову особенную симпатию и все обучал его благородному обхождению. «Ну, что ты все руки в затылок тычешь,—выговаривал он,—с тобою господин полковник говорят, а ты руки в затылок. Эх ты, деревня. Нужно, братец ты мой, по-благородному». — Жандарм, впрочем, имел свои виды: он помышлял о приличной партии для своей дочери и остановил выбор свой на молодом столяре. Тот со своей стороны не отказывался прямо, хотя и не особенно поспрыгал намеки старика. Вообще же эта неожиданная история сослужила ему хорошую службу.

Под именем Степана Батюшкова в царском дворце в течение полугода прожил Степан Николаевич Халтурин, рабочий, один из выдающихся народовольцев, основатель северно-русского рабочего союза. Пошел он на это место со специальной целью взорвать царский дворец вместе с царем.

И в течение 5 месяцев готовил Халтурин в помещении царских столяров мину: для этого нужно было с воли тайком проносить небольшими порциями, ради постоянных обысков при входе во дворец, динамит и сохранить его в своем помещении.

Первое время Халтурин прятал динамит в подушку, на которой спал; ядовитые пары нитроглицерина, которые выделялись из динамита, отравляли Халтурина—у него были постоянные тяжелые головные боли, но это его не останавливало; когда же динамита набралось более пуда, то Халтурин его переложил в свой сундук. В сундуке нахо-

дился динамит, капсюля с гремуче-кислотою ртутью, соединенная со шнуром. Халтурин в день взрыва зажег шнур и ушел из подвала, шнур должен был гореть столько времени, чтобы взрыв произошел в 6 час. вечера, когда царь садился за стол.

Всеми операциями Халтурина сперва руководил Квятковский, а после его ареста—Желябов, который доставлял Халтуру динамит. Мина была уже готова, но не подвергивался подходящий случай взорвать ее, и несколько раз вечерами Желябов при мимолетной встрече с Халтуриним слышал, как тот бросал ему отрывисто: «Сегодня нельзя»... «Опять незадача» и т. д., пока, наконец, 5 февраля 1880 года Халтурин не произнес— «Готово!»...

(Столянский, П. «Старый Петербург». Стр. 61).

4. Первое марта 1881 г.

Зимой 1880—81 года партия «Народной Воли», руководимая А. И. Желябовым, выделила группу в 4 человека для наблюдения за выездами царя. Наблюдательный отряд немедленно приступил к своей работе.

Через Дворцовую площадь плетется дряхлая, предряхлая старуха с корзинкою яблок. Старуха эта настолько стара, дряхла, что, кажется, любой порыв ветра ее сронит, и она плетется, опираясь на клюку, останавливаясь чуть ли не каждую секунду, тяжело дыша, охая, вздыхая—перейти Дворцовую площадь по диагонали для этой старухи нужно потратить чуть ли не целых два часа. Но идя через площадь, старуха все время незаметно кидает взоры на императорский подъезд, не стоит ли у него царская карета, не намерен ли император совершить выезд из Зимнего дворца.

В дальний угол той же Дворцовой площади, поближе к Певческому мосту, подъехал извозчик—настоящая провинция, вахлак, еле-еле сидит на облучке, распустил вожжи, и лошаденка ему под стать, такая же вялая, развесила уши, расставила ноги, как будто стоя спит... И стоит этот извозчик на площади, дремлет и ждет, не подойдет ли ка-

кой-нибудь седок, до тех пор, пока блюститель порядка не обратит внимания на его клячу и не турнет его с Дворцовой площади, где извозчикам и не полагалось останавливаться. Но только уедет извозчик, прогнанный блюстителем порядка, как к последнему подойдет торговец папиросами, бойкий разбитой паренё, настоящий ярославец, предложит начальству папироску и вступит с ним в разговор... Понятно, что и старуха, торговка яблоками, и извозчик, и торговец папиросами были на самом деле члены наблюдательного отряда. Переодеваясь, меняя свой внешний вид, они с раннего утра до позднего вечера наблюдали за Зимним дворцом, за выездами императора. Свои наблюдения они сносили в одну конспиративную квартиру, где эти наблюдения проверялись, комбинировались, соединялись. После утомительного долгого наблюдения народovolьцам стала ясна картина выездов Александра II, который, напуганный покушениями, выезжал только в манеж на войсковые разводы. И по этому пути народovolьцы сделали свои приготовления, и путь был замкнут. Надо было спешить, так как Желябов был случайно арестован, а царь после 1 марта должен был уехать в Крым.

Народovolьцы ожидали, что 1 марта царь проедет по Садовой ул., тогда наблюдавшая у окна Якимова сделала бы знак сидевшему у батареи Богдановичу, последний соединил бы провода батареи, раздался бы взрыв минной галереи, и карета Александра II провалилась бы в воронку. Но царь поехал по другому пути, и тогда Перовская, которая руководила после ареста Желябова покушением, спешно перевела метальщиков снарядов на другой путь.

На повороте с Инженерной улицы на площадь Екатерининского канала кучер сдержал лошадей, и в это время шедший навстречу карете по тротуару набережной молодой человек бросил под карету какой-то белый сверток. При падении сверток разорвался со страшной силой, и хотя карета была разбита, император остался цел и невредим. Несмотря на просьбы полицейских ехать как можно скорее во дворец, император захотел посмотреть, что случилось, и взглянуть на покушавшегося (Рысакова). Император направился к нему и спросил его фамилию; тот ответил:

«мещанин Грязнов», на это государь, покачав головою, промолвил с укоризною—«хорош». Александр II сделал еще несколько шагов вперед, затем задержался, как будто желая повернуться и сесть в сани. В это время между императором и стоявшим впереди толпы, собравшейся на взрыв, молодым человеком,—он как бы облокотился на решетку Екатерининского канала,—расстояние было не более 2-х шагов: молодой человек вынул руки из-за спины и, подняв высоко над головою разрывной снаряд, бросил его между собою и императором, с таким расчетом, чтобы, разорвавшись, снаряд не пощадил ни императора, ни бросившего снаряд. Раздался страшный взрыв, которым был на месте убит Александр II, у него были оторваны обе ноги, и смертельно был ранен Гриневидский, бросивший снаряд.

3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу публично были казнены первомайцы: гениальный организатор и агитатор, бывший крепостной Желябов, Перовская, дочь петербургского губернатора, гениальный изобретатель Кибальчич—из разночинцев, питерский рабочий Михайлов и бросивший первую бомбу студент Рысаков.

(Столянский. «Старый Петербург», стр. 8).

5. Первые рабочие кружки в Петербурге.

Мы скоро завели обширные знакомства среди рабочих. Среди заводских рабочих, большая часть которых работала на казенном оружейном заводе, был устроен кружок человек в 30, собиравшийся для чтения и бесед. Заводским недурно платили в Петербурге, и холостые жили не нуждаясь. Они скоро освоились с радикальной и с социалистической литературой того времени, и Бокль, Лассаль, Милль, Дрeпер, Шпильгаген стали для них знакомыми именами. Но развитию эти заводские мало чем отличались от студентов. Наши надежды, что эти молодые люди станут пропагандистами среди остальных работников, положение которых гораздо хуже ихнего, не вполне оправдались. В свободной стране они стали бы обычными ораторами на общественных сходках; но, подобно привилегированным же-

невским часовщикам, они относились к простым фабричным с некоторого рода пренебрежением и отнюдь не горели желанием стать мучениками социалистического дела. Только после того как большинство из них арестовали, и некоторых продержали в тюрьме года по три за одно только, что они дерзнули думать, как социалисты; только после того лишь, как некоторые измерили всю безграничность русского произвола,—они стали горячими пропагандистами, главным образом, политической революции.

Мои симпатии влекли меня к ткачам и фабричным рабочим вообще. В Петербург сходятся тысячи таких работников, которые на лето возвращаются в свои деревни пахать землю. Эти полу-крестьяне, полу-фабричные приносят в город мирской дух русской деревни. Революционная пропаганда шла среди них очень успешно. Мы должны были даже удерживать рвение наших новых друзей: иначе они водили бы на наши квартиры сотни своих товарищей, стариков и молодежь. Большинство из них жило небольшими артелями в 10—12 человек, на общих квартирах, и харчевались сообща, при чем каждый участник вносил ежемесячно свою долю расходов. На эти-то квартиры мы и отправлялись. Ткачи скоро познакомили нас с другими артелями: каменщиков, плотников и тому подобными, и в некоторых из этих артелей целые ночи толковали мы тут про социализм. Во многих частях Петербурга и предместий у нас были особые квартиры, снимаемые товарищами. Туда, особенно на Выборгской стороне и за Нарвской заставой, каждый вечер приходило человек 10 работников, чтобы учиться грамоте и потом побеседовать.

Конечно, все те, кто вели пропаганду среди рабочих, переодевались крестьянами. Так приходилось делать и мне: я надевал ситцевую рубаху, крестьянские сапоги и полушубок и отправлялся к моим приятелям-ткачам, перешутиваясь по дороге с мужиками. Я рассказывал моим слушателям про рабочее движение за границей, про Интернационал, про Коммуну 1871 г. Они слушали с большим вниманием, стараясь не проронить ни слова, а затем ставили вопрос: «Что мы можем сделать в России?» Мы отвечали: «Следует проповедывать, отбирать лучших людей

и организовать их. Другого средства нет». Мы читали им историю французской революции по переделке из превосходной «Истории одного крестьянина» Эремана-Шатриана. Все восторгались «господином Шевелевым», ходившим по деревням и распространявшим запрещенные книжки. Все горели желанием последовать его примеру. «Толкуйте с другими,—говорили мы,—сводите людей между собой, а когда нас станет больше, мы увидим, чего можно добиться». Рабочие вполне понимали нас, и нам приходилось только удерживать их рвение.

Среди них я проводил немало хороших часов. В особенности мне памятен первый день 1874 года, когда утром я пошел на сходку ткачей. Она происходила в темном подвале. Я был одет крестьянином и затерялся в толпе других полудубов. Товарищ (которого работники знали) представил меня запросто: «Бородин—мой приятель». «Расскажи нам, Бородин,—предложил он,—что ты видел за границей». И я принялся рассказывать о рабочем движении в З. Европе, о борьбе пролетариата, о трудностях, которые предстоит ему преодолеть, об его надеждах.

На сходке были большею частью люди среднего возраста. Рассказ мой чрезвычайно заинтересовал их, и они задавали мне ряд вопросов вполне к делу: о мельчайших подробностях рабочих союзов, о целях Интернационала и о шансах его на успех. Затем пошли вопросы, что можно сделать в России и о последствиях нашей пропаганды. Я никогда не уменьшал опасностей нашей агитации и откровенно сказал, что думал. «Нас, вероятно, скоро сошлют в Сибирь, а вас, т.-е. некоторых из вас, продержат долго в тюрьме за то, что вы нас слушали». Мрачная перспектива не охладила и не испугала их: «Что ж и в Сибири, почитай, не все медведи живут: есть и люди? Где люди живут, там и мы не пропадем». И когда потом некоторых из них арестовали, они почти все держались отлично и не выдали никого.

(Кропоткин. «Записки революционера». Ч. 4, гл. 15).

6. Речь московского ткача Петра Алексеева на суде 10 марта 1877 г.

Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет—мальчишками—нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под приемotr взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами, воздуха. Спим где попало—на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов... В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капитализма в этот детский период. И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капитализму, кроме ненависти? Под влиянием таких условий с детства закаляется в нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов. и без возражения переносить все причиняемые нам оскорбления.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих трудовую копейку и считают этот грабеж доходом. Самые лучшие для рабочих из московских фабрикантов и те сверх скудного заработка эксплуатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается капиталисту на сдельную работу, беспрекословно и с точностью испол-

няет все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, по праву или не по праву, пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-часовым дневным трудом. Впрочем, я не берусь описывать подробности всех злоупотреблений фабрикантов, потому что слова мои могут показаться неправдоподобными для тех, которые не хотят знать жизни работников и не видели московских работников, живущих у знаменитых русских фабрикантов: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и других. Председатель: «Это все равно, можете этого не говорить». Алексеев продолжает.—Да, действительно, все равно, везде рабочие доведены до самого жалкого состояния. 17-часовой дневной труд и едва можно заработать 40 копеек. Это ужасно. При такой дороговизне съестных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей. Нет. При настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной медленной смертью, а мы, скрепя сердце, будем смотреть на них, пока освободим из-под ярма нашу усталую руку и свободно сможем тогда протянуть ее для помощи другим. Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба... У нас в России рабочие все еще не избавлены от преследования за чтение книг; а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится об его положении—тогда уже держись. Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и ирония незаметно в этих словах, что в России походить на рабочего то же, что походить на животное... Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он не чувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это,

как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силою и только для одного разнообразия ворочающую все с лица да на изнанку. Да больше-то и ждать-то нечего.

Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины и обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы. Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование. И если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа... 19 февраля. И что же? И это для нас было одной мечтой и сном... Мы попрежнему остались без куска хлеба с ключками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель—приказчик с фабрики Носовых говорит, что у него за исключением праздничного дня все рабочие под строгим надзором, и не явившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях—значит, они все крепостные. Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить довышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь—значит, мы крепостные. Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемен доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края,—значит, мы крепостные. Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста, и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон,—значит, мы крепостные.

Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи.

Председатель вскакивает и кричит: «Молчите, замолчите».

Петр Алексеев, возвысив голос, продолжает: «Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда (председатель волнуется и, вскочив, кричит: «Молчать, молчать!»). (Петр Алексеев, возвышая голос)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...»

За свое участие в революционных кружках Москвы и пропаганду, при чем в противоположность тогдашним народникам Петр Алексеев на личном опыте убедился, что избавиться от самодержавия можно только революционными средствами, он немедленно хотел приступить к делу, он все допытывался, скоро ли начнется восстание,—за все это, и в особенности за напечатанную выше речь, он попал на 10-летнюю каторгу, которую сперва отбывал в Борисоглебском централье, а потом на Каре. На поселение он был сослан в глухие места Якутки, где и был убит якутами с целью грабежа в июне 1891 г. «Речь Петра Алексеева» всегда была одной из главных пропагандистских книжек в рабочей среде.

7. Северный союз русских рабочих.

Чем больше я знакомился с петербургскими рабочими, тем больше поражался их культурностью. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись

к окружающему, они были горожанами в лучшем смысле этого слова. Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими серый деревенский человек нередко являл собою довольно жалкую фигуру.

Спрашивая рабочих, чего именно требуют они от революционной литературы, я получал самые разнообразные ответы. В большинстве случаев каждому из них хотелось, чтобы она разрешала вопросы, почему-нибудь занимавшие его в данное время. А вопросов этих через голову мыслящих рабочих проходило многое множество, и у каждого рабочего, смотря по его наклонностям и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Один больше всего интересовался вопросом о боге и утверждал, что революционная литература должна направить главные свои усилия на разрушение религиозных верований народа. Других интересовали преимущественно исторические, политические или естественно-исторические вопросы. В числе моих приятелей фабричных был даже такой, которого особенно занимал женский вопрос. Замечу мимоходом, что этот горячий сторонник женского освобождения принадлежал к числу тех фабричных, для которых жизнь в деревне стала совершенно немислимой. Между работницами Петербурга было несколько революционеров, случались у них даже стачки (на табачных фабриках), но вообще в тогдашнем рабочем движении женщины стояли на самом заднем плане. Некоторые заводские рабочие-революционеры не женились прямо потому, что в окружающей их среде не было подходящих для них женщин.

Так как благодаря пропаганде 1873—74 г.г. в петербургской рабочей среде было довольно много революционеров, то задача «землевольцев» и их молодых помощников свелась прежде всего к организации этих готовых сил. «Старые», по большей части уже испытанные революционеры-рабочие, присоединив к себе нескольких надежных новичков, составили ядро петербургской рабочей организации, с которым и сносилась, главным образом, интеллигенция. На обязанности центральной отборной рабочей группы лежало руководство местными рабочими кружками, возникавшими в той или иной части Петербурга. Интеллигенция не вме-

шивалась в дела этих местных кружков, ограничиваясь доставлением им книг, помощью при заведении тайных квартир для собраний и т. п. Каждый местный кружок должен был привлекать к себе новых членов. Члены центрального рабочего ядра каждое воскресенье сходились на общие собрания и знали, где есть местные кружки. Революционеры-интеллигенты являлись с целью пропаганды и на собрания местных кружков.

«Северо-русский рабочий союз» естественным образом возник из того ядра петербургской рабочей организации, которое, как я сказал выше, составилось из «старых», испытанных революционеров-рабочих. Основание союза относится к концу 1878 г. Уже с первых недель своего существования он насчитывал не менее 200 членов, и вокруг него группировалось по меньшей мере столько же рабочих, сочувствующих, но не посвященных в организационную тайну. Большинство членов его принадлежало к числу «заводских». В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою конспиративную квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то же время членами центрального кружка, который собирался через известные промежутки времени по общим делам союза. В распоряжении центрального кружка находилась особая касса и союзная библиотека. Центральная касса, как и местные кассы, пополнялась членскими взносами. Около второй стачки на новой бумагопрядильне в ней было 150—200 р.

Организаторами союза была выработана следующая программа союза:

«К русским рабочим.

Программа Северного союза русских рабочих».

«Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силою своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишаящего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам, полнейшим

материальным лишением и парализацией наших духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г. пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для ведения борьбы.

Организация Северного союза русских рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, которые поставлены в его программе.

В члены этого союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению.

Член же, навлекший на себя подозрение, избличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

(Далее следует организационная структура Союза, изложенная выше Плехановым).

Северный союз русских рабочих, тесно примыкая по своим взглядам к социально-демократической партии Запада, ставит своею программу:

1. Ниспровержение существующего политического и социального строя государства, как строя крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением, на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциированную организацию труда, представляющую в руки рабочих-производителей продукт и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственным требованием союза должны быть:

1. Свобода слова, печати, право собраний и сходок.
2. Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.
3. Уничтожение сословных прав и преимуществ.
4. Обязательное и бесплатное обучение во всех школах.
5. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.
6. Право сельской общины на решение дел, касающихся ее.
7. Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.
8. Отмена косвенных налогов и установление прямого, соразмерно доходу и наследству.
9. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.
10. Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев Северный союз надеется достичь тех результатов, которые и у нас выдвинут рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах...

Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознания обращаемся мы.

Великая социальная борьба началась, и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя для освобождения миллионов—и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку, с ними пойдём мы вперед и в братском единении сольёмся в одну грозную боевую силу.

...Знайте, что в вас заключается вся сила и все значение страны; вы—плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаёте это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы руководились, нет, наконец, нравственной под-

держки, столь необходимой для дружного отпора врага. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово; от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России».

Выставленное требование политической свободы шло в разрез с тогдашними народническими взглядами большинства революционеров, почему «землеволюцы» упрекнули за это Халтурина и Обнорского, руководителей союза. На это последовал ответ, в котором говорится: «Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволит нам правильное развитие наше мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды—и вот мы ради сбережения своих сил и скорейшего успеха требуем этой свободы, отмены разных стеснительных «уложений» и «положений».

Но, разумеется, в русских самодержавных условиях не могла развиваться широкая массовая рабочая организация, к тому же в ее состав втерлись агенты-шпионы 3-го отделения, почему через год союз пал, и Обнорский пошел за него на каторгу. Халтурину и здесь, как и позже при взрыве Зимнего дворца, удалось уйти от преследования царского правительства. Он погиб на виселице в Одессе в 1882, когда вместе с другим товарищем принял участие в убийстве крупного царского чиновника. Его так торопились повесить, что не постарались даже узнать его настоящее имя и, казня его, не знали, что погибает виновник взрыва 5-го февраля 1880 г. В лице Петра Алексеева и Степана Халтурина русские коммунисты видят своих предшественников.

(Плеханов, Г. В. «Русский рабочий в революционном движении по личным воспоминаниям». Стр. 10 и сл.).

(Куклин, Г. А. «Северный союз русских рабочих и Степан Халтурин (1878—1882). Женева. 1904 г.».

8. Группа «Освобождение Труда».

Возникшая в 1883 г. первая русская социал-демократическая организация группа «Освобождение Труда» была основана в Швейцарии русскими эмигрантами—Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и В. Н. Игнатовым. Принадлежка первоначально к противникам народovolьцев, отстаивая принцип старого чистого народничества, члены группы должны были скоро понять, что борьба за политическую свободу стоит на очереди дня современной им России. Но признавая это, они не соглашались с тем теоретическим объяснением, которое народovolьцы давали своей политической борьбе. Члены группы «Освобождение Труда» настаивали, что, «наноса своей практической деятельностью смертельный удар всем традициям правoverного народничества и сделавши так много для развития революционного движения в России, «Народная Воля» не может найти оправдания, да и не должна искать его помимо современного научного социализма. А последний дает ключ не только к пониманию современного общественного строя, но и указывает средства для его изменения».

Он показывает нам, какое громадное значение играет в смене различных форм общества борьба классов, как всякая классовая борьба не может не быть политической, т. е. не может не ставить себе целью завоевание политической власти. Не может не быть политической и классовая борьба пролетариата против владельцев орудий производства. И она ставит себе целью захват политической власти, диктатуру пролетариата.

В то время, как остальные классы пользуются этой властью, чтобы укрепить свое существование, как отдельного класса, пролетариат может воспользоваться ею только ради уничтожения деления общества на классы, так как уничтожение этого деления, замена капиталистического строя социалистическим есть необходимое условие освобождения пролетариата. Но существует ли этот пролетариат в России, развивается ли он, похожа ли Россия на Западную Европу? Применимы ли вообще выводы научного социализма в России?

Ответ получился утвердительный. Общие философско-исто-

рические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европы, как к Греции и Риму, Египту и Индии. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Но это не заставляет нас отрицать значение экономических особенностей той или другой страны; наоборот, в них мы найдем объяснение всех ее общественно-политических и уместных движений.

Как и в Западной Европе, у нас развивается капитализм со всеми его последствиями. В его распоряжении богатый опыт европейских стран. Существенно-решающее значение имеет внутренний рынок, а его более или менее быстрое расширение зависит в значительной степени от падения крестьянских домашних ремесел, в особенности изготовлений пряжи и тканей. Община не может помешать этому процессу. Напротив, допуская в своих пределах частную собственность, она носит в себе самой причины разложения, которое по этому неотвратимо. Та ступень разложения первобытного коллективизма, которая носит название сельской общины, характеризуется тем противоречием, что на общественной земле хлебопашество в ней ведется отдельными хозяевами. Это ведет к развитию частной собственности, к новому усилению товарного производства, а вместе с тем к зарождению свойственных этому последнему противоречий, т.-е. к эксплуатации труда капиталом. Следовательно, по внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

Но инициативу этого коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс, освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий. А этот рабочий класс создается капитализмом. Борьба же с капитализмом поставлена в особенно благоприятные условия. Наш капитализм ответит, не успевши окончательно расцвести—за это ручается нам могучее развитие международных отношений. Для нас не должно остаться потерянными то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже тогда, когда капитализм был еще в зародыше. Поэтому

ная русская буржуазия уже неспособна к революционной инициативе. Социалисты должны указать рабочим их собственное рабочее знамя, дать им вожakov из собственной рабочей среды. Этим в значительной степени ускорятся образование и рост русской рабочей социалистической партии. Отсюда и вытекают ближайшие задачи русских социал-демократов (1884 г.). «Социалистическая интеллигенция должна взяться немедленно за организацию рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудящегося населения России, в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма».

Это же изучение русской действительности и позволило Г. В. Плеханову заявить первому конгрессу возродившегося в 1889 г. Интернационала следующее: «Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступить к твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать, только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

(Д. Рязанов, Г. В. Плеханов и группа «Освобождение Труда». Стр. 16 и сл.).

9. Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

В 1894—95 г.г. в Петербурге возникла группа социал-демократов, которая повела планомерную работу среди петербургского пролетариата. В группу входили: Ленин, Крайновский, Крупская, Мартов и др.

Членов ее связывала полная идейная солидарность. Взгляды свои группа окончательно оформила в борьбе с народниками. Прежде чем она сформировалась в активную группу, члены ее прошли довольно основательную марксистскую школу. Правда, большинство читало только 1-й том «Ка-

питала», «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса—и то последнее читалось в рукописи, но первый том «Капитала» знало на-зубок. Лучшее всех были подкованы Ленин и Мартов. В борьбе с народниками были искушены все. По рукам ходили желтенькие гектографированные тетрадки «Друзья народа», написанные Лениным и критиковавшие Михайловского и др.

С другой стороны шло идейное отмежевание и от так-называемых «легальных марксистов». На квартире, на Охте, на масленице 1895 г. состоялась первая встреча Ленина со Струве и Потресовым. Ленин говорил о необходимости революционной борьбы. «Конечно, кто хочет спасать отечество в комитетах грамотности—пусть, мы мешать не будем»,—закключил Ленин свою речь.

Наша группа периодически собиралась. Каждый работал в определенном районе, имел свой кружок рабочих. Ленин работал за Невской заставой. В его кружок входили: Бабункин, Грибакин, Арсений Бодров и др. Также приходилось ему иметь дело с Шелгуновым, работавшим в то время на Обуховском заводе. Я уже три года работала в Варгунинской вечерне-воскресной Смоленской школе и через школу хорошо знала рабочую публику на близлежащих фабриках и заводах, знала, где кто имеет влияние и т. д. Большинство рабочих, посещавших кружок, ходило и в школу, заводило там новые связи. Хотя прямого разговора и не было, но ученики прекрасно знали, что я принадлежу к известной группе, и я знала, кто из них в какие кружки ходит.

В кружках велись занятия по Марксу—объяснялась прибавочная стоимость. А после таких занятий велись беседы на злободневные вопросы. И это была самая оживленная часть бесед. Рабочие рассказывали о порядках на своих фабриках и заводах, о безобразиях, которые там творились, о безмерной эксплуатации. Все увлекались вырисовывавшимися перспективами экономической борьбы рабочих с хозяевами, на этом, казалось, удастся сплотить широкие массы рабочих.

Приехавший из Вильны Мартов привез брошюру «Об агитации», которая возбудила горячие споры. Решено было на-

чать агитацию и в Питере при помощи листов. Дело было новое. Как распространять-то их? На Васильевском острове Якубова и Невзорова нагружались листками и, быстро идя навстречу выходившим из фабрики работницам, совывали им в руки листки. Иногда кто-нибудь из спротагандированных рабочих пробирался в заводскую раздевальную и там рассовывал их по карманам пальто рабочих. Правда, вначале листовая агитация была очень скромна. Так, например, за Невской заставой было решено распространить листок у Семенникова. Листок написал Ленин, переписали его от руки печатными буквами в 4 экземплярах. Бабушкин разбросал по заводу. 2 листка подняли сторожа, а два были подняты рабочими и попали по рукам,—это считалось тогда большим успехом. Через школу удавалось следить за всей рабочей жизнью Невской заставы и собирать богатый материал. Через школу же узнавали, какой листок имел успех, а какой—нег. В других районах материал собирался исключительно через кружки.

Весной за публичкой началась порядочная слежка, почему на лето решено было разъехаться, чтобы замести следы. Идейное размежевание от «легальных марксистов» не ограничилось одним разговором со Струве и Потресовым. Была попытка издать совместно легальный сборник статей. Струве и Потресов пустили в ход свои связи—и весной сборник был готов. Ленин поместил там статью под фамилией Тулин, где пытался развить точку зрения революционного марксизма. Как ни старались авторы говорить как можно осторожнее, условным языком, цензора оказались достаточно проныцательными: сборник был сожжен; удалось спасти десятка два экземпляров.

(«Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», сборник статей. СПб. 1895 г.).

Осенью, по возвращении, группа продолжала работу, принимая только все необходимые меры предосторожности. Но в декабре произошли первые крупные аресты—было арестовано из нашей группы 6 человек: Ленин, Кржижановский и другие. Их потом в шутку называли «декабристами».

В первый же раз, как я приехала в вечернюю школу после ареста «декабристов», меня отозвал в сторону Бабуш-

кин и передал листок, написанный рабочими по поводу арестов группы. Он вышел после его обсуждения группой, кажется, 15 декабря. На этом же собрании по предложению Мартова группа была названа: «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

В начале лета 1896 г. я получила на юге письмо, которое торопило меня вернуться в Питер, где назревала забастовка текстильщиков. Стачка текстильщиков заставила все группы социал-демократов объединить свои силы. 12 августа большинство товарищей было арестовано.

(Н. Крупская. Ст. в журнале «Творчество», № 7—10, 1920 г.).

10. Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей партии 1898 г.

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 г.

Впервые на сцену выступил—как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно: рабочий класс, на время усмирённый, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая за счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и, по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мере развития капитализма размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он требовал, и впредь будут давать лишь то, чего он потребует.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний,—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его свободного развития и успеш-

ной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, и трусливее, и подлее становится буржуазия, тем большие культурные политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это—необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными и в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию». В сознании этого представители: «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей «Рабочую газету», и «Общевейского рабочего союза в России и Польше» устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение, так и направление—социалистическое, Российская Социал-Демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главной из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно ко-

чет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

11. Объявление об издании „Искры“.

„Из искры возгорится пламя...“.

(Ответ декабристов Пушкину).

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время,—его раздробленность... Несоответствие этой раздробленности с запросами, вызываемыми силой и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии... Почему практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии... Но какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?.. Для этого необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключаящее ту разногласицу и путаницу, которая, будем откровенны, царит среди русских социал-демократов, необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения и доставке пол-

ных и своевременных сведений о движении и правильно-му снабжению периодической прессой всех концов России... К тому же мы понимаем социал-демократию, как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением.

Декабрь 1900 г.

12. Что делать?

Наше движение, гораздо более глубокое и широкое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такую же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомневался, что сила современного движения—пробуждение масс и, главным образом, промышленного пролетариата, а слабость его—недостаток сознательности и инициативности руководителей революционеров. Однако, «Рабочее дело» (орган экономистов) обвиняет «Искру» в преуменьшении значения «объективного или стихийного элемента развития».

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес.

Стихийный элемент представляет из себя в сущности не что иное, как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты уже выражали собою некоторый элемент сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков... Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали собою пробуждение антагонизма рабочих и хозяев... Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабаты-

лись образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов это учение не только было вполне сложившейся программой Группы «Освобождение Труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи России.

Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией, не только не считали ее своей единственной задачей, а, напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности.

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология? Середины тут нет. Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии.

Но почему же, — спросит читатель, — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления, идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по своему происхождению гораздо старше, чем социалистическая; что она более

всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения.

Мы убедились, что основная ошибка нового направления в русской социал-демократии состоит в преклонении перед стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем несравненно быстрее возрастают требования на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел с такою быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач.

Мы видели, что ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений есть безусловно необходимая задача деятельности, если эта деятельность истинно-социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя только из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем, только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы общедемократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности.

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, т.-е. из вне-экономической борьбы, из вне-сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношения между всеми классами. Поэтому на вопрос, что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «Итти к рабочим». Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны итти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии.

Ибо авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая действительно организует все-народное обличение.

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что экономисты постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм и в организационных, как и в политических задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же и вследствие этого организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть иного рода, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, профессия которых состоит в революционной деятельности (потому я и говорю об организации революционеров — социал-демократов). Перед этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться различие интеллигентов и рабочих, не говоря уже о различии профессий тех и других. Эта организация по необходимости должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной.

Маленькое тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных, закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное по всем правилам конспирации с организацией революционеров, вполне сможет выполнить при самом широком содействии массы и без всякого оформления все функции, которые лежат на профессиональной организации и, кроме того, выполнить так, как это желательно для социал-демократии.

Централизация конспиративных функций организации вовсе не означает централизации всех функций движения. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а вдесятеро усилится оттого, что десяток профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела.

И если бы нам удалось действительно достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом неда-

леком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе невинного и еще очень небольшого, но регулярного и в полном смысле общего дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих—русские Бебелы, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятием России.

Вот, о чем нам надо мечтать.

По нашему мнению, исходным пунктом, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию,—должна быть постановка общерусской политической газеты.

(Ленин. «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». Февраль 1902 г.).

(Н. Ленин. «С чего начать» («Искра», № 4, май 1901 г.).

Нас обвиняют за наш организационный план в якобинстве, бланкизме и проч. Ровно ничего, кроме оппортунизма, не выражают эти страшные словечки: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист. (Направлено против меньшевиков после второго съезда).

(Ленин. «Шаг вперед, два шага назад», стр. 140. Май 1904 г.).

На вопрос, чего не делать, я ответил бы прежде всего: не скрывать от партии нарастающих расколов... Широкая

гласность—вот самое верное средство. Этим и только этим мы дадим возможность всей массе влиятельных партийных работников узнать своих вождей и поставить каждого из них на надлежащую полочку.

Света, побольше света. Нам нужен громадный концерт; нам нужно себе выработать опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому—свирепый контрабас, третьему—вручить дирижерскую палочку.

(Ленин. Письмо в редакцию «Искры», № 53, 25 ноября 1903 г., соч. т. IV, стр. 298—299).

Г. Революция 1905 года.

Вводная статья.

1905-й год—первый год русской революции. Все силы, какие должны были действовать в этой революции, были налицо задолго до 1905 года—и были давно готовы вступить в борьбу. Аграрное движение крестьян, стачечное движение рабочих, революционная деятельность партийных организаций—все это возникло раньше. Революция была ускорена войной, вспыхнувшей на Дальнем Востоке. Переходя в своем историческом развитии на новую экономическую ступень империализма, Россия должна была принять участие в начавшемся разделе мира между державами и была втянута в мировую борьбу, завязавшуюся около этого раздела,---в данном случае, около раздела Китая. Вызванная этим русско-японская война велась неудачно, и кончилась крушением русской политики на Дальнем Востоке; эти неудачи окончательно дискредитировали правительство и вырвали из-под него почву. Брожение в стране разрасталось с неудержимой силой, охватывая и город и деревню. В деревне накапливалась революционная энергия; в городах кипело рабочее движение; подземные силы сотрясали почву империи, пока, наконец, не прорвались революционным взрывом.

Правительство, чувствуя, что почва у него уходит из-под ног, вынуждено было изменить курс; в борьбе с революцией оно должно было заявить, что готово приступить к реформам. Осенью 1904 г. началась эпоха «доверия», пора русской политической «весны». Вопросы, казавшиеся до тех пор неприкосновенными, теперь дебатировались открыто, вслух обсу-

ждались вопросы о политическом положении России, о нужных для нее реформах. На либеральных съездах помещиков и буржуазии выставлялись требования земского собора, конституции, политических свобод. В революционных кругах пролетариата поднималось требование учредительного собрания. Правительство, однако, не думало еще сдаваться, оно соглашалось на реформы отдельных сторон русской жизни, но самодержавие должно было оставаться прочно; все реформы должны были проводиться в жизнь царскими министрами.

При таких условиях начинается 1905 год.

Первый же месяц 1905 года ознаменовался революционными событиями громадной важности. Дело началось обычной стачкой рабочих. Забастовали рабочие Путиловского завода в Петербурге. Движение охватило ряд других заводов, и в несколько дней стал, сложив руки, весь рабочий Петербург. В дело вмешалось петербургское общество рабочих, созданное при участии охранки для руководства рабочим движением в полицейских видах. С другой стороны, выступила социал-демократическая рабочая партия со своими лозунгами и речами. Движение быстро разрасталось, и приняло неожиданной характер. В рабочих массах не была еще убита вера в царя, вера в то, что царь-батюшка придет на помощь своему народу, стоит только ему узнать, как живет этот народ. Передовые рабочие, конечно, далеко ушли от этой веры; они понимали, что «никто не даст им избавленья—ни бог, ни царь и не герой», но в массах сильна еще была старая закваска. Измученные голодом, безработицей, резней на фронте рабочие массы Петербурга решили идти к царю. 9 января 1905 г. рабочие двинулись со всех сторон к Зимнему дворцу; это было мирное шествие, с царскими портретами и хоругвями впереди, но правительство увидело в этом шествии угрозу старому режиму и встретило рабочих свинцовым градом. После этого расстрела и массы рабочих поняли, что от царя нечего больше ждать, что рассчитывать можно только на себя... 9 января отразилось по всей стране—всюду рабочие отвечали забастовками протеста; волна стачек прокатилась по фабрикам и заводам всей России.

Рядом с городскими рабочими поднялись крестьянские массы. Целые волости и деревни шли на разгром барских имений;

рубили помещичьи леса, захватывали барские поля, жгли и грабили барские усадьбы. Движение широко разлилось по всей стране, захватило центральные губернии, Поволжье, Прибалтийский, Польский край; в западных губерниях происходили стачки сельских рабочих; в Поволжье крестьяне вели вооруженную борьбу с карательными отрядами, которые высылались для их усмирения. При всем том, крестьянское движение сильно отличалось от движения пролетарского. Деревня оставалась неорганизованной, некультурной. Ее движение было попрежнему стихийным. Лишь кое-где делались попытки придать ему большую сознательность и организованность. Ставился вопрос о создании большого революционного крестьянского союза. В августе и ноябре 1905 года устраивались большие съезды крестьянских представителей для создания такого союза.

Революция охватывала новые и новые элементы, начинала проникать и в армию и флот. Возникали «беспорядки» в казармах; воинские части отказывались при усмирении стрелять в народ, в солдатской и матросской среде получала успех пропаганда революционных партий. Летом 1905 года на юге, на Черном море, подняв знамя восстания экипаж военного корабля «Потемкин Таврический». Матросы свергли власть офицеров, стали на сторону портовых рабочих и несколько дней держали в руках большой южный город. Но первые движения в военной среде были еще слабы, и правительство скоро их ликвидировало.

Однако, одними мерами полицейского усмирения нельзя уже было обойтись. Это начинали понимать и правящие круги; наконец, решились на некоторые уступки. Царь объявил, что он решил призвать к участию в делах законодательства лучших людей, выбранных от народа, — «народных представителей». Манифестом 6 августа создавалось новое учреждение, собрание народных представителей — государственная дума; но дума с совещательным только голосом и без представителей от рабочих. Такая дума никого не удовлетворила. Страна была охвачена революционным движением, всюду говорили о парламенте с законодательной властью, о всеобщей подаче голосов, об учредительном собрании, которое должно было провести все это в жизнь; царским министрам больше не доверяли.

Между тем революционные массы все более и более организовывались. Крестьяне сплачивались в крестьянский союз; рабочие—в целый ряд профессиональных союзов; организовывалась в союзы интеллигенция: техники, инженеры, врачи, учителя. Эти организации одна за другой объявляли войну самодержавию. Все это придавало революционному движению новую и большую силу.

Так, в осени 1905 года стояли друг против друга оба врага,—старый порядок, не желавший идти на новые уступки, и революция, требовавшая сдачи всех позиций. Даже буржуазные круги, разуверившись в деловых способностях царских министров, не пытались больше их поддерживать и становиться на их защиту. В борьбе с самодержавием, казалось, всем было по пути. Но так было недолго.

Революция, в первых рядах которой шли рабочие, усвоила себе и приемы борьбы, свойственные пролетариату. Движение приняло новую форму стачки,—начался период всеобщих политических забастовок. Началось опять отдельной стачкой,—в Москве, в сентябре 1905 года, забастовали рабочие типографий, печатники. Затем движение разлилось шире, захватило и северную столицу и другие города. В начале октября забастовка стала всеобщей, всероссийской. Стали железные дороги, почта и телеграф, забастовали учебные заведения. Вся жизнь замерла в стране. Правительство намеревалось крутыми мерами расправиться с забастовкой; было приказано не жалеть патронов,—но справиться с революцией оно было уже не в силах. Забастовка парализовала его силы, лишила его возможности передвигать войска, получать сообщения, посылать приказы. Победить забастовку оказалось не так легко; приходилось бить отбой. И следствием октябрьской забастовки явился манифест 17 октября, обещавший народу политические свободы и государственную думу с расширенным избирательным правом и с законодательной властью. Это не была полная победа революции, но частичную победу она все-таки одержала.

Но одной рукой давая уступки и обещания, правительство другой рукой готовилось раздавить революцию, как только это будет возможно. Победа, одержанная революцией, вооружила против нее все старые силы царского режима, под-

нялись реакционные помещики, чиновники, духовенство, полиция и жандармы,—поднялась вся черная сотня. То, что революция одержала только полупобеду, и власть оставалась в старых руках, окрыляло их надеждою на успех. Правительство спешило широко поддержать черносотенное движение. Началась эпидемия погромов. В разных местах били и грабили евреев, студентов, интеллигенцию. В Твери, в Томске жгли целые здания с собранными в них революционерами. Так ответила на победу революции черная сотня.

Между тем революционное движение развивалось своим порядком. Полууступка 17 октября не могла удовлетворить широких масс, не могла и остановить движения. Рабочие массы спешили использовать победу в своих классовых интересах и явочным порядком вводили на фабриках и заводах 8-часовой рабочий день. Была охвачена движением Польша. Снова и снова поднимались волнения во флоте. На Черном море матросы нескольких судов еще раз захватили власть; красная черноморская эскадра по телеграфу потребовала от царя созыва учредительного собрания. Вспыхнуло восстание и в Балтийском флоте. — поднялись кронштадтские матросы. Все это действовало на буржуазию. 8-часовой рабочий день ударил ее по карману: на этот акт революции буржуазия ответила массовым расчетом рабочих, локаутом. Особенно опасным казалось буржуазии революционное движение в войсках и во флоте. Когда оно было подавлено, либералы на своем съезде вздохнули с облегчением: «слава Богу, порядок восстановлен».

Так начался отход буржуазии от революции. Это развязывало руки правительству; позволяло ему действовать более репрессивно. Для усмирения движения в Польше было введено военное положение. Жестокими репрессиями и казнями кончились и восстания во флоте. Кронштадтские матросы отданы были под военный суд, им тоже грозили казни. Правительство снова натягивало вожжи. Революции приходилось обороняться, защищать свои первые завоевания. Чрезвычайно важно было показать, что нельзя безнаказанно расправляться с революцией,—еще важнее было привлечь на сторону революции военные силы государства, армию и флот, выбить из рук старого порядка вооруженные

его силы. Все это привело в ноябре к новой политической забастовке. Она была объявлена, как протест против военного положения в Польше, против военного суда над кронштадтскими матросами. Было выпущено воззвание к солдатам и матросам, чтобы разъяснить им смысл борьбы и привлечь их на сторону восставшего народа. Забастовка прошла в рабочей среде дружно, но другие буржуазные силы на этот раз не поддерживали. Они боялись революции и не намерены были отдавать армию и флот в ее руки. После ноябрьской забастовки разыгралась почтово-телеграфная стачка, — служащие почты и телеграфа поднялись за свои интересы, — но буржуазия сделала все, чтобы сорвать эту забастовку; она сама разбирала и разносила корреспонденцию. Разрыв между буржуазией и революцией был полный.

Революция вызвала новые группировки общественных сил. Либеральное движение кристаллизовалось в определенные политические партии: кадетов и октябристов. Обе возникли в октябре 1905 года. В рядах кадетов объединились левые земцы, деятели земских и городских съездов и видные представители буржуазной интеллигенции. В рядах октябристов сошлись более умеренные земские и городские деятели, либеральное чиновничество и торгово-промышленные дельцы. Обе партии стояли против революции, больше всего ее боялись, но готовы были на некоторые уступки, чтобы сохранить остальное. В 1905 году они соглашались на конституцию, даже на всеобщее избирательное право. В ходе революции они все дальше отходили от рабочих и крестьянских масс. Борьба рабочих за 8-часовой рабочий день, аграрное движение крестьян приводили их в священный ужас. Они согласны были самое большее на некоторые улучшения в положении рабочих, на отчуждение части помещичьих земель, но не иначе, как за выкуп. На этих уступках они настаивали перед властью, чтобы не дать разгореться революции, — и к той же самой власти взывали о помощи, о защите от революции и поддерживали царизм в кровавой борьбе с народом.

Черная сотня действовала сначала неорганизованно, и только позднее возник союз русских людей, союз русского народа и другие правые организации. В эти ряды пытались привлечь

людей из народа, мещан, крестьян, рабочих, но мало кто шел туда. В союзе русского народа «народ» представляли собою мелкие мещане, кулаки, да наемные босьяки, способные за плату на всякое преступление. Дело кончилось тем, что вместо народных партий сложилась чисто-помещичья организация—Совет объединенного дворянства, всецело стоявший за старый режим, против всякой революции, против всякой реформы. Действовали эти правые организации путем влияния на царя и его министров, черносотенными погромами при помощи полиции, да убийствами из-за угла.

В старых революционных партиях тоже происходила своя перегруппировка. В партии социалистов-революционеров (с.-р.) определилось несколько течений. Выделились в отдельные группы полукадеты—энесы (народные социалисты), бывшие против революционных приемов, за более мирную борьбу, и полуанархисты-максималисты, требовавшие проведения в жизнь всего социализма полностью по максимальной программе. Партия социал-демократов (с.-д.) еще до 1905 года раскололась на два течения, большевиков и меньшевиков. Разногласия сводились к тому, как оценивать либеральное движение буржуазии, как к нему относиться,—считать ли его врагом, или идти в союзе с ним на штурм самодержавия? Меньшевики с Плехановым во главе говорили об общей работе с либеральной буржуазией, большевики, руководимые Лениным, относились к соглашательскому пути отрицательно, выдвигая идею диктатуры пролетариата и революционного крестьянства. Эти споры происходили в то время, когда буржуазия сама совершала свой отход от революции.

Внешним созданием революционного 1905 года была новая организация, возникшая в том году—Совет рабочих депутатов. Стачечным движением рабочих руководит обыкновенно стачечный комитет. Такие комитеты возникли и в дни октябрьской забастовки. Состояли они из выборных от рабочих,—выборы производились на фабриках и заводах, по одному депутату от нескольких сот рабочих. Из такого комитета развился в Петербурге Совет рабочих депутатов, взявший в свои руки все руководство революционной борьбой. По этому образцу возникли советы и в других местах; стачечные комитеты превратились в штабы революции. Их было по всей

России свыше 300. Советы объединяли рабочую массу, в большинстве ее беспартийную, но работали в них и партийные люди, помогая разбираться в событиях, в условиях борьбы. Главнейшим из них был петербургский совет, — он стоял в центре движения, с ним сносились центральные органы других революционных организаций, — он становился главой всего революционного движения. Движение становилось тем сильнее, чем больше оно организовывалось. Советская организация придавала ему новые силы. Правительство, естественно, должно было стараться разрушить эту организацию, захватить в плен, арестовать, разослать по тюрьмам рабочих депутатов.

Правительство и стало на этот путь. В конце ноября оно начало аресты. Был арестован весь исполнительный комитет петербургского совета. На место выбывших вступили сейчас же новые члены, но революции нанесен был чувствительный удар. Правительство переходило от обороны к наступлению. Революция должна была обороняться.

В революционных кругах давно уже готовились к новому революционному выступлению. Забастовки сделали свое дело. Чтобы вырвать новую победу, нужна была новая борьба, нужно было бороться с оружием в руках. Давно уже запасали оружие, на митингах шли сборы пожертвований, приобреталось на собранные средства оружие, все готовилось к вооруженному восстанию. Пора было перейти к делу.

Приступая к новой борьбе, Советы стремились ослабить врага, лишить его преимуществ. В руках правительства были золотые запасы банков, их можно было умножить заграничным займом. Чтобы помешать этому, чтобы подорвать финансовую мощь царизма, советы и партии (революционные) выпустили манифест, коим призывали народ брать из царских касс и банков сбережения, там хранившиеся, требовать этих вкладов и заработной платы в золотой монете, и сверх того торжественно объявляли, что по всем займам, какие царское правительство заключит за границей во время его борьбы с народом, народ, когда революция победит, платить никому ничего не будет. Сделав это грозное предостережение, чтобы заставить Европу не так охотно давать деньги царским министрам, Советы несколько дней спустя объявили новую,

третью забастовку, чтобы затем перевести ее в вооруженное восстание. Это было 7 декабря 1905 года.

Революция снова забушевала по всей стране. В несколько дней забастовка охватила 33 города, немногим меньше, чем в октябре (39). В разных местах происходили стычки с войсками, строились баррикады, оказывалось сопротивление. Особенно энергично шла борьба в Латвии (Прибалтийский край), Грузии, на Дону, в Сибири. В Латвии еще раньше началось вооруженное восстание латышей против помещиков — немцев-баронов. На Черном море, в Новороссийске, возникла республика. В Горловке, на Дону, поднялись с оружием в руках рабочие угольных шахт. В Сибири приняли участие в движении солдаты армий, возвращавшихся с Дальнего Востока; там действовали советы рабочих и солдатских депутатов. По всей стране шли аграрные волнения, восставшие крестьяне жгли и громили помещичьи усадьбы. Но при всем том третья забастовка не прошла так же дружно, как первые две. В вооруженное восстание она перешла только в некоторых местах, главным образом, в Москве. В Петербурге до восстания не дошло, петербургский железнодорожный узел не принял даже участия в забастовке, и Николаевская дорога работала, доставляя в Москву для ее усмирения царские войска. Не поддержали Москву и другие города.

В самой Москве движение развилось широко. Московские улицы покрылись баррикадами, началась вооруженная борьба на улицах, старые власти спрятались до поры до времени, полиция была обезоружена. Буржуазные слои и буржуазные партии окончательно отшатнулись от революции и сплотились с московскими властями, в надежде, что они положат конец мятежу. Но не сразу можно было покончить с московским восстанием. В городе было слишком мало военных сил, а какие были, были ненадежны. Приходилось просить военной подмоги у Петербурга и ждать, пока ее пришлют. Восстание развивалось беспрепятственно почти целую неделю, прежде чем явились из Питера семеновский гвардейский полк и другие воинские части. Тогда положение в Москве резко изменилось, движение было раздавлено и залито кровью. Революции нанесен был новый сильный удар.

Реакция могла праздновать победу. Везде происходили

аресты революционных деятелей, жестокие экзекуции, казни. В Москву были сотни убитых и раненых, карательная экспедиция проехала по Казанской ж. д., вешая и расстреливая по заранее составленным спискам. Карательные экспедиции действовали и в других местах, особенно в Сибири и в Латвии. Восставших латышей расстреливали, вешали, засекали розгами, забивали палками, гоняли севозь строй, казнили под звуки царского гимна. Всего здесь было казнено свыше 700 человек, засечено плетью множество людей. Крушением декабрьского восстания закончился бурный 1905 г. За этот год, с января до декабря, убито было царским правительством 14.000 человек, казнено больше 1.000, ранено свыше 20.000, сослано 70.000 человек.

Правительство и примкнувшие к нему имущие классы спешили использовать победу, чтобы взять назад сделанные раньше уступки. В апреле 1906 года объявлены были новые основные законы: оказалось, что рядом с новой выборной государственной думой стоит старый государственный совет, наполовину только выборный от имущих классов, а наполовину назначенный из царских чиновников. Оказалось, что компетенция обеих палат, и думы, и совета, сужена до крайних пределов, особенно в финансовых вопросах, и почти весь бюджет забронирован от русского парламента. Этими законами правительство старалось сделать безвредной ту думу, которую оно обещало созвать.

Однако, революция не сдавалась. В партийных кругах полагали, что движение еще не кончено, что силы его еще не все исчерпаны, и в ожидании нового революционного подъема, не хотели мириться с тем, что сделало правительство из думы. Думу решено было бойкотировать, — революционные партии отказывались от выборов, не хотели посылать туда депутатов. В первой думе, собранной в апреле 1906 года, совсем не было социалистов, большинство состояло из представителей либерально-буржуазной партии — кадетов и из беспартийных крестьян-трудовиков. Только позднее, когда партия с.-д. на своем съезде отменила бойкот думы, в нее вошли депутаты с.-д., избранные от Кавказа. Думская кафедра нужна была революции, как всенародная трибуна для агитации и пропаганды.

В партийных кругах на думу не возлагали больших надежд, но в беспартийных народных массах к ней относились иначе, от нее ждали и требовали земли и воли. Особенно в деревнях крестьяне рассчитывали на думу. Во многих местах выборы происходили с большим подъемом, депутатов провожали с напутственными речами, с овадиями, брали с них клятву, что они не вернутся домой, не добыв для народа земли и воли. После в самую думу посылали с мест просьбы об отводе земли, об отчуждении помещичьих владений, посылали и ходяков для переговоров с членами думы. Все это должно было действовать и на кадетов и трудовиков, — им приходилось ставить в первую очередь аграрный вопрос. Они его и поставили в кадетском толковании, т. е. предлагали взять помещичьи земли за выкуп по справедливой оценке, чтобы не обижать помещиков. Но и этого для правительства было слишком много. Помещичье правительство и на это не соглашалось.

Дело скоро кончилось конфликтом. Правые партии нажимали на правительство, требуя разгона крамольной думы, которая осмеливается говорить об отчуждении помещичьих земель и призывать к ответу дарских министров. К тому же сама дума начинала леветь, в ней появились первые депутаты социалисты и возникла небольшая рабочая фракция. Правительство больше не нуждалось в думе, — ему удалось заключить заем в Европе, получить большие деньги, — и оно могло обойтись без такого неудобного соседа. При таких условиях дума просуществовала всего 50 дней и в июле 1906 года была распущена.

Реакция торжествовала новую победу. Опять действовали аресты, военные суды, казни. Но революция не была еще окончательно убита. К осени снова всюду начались аграрные волнения, охватившие 140 уездов в 27 губерниях, не считая Кавказа, Польши и Прибалтийского края. За два месяца, октябрь и ноябрь, было сожжено и разобрано около 2.000 помещичьих усадеб. Революционные партии, хотя и должны были уйти в подполье, имели большой успех в массах, и когда были назначены выборы во 2-ю думу, выборы дали большинство представителям левых партий. До 200 мест во 2-й думе было занято социалистами. С такой думой прави-

тельство могло еще меньше мириться, чем с первой думой, — и вторая дума была тоже распущена, при чем изменен был и самый избирательный закон, число депутатов от крестьян было уменьшено, рабочих депутатов почти вовсе не должно было быть в думе. Дума, завоеванная усилиями трудящихся революционных масс, отдавалась в руки помещиков и буржуазии. В 3 и 4 думах, заседавших в 1908—1912—1917 г.г., даже либеральных кадетов было меньшинство, главное место принадлежало октябристам и правым. А депутаты с.-д. партии, члены 2-й думы, за свою деятельность должны были отправиться на каторгу.

Во всем ходе русской революции особенно выдвинулся вперед российский пролетариат. Он был главным действующим лицом, главной действующей силой революции — в день 9-го января, и в октябрьскую забастовку, и в ноябрьские, и в декабрьские дни. Рабочая с.-д. партия всего больше участвовала в организационной работе революции, в руководстве борьбой народных масс. Главную роль играли всегда наиболее сознательные слои пролетариата. К ним примыкали революционные элементы из армии и флота, набравшиеся из промышленных рабочих — матросы, минные команды судов, инженерные, артиллерийские команды, — большей частью это были люди из рабочего класса. Городской рабочий шел впереди революции. Деревенская масса крестьян, крестьянская солдатская масса шла неровно, часто отставая, а то и вовсе уходя прочь.

Правительство Николая II с своей стороны принимало меры, чтобы не дать революции снова усилиться, чтобы вырвать у нее раз навсегда из-под ног почву. Принимались меры для ограждения армии и флота от пропаганды, для образования среди крестьян новой группы мужичьей буржуазии, на которую можно было бы опереться реакции. Но все это было недостаточно, чтобы прекратить революционное движение. Революция 1905 г. осталась незавершенной. Аграрной реформы не было произведено, земля не перешла в руки крестьян, в деревне попрежнему оставалась почва для новых аграрных волнений, в городских центрах, на фабриках и заводах, командовал по-старому капитал, рабочим не удалось настоять на своих требованиях, провести 8-часовой рабочий день. От

участия в думе рабочие были почти устранены. Рабочая печать была задушена; профессиональные союзы подвергались преследованиям. Только буржуазия сохранила свою печать и свои организации, но разрыв, происшедший между буржуазией и революцией, позволил правительству отказаться от выполнения либеральных обещаний, данных 17 октября; эти обещания остались на бумаге. Дума, русский парламент, становилась орудием буржуазной и помещичьей реакции. Нужна была новая революция, чтобы довести дело до конца.

1. 9-го января.

«Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обвиняли, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются и в нас не признают людей,—к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Такими торжественными нотами, в которых угроза пролетариев заглушает просьбу подданных, начиналась знаменитая петиция петербургских рабочих. Она рисовала все притеснения и оскорбления, которым подвергается народ. Она перечисляла все: от сквозняков на фабриках и до политического бесправия в стране. Она требовала амнистии, публичных свобод, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Но в первую голову она ставила созыв учредительного собрания путем всеобщего и равного голосования.

«Вот, государь,—так заканчивала петиция,—главные наши нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их—и ты сделаешь Россию сильной и славной, запечатлеешь имя твое в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься

на нашу мольбу,—мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и не за чем. У нас только два пути—или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них,—мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы то и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жалко этой жертвы—мы охотно принесем ее».

И они привнесли ее...

Ход событий в памяти у всех. Они развернулись в несколько дней с замечательной планомерностью. 3 января вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. 7 января число забастовщиков достигло 140.000. Кульминационным пунктом стачки было 10 января. 13 уже начали приступать к работам. Итак, сперва экономическая стачка по случайному поводу. Она расширяется, захватывает десятки тысяч рабочих и тем самым превращается в политическое событие. Его руководит «Общество фабричных и заводских рабочих», организация полицейского происхождения.

Выдвигается социал-демократия. Враждебно встреченная она вскоре приспосабливается к аудитории и овладевает ею.

При одиннадцати отделах рабочего «Общества» шли непрерывные митинги. Вырабатывалась петиция и обсуждался план шествия ко дворцу. Галон разбегался из отдела в отдел; социал-демократические агитаторы потеряли голоса и падали от усталости. Полиция ни во что не вмешивалась. Ее не существовало.

Согласно уговору, шли ко дворцу мирно, без песен, без знамен, без речей. Нарядились в праздничные платья. В некоторых частях города несли иконы и хоругви. Всюду натыкались на войска. Умоляли пропустить, плакали, пробовали обойти, пытались прорваться. Солдаты стреляли целый день. Убитые исчисляются сотнями; раненные—тысячами. Точный учет невозможен, ибо полиция ночью увозила и тайно зарывала трупы убитых.

В 12 часов ночи 9-го января Георгий Галон писал:

«Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа—мое пастьерское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы—мое благословение. Их солдатскую клятву из-

мешнику царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю».

(Л. Троцкий. «1905 год». Стр. 76, 77, 78).

2. 9-го января.

Настало роковое воскресенье... Был солнечный, слегка морозный день. На улицах уже чувствовалось оживление и росла атмосфера напряженного ожидания.

Дворцовая площадь была занята войсками. Туда никого не пропускали. У Александровского сада стоял кучками народ. Все в большем и большем числе стали появляться группами и в одиночку рабочие. Они были одеты по праздничному. Направляясь по Невскому и с Адмиралтейской улицы к Александровскому саду, они наталкивались на военные патрули, не пропускавшие на площадь, и останавливались в ожидании.

Вскоре появились конные разъезды жандармов и казаков. Попытки рассеять толпу, однако, ни к чему не приводили: она без всякого сопротивления переходила на другое место, а потом вновь просачивалась к Александровскому саду.

Вскоре возле сада набралось большое количество народа. Все чего-то ждали. Было мирное настроение. На полицию смотрели с добродушием.

— Для порядку выехали! Чего беспокоятся? Сами такой порядок держим, какого они не видывали.

Все мирно разговаривали друг с другом. Шутили, смеялись.

Я был возле Гороховой улицы, когда в мое сознание вползли с мучительной болью, засели в мозгу слова откуда-то прибежавшего мальчишки:

— А у Нарвской заставы стреляют!... Народу перебили, и-и-и!

На него накинулись с разных сторон.

— Пошел вон, дурак, я тебе дам народ смущать...

Оторопелый мальчик бормотал:

— Я, дяденька, ничего... Только я сам видел...

Какая-то огромная тяжесть легла на сознание. Впереди, на Дворцовой площади, заиграл рожок горниста. Публика двинулась туда еще теснее, желая посмотреть, в чем дело.

— Нашли время парады устраивать!...—говорил кто-то.

Мальчишки бросились в деревья Александровского сада и быстро забрались на самые верхушки, чтобы посмотреть на маневры войск. Вдруг впереди, разрывая на клочки тишину ясного воздуха, грянул залп... За ним—второй... Потом—третий... Никто не понимал, что это такое, и, лишь увидев убитых и стонущих раненых в своих рядах, толпа подалась назад и в ужасе стала разбегаться по поперечным улицам.

Третий залп был направлен по мальчишкам, забравшимся на деревья Александровского сада. Многие из них комьями упали вниз, и, неестественно скорчившись, остались лежать на снегу. Казаки бросились на разбегающуюся толпу...

У Нарвской заставы войска преградили путь рабочим, шедшим во главе с Гапоном. Впереди рабочие несли царские портреты, иконы и церковные хоругви. После безрезультатного приглашения разойтись, которого никто почти не слышал, в толпу было произведено несколько залпов. Гапона прикрыли своими телами шедшие около него рабочие, перебросили его через какой-то забор, оттуда он пробрался к друзьям, которые его переодели и остригли.

Такая же бойня произошла у Невской заставы, за Московской заставой, на Выборгской стороне, у Троицкого моста. Повсюду шла стрельба, везде казаки гонялись за убегающими и рубили их. На Васильевском острове изрубили студента, вышедшего вперед и приглашавшего войска не стрелять в народ... Там было к вечеру повалено несколько телеграфных столбов, улицы поперек опутаны проволокой. Пытались строить баррикады.

Солдаты озверели. Стреляли и кололи всякого, кто попадется на дороге. В Обуховскую больницу был доставлен труп пятилетнего ребенка с семью штыковыми ранами... Особенно отличился Семеновский полк. Руководство расправой осуществляли полковники Мин и Риман (произведенные потом в генералы).

Изабываемый народ дошел до крайней степени отчаяния. Войскам и казакам кричали: «опричники»!, «палачи»!, «убийцы»!. В ответ следовали залпы. По сведениям, собранным организованной потом специальной комиссией (в нее вошли передовые из петербургской адвокатуры), в больницы Петербурга было привезено за 9 января 1.216 убитых и свыше 5.000 раненых. А сколько трупов избегло больниц, попало в полицейские участки, а оттуда было вывезено ночью и зарыто в первой яме,—никто не знает.

(Д. Сверчков. «На заре революции», стр. 65—67).

3. Мужик бунтует.

Решающие события революции разыгрывались в городах. Но и деревня не молчала. Она начала шумно шевелиться,—неуклюже, спотыкаясь, как бы спросонок, но уже от первых ее движений волосы встали дыбом на голове у господствующих классов. В течение последних 2—3 лет перед революцией отношения между крестьянами и помещиками обострились до крайности.

«Недоразумения» непрерывно вспыхивали то здесь, то там. С весны 1905 года брожение в деревне угрожающе растет, принимая различные формы в различных областях страны. Крестьянское движение, выработало 4 главных типа борьбы: захват помещичьих земель с изгнанием помещиков и разгромом барских усадеб, в целях расширения крестьянского землепользования; захват хлеба, скота, сена и порубки леса для непосредственного удовлетворения нужд голодающей деревни; стачечно-бойкотное движение, преследовавшее либо понижение арендных цен, либо повышение заработной платы; и, наконец, отказ от поставки рекрут, взноса податей и уплаты долгов. В различных сочетаниях эти формы борьбы распространялись по всей стране, приспособляясь к хозяйственным условиям каждого района. Наиболее бурный характер крестьянское движение приняло в обездоленном центре. Здесь разгромы пронесли опустошительным смерчем. На юге прибегали, главным образом, к стачкам и бойкоту помещичьих экономий. Наконец, на севере, где движению было слабее всего, первое место занимали лесные по-

рубки. Отказ крестьян признавать административные власти и платить подати имел место везде, где экономическое возмущение приобрело радикальную политическую окраску. Во всяком случае, широкий массовый характер аграрное движение приняло лишь после октябрьской стачки.

Посмотрим ближе, как мужик делает свою революцию.

В Самарской губернии беспорядки охватили четыре уезда. Сначала дело шло так. Крестьяне являлись в частновладельческие экономии и увозили оттуда только корм для скота; при этом точно подсчитывали, сколько в имении имеется собственного скота, и для прокормления его отделили помещику надлежащее количество корма; остальное увозили на своих подводах. Действовали спокойно, без насилий, «по совести», стараясь столкнуться, чтобы не было «никакого скандала». Хозяину поясняли, что теперь настали новые времена, и жить нужно по-новому, по-божески: у кого много, тот должен давать тем, у кого ничего нет... Затем отдельные группы «уполномоченных» появляются на железнодорожных станциях, где сложено много помещичьего зерна. Справляются, чей хлеб, и объявляют, что по постановлению «мира» увезут зерно с собой. — Как же, братцы вы возмете? — возражает начальник станции. — Ведь мне отвечать придется... вы пожалейте меня... «Что и говорить, — соглашаются грозные «экспроприаторы», — нам тебя обижать не приходится... Главная вещь, нам-то с руки: станция близко... Не хотелось на хутор ехать; далеко очень... А делать нечего: приходится ехать к «самому», и из амбара прямо забирать»... Хлеб, сложенный на станциях, остается нетронутым; в экономиках же идет справедливая долежка. Но вот доводы насчет «новых времен» начинают терять свое влияние на помещика: он собирается с духом и оказывает отпор. Тогда добродушный мужик становится на дыбы и не оставляет в усадьбе камня на камне...

В Херсонской губернии крестьяне передвигаются из имения в имение огромными толпами с массою подвод для вывоза «поделенного» имущества. Насилий и убийств не было, так как растерянные помещики и управляющие бегут, отпирая все замки и затворы по первому требованию крестьян. В этой же губернии ведется энергичная борьба за понижение

арендной платы. Цены назначаются самими крестьянскими обществами, с соблюдением «справедливости». Только у Безюкова монастыря отняли 15 тысяч десятин без всякой платы, ссылаясь на то, что монахи должны богу молиться, а не землей барышничать.

За короткое время было сожжено и разрушено в стране свыше 2.000 помещичьих усадеб, из них в одной Саратовской губернии—272. Убыток помещиков только по 10 наиболее пострадавшим губерниям определяется, по официальным данным, в 29 миллионов рублей, из которых на одну Саратовскую губернию приходится около 10 миллионов...

Как ни смутно, как ни хаотично было восстание крестьян, но в нем уже имелись несомненные попытки политического обобщения...

Агитаторы созывали сельские сходы и побуждали их принимать резолюции об отмене частной собственности на землю и о созыве народного представительства. Подписавшиеся под резолюцией крестьяне во многих местах считали себя членами «крестьянского союза» и выбирали из своей среды комитеты, которые нередко совершенно оттирали в сторону законную сельскую власть.

В августе месяце собрался под Москвой первый съезд крестьян. Свыше ста представителей от 22 губерний заседали двое суток в большом старом сарае, укромно расположенном в стороне от дороги. На этом съезде была впервые оформлена идея Всероссийского Крестьянского Союза, объединившая многих партийных и беспартийных крестьян и интеллигентов...

По губерниям происходили крестьянские съезды, шла лихорадочная агитация, города выбрасывали в деревни горы революционной литературы, креп и расширялся крестьянский союз. В далекой и глухой Вятской губернии состоялся съезд крестьян, на котором присутствовало 200 человек. Три роты местного батальона прислали своих делегатов с выражением рожувствия и общанием поддержки. Такое же заявление чрез своих представителей сделали рабочие. Съезд добился у растерянных властей разрешения беспрепятственно устраивать митинги в городах и в деревнях. Недели два шли по всей губернии непрерывные собрания. Постановле-

ние съезда о прекращении уплаты податей энергично проводилось в жизнь...

При всем различии форм крестьянское движение во всей стране привело к массовым проявлениям. На окраинах оно сразу приобрело резко-революционный характер. В Литве крестьянство, по постановлению виленского съезда, насчитывавшего более 2.000 уполномоченных, сменило революционным путем волостных писарей, старшин, учителей народных училищ, прогнал жандармов, земских начальников и ввело выборные суды и волостные исполнительные комитеты... Еще более решительным был образ действий грузинского крестьянства на Кавказе.

6 ноября открыто и гласно открылся в Москве второй съезд крестьянского союза. Присутствовало 187 делегатов от 27 губерний. Из них 105 привезли с собой полномочия от волостных и сельских сходов, остальные — от губернских и уездных комитетов и местных групп союза. В составе делегатов было 145 крестьян, остальные — из интеллигенции, близкой к крестьянству: народные учителя и учительницы, земские служащие, врачи и проч....

В центре обсуждения стояли вопросы тактики. Одни делегаты защищали мирную борьбу: митинги, приговоры, «мирный» бойкот властей, создание революционного самоуправления, «мирную» записку помещичьих земель и «мирный» отказ платить подати и давать рекрут. Другие, особенно из Саратовской губернии, призывали к вооруженной борьбе, к немедленной поддержке начавшагося восстания на местах. В конце-концов принято было среднее решение. «Прекратить бедствия народа, проистекающие из недостатка земли, — гласила резолюция, — может только переход всей земли в общую собственность всего народа, с тем, чтобы ею пользовались только те, кто трудится на земле сам своей семьей или в товариществе». Установление справедливого земельного устройства поручалось далее учредительному собранию, которое должно быть создано на самых демократических началах — «не позднее (!) февраля будущего года». Чтоб достигнуть этого, «крестьянский союз войдет в соглашение с братьями-рабочими, городскими фабричными, заводскими, железнодорожными и другими союзами, а также организа-

циями, защищающими интересы трудящегося народа... Вслучае, если требования народа не будут исполнены, крестьянский союз прибегнет к всеобщей земельной забастовке (!), именно: откажет владельцам хозяйств всех наименований в рабочей силе и тем закроет их. Для организации же всеобщей забастовки войдет в соглашение с рабочим классом». Постановив далее прекратить употребление вина, съезд под конец резолюции заявляет, «на основании всех сведений, полученных со всех концов России, что неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась». Как ни наивна эта резолюция, в некоторых своих частях, она во всяком случае показывает, что передовое крестьянство становилось на революционный путь. Призрак экспроприации помещичьих земель выступил перед глазами правительства и дворянства во всей своей жестокой реальности из заседаний этого мужицкого парламента. Реакция усиленно и с полным основанием забила тревогу.

(Троцкий. «1905 год». Стр. 179, 182, 183, 184, 185).

4. Крестьянские волнения 1905 года.

В Петровском и Саратовском уездах были устроены крестьянские союзы, но атмосфера озлобления и борьбы, а также преследования всяких форм организованной борьбы была неблагоприятна для организации масс. Аресты за составление приговоров, например, не могли натолкнуть на путь «мирной» борьбы. К осени все было готово к взрыву, и общая забастовка на железных дорогах и в городах явилась, видимо, толчком к интенсивному и широкому волнению.

Оно обнаружилось почти одновременно в нескольких уездах—Саратовском, Аткарском и Балашовском. В селениях, вовлеченных в движение, приняли участие все крестьяне без исключения. Главные моменты действий крестьян следующие: 1) удаление помещика с семьей из усадьбы; 2) разбор и дележ хлеба и продуктов, а иногда и домашней движимости; 3) выведение скота; 4) расчет батраков и домаш-

ней прислуги и 5) часто поджог экономических построек. Помещики выезжают по предупреждению крестьян, и насилий над ними никаких не допускается. Одновременно с разгромом экономий крестьяне в принципе решают о передаче с весны помещичьей земли миру в уравнительное пользование, о чем составляются во многих местах общественные приговоры. Урядники, стражники скрываются, а по местам арестованы крестьянами. Во главе крестьян, нападающих на помещичьи усадьбы, стоит обыкновенно вооруженная дружина; дележом хлеба и продуктов и деньгами заведуют комитеты или братства из местных крестьян. Захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках или у сборщиков питейных доходов суммы обращаются в общественную собственность. Поджог владельческих построек мотивируется крестьянами двумя соображениями: а) если постройки будут сожжены, то помещики не будут в состоянии скоро вернуться в деревню, и, следовательно, легче упрочится новый порядок землевладения; б) если постройки останутся целы, то они послужат удобным помещением для казаков, к которым у крестьян всеобщая ненависть. В результате пожарами истреблены сотни построек на несколько миллионов рублей. Сожжены до тла все постройки в таких огромных имениях, как герцога Лихтенбергского, кн. Вяземского, такие дома-дворцы, как кн. Прозоровского и Демидова. Часто сжигаются усадьбы безотносительно к тому, каковы ранее были отношения крестьян к владельцам, безотносительно ко взглядам помещиков; сожжены постройки известных местных либеральных земцев—Львова, Ермолаева, Веселовского и др.; разорены до основания десятки старинных дворянских усадеб с ценными библиотеками, картинами и пр. В Балашовском, Аткарском, Петровском и Сердобском уездах уцелевшие помещичьи усадьбы считаются единицами...

Картина движения, по описаниям очевидцев, во всех уездах почти одинакова. «Начинается освещение небосклона всю ночь заревами,—пишет корреспондент «Приволжского Края» из Балашовского уезда.—Картина ужасная—с утра вы видите несущиеся вереницы экипажей тройками и парами, напуганные люди, бегущими из усадеб, а как только

смеркнется, весь горизонт одевает как бы огненное ожерелье из зарев. Были ночи, когда насчитывали до 16 зарев за раз».

Помещики бегут в панике, заражая ею и все на пути своем.

В общем погромы можно разбить на сознательные, где только ставилось целью удаление помещиков, и стихийные, где по удалении владельца разгромлялось и уничтожалось все имущество, а постройки предавались огню.

«Как ни странно на первый взгляд, но погромы дурного характера имели место в тех селениях, которые пользовались издавна репутацией бунтовщиков и крамольников и несмотря на то, что в пределах этой местности были владения помещиков, пользовавшихся наибольшим нерасположением крестьян. В этой местности, как говорят, разгрома совершенно не было, и крестьяне сами охраняли оставленные помещиками имущества.

В местах наименее культурных и разгромы носили соответствующий характер».

В Саратовском уезде аграрные беспорядки начались в селе С. Карбулаке. Здесь сожжена и расхищена экономия г-жи Катковой. В самом селе разграблена винная лавка. Когда в экономии г-жи Катковой начался погром, управляющий ее, ждавший с часу на час казаков, предложил пришельцам угоститься в винном погребе, что те с удовольствием и исполнили. После этого настроение стало веселым настолько, что мордва заставила управляющего играть на рояли, а сама стала плясать... Но скоро приехали казаки, и человек 50 было арестовано и заперто в амбар. Результат погрома: сожжено 3 дома, разграблен хлеб и имущество. Крестьяне, которые занимались разграблением экономий, служащих не трогали, а только просили их забирать свое имущество и уезжать.

В местах, нетронутых организацией, погромы происходили иногда в самой дикой форме. Так, когда громилось имение князя Прозоровского-Голицына, толпа предварительно разграбила винную лавку, а потом, подойдя к лавкам, погромщики стали требовать колбасы, ветчины, рыбы и т. п. Торговцы, разумеется, беспрекословно давали, прося не трогать только лавки.

Затем толпа отправилась во дворец и началась в полном смысле погром. Били мраморные статуи, рвали редкие картины, ковры. Много было взято оружия, ламп, самоваров, подушек, золотых и серебряных вещей. Когда участники погрома набрали столько, сколько могли унести, дворец зажгли и удалились. На обратном пути зажгли конюшню.

В конце октября в Саратовскую губернию был назначен с чрезвычайными полномочиями ген.-адъютант Сахаров для прекращения аграрных беспорядков.

Началось в союзе с черной сотней «усмирение» крестьян со всеми ужасами, которые совершались при такого рода «усмирениях»...

(Петр Маслов. «Аграрный вопрос в России». Т. 2-й стр. 245, 246, 247, 248).

5. Первый крестьянский съезд.

Август 1905 г.

Заседание крестьянского съезда происходит под Москвой в сельской местности. Участвуют больше ста делегатов из двадцати пяти русских губерний. Большая часть — великороссы; есть белоруссы и хохлы. Иностранцев нет ни одного. Есть несколько газетных корреспондентов, секретарей и пр.

Местом заседания служит большой старый сарай, укромно расположенный в стороне от большой дороги. Несмотря на полтораста присутствующих, в сарае полная тишина. Публика слушает доклад с напряженным вниманием. Многие встали с места и подошли к самому столу. Другие сидят на импровизированных скамьях из досок, положенных на чурбаны и кое-как прибитых гвоздями. Огромное большинство в высоких сапогах, поддевах и косоворотках. У многих одежда совсем старая, в заплатках. Руки у всех обросли мозолями и тверды, как железо. Щеки обветрены и шеи сожжены от работы под солнцем и открытым небом. Местами встречаются славные молодые лица, открытые взгляды, напоминающие учащуюся молодежь. Но у большинства широкие бороды, часто подернутые проседью; глаза у них суровые и лоб в морщинах. Все молчат и слушают, как в

церкви. И, несмотря на убогую обстановку, собрание дышит какой-то особой торжественностью, и высокая кровля сарая, прорезанная в разных направлениях тонкими стропилами, похожа на острый купол готического храма.

— Тогда приехал непрёменный член,—продолжает оратор,— собрал выборных от всех десяти волостей на нашей сельской площади «для усовершенствования приговоров». — «Пн-шите,—говорит,—только о местных нуждах, например, о прирезке выгона. Не вступайтесь в высокие дела!..».

— «Не надо!»...—Чернобородый мужик, стоящий в переднем ряду, неожиданно вмешивается в речь оратора. У него голая грудь, огромная мохнатая голова. Рукава у него васучены, как будто бы он приготовился к какой-то спешной работе. И глядя на него, я вспоминаю крылатые слова одного моего знакомого из саратовских урядников: «Кудлатые заворошились».

— Местные нужды было прежде обсуждать,—заявляет чернобородый.—Теперь не время. Нам, быть может, большее, что наше отечество гибнет, чем им... Пропадает оно и дома, и на поле... Бьют на нас, душат, обдирают, как белку, истязуют невинных людей!..

— Двадцать пять приговоров,—продолжает докладчик и поднимает со стола пачку серых документов.—Сколько тысяч подписей, а скреплены печатями. Люди приходили слишком за 60 верст. А то бегут с косовицы, по дороге река. Обходить греблю далеко и некогда. Вот они скинут одежду и переплывут на нашу сторону. В чем мать родила, приходят подписываться.

— Из других волостей нас звали, да мы сюда ехали. И даже на вокзал нам три подписки принесли от новых обществ. «Что для крестьянского союза вы делать будете, мы заранее согласны и во всем том спорить и прекословить не будем».

— В нашей губернии то же самое,—говорит другой делегат.—Узнали про указ из газет и от добрых людей, собрались обсудить против этого. Старшина запретил и урядник по тому-ж. Тут все встрепенулись. Почему скрывают, или, может, языком прибалтывают?.. Вот будут народные выборные. Надо съехаться нам в селе Хомутах. Сейчас стар-

шина послал к земскому нарочного, узнали про наш интерес. Приехал к нам в четыре часа утра, застал нас спящих, поехал, конечно, в экономию, к барину.

— Является в восемь часов, напивавшись экономическим духом, а, может и шампанским.

Публика смеется.—Известно, стаканники они,—продолжает оратор,—чужое вино стаканам пьют, от волостного судьи до самого земского...

— Велел нам собраться в класс, в земскую училищу. Мы входим в класс и решили: полицию не пускать. Таких смелых людей нового времени поставили у дверей,—не пускать—и только. Стражники не уходят.

— Почему не пускаете нас?—Потому, мы не арестанты и не японцы, чего вам надо на нашем сходе?..—Может нам радости привез начальник, ласковый манифест.

— Тут приходит земский.—«Покорнейше прошу вас не волноваться».—А что, правда—есть царский указ от 18 февраля? Почему вы скрывали четыре месяца?..

— Писаря своего спросите, почему он не объяснил.—«Эй, писарь сюда». А писарь убежал со схода... А земский кричит: «Не волноваться... Вспомните соседей ваших, село Шахово. Три года тому назад пришла на них воинская сила, разбила, изувечила. И вам то же будет. Чем смуту заводить, теперь война, такое время, надо за отечество стоять».

— Я впереди стоял и отвечаю ему:—Я согласен стоять, но если я паду, потом мои дети пойдут побираться. У вас собак много, а у крестьян подать нечего...

Тут он рассерчал: «Отвести его к дверям».—Я отошел шаг к дверям; на мое место вступил другой товарищ, может говорить еще хлеще меня. Так у нас было сформировано, пока тот шампанским наливался.

— А земский опять говорит:—«Вам лучше положиться на нас. У меня есть дядя, знатный сановник. Он составил для вас милостивый проект, чтобы, примерно, переселить вас на казенные земли, от сотворения мира никем непаханные. Там строевого лесу много. И даже валежник по восьми сажень».

— А мой товарищ говорит:—Не хотите ли вы сами, господа дворяне, этот валежник корчевать? У нас и так спины трещат.

Новый оратор быстро вскакивает на скамью. Он тонкий и злой, в речи волнуется и сильно размахивает руками.

— Земский начальник, как чирей,—кричит он,—наболело от него. Только доткнися, ревмя-ревем... Мы дожили до конца. Дальше жить нечем. У всего народа земельная болезнь. Везде смута аргарная.

Он произносит аргарная, а не аграрная.—Но прежде всего свобода, всеобщий и равный приговор, законодательный разбор.

Один оратор сменяет другого, все они рассказывают изумительные вещи.

— У нас десять приговоров,—говорит один,—восемь послали в комитет министров, а два задержаны...

— В нашем уезде было собрание, шестьдесят уполномоченных... Полиция переписала, но крестьяне отказались разойтись...

— У нас двадцать два человека; можно было двести, но это пока. Также выбираем не зря. Другие бывают болтуны. Но если угодно, за ними пятьсот пристанут...

— У нас в одиннадцати уездах организация, голые крестьяне. Только теперь стали интеллигенцию привлекать, да она идет туго...

— У нас было собрание в четыреста человек из всех сел, решили: передать всю землю в руки народа.

— У нас было сходбище в пять тысяч человек в городе, у земского дому. Прочитали петицию, согласились, выбрали уполномоченного. А он теперь в Харьковской тюрьме казенных блох кормит...

Не менее поразительные вещи они рассказывают о материальном состоянии деревни.

— Неурожай у нас. Яровые на траву скосили. Коней кормить нечем, самым голод. Дети мрут, народ пухнет, милостыню некому подавать...

— У нас другой год подати не платят. Пробовали худобу продавать, никто покупать не смеет. Боятся кулаки. Теперь искать перестали.

— А у нас наберут недоимщиков в холодную, а они все не влезает. Десятский и пойдет к старшине, что не хватает места их садить... «Нужно ли их садить! пусть постоят,

не велики бары!»—С тем и набьют их в холодну, как огурцов в кадку, и двери замкнут. Стойте там!..

Собрание проявляет нетерпение.—«Давайте говорить о земле»,—раздаются голоса.—Ибо «земельная болезнь» составляет центральную ось этого совещания.

Вопрос о казенной земле проходит очень быстро.—То наша казна,—заявляют с разных сторон.—Та земля для нас, а не для купцов брать ее с торгу.—«Я Костромской губернии»,—заявляет один делегат,—такого-то уезда, такого-то села. У нас земли только по одной десятине. Фабрик нет, одно крестьянство, а землишка плохонькая. Сей год сам второй не придет. Кругом нас земля удельная. Мы видим, прекрасные луга сгнивают без всякой пользы, лес сохнет, а если потрава, то приходит стрелок и берет с нас полный штраф. Таким хозяйством заниматься нельзя. Надо удельную землю приспособить крестьянам».

«Драгуны!»—раздается со двора предостерегающий оклик. У ворот и на перекрестке стоят люди «на стреме». Это они подадут свой голос. По большой дороге саженьх в двухстах медленно проезжает эскадрон драгун. Он тянется, бог знает откуда, длинной, узкой и прямой лентой. Передние лошади приближаются к боковой дорожке.—Свернет или не свернет? Все глаза напряженно следят за движением всадников.

— «Прогуливаются!»... Вдох облегчения вырвался из полнотораста груди. Драгуны преехали поворот. Мало-помалу эскадрон сполз вниз, по скату широкой ложбины, и скрылся из виду. В глубине дороги показался второй эскадрон, потом—третий. Оба преехали мимо. Потом один вернулся и также медленно преехал назад.

Вечер стоит чудной красоты. Тихо, ясно. Легкая роса ложится на траву и на листья молодых берез. Быть может, эта красота искушает кавалерию продолжать свою прогулку. Место собрания выбрано не без лукавого расчета именно в самом центре расположения драгунских полков, и даже из дверей сарая легко различить на крышах ближайших изб странные значки, указывающие число расквартированных лошадей, легкими шариками, плавно растачивающимися на тонких соломенных жгутах...

Совещание давно возобновилось. Вопрос о земле возбу-

ждает такой интерес, что никакие опасения постороннего нашествия не могут заглушить его.

«Объявить всю землю владением народа. Кто работает своими трудами, пускай получает участок. Остальная отходит для общего владения».

Предложение проходит в полном единодушии. Полтавцы, черниговцы и херсонцы поддерживают его еще ревностней общественных великоруссов.

Вопрос как-то сам собой сводится к самому щекотливому пункту: о выкупе частновладельческих земель.

Мне пришлось в одном очень почтенном собрании либеральных землевладельцев рассказывать о крестьянском движении по виденным мною примерам. Когда я коснулся аграрной программы, слушатели прервали меня единодушным вопросом:

— А признают ли они выкуп?

Я мог только сказать, что я лично признаю выкуп.

Теперь оказывается, что большая часть членов совещания отнюдь не разделяет моего взгляда на вещи.

— Какой выкуп?—заявляет один за другим.—Земля—божий дар, как воздух или свет. Кому сколько нужно, тот пусть и возьмет!

— Мы, крестьяне, при земле, а дворяне—при дворе, а земля—придаток. Нам земля, а им оклад.

— Землю люди не робили, бог или дух святой. Ее захватано князьями да графами. Это надо нарушить. Перешел в другую профессию, тогда оклад, земли не надо. Кузнецу, столяру, плотнику.

— Наша собственная земля... Сколько мы заплатили в виде выкупных платежей. Теперь разве с помещиков потребовать выкуп!..

Предложение нравится многим. Они предлагают отобрать у помещиков инвентарь и составить кредитный капитал для ссуд бедным крестьянам.

Начинаются последние речи.

— Почтить память всех жертв вставанием,—предлагает голос. В сарае совершенно темно. Только слышно, как вся масса быстро вскочила на ноги.

— Поздравляю вас с первым всероссийским совещанием

крестьян, — говорит председатель. — Желаю вам вернуться сюда с новыми отрядами. Каждому вернуться корпусным командиром.

— Ура!

Теперь слишком поздно для какой-либо опасности. Собрание кричит и рукоплещет, не стесняясь. Ворота сарая открываются, и группа темных призраков начинает исчезать во мгле.

(Ган. «Красное и черное», стр. 227, 228, 230, 234, 236, 240).

6. Временное Революционное Правительство.

На очереди дня в переживаемый нами революционный момент стоит вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Как решить этот вопрос, мнения расходятся. Намечаются три политических направления. Царское правительство допускает необходимость созыва народных представителей, но не желает ни в каком случае допустить, чтобы их собрание было всенародным и учредительным. Оно как будто соглашается, если верить газетным известиям о работах бulyгинской комиссии, на совещательное собрание, избранное при отсутствии свободы агитации и при узко-цензурной или узко-сословной системе выборов. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует полного перехода власти к учредительному собранию, добиваясь в этих целях не только всеобщего избирательного права и не только полной свободы агитации, но, кроме того, немедленного низвержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Наконец, либеральная буржуазия, выражающая свои пожелания устами всегда так называемой «конституционно-демократической партии», не требует низвержения царского правительства, не выдвигает лозунга временного правительства, не настаивает на реальных гарантиях того, чтобы выборы были вполне свободны и правильны, чтобы собрание представителей могло стать действительно всенародным и действительно учредительным. По существу дела, либеральная буржуазия, которая одна только является серьез-

ной социальной опорой направления «свобожденцев», добивается возможно более мирной сделки между царем и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы всего больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее — революционному народу, пролетариату и крестьянству.

Таково политическое положение в данный момент. Таковы три главные политические направления, соответствующие трем главным социальным силам современной России.

Посмотрим же, как разрешат эти вопросы резолюция 3-го съезда РСДРП. Вот ее полный текст:

„Резолюция о Временном Революционном Правительстве“.

«Принимая во внимание:

1) что, как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а, следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать на, основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного народа.

3-й съезд РСДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и

экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношений сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо-враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

Резолюция 3-го съезда РСДРП, как видно из ее названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве.

Какое значение в теперешней революции и в общей борьбе пролетариата имеет временное революционное правительство? Резолюция съезда разъясняет это, указывая в самом начале на необходимость «возможно более полной политической свободы» и с точки зрения непосредственных интересов пролетариата, и с точки зрения «конечных целей социализма». А полная политическая свобода требует замены царского самодержавия демократической республикой, как признано уже нашей партийной программой. Подчеркивание лозунга демократической республики в резолюции съезда необходимо логически и принципиально, ибо пролетариат, как передовой борец за демократию, добивается именно полной свободы; кроме того, это подчеркивание тем более целесообразно в данный момент, что у нас как раз теперь выступают под флагом «демократизма» монархисты, именно так называемая «конституционно-демократическая» или «освобо-

жденская» партия. Для учреждения республики безусловно необходимо собрание народных представителей, при том непременно всенародное (на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голоса) и учредительное. Это и признает резолюция съезда далее. Но она не ограничивается этим. Чтобы учредить новый порядок, «действительно выражающий волю народа», недостаточно назвать представительное собрание учредительным. Надо, чтобы это собрание имело власть и силу «учреждать». Сознывая это, резолюция съезда не ограничивается формальным лозунгом «учредительного собрания», а добавляет материальные условия, при которых, только и возможно настоящее выполнение этим собранием своей задачи. Такое указание условий, при которых учредительное на словах собрание может стать учредительным на деле, необходимо действительно, ибо либеральная буржуазия, в лице конституционно-монархической партии, заведомо извращает, как мы уже не раз указывали, лозунг всенародного учредительного собрания, сводя его к пустой фразе.

Резолюция съезда говорит, что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно единственно временное революционное правительство, притом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их проводят под либеральным флагом именно наши освобожденцы. Учредительное собрание должен кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренно хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, во-

шедшее в сделку с царем и не опирающееся целиком на народное восстание, не способно ни искренно хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция съезда дает, следовательно, единственно правильный и вполне последовательный демократический лозунг.

Но оценка значения временного революционного правительства была бы неполна и неверна, если бы был упущен из вида классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т. е. капиталистическом общественно-экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать поэтому о таящихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и новой борьбе.

Значение временного революционного правительства оценено, таким образом, в рассмотренной нами части резолюции вполне: и в его отношении к борьбе за свободу и за республику, и в его отношении к учредительному собранию, и в его отношении к демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далее, какова должна быть позиция пролетариата вообще по отношению к временному революционному правительству? Резолюция съезда отвечает на это прежде всего прямым советом партии распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства. Рабочий класс должен сознать эту необходимость. В то время, как «демократическая» буржуазия оставляет в тени вопрос о низвержении царского правительства, мы должны выдвигать его на первое место и притом настаивать на необходимости временного революционного правительства. Мало того, мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии. Эта программа есть вся програм-

ма-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед, для осуществления социализма.

Таким образом, резолюция выясняет вполне характер и цель временного революционного правительства. По своему происхождению и основному характеру это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению оно должно быть орудием созыва все-народного учредительного собрания. По содержанию его деятельности оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа.

Могут возразить, что временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, еще не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы—значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь правительство изменников делу революции, а не правительство, являющееся органом народного восстания. Было бы насмешкой, если бы кто-либо предложил отказаться от осуществления на деле свободы собраний впредь до признания этой свободы учредительным собранием,—под тем предлогом, что учредительное собрание может еще и не признать свободы собраний. Такой же насмешкой является возражение против немедленного осуществления программы-минимум временным революционным правительством.

Заметим, наконец, что, ставя задачей временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нежеланные полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно

связанное с объективным! делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным как в экономическом, так и в политическом смысле выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программу-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами, — и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований.

Пойдем дальше. Раз выяснено значение временного революционного правительства и отношение к нему пролетариата, возникает следующий вопрос: допустимо ли, и при каких условиях, наше участие в нем (действие сверху). Каково должно быть наше действие снизу. Резолюция дает точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во временном

революционном правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) допустимо.

Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает еще вопроса о практической целесообразности. При каких условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанный съездом партии, является целесообразным. Само собою разумеется, что о конкретных условиях, вроде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет возможности, и резолюция, естественно, отказывается от предварительного определения этих условий. Ни один разумный человек не возьмется предсказывать что-либо на счет интересующего нас вопроса в настоящий момент. Можно и должно определить характер и цель нашего участия. Резолюция и делает это, указывая две цели участия: 1) беспощадную борьбу с контр-революционными попытками и 2) отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. В то время, как либеральные буржуа начинают усердно разговаривать о психологии реакции, стараясь запугать революционный народ и побудить его к уступчивости по отношению к самодержавию,—в это время особенно уместно со стороны партии пролетариата напомнить о задаче настоящей войны с контр-революцией. Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы, об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времен Парижской коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия соц.-дем. во временном революционном правительстве (строгий контроль пар-

тии за ее уполномоченными), другое—самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из вида цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху»—этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы,—резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на временное революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен,—ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны,—и руководим социал-демократией. Цель его вооруженного давления—«охрана, упрочение и расширение завоеваний революции», т.-е. тех завоеваний, которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы-минимум.

(Н. Ленин, «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Стр. 7—13).

7. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Мы не должны бояться полной победы социал-демократии в демократической революции, т.-е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот...

Резолюция 3-го съезда Р.С.-Д.Р.П. указывала, как именно можно и должно «использовать правительственную власть» в интересах пролетариата, считаясь с тем, что можно осуществить тогдаш при данной ступени общественного развития и что необходимо осуществить сначала, как демократическую предпосылку борьбы за социализм...

В чем именно состоит реальная «возможность удержать власть в своих руках»?—в революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контр-рево-

люции, в их неизбежном совпадении интересов относительно демократических преобразований. Ведь возможность удержать власть в России должна обуславливаться составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит. Ведь победа пролетариата в Европе (а от перенесения революции в Европу до победы пролетариата есть еще дистанция некоторого размера) вызовет отчаянную контр-революционную борьбу русской буржуазии, значение которой оценено в резолюции 3-го съезда Р.С.-Д.Р.П. Если бы мы не могли опередиться, кроме пролетариата, и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если «решительная победа над царизмом» открывает такую возможность, — тогда мы должны указывать на нее, активно звать к ее превращению в действительность, давать практические лозунги, и не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения.

Одно из возражений против лозунга: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» состоит в том, что диктатура предполагает «единую волю», а единой воли у пролетариата с мелкой буржуазией быть не может. Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном, «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и не единая — в другом. Отсутствие единства в вопросах социализма и в борьбе за социализм не исключает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику. Забывать это, значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотами. Забывать это, значило бы забывать об общенародном характере демократического переворота: если «общенародный», то значит есть «единство воли», именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи об единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической

республики эта борьба будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой за социализм. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия и привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контр-революцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интереса.

Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно ¹⁾. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дороги. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это несколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще многого и многого доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго-классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить»

¹⁾ Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при свободе, неизбежно положит скорый конец единству воли,—тем более скорый, чем скорее будет раздавлена контр-революция и реакция.

с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом», и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя переходящих и временных задач. Борьба с самодержавием—временная и переходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть, безусловно, лишь переходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Наступит время—кончится борьба с русским самодержавием—минет для России эпоха демократической революции; тогда смешно будет и говорить об «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

(Н. Ленин. Два тактики социал-демократии в демократической революции, стр. 43—46.)

8. Октябрьская забастовка.

В конце сентября среди московских печатников вспыхнула забастовка. Причиной, вызвавшей ее, явились новые расценки на труд наборщика. Основным поводом для конфликта послужило требование рабочих включить в счет нормы набора знаки препинания; предприниматели же желали принимать в расчет только буквы. Забастовка эта явилась прологом к всеобщей октябрьской стачке, и недаром тов. Л. Д. Троцкий писал впоследствии, что октябрьская революция 1905 года началась из-за запятой.

Собрания забастовавших типографщиков выливались в

митинги с революционным выступлением на улицу и с кровавыми столкновениями с полицией и жандармами. Стачка охватила несколько фабрик и заводов; к ней в знак сочувствия присоединились петербургские печатники, но к началу октября волна пошла на убыль.

С 20 сентября в Петербурге легально открылся I Всероссийский Съезд союза железнодорожников. Союз конторщиков принимал в этом съезде горячее участие: служащие управления железных дорог в большом числе входили не в железнодорожный союз, а в союз конторщиков. Разрешая съезд, правительство пыталось создать таким путем громотвод для недовольства железнодорожников. Оно правильно учло, что разношерстный состав железнодорожного союза даст делегатам большинство инженеров, коммерческих агентов, юристов и проч., отнюдь не революционно настроенных людей, и лишь меньшинство рабочих. Так и вышло. Съезд приковал к себе внимание всей армии железнодорожников, но занимался переговорами с правительством по частным поводам, выслушивал наивные нелепости из старческих уст министра путей сообщения кн. Хилкова и хитросплетения гр. Витте. Однако, избиратели не оставляли в покое своих делегатов и ежедневно засыпали их массой телеграмм и резолюций с предложениями отстаивать чисто-политические требования. Съезд под влиянием этого шел влево, принимал резкие политические резолюции, но этим и ограничивался.

Пора слов прошла. Все ждали дела. Резкие резолюции съезда заставляли опасаться, что правительство применит по отношению к делегатам репрессии. Этого уже было достаточно, чтобы 7 октября Московско-Казанская дорога забастовала «в защиту съезда». Напрасно сами делегаты съезда говорили по телефону в Москву, что никаких репрессий к ним не применялось, напрасно уговаривали прекратить стачку, напрасно даже весь съезд большинством голосов высказался за отложение забастовки, — плотина была прорвана.

8 октября прекратилось движение на Московско-Архангельской, Московско-Курской, Московско-Нижегородской и Рязано-Уральской ж. д.; 9 октября забастовали Московско-

Киево-Воронежская и Павелецкая железные дороги. 10 октября стали Сызрано-Вяземская, Харьковско-Николаевская, Курско-Харьково-Севастопольская (нынешние Южные) и Екатерининская железные дороги. 12 октября замер Петербургский узел, за исключением Финляндской ж. д., забастовавшей 16 октября. 14 октября прекратились работы на Владикавказской, Закавказской, Средне-Азиатской, Московско-Брестской, Привислинской и Сибирских железных дорогах. Около 40 тысяч верст рельсовых путей омертвели. Изредка лишь показывался дымок паровоза, мчавшегося по линии с одним-двумя вагонами: это делегаты железнодорожной армии поддерживали связь между собою, объезжая свою дорогу и выступая на собраниях и митингах.

К забастовке примкнули рабочие городов.

Реакционное «Новое Время» спрашивало правительство: «Если это не революция, то скажите, как это называется?»

Совет министров отрезан от царя. Министры не могли попасть в Царское Село с докладами. Пробовали установить специальный телеграф, но это не удалось: не нашлось рабочих, желающих работать...

В Петербурге стачка началась 12 октября, а 13 днем превратилась во всеобщую. Заводы, фабрики, банки, конторы, электрическая станция, магазины, трамвай, — все забастовало.

12 октября днем был расклеен повсюду знаменательный приказ Тренова войскам: «Патронов не жалеть. Холостых залпов не давать». В тот же день вечером в университете были назначены общие собрания всех профессиональных союзов...

(Д. Сверчков. «На заре революции». Стр. 93, 95, 96.)

9. Депутация от Совета Рабочих Депутатов в Гор. Думу.

Совет постановил свои требования предъявить городскому самоуправлению через особую депутацию, в состав которой избран был официальный представитель социал-демократической партии. К 10 часам вечера произведены были выборы 14 депутатов. И в тот же день началось первое личное знакомство петербургского пролетариата с отцами го-

рода. Раньше пролетариат знал Думу только по больничному и паспортному сбору, знал по плохим больницам и по взысканиям за лечение в них. 14 октября депутация прибыла в Думу после закрытия думского заседания. Разъезжавшиеся гласные, узнав о прибытии рабочей депутации, возвратились обратно. Депутация произвела сенсацию. Сипались вопросы: «Что за депутация? Чего она пришла в Думу?». Один из гласных, в военной форме, кажется, редактор патристической газеты, предложил послать за полицией; предложение это, однако, не встретило сочувствия.

Депутаты вызвали председателя Городской Думы г. Красовского и заявили от имени Совета, чтобы немедленно было созвано экстренное заседание Думы для выслушания требований петербургского пролетариата. Г. Красовский ответил ссылками на городское положение.

«По закону частные лица не могут выступать со своими предложениями на заседаниях Думы. Вы можете, как и все жители Петербурга, подать ваше заявление в городскую управу, и оно будет внесено на рассмотрение Думы», говорил г. Красовский.

Один из депутатов отвечал:

— Старые законы бездействуют, их нет, а новые еще не созданы. Пролетариат ставит ребром вопрос городскому самоуправлению: с народом ли оно против самодержавия, или с самодержавием и против народа?

«Вы говорите о законах,—добавил другой депутат,—но не вы ли сами два дня тому назад постановили, в виду переживаемых событий, объявить свои заседания непрерывными, не считаясь с требованиями городского положения, при всяком числе гласных? Не вы ли вторично 12 октября нарушили так называемый «закон», заявив правительству, что необходимо немедленно удовлетворить назревшие экономические и политические требования «населения»?

Часть гласных стала высказываться за прием рабочей депутации и г. Красовский заявил: «16 октября, в два часа дня, состоится частное совещание гласных. Я предложу гласным выслушать вас».

15 октября депутат от конторщиков, состоящий в то же

время в Союзе Союзов, сообщил последнему о требованиях рабочих и о предстоящем «хождении» депутации в Думу. Союз Союзов постановил присоединиться к требованиям рабочих и послать с своей стороны депутацию.

15 октября на митинге в Технологическом Институте студенты решили поддержать требования рабочих и выбрали с своей стороны депутацию. По инициативе студентов совет профессоров Технологического Института также решил послать депутацию в Думу.

К двум часам дня 16 октября начали собираться депутаты. Помещение Думы к нашему приходу было приведено на военное положение. У подъездов Думы стояли усиленные наряды городских. В помещение Думы впускали с изысканной любезностью, которая уже за порогом думских дверей покидала представителей полиции.

Первыми явились три депутата Совета. Полицеймейстер распорядился задержать нас в раздевальной.

На лестницах была выстроена рота пехоты, вызванная по ходатайству исправляющего обязанности городского головы г. Резцова. Гласные проходили гуськом сквозь тесные ряды городских и пехотинцев. Полиция через думских служителей устанавливала личность гласных и только тогда пропускала их наверх. Посторонних не пропускали наверх, но и не выпускали из думского помещения. Вместе с нами был задержан какой-то любопытный обыватель, заинтересовавшийся послушать речи рабочих. Возможность ареста обескуражила его. «Помилюйте, г. полицеймейстер, я не какой-нибудь революционер. Я стою за государя и патриот, а вы меня арестовали. Разве нельзя зайти в Думу послушать речи господ гласных? Вы уж позвольте мне уйти».

— Потом разберем, — ответил неумолимый полицеймейстер, махнув рукой.

Полицеймейстер сильно беспокоился, что не явились остальные 11 депутатов. Около часу нам пришлось их ждать. В это время один из полицейских офицеров, бывших в наряде, подошел к нам и советовал нам не заявлять, что мы депутаты Совета.

— Тогда, быть может, вас и не арестуют. Ну, и вре-

мечко, трое суток не спал. Хотя бы скорее разрешилось. Выносить больше нет сил. Либо свобода, либо...

Офицер не кончил. Проходили гласные, которые присутствовали 14 октября в Думе при наших переговорах с Красовским, и я им громко выразил негодование по поводу устроенной ловушки. Гласные не подали реплики.

Наконец, полицеймейстер успокоился: запоздавшие товарищи явились. Они были задержаны. Задержанию подверглась и студенческая депутация. Свобода была сохранена только представителям Союза Союзов и профессорам Технологического Института.

Прождав около двух часов в передней, арестованная депутация, наконец, была приглашена г. Красовским на частное совещание гласных.

— Я предупреждаю вас, господа, чтобы вы соблюдали уважение к законам и существующим властям. В противном случае вы будете удалены.

Так напутствовал депутацию представитель Городской Думы. Г. Красовский не мог не засвидетельствовать еще раз своей благонадежности перед полицеймейстером.

Первое слово было предоставлено рабочей депутации.

И едва председатель Совета взойшел на думскую эстраду, как раздались голоса гласных: «Как фамилия? Пусть назовет свою фамилию!».

«Мою фамилию знают те тысячи рабочих, которые послали меня сюда. Я, как председатель С. Р. Д., заявляю, что депутация избрана Советом, и в ее среде нет самозванцев. Представители Союза Союзов могут подтвердить это. Они явились сюда, чтобы поддержать требования выборных представителей петербургского пролетариата (в среде гласных раздаются голоса: «не надо фамилий»).

«Но прежде, чем излагать наши требования, мы должны убедиться, что Дума протестует против устроенной нам полицейской западни. Председатель Думы сказал нам два дня тому назад, чтобы сегодня мы явились в Думу за ответом—будет допущена депутация или нет? Мы пришли сюда, а вызванные по требованию городской управы войска и полиция арестовали нас. Мы не боимся арестов. Но достоинство городского самоуправления требует принятия мер к

нашему освобождению. Пусть даже Дума окажется бессильной, полиция нас не освободит, но Дума обязана сказать полицейским властям, что она протестует против нашего ареста. Но прежде, чем состоится такое постановление Думы, мы приступим к изложению наших требований».

По настоячивому требованию части гласных Дума постановляет: «В случае ареста рабочих депутатов командировать к градоначальнику председателя думы г. Красовского и городского голову г. Резцова с заявлением, что гласные будут считать арест депутатов оскорблением Думы».

Дума согласилась с нами. И тогда на эстраду вышел второй депутат. Изложению рабочих требований он препослал следующие соображения:

«Г.Г. гласные! В настоящий момент вся Россия разделилась на два враждебных лагеря: на одной стороне—революционный народ с пролетариатом во главе, который рвется к свободе, на другой—разлагающийся абсолютизм, не сегодня—завтра долженствующий пасть. Борьба с каждым днем все более и более обостряется, и приближается решительная схватка. Все слои населения должны определенно заявить, на какую сторону они становятся: молчание и индифферентизм немислимы. Мы пришли к вам, чтобы узнать, с кем вы—с народом против абсолютизма, азиатчины, или с абсолютизмом против народа, против свободы. Мы не пришли к вам предложить присоединиться к нашим боевым лозунгам, бороться рядом с нами. Мы хорошо знаем, что вы по своему социальному положению никогда бороться за наши лозунги не будете. Не для этого мы пришли. Переворот, совершающийся в России, есть переворот буржуазный; он—в интересах и буржуазии. В ваших собственных интересах, чтобы он скорее совершился и закончился. И если вы хотите быть хоть сколько-нибудь дальновзоркими, если действительно понимаете выгоды вашего класса, то должны всеми силами помочь народу в скорейшей победе над абсолютизмом. Нам не нужно от вас ни резолюции сочувствия, ни платонической поддержки наших требований. Мы требуем, чтобы вы свое содействие оказали рядом практических действий. Благодаря уродливой системе выборов, имущество города с полутотариальным населением нахо-

дятся в руках выборных нескольких тысяч имущих классов. Совет Рабочих Депутатов требует,—а он имеет право требовать, а не просить, так как Совет является представителем нескольких сот тысяч рабочих, жителей столицы, а вы только горсти избирателей,—Совет Рабочих Депутатов требует, чтобы городское имущество было предоставлено всем жителям города для их надобности. И так как теперь важнейшая общественная задача есть борьба с абсолютизмом, и для этой борьбы нам нужны места для наших собраний,—откройте наши городские здания. Нам нужны средства для продолжения стачки,—ассигнуйте городские средства на это, а не на поддержку полиции и жандармов. Нам нужно оружие для завоевания и отстаивания свободы—отпустите средства для организации пролетарской милиции».

После рабочих депутатов говорили представители Союза Союзов. Здесь интересно отметить одну характерную подробность. Гласные стали выражать нетерпение, когда на эстраду один за другим всходили представители Союза Союзов. Всех союзных делегатов отцы города так и не выслушали ¹⁾. Не ораторские способности приковывали внимание гласных к речам рабочих депутатов. Пред их глазами предстала новая могучая сила, приостанавливая отправления всей жизни. Чем еще грозит эта новая сила? И гласные ждали с напряженным вниманием ответа на этот вопрос.

Речи кончились. Г. Красовским было предложено депутациям оставить думское заседание. Гласные не имели мужества с глазу на глаз сказать рабочим, что они против народа.

Этим еще не закончился думский инцидент. Предстояло испытать новые мытарства. Полицеймейстер хитрил: «в помещении Думы никто не будет арестован; за улицу я обещаний не даю».

Пока Красовский с Резцовым объяснялись с градоначальником, мы под эскортом гласных (в их числе было два полковника) добрались до Садовой.

¹⁾ Студенческая депутация не была допущена на заседание Думы.

На этом оборвалось личное знакомство петербургского пролетариата с «отцами города» ¹⁾.

(Хрусталеv-Носарь. «История С. П. Б. Совета Рабочих Депутатов». Стр. 67—71).

10. Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

Общее число депутатов Совета во второй половине ноября возросло до 562 человек.

В Совете было представлено 147 фабрик и заводов, 34 мастерские и 16 профессиональных союзов ²⁾.

Из общего числа депутатов на долю профессиональных союзов приходилось 54 депутата, а фабрики, заводы и мастерские были представлены 508 депутатами.

По полу депутаты распределялись: 6 женщин и 556 мужчин.

По участию в голосовании 553 депутата пользовались решающим голосом и 9—совещательным (от Железнодорожного Союза и Почтово-Телеграфного Союза).

По производствам весь состав Совета распадался на следующие группы:

1.	От рабочих, занятых обработкой металлов (в том числе и мелкие механические мастерские)	351
2.	От рабочих по обработке волокнистых веществ.	57
3.	„ „ печатного и бумажн. производств	32
4.	„ „ по обработке дерева.	23
5.	„ „ резинового, сапожн. и кожаного производств.	15
6.	„ „ табачного производства.	13
7.	„ „ конфектных фабрик.	7
8.	„ „ осветительных предприятий.	7
9.	„ „ производства по обработке химических продуктов.	9
10.	„ „ производства взрывчатых веществ.	11
11.	„ „ стеклянного производства.	3

1) Впоследствии мы узнали, что Дума выразила доверие петербургской полиции и отказала рабочим во всех их главных требованиях.

2) Союзы: рабочих печатного дела, литографов, приказчиков, конторщиков, фармацевтов, мастеров и техников, часовщиков и ювелиров, портных, сапожников, рабочих по обработке дерева, рабочих осветительных предприятий, портных рабочих и рабочих табачного производства, служащих в экспедициях газет, железнодорожного союза и почтово-телеграфного союза.

12.	От рабочих, изготавливающих платье и белье.	2
13.	„ „ часового и ювелирного производства	2
14.	„ служащих и рабочих, обслуживающих пути и средства сообщения (Рождественского парка, конно-жел. дороги, финляндского пароходства, железнодорожного узла, почты и телеграфа). . . .	11
15.	„ служащих в торговых заведениях (приказчиков) и экспедициях газет.	12
16.	„ лиц, занятых в конторах и аптеках	7

Из приведенных цифр видно, что преобладающее количество депутатов приходилось на долю металлических заводов.

Они не только составляли большинство, — им принадлежала и руководящая роль.

Этот факт еще раз подтверждает общеизвестное положение, что авангардом рабочего движения являются рабочие металлических заводов.

В первое время своего существования Совет выполнял функции стачечного комитета. Затем Совет явился примирительной камерой в конфликтах между трудом и капиталом. Совет принимал меры к открытию заводов и обратному приему уволенных рабочих.

Обслуживая рабочую массу на почве повседневных нужд, Совет заменял профессиональные организации. Совет в одно и то же время был профессиональной конфедерацией всех рабочих Петербурга и центральным бюро профессиональных союзов. Совет не только призвал рабочие массы к организации боевых профессиональных союзов, Совет сам организовывал их.

В октябрьскую стачку в Совете участвовали 4 профессиональных союза; в ноябрьские дни в Совет входят представители 16 профессиональных союзов.

Итоги деятельности Совета в перечневой протокольной форме могут быть представлены в следующем виде:

Совет Рабочих Депутатов провел три стачки в Петербурге (октябрьскую, ноябрьскую и почтово-телеграфную); Совет Рабочих Депутатов выпустил до полмиллиона воззваний и известий к рабочим, солдатам и другим слоям населения; Совет провозгласил свободу печати и неуклонно проводил ее в октябрь-ноябрьские дни в Петербурге. Совет пытался ввести 8-часовой рабочий день; Совет создал самооборону и

приступил к вооружению рабочих; Совет организовал помощь безработным; Совет объединил всех петербургских рабочих; Совет приступил к объединению всего рабочего класса России, в виде местных советов и всероссийского съезда; Совет вступил в тесные сношения со всеми боевыми организациями для совместной деятельности... Совет усилил сближение революционного пролетариата с революционной армией.

Во имя чего производилась вся эта объединительная работа?

Во имя полновластного, всенародного учредительного собрания для установления демократической республики, во имя 8-часового рабочего дня, во имя политических свобод, народной милиции...

Отрицательная программа резюмировалась: полным свержением самодержавия, распусшением постоянной армии, уничтожением исключительных законов...

Положительные требования программы не сразу явились на советском знамени.

Совет не был политической партией, не был кружком заговорщиков.

Члены его не рекрутировались из рядов политических единомышленников, при самом вступлении разделявших основные требования партии или «сообщества».

Совет был выборной пролетарской организацией. Программа Совета, вся его деятельность, тактика определялась составом депутатов, влиянием и настроением всей рабочей массы.

Отправляя своих депутатов в Совет, избиратели иногда давали им императивные мандаты.

Мы видели, что при возникновении Совета большинство депутатов и почти вся рабочая масса была проникнута одним ясно сформулированным отрицательным стремлением — свергнуть самодержавие. Эта психологическая основа объединяла всех.

В процессе борьбы вырабатывались политические требования, выдвигались новые орудия борьбы.

«Политическая стачка показала, что она — превосходное

средство борьбы. Но что не дали стачки, то даст вооруженное восстание», — говорилось в руководящей статье «Известий».

Политическая стачка и вооруженное восстание провозглашаются Советом методами борьбы с самодержавием.

Программа Совета и его методы борьбы разделялись всей рабочей массой, они признавались революционной демократией, крестьянским союзом и другими организациями.

В Совете сходились на почве революционных лозунгов рабочие социал-демократы, рабочие социалисты-революционеры и рабочие внепартийные.

Сила Совета была в том, что он объединял весь пролетариат Петербурга. Совет был центром революционной энергии пролетариата.

(Хрусталеv-Носарь. «История С.П.Б. Совета Рабочих Депутатов». Стр. 146—149).

11. Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

В октябрьские и ноябрьские дни Совет Рабочих Депутатов Петербурга занял совершенно исключительное, небывалое в истории, положение. Его всюду называли «рабочим правительством». Название это основано было на том, что в то время, когда царское правительство имело колоссальный аппарат управления, армию, полицию, жандармов, сотни тысяч чиновников и огромные денежные средства, — оно было совершенно бессильно. Совет Рабочих Депутатов, не имея ничего этого, представлял собою реальную силу. Распоряжения Совета выполнялись беспрекословно и точно не только рабочими, которых он представлял, но и огромной массой обывателей. Со всеми своими нуждами они шли в Совет, и власть Совета оказывалась достаточной для того, чтобы разрешить вопрос, неразрешаемый официальными правительственными учреждениями.

Железнодорожные пути сообщения находились всегда к услугам Совета, а царские министры не имели возможности попасть к царю с докладом. Телеграфные линии связывали Совет со всеми уголками России, тогда как председатель Совета министров Витте лишен был возможности посылать телеграммы. Военные власти, охранявшие электрическую стан-

цию, по приказанию Совета отпускали энергию для печатания «Известий» и официально сообщали Совету о том, что его такое-то распоряжение исполнено. Полиция, арестовывавшая депутатов Совета при совершении ими «угрожающих существующему строю» поступков, немедленно освобождала их по предъявлении членского билета или по получении требования об освобождении от Совета. Городовые в день выхода «Известий» приходили в помещение Исполнительного Комитета и становились у дверей его в хвост в ожидании нового номера газеты для своего начальства. В числе подписчиков на «Известия» состояли: председатель Совета министров граф Витте и морской министр Бирлиев, которые прислали подписную плату с просьбой посылать им номера «Известий» по их выходе. Петербургский Окружный суд находил вполне «законным» освободить свидетеля от дачи показаний, ибо задержка его в суде не давала ему возможности исполнить возложенное на него Советом Рабочих Депутатов поручение. Тысячи фактов, что авторитет Совета стоит повсюду неизмеримо выше, чем влияние царского правительства.

В Совет шли решительно все, со всеми своими горестями и обидами. Помню петицию, которую принесла ко мне депутация от «сознательных агентов охранного отделения», как они себя именовали. Агенты охраны жаловались на свое бесправное положение и просили Совет Рабочих Депутатов помочь им организовать в профессиональный союз.

(Д. Сверчков. «На заре революции». Стр. 146—147).

12. О Советах.

Совет Рабочих Депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного неоформленного боевого соглашения, представители Российской соц.-демократической раб. партии (партия пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелко-буржуазного социализма или крайняя ле-

вая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный Комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела Совет Рабочих Депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других более активных форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения демократические требования.

(Ленин. Собр. соч., том VII, стр. 40).

13. Воззвание к матросам и солдатам 1-го ноября 1905 г.

«Товарищи-братья солдаты и матросы!

Долго мы не понимали друг друга. Вас учили ваши офицеры считать нас «врагами отечества», преступниками, в которых надо стрелять, бить нагайками, колоть штыками.

Нашу борьбу за народную свободу и за народное счастье вам рисовали, как крамолу и смуту против родины, которую во что бы то ни стало надо подавить.

И многие из вас этому верили. Они стреляли в своих братьев, наводняли их кровью все мостовые городов.

Теперь дело меняется.

У многих матросов и солдат глаза раскрылись.

Они поняли, что мы все братья, дети одного народа, что у всех нас одни враги—это начальство и все власть имущие.

Они поняли, что свобода народа есть их собственная свобода, что счастье народа—их собственное счастье.

Черноморские матросы и кронштадтский гарнизон восстали против всего начальства. Они заявили, что хотят челове-

ческой жизни, хотят свободы, присоединяются к борющемуся народу.

В них стреляли их темные братья; правительство папразило на них жерла пушек.

Сотни кронштадтских солдат и матросов преданы военному суду; не сегодня—завтра их казнят.

Мы, петербургские рабочие, узнавши об этом, забастовали с требованием освободить наших братьев матросов и солдат, уничтожить военные суды, уничтожить смертную казнь.

Неужели вы—матросы и солдаты—не станете на защиту ваших кронштадтских братьев?

Неужели вы будете заодно с их убийцами?

Дело матросов и солдат есть наше дело,—сказали рабочие и забастовали.

Дело рабочих есть наше дело, скажите вы. Их борьба есть наша борьба, говорите вы повсюду и присоединяйтесь к борющемуся народу.

Забастуйте и вы, не выходите на службу. Не слушайтесь начальства, которое позовет вас на усмирение рабочих.

Пусть ни одна пуля не будет выпущена против народа. Долой кровопийц-начальников!

Да здравствует свободное народное правление!

«Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов».

(«История Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга», стр. 207—8).

14. Красный флот (в Севастополе).

Октябрьская стачка открыла эпопею колоссальных уличных митингов, на которых матросы и пехотные солдаты были не только постоянными участниками, но и ораторами. Матросский оркестр играл марсельезу во главе революционной демонстрации. Словом, господствовала полная «деморализация». Запрещение военным присутствовать на народных собраниях создало специально-военные митинги во дворах флотских экипажей и в казармах.

«Прут», превращенный в каторжную тюрьму, постоянно напоминал, что тут же, в нескольких шагах, томятся за участие в потемкинском деле жертвы июньского восстания. Но-

вый экипаж «Потемкина» заявлял о своей готовности вести броненосец в Батум для поддержки кавказского восстания. Рядом с ним по боевой готовности стоял недавно отстроенный крейсер «Очаков». Но социал-демократическая организация настаивала на выжидательной тактике...

Сходки учащались и расширялись. Они были перенесены на площадь, отделяющую матросские экипажи от казарм пехотного Брестского полка. Так как военных не пускали на митинги рабочих, то рабочие стали массами приходить на митинги солдат. Собирались десятки тысяч. Идея совместных действий принималась восторженно. Передовые роты выбирали депутатов...

Все дежурные офицеры были арестованы, обезоружены и отправлены в канцелярию. В конце-концов решили под влиянием социал-демократического оратора ждать утреннего совещания депутатов. Матросские представители, около 40 человек, заседали всю ночь. Решили выпустить из-под ареста офицеров, но не пускать их более в казармы. Службы, которые матросы считали необходимыми, они постановили нести и впредь. Решено было отправиться парадным шествием, с музыкой, к казармам пехотных полков, чтобы привлечь солдат к движению. Утром явилась депутация рабочих для совещания. Через несколько часов стал уж весь порт; железные дороги также прекратили движение. События надвигались. Часть матросов, под руководством двух социал-демократических ораторов, отправилась в соседние казармы Брестского полка. Настроение среди солдат было гораздо менее решительное. Только под сильным давлением матросов решено было обезоружить офицеров и удалить из казарм. Офицеры Мукдена без всякого сопротивления отдали свои пашки и револьверы и со словами: «мы без оружия, вы нас не тронете», покорно проходили сквозь строй нижних чинов. Но уже в самом начале солдаты начали колебаться. По их требованию в казармах оставили несколько дежурных офицеров...

Солдаты начали строиться в ряды, чтобы с матросами отправиться через весь город к казармам Белостокского полка.

Солдаты с музыкой выступили из казарм. Матросы в строгом порядке вышли из экипажей. На площади уже ждали

массы рабочих. Какой момент! Восторженная встреча. Жмут друг другу руки, обнимаются. В воздухе стоит гул братских приветствий. Клянутся поддерживать друг друга до конца. Выстроились и в полном порядке отправились на другой конец города к казармам Белостокского полка. Солдаты и матросы несли георгиевские знамена; рабочие—социал-демократические. «Демонстранты,—доносит официальное агентство,—устроили шествие по городу в образцовом порядке, с оркестром музыки впереди и красными флагами». Ити приходилось мимо Исторического бульвара, где стояли пулеметы. Матросы обращаются к пулеметной роте с призывом убрать пулеметы. И предложение исполнено. Впоследствии, однако, пулеметы снова появились. «Вооруженные роты Белостокского полка,—сообщает агентство,—бывшие при офицерах, взяли на караул и пропустили мимо себя демонстрантов». У казарм Белостокского полка устроили грандиозный митинг. Полного успеха, однако, не имели: солдаты колебались часть объявляла себя солидарной с матросами, другая часть обещала только не стрелять. В это время на «Потемкине» было выброшено социал-демократическое знамя. Положение все еще не определялось. Но назад уже не было возврата.

В канцелярии экипажей постоянно заседала комиссия, состоявшая из матросов и солдат, делегированных от разных родов оружия, в том числе от семи судов, и из нескольких представителей социал-демократической организации, приглашенных делегатами. Постоянным председателем был выбран социал-демократ. Сюда стекались все сведения и отсюда исходили все решения. Здесь же были выработаны специальные требования матросов и солдат и присоединены к требованиям общеполитического характера...

Депутатская комиссия энергично настаивала на том, чтобы команды обезоруживали своих офицеров и удаляли с судов и из казарм. Это была необходимая мера. Офицеры Брестского полка, оставшиеся в казармах, внесли полное разложение в среду солдат. Они повели деятельную агитацию против матросов, против «вольных» и жидов и дополнили ее воздействием алкоголя. Ночью под их руководством солдаты постыдно бежали в лагеря,—не через ворота, у которых дежурила революционная боевая рота, а через проломленную

стену. К утру они снова вернулись в казармы, но активного участия в борьбе больше не принимали. Нерешительность Брестского полка не могла не отразиться на настроении матросских экипажей. Но на следующий день опять засветило солнце успеха; к восстанию присоединились саперы. Они явились в экипажи в стройном порядке и с оружием в руках. Их приняли восторженно и поместили в казармах. Настроение поднялось и окрепло. Отовсюду являлись делегации: крепостная артиллерия, Белостокский полк и пограничная стража обещали «не стрелять». Не полагаясь больше на местные полки, начальство начало стягивать войска из соседних городов: Симферополя, Одессы, Феодосии. Среди прибывших велась активная и успешная революционная агитация.

Сильно мешало незнание матросами сигнальных знаков. Но и тут было получено заявление полной солидарности со стороны крейсера «Очаков», броненосца «Потемкин», контрминоносцев «Вольный» и «Заветный»; впоследствии присоединилось еще несколько миноносцев. Остальные суда колебались и давали все то же обещание «не стрелять». 13-го в экипажи явился флотский офицер с телеграммой: царь требует сложить оружие в 24 часа. Офицера осмеяли и вывели за ворота. Чтобы обезопасить город от возможности погрома, наряжались патрули из матросов. Эта мера сразу успокоила население и завоевала его симпатии. Сами матросы охраняли винные лавки во избежание пьянства. Во все время восстания в городе царил образцовый порядок.

Вечер 13 ноября был решительным моментом в развитии событий: депутатская комиссия пригласила для военного руководства отставного флотского лейтенанта Шмита, завоевавшего большую популярность во время октябрьских митингов. Он мужественно принял приглашение и с этого дня стал во главе движения. К вечеру следующего дня Шмит переехал на крейсер «Очаков», где и оставался до последнего момента. Выбросив на «Очакове» адмиральский флаг и два сигнала: «командую флотом, Шмит», с расчетом сразу привлечь этим к восстанию всю эскадру, он направил свой крейсер к «Пруту», чтобы освободить «потемкинцев». Сопротивления никакого не было оказано. «Очаков» принял матросов-

каторжан на свой борт и объехал с ними всю эскадру. Со всех судов раздавалось приветственное «ура!». Несколько из судов, в том числе броненосцы «Потемкин» и «Ростислав», подняли красное знамя; на последнем оно, впрочем, развевалось лишь несколько минут.

Взяв на себя руководство восстанием, Шмит оповестил о своем образе действий следующим заявлением:

«Г-ну городскому голове.

Мною послана сегодня государю императору телеграмма следующего содержания:

Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом гражданин Шмит».

Из Петербурга прислан телеграфный приказ: подавить восстание. Чухнин заменен прославившимся впоследствии палачом Меллер-Закомельским. Город и крепость объявлены на осажденном положении, все улицы заняты войсками. Решительный час настал. Восставшие рассчитывали на отказ войск стрелять по своим и на присоединение остальных судов эскадры. На нескольких судах офицеры были действительно арестованы и свезены на «Очаков» в распоряжение Шмита. Этой мерой надеялись, между прочим, охранить адмиральский крейсер от неприятельского огня. Масса народа толпилась на берегу, ожидая салюта, который должен был возвестить о присоединении эскадры. Но ожидания не сбылись. Усмирители не дали «Очакову» совершить второй объезд судов и открыли огонь. Народ принял первый залп за салют, но вскоре понял, что происходит, и в ужасе бежал с пристани. Открылась пальба со всех сторон. Стреляли с судов, стреляли из орудий крепостной и полевой артиллерии, стреляли из пулеметов с Исторического бульвара. Одним из первых залпов на «Очакове» была разрушена электрическая машина. Едва дав шесть выстрелов, «Очаков» вынужден был замолчать и поднять белый флаг. Несмотря на это, обстрел крейсера продолжался, пока на нем не поднялся пожар. Еще хуже вышло с «Потемкиным». Здесь не успели приладить к ору-

диям ударники и замки и оказались совершенно беспомощны, когда открылась стрельба. Не дав ни одного выстрела, «Потемкин» поднял белый флаг. Береговые матросские экипажи держались дольше всех. Они сдались только тогда, когда не осталось ни одного патрона. Красное знамя развевалось над мятежными казармами до конца. Они были окончательно заняты правительственными войсками около шести часов утра.

Когда прошел первый ужас, возбужденный стрельбой, часть толпы вернулась на берег. «Картина была ужасная,— говорит уже цитированный нами участник восстания.—Под перекрестным орудийным огнем сразу погибли несколько миноносков и шлюпок. Вскоре запылал «Очаков». Спасавшиеся вплавь матросы зывали о помощи. Их продолжали расстреливать в воде. Лодки, направлявшиеся спасать их, подвергались расстрелу. Матросы, подплывавшие к берегу, где стояли войска, тут же приканчивались. Спасались только те, которые попадали к сочувствующей толпе». Шмит пытался бежать, переодевшись матросом, но был захвачен.

К трем часам ночи была закончена кровавая «работа палачей усмирения». После этого им пришлось преобразиться в палачей «суда».

Победители доносили: «Взятых в плен и арестованных более 2.000 человек.

Адмирал Чухнин телеграфировал, с своей стороны, в Царское село: «Военная буря затихла, революционная—нет».

(Троцкий. «1905 год», стр. 189, 190, 191, 192—196).

15. Нелегальная типография ЦК большевиков.

Идея организации типографии в Москве была тесно связана с развитием революционного движения в 1902—1904 годах, когда нужда в партийной литературе чувствовалась особенно сильно.

Для организации типографии (это было в конце 1904 г., в полосу вехнувших забастовок) тов. Л. Б. Красным были вызваны из Баку наши «спецы»—Семен Енукидзе (ныне начальник Гознака), я и еще несколько товарищей, которые энергично принялись за подыскание соответствующего по-

мещения, подбор товарищей и т. п. Чтобы прикрыть наше «преступное» деяние, сняли на Лесной улице, в доме № 55, квартиру, состоящую из трех отделений: магазина, жилого помещения и кухни. Для отвода глаз прицепили вывеску «Торговля сухими восточными фруктами». Внешне все было оформлено честь-честью: распределили роли—хозяин магазина, приказчик, конторщик и прислуги. Типография должна была находиться в специально вырытом подземелье, где помещалась машина-американка и наборные кассы. Спуск туда производился через колодец, вырытый в магазинном подвале для стока воды, если бы таковая могла там появиться. В стене этого колодца, аршина на три ниже его верхнего края, особое приспособление открывало проход, или, точнее, пролаз, в самую типографию. Через пролаз, который сейчас же кем-либо закрывался, продвинувшись на животе аршина два-три, можно было выпрямиться и работать при электрической лампочке, специально здесь приспособленной. И можно было быть совершенно спокойным: никакой шум ни на поверхности земли, ни в ближайших жильцам не доходил. И даже если бы производился осмотр магазина и колодца, пролаз совершенно не был бы замечен. Обнаружить его место в стене колодца, а также открыть пролаз мог только человек посвященный.

Типографию выписали через подставное лицо из Петербурга в Баку и только отсюда в разобранном виде и в маленьких ящичках переслали в Москву на Лесную.

Накопившуюся в подвалах землю, чтобы избежать подозрений, высылали в ящиках в Харьков, Тулу и др. города до востребования. Кто их получал, так я до сих пор и не знаю.

В землянке-типографии могли работать только трое—двое у набора и один у печатного станка. Условия работы были, конечно, ужасающие. Жесточайшая конспирация, заставлявшая меня просиживать в подвале месяцами, не выходя на воздух, сырость до того, что через час работы лицо покрывалось влагой, работа только при слабом свете,—и все это днем и ночью непрерывно в две смены по три человека. Всего работало 6 товарищей: Джаши Караман, Семен Енукидзе, Тодриа, Сандро Яшвили, я и под видом хозяина С. Кобидзе.

Последний жил при магазине с женой и ребенком. Были еще два товарища, фамилии которых сейчас я не вспомню.

Большая часть работы падала на печатание листовок, воззваний и т. п. мелких вещей. Одновременно печатался журнал «Рабочий». Выпущено было 17 номеров журнала.

Разумеется, дело «Торговли сушеными фруктами» не обходилось без курьезов, объяснявшихся нашим коммерческим невежеством: несуразные цены, невозможность выполнить даже самый маленький заказ и т. д.

Типография наша просуществовала около двух лет, до декабрьского восстания 1905 г., когда она была перевезена в какой-то склад у Рязанского вокзала, где оставалась вплоть до 1907 года.

Такова в кратких чертах поистине героическая история нелегальной типографии нашей партии. Постановлением МК РКП сейчас она восстанавливается. Несомненно, труды комиссии, которая займется реставрацией типографии, не пропадут даром, ибо место, где находилась типография, станет местом паломничества не только нашего партийного молодняка, но и широких рабочих масс.

(Георгий Стурua. Из доклада. «Огонек», 1923, № 8).

16. Как печатались «Известия».

Занята типография «Общественной Пользы». Входы закрыты. Приставлена стража.

Стучится дворник с дровами.

— Что тебе? Дров сегодня не надо, — отвечает ему знакомый голос.

Озадаченный дворник докладывает старшему. Старший идет расследовать дело. Арестован — и недоумевающе бродит по мастерским...

В стереотипную мастерскую входит местный стереотипер. Матрицы выколачиваются, разжигается печь.

Все незнакомые лица.

— Кто тут распоряжается! Кто позволил! — горячится прибывший и принимается тушить печь.

— Вы хотите знать, кто позволил. Пожалуйста за мной, — и мастера ведут по коридорам.

По дороге темный чулан.

— Сажай его сюда, а потом он узнает, кто позволил.

Стереотипер взмолился. Тогда его пригласили в комнату и объяснили, что печатается № 3 «Известий Совета Рабочих Депутатов».

— Так так бы вы и сказали. Разве я что... Да я всегда готов, — и работа закипела под опытной рукой хозяина дела.

— Как же вы будете печатать? У нас нет электричества, — спрашивает управляющий.

— С какой станции вы его получаете? Оно будет через полчаса.

Управляющий называет станцию, но скептически относится к заявлению рабочего. Он уже несколько дней тщетно добивался электричества, хотя бы только для освещения квартир, но станция работала только для казенных учреждений.

Ровно через полчаса электричество пробегает по лампочкам, и моторы могут работать.

На лицах администрации изумление.

Еще через несколько времени возвращается посланный и приносит записку офицера, заведывающего электрической станцией и работающими на ней матросами. «По требованию Совета Рабочих Депутатов электричество отпущено в дом № 39, по Б. Подъяческой улице, для типографии «Общественной Пользы», сообщает офицер. Следует подпись.

Недоброжелательное отношение к арестовавшим окончательно исчезает...

Дворник просится домой.

— У меня щи в печке. Маленькие дети. Надо накормить.

— Спросите такого-то, — направляют его к одному из присутствующих.

Его отпускают, но никуда не велят заходить и возвращаться в типографию вместе с детьми. Для верности дают провожатого...

Стереотипы отлиты, ротационка весело вздрагивает, спешно выбрасывая готовые номера. Все толпятся около нее, каждый жаждет получить свежий номерок. Но до окончания работ их никому не дают. «Известия» пакуются в пачки и складываются ближе к выходам...

Разбор шрифта в наборной идет вяло.

— В котел его! в котел! — рекомендует управляющий типографии, боящийся следов «преступления».

Немного подумали и туда же отправили гранки набора, принесенного из типографии «Руси» в виду неудобств печатания в той типографии.

— Заплатим! Суворин сказал, что если и пропадет, так недорого и стоит, — утешает один из участников захвата типографии «Руси».

Так печатались октябрьские номера «Известий». Одураченная полиция являлась в типографию, когда уже все следы «преступления» были сметены.

(Симановский. Сб. «История СПб Совета Рабоч. Депутатов», стр. 283—285).

17. Финансовый Манифест.

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Исеяли иностранные источники, — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает непрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Шкел нет. Дороги запущены. Несмотря на это, не хватает даже на продовольственное содержание

солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране поднимаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, массы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхищало сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, при чем и те и другие показывают меньше действительных, грабя по произволу, высчитывает избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит только задача по возможности скорей провести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и

разоряются сотни тысяч граждан, и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один—свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и в частности для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья—уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей—полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный Комитет и Организационная Комиссия Российской социал-демократической рабочей партии.

Центральный Комитет партии социалистов-революционеров.

Центральный Комитет Польской социалистической партии.

(Л. Троцкий, 1905. Стр. 212—214).

18. Движение вкладов Государственной Сберегательной Кассы за декабрь 1902—1905 гг. (в тысячах руб.)

	По Петербургу.		В провинции.		Итого.	
	За декабрь 1902—04 гг.	За декабрь 1905 г.	За декабрь 1902—04 гг.	За декабрь 1905 г.	За декабрь 1902—04 гг.	За декабрь 1905 г.
Поступило . . .	1.840	1.540	31.900	32.002	33.740	33.542
Выдано . . .	1.539	5.605	27.986	117.031	29.525	122.636

Таким образом, эта таблица иллюстрирует влияние «финансового манифеста» весьма реально, так как перевес выдач над поступлением в одном Петербурге за декабрь месяц равнялся 4.065 тыс. руб., а по всей России эта цифра выразилась в огромной сумме—89.094 тыс. руб.

(Н. Бабахан. Советы, 1905 г. Таблица № 2, в конце книги).

19. Пятый год в Москве.

Еще летом рабочие районы Москвы кипели в революционном котле. Всюду собирались летучки и митинги. Партийная организация ширилась. Кружки и ячейки создавались на всех фабриках и заводах, даже самых мелких. Отсталые слои пролетариата подымались один за другим. Рабочее Замоскворечье представляло какое-то горящее неугасимым огнем революционное пекло. Ежедневно происходили на глазах у полиции, равнодушно стоявшей в стороне, летучие митинги у фабричных ворот и на площадях. Вокруг оратора, среди бела дня выступавшего на площади, толпились рабочие, женщины и дети. Было весело и шумно. Чувствовалось, что рабочий класс проснулся к новой жизни, что рождается что-то молодое и могучее. Недоумевающая фигура сонного городского, делающего вид, что он не замечает происходящего перед глазами, маячила где-нибудь неподалеку и напоминала, что старое еще живо, но уже трещит по всем швам.

Началась осень. В сентябре забастовали наборщики; к ним присоединились булочники. Толпы забастовщиков ходили по мелким типографиям снимать отсталых. По дороге, на Тверском бульваре, на Бронной или на Пятницкой, устраивался митинг. Передовой рабочий или случайный студент влезал на первый попавшийся фонарь и говорил. Говорил спутанно, бегло и неумело. Можно было разобрать только отдельные фразы и восклицания.

— Забастовка!.. вооруженное!.. восстание! временное правительство!

Толпа прерывала его криками сочувствия. Не важно было, как и что говорят, важно было, что говорят открыто на улицах Москвы, на глазах у бессильной полиции.

Являлись жандармы. Оратор соскакивал с плеч товарищей, толпа расступалась по тротуарам, встречала градом камней мчавшихся во весь опор перепуганных всадников. Иногда им вдогонку звучал револьверный выстрел. После обстрела полицией булочной Филиппова—первые выстрелы в Москве—на Тверском бульваре начали от времени до времени появляться баррикады. У Страстного, на Тверской ходили толпы рабочих и студентов. Многие были с палками; кому удалось—с револьвером; какой-то разгневанный дворник носил с собою топор...

Движение нарастало. В университете начались митинги. Вся рабочая Москва черными потоками заполнила аудитории и коридоры. Началась первая всеобщая забастовка. Остановился московский железнодорожный узел и за ним вся Россия. Потухли фабричные котлы, замерли приводные ремни и станки. Погасло электричество, из водопроводных кранов вода отказывалась течь. Казалось, не рабочие бастуют, бастуют сами стихии. Партийные работники надрывались, чтобы обслужить массы, предъявившие огромный спрос на ораторов. Приходилось выступать на пяти, шести собраниях в день. Лестница юридического корпуса в университете, не выдержав тяжести проходившей по ней толпы, треснула и осела. Переполненные аудитории освещались свечами, которые были в руках толпы. Мерцающие огоньки передвигались повсюду и создавали феерическое впечатление.

По Москве разнесся слух, что студенты забаррикадировались в университете и начали «вооруженное восстание». К старому зданию на Моховой потянулись толпы народа. Несли продовольствие, кто что мог. Монашки Никитского монастыря прислали студентам несколько сахарных голов и целых вареных осетров. На университетском дворе жгли костры, строили баррикады. В аудиториях организовались десятки, которые располагались у входа. Револьверов было не более сотни, остальные вооружались железными прутьями от решетки забора. Какой-то лаборант взялся изготовить бомбы. На посту мой сотоварищ, молодой и глуповатый охотнорядский мясник, уронил на пол одну из них. Оба замерли в ожидании. К счастью, работа сочувствующего лаборанта оказалась безвредной.

Пришел октябрьский манифест. Сердца дрогнули в ликованиях. Казалось, уже все достигнуто, что борьба окончена. На улицах демонстранты снимали выставленные дворниками национальные флаги и, оторвав синюю и белую полосы, делали из них красные знамена. Толпы устремились к тюрьмам.

Вдруг пришла кошмарная весть об убийстве Баумана, члена Московского комитета Российской С.-Д. Р. Партии, большевика, накануне только освобожденного народом из тюрьмы. Радостное настроение сменилось озлоблением. Помню вдохновенную и полную святой злобы речь какого-то оратора на площади:

— Я вижу везде радостные лица и красные цвета. Вы радуетесь, но радоваться рано! Там, в Лефортове, в Техническом училище, лежит тело убитого Баумана. Там тоже красное! Но, красное там—не цвет радости; красное там, это—кровь, которая уже пролилась и которой суждено пролиться еще!

На другой день вся рабочая Москва вышла на улицу и бесконечной лентой, от Технического училища до Ваганьковского кладбища, разрезала Москву. Лица были угрюмы и сосредоточены. Понимали, что праздник кончился, не успев начаться. Знали, что скоро многие уйдут вслед за Бауманом. Похоронный марш переливался могучими волнами по улицам. Колыхались багровые и красные знамена, увитые золотом и серебром. В бесконечной человеческой ленте была какая-то сила и упругость.

Вечером возле университета грянули первые после манифеста выстрелы по возвращающимся манифестантам. Вчерашние ожидания оправдались. Шестнадцать человек ушло вслед за Бауманом. Все поняли, что за октябрём должен быть декабрь.

Слепко готовились к обороне и нападению. Организовывались в районах дружины. Рабочие запасались оружием и учились стрелять. Не осталось ни одного высшего учебного заведения, где бы не было боевого отряда. Организации направляли все силы на покупку оружия. Производились сборы. Выставленная у входа на митинг шалка заполнялась в несколько минут. Снимали с себя золотые вещи, отдавали

обручальные кольца. Однако, буржуазия хотя еще не прокляла революции, но уже отошла в сторону. С рабочими оставалась только интеллигентная молодежь. Приближался декабрь. Рабочие рвались на борьбу.

В начале декабря собрался Всероссийский железнодорожный съезд. Восстал Ростовский полк, запертый в Спасских казармах. Отовсюду приходили вести о волнениях в войсках. Разгон и арест Петербургского Совета обострил борьбу.

5-го декабря Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. (большевики) в училище Фидлера собрал общегородскую конференцию. Предстояло разрешить какой-то небольшой организационный вопрос. Вдруг кем-то из рабочих ставится в порядке дня немедленное вооруженное выступление. Комитет заявляет, что он не обсуждал этого вопроса и что поэтому не может высказать своего мнения. Решают спросить районы и отдельные заводы. Разбиваются на группы и перестраиваются по районам. Опрос длится несколько часов. В зале крайнее напряжение; слышно затаенное дыхание соседа.

— Рабочие рвутся в бой; оружия нет!

— Рабочие выступят сами, если Комитет их не позовет!

— На заводе имеется десяток револьверов.

— Рабочие куют кинжалы и копыя,—удержать их нельзя!

Выходит военный организатор. Он бледен и заметно волнуется. Он говорит, что московские солдаты, что даже казаки, даже офицеры стрелять в народ не станут. Войска волнуются. Войска готовы перейти на сторону народа, но у них отобрали винтовки.

Две речи: «за» и «против». Голосование. Подымается лес рук «за». Вопрос решен. Напутственная речь т. Землячки:

— Здесь прозвучал похоронный гимн. Своим голосованием вы обрекли себя на заклание... Но вопрос решен. Те, которые против, те умрут вместе с вами, товарищи! Вперед, на бой! В районы!...

Несколько горячих и поднимающих слов другого оратора. Помню отрывок фразы:

— Пусть черный бог буржуазии помогает ей в начинающейся борьбе. Мы победим одни, только силою своих рук и своей сплоченности.

Проходят три дня, и вся Москва замерла в параличе. Бур-

жуазия поспешно запасалась провизией, свечами и водой. Обыватели наполняли ванны, кувшины и банки. Пролетариат скрестил руки, и все замерло в летаргии. К резолюции конференции присоединился Совет Рабочих Депутатов и Всероссийский железнодорожный съезд. Замерла вся Россия. Остановилась жизнь.

Так замирает ветер перед грозой.

В районах чувствуется какое-то колебание. Забастовка проходит легко. Звучат горячие речи на митингах. Масса слушает, но не выходит на улицу.

Митинг в «Аквариуме»... Эхом отдаются голоса ораторов от обледеневших от дыхания стен. Внезапно врывается отряд казаков и полиции. Обыскивают при выходе, бьют, ищут оружия. Боевой дружинке удается уйти.

Расстрел дома Фидлера... Артиллерия... Начали они. Они первые напали, не выдержав ожидания. Электрическая волна проносится по районам и решает исход событий. Забастовка переходит в восстание. Дружинники снимают, как воробьев, городских по углам улиц.

Перепуганная полиция исчезла, переделалась в штатское и попряталась по участкам или квартирам.

Бомба в окно охранного отделения. Дубасов заперся в Кремле. Железнодорожная дружина захватывает вокзалы. Население под вечер выходит на очищенные от полиции улицы. Снимают с петель ворота; таскают со дворов дрова. Строят баррикады. На требование лопаты и лома дворник отвечает ругательствами, но через несколько минут вместе с другими, тащит всякий мусор, пилит телеграфные столбы и указывает проходные дворы.

К утру Москва ошетинилась и сделалась непроезжей. Тысячи баррикад выросли на пути ожидаемых казаков. Но они почти безлюдны; защитников мало: нет оружия. Три-четыре тысячи револьверов на весь город.

Дубасов перепуган и бессилен. С огромным напряжением полиции и сотней казаков удастся отстоять Тверскую и центр. От Страстного трещат пулеметы. Положение неопределенное. Обе стороны не в силах предпринять что-нибудь решительное. Обе ожидают.

Приходит громовая весть, что в Петербурге и на Нико-

лаевской дороге неблагополучно. Петербург забастовал, но недружно. Истощенный в ноябрьской забастовке и борьбе за восьмичасовой рабочий день, он не может с необходимой энергией поддержать Москву. Николаевская линия продолжает работать. Приезжают пьяные, озверелые семеновцы. Пушки и пулеметы... Расстрел зданий, приютившихся дружинников... Разгром и пожар героической Пресни... Отступление дружинников... Трупы... Миновская карательная экспедиция... Трупы... Волна падает... Бегство рабочих из Москвы... Еще год революционной борьбы. После переменного успеха и ряда усилий правительству удастся удержать за собой армию. Революция подавлена.

(«Декабрьское восстание в Москве 1905 г.». Сборник статей, заметок и воспоминаний под редакц. Н. Овсянникова: Н. Норов. «Пятый год». Стр. 15—20).

20. Декабрьское восстание в Москве.

4 декабря Московский Совет депутатов присоединяется к «финансовому манифесту», а 6 декабря—под непосредственным давлением крупных волнений в московском гарнизоне—Совет, охватывавший к этому времени 100.000 рабочих, постановляет вместе с революционными партиями, объявить в Москве на завтра, 7 декабря, всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание. Конференция депутатов 29 железных дорог, собравшаяся в Москве 5—6 декабря, постановила присоединиться к постановлению Совета. Такое же решение принял и Почтово-Телеграфный Съезд.

В центре декабрьского движения стоит Москва.

В первый день прекратили работы около 100.000 человек. На одном из вокзалов убиты два машиниста, самовольно поведшие поезда. В разных частях города незначительные стычки. Начиная с этого дня, с московских улиц исчезают обычные полицейские посты. Городовые появляются почти только группами. На второй день число бастующих возрастает до 150.000 человек, забастовка принимает в Москве всеоб-

щий характер и распространяется на подмосковные фабрики. Всюду огромные митинги. На станциях, где останавливались дальневосточные поезда, толпа обезоруживала возвращающихся из Манчжурии офицеров. Из одного вагона рабочие извлекли несколько десятков пудов патронов. Позже рабочие забрали другой вагон с оружием.

6 декабря, на второй день стачки, Исполнительный Комитет постановляет: «При появлении войск стараться вступать с солдатами в разговоры и действовать на них товарищеским словом. Открытого столкновения пока избегать и давать вооруженный отпор только при особенно вызывающем поведении войск». Что решающее слово скажет армия, это понимали все. Малейший благоприятный слух о настроении гарнизона передается из уст в уста. Вместе с тем революционная толпа ведет с московскими властями непрерывную борьбу из-за армии.

Узнав об уличном шествии пехотинцев под звуки марсельезы, типографские рабочие отправляют им навстречу депутацию. Но уже поздно. Военное начальство окружило возбужденных солдат казаками и драгунами, увело в казармы и затем пошло навстречу их требованиям... В тот же день 500 казаков, руководимых полицейским чином, получили приказание стрелять в демонстрантов. Казаки не подчинились, вступили в разговор с толпой, затем по команде унтера повернули коней и медленно уехали. Толпа проводила их приветственными криками.

Вот десяти тысячная рабочая демонстрация наталкивается на казаков. Общее замешательство. От толпы отделяются две работницы с красными знаменами и бросаются навстречу казакам. «Стреляйте в нас, — кричат они, — живыми мы знамя не отдадим». Казаки удивлены и смущены. Момент решительный. Толпа, почувствовав колебание, сразу напирает: «Казаки, мы идем к вам с пустыми руками, неужели вы будете в нас стрелять?» — «Не стреляйте в нас, тогда и мы не будем», — отвечают казаки. Вбешенный и испуганный офицер раздражается бешеной бранью. Но поздно. Его голос заглушается негодующими криками толпы. Кто-то произносит краткую речь. Толпа подхватывает ее приветственными воз-

гласами. Еще минута,—и казаки поворачивают коней и мчатся прочь, закинув винтовки на плечи.

После военной осады народного митинга, закончившейся избием безоружной толпы, настроение в городе становится более нервным. Публика толкается на улицах все большими массами. Всевозможные слухи рождаются и умирают каждый час. На всех лицах печать веселого возбуждения, смешанного с тревогой. «Многие думают,—пишет Горький, находившийся тогда в Москве,—что баррикады начали строить революционеры; это, конечно, очень лестно, но не вполне справедливо—баррикады начал строить именно обыватель, человек внепартийный, и в этом соль события. Первые баррикады на Тверской строились весело, шутя, со смехом; в этой веселой работе принимали участие самые разнообразные люди, от солидного барина в дорогом пальто до кухарки и дворника, недавнего оплота «твердой эллиты»... Драгуны дали залп по баррикаде, несколько человек ранено, двое или трое убито,—воплъ возмущения, единодушный крик мести, и сразу все изменилось. После залпа обыватель начал возводить баррикады не играючи, а серьезно, желая оградить свою жизнь от г. Дубасова и его драгун».

Вот примерная картина боя. Идет грузинская дружина—одна из самых отчаянных—в составе 20 стрелков, идет открыто, парами. Толпа предупреждает, что навстречу едут 16 драгун с офицером. Дружина строится и берет маузеры на изготовку. Едва показывается разъезд, дружина дает залп. Офицер ранен, передние лошади, раненные, взвиваются на дыбы, в рядах замешательство, которое лишает солдат возможности стрелять. Таким образом дружина дала до 100 выстрелов и обратила драгун, оставивших несколько убитыми и ранеными, в беспорядочное бегство. «Теперь уходите,—торопит толпа,—сейчас привезут орудие». И действительно, скоро появляется на сцену артиллерия. После первого же залпа падают десятки убитых и раненых из безоружной толпы, которая никак не ожидала, что войска будут стрелять по ней. А в это время грузины уже в другом месте вступили в перестрелку с войсками... Дружина почти неуязвима, ибо окутана панцирем всеобщего сочувствия.

Вот еще примёр, один из множества. Засевшая в здании

группа дружинников из 13 человек в течение четырех часов выдерживала обстрел 500—600 солдат, в распоряжении которых было 3 пушки и 2 пулемета. Расстреляв все патроны и причинив войскам большой ущерб, дружинники удалились, не получив ни одной раны. А солдаты разгромили артиллерийским огнем несколько кварталов, подожгли несколько деревянных домов, истребили не мало обезумевших от ужаса жителей,—все для того, чтобы вынудить к отступлению дюжину революционеров...

Баррикады не защищались. Они служили лишь препятствием для передвижения войск, особенно драгун. В районе баррикад дома были вне пределов досягаемости для артиллерии. Лишь обстреляв всю улицу, войска «брали» баррикады, чтобы убедиться, что за ними никого нет.

Дубасов объявляет, что всякая толпа «более» чем в три человека» будет расстреляна. Но драгуны стреляют и по одиночим. Сперва обыскивают, не найдут оружия, отпустят и пошлют вдогонку пулю. Стреляют в зевак, читающих объявления Дубасова. Достаточно, чтобы из окна раздался одинокий выстрел, нередко открыто провокаторский,—и дом немедленно подвергается обстрелу артиллерии. Луки крови и мозги с волосами, прилипшие к вывескам, обозначают путь, по которому прошла шрапнель.

Партизанские нападения, однако, не только озлобляют, но и утомляют, всеобщая враждебность населения ввергает солдат в уныние. 13—14 декабря были критическими днями. Смертельно усталые войска роптали и отказывались идти в бой с врагом, которого они не видели и силы которого страшно преувеличивали. В эти дни было несколько случаев самоубийства офицеров.

Дубасов доносил в Петербург, что из 15.000 душ московского гарнизона в «дело» можно употребить только 5 тысяч, так как остальные ненадежны, и просил присылки подкреплений. Ему ответили, что часть петербургского гарнизона отправлена в Прибалтийский край, часть ненадежна, а остальные самим нужны. Благодаря похищенным в военном штабе документам, эти переговоры стали известны в городе уже на другой день и влили бодрость и надежду в сердца. Но Дубасов добился своего. Он потребовал, чтобы

его соединили по телефону непосредственно с Царским Селом и заявил, что не ручается за «целость самодержавия». Тогда был дан приказ отправить в Москву Семеновский гвардейский полк.

15 декабря положение резко изменилось. В надежде на Семеновский полк реакционные группы Москвы воспрянули духом. На улицах появляется вооруженная «милиция», набранная из трущобного сброда союзом русского народа. Активные силы правительства возросли благодаря стянутым из ближайших городов войскам. Дружинники изнемогали. Обыватель устал от страха и неизвестности. Настроение рабочих масс падало, надежда на победу исчезала. Открылись магазины, конторы, банки, биржа. Движение на улицах оживилось. Вышла одна из газет. Все почувствовали, что баррикадная жизнь кончилась. В большей части города пальба затихла. 16 декабря, с прибытием войск из Петербурга и Варшавы, Дубасов становится полным хозяином положения. Он переходит в решительное наступление и совершенно очищает центр города от баррикад. Сознывая безнадежность положения, Совет и Партия постановляют в этот день прекратить забастовку 19 декабря.

Семеновцы-усмирители, действовавшие на железной дороге, получили приказ: «арестованных не иметь, действовать беспощадно». Сопротивления они нигде не встречали. В них не сделано было ни одного выстрела, тем не менее они убили по линии около 150 душ. Расстреливали без следствия и суда. Извлекали раненых из санитарных вагонов и добивали их. Трупы валялись неподобранными. Среди расстрелянных петербургскими гвардейцами был машинист Ухтомский, который умчал на паровозе от преследований боевую дружину, развив под выстрелами пулеметов бешеную скорость. Перед расстрелом он рассказал палачам про свой подвиг: «все спаслись,—спокойно и гордо закончил он,—вам не достать их».

Восстание в Москве длилось девять дней: с 9 по 17. Как велики были собственно боевые кадры московского восстания? В сущности ничтожны. 700—800 душ входили в партийные дружины. 500 социал-демократов, 250—300 социалистов-революционеров, около 500 вооруженных огне-

стрельным оружием железнодорожников действовали на вокзалах и по линиям, около 400 вольных стрелков из типографских рабочих и приказчиков составляли вспомогательные отряды.

Каково число жертв Московского восстания? В точности оно неизвестно и никогда не будет установлено. По данным 47 лечебниц и больниц зарегистрировано 885 раненых, 174 убитых и умерших от ран. Но убитых принимали в больницы только в редких случаях: по общему правилу они лежали в полицейских участках и оттуда увозились тайком. На кладбище похоронено за эти дни 454 человека убитых и умерших от ран. Но много трупов вагонами вывозили за город. Вряд ли ошибка будет велика, если мы предположим, что восстание вырвало из среды московского населения около 1.000 душ убитыми и столько же ранеными. Среди них 86 детей, в их числе грудные младенцы.

(Троцкий. «1905 год». Стр. 220, 221, 222, 225, 226, 227, 228, 230, 231, 232).

21. Декабрьское восстание.

Декабрьское восстание было решено рабочими гор. Москвы и ее окрестностей. Рабочие были его инициаторами и борцами. Вот лучшее доказательство тому. На конференции было два рода участников: рабочие, представители фабрик и заводов, имели красный билет и решающий голос; все районные работники—белый билет и совещательный голос. В решающих голосованиях принимали участие только первые.

Итак, вопрос решен: всеобщая политическая забастовка и вооруженное восстание. Я вспоминаю, как это жутко было, как это было ново и как всякий задумывался и старался определить свою роль и работу при мысли о вооруженном восстании, когда знаешь: «ведь оружия почти нет». Что делать, если Дубасов нас раздавит, а значит, и всю революцию? А если Петербург с его уставшими пролетариями нас не поддержит? Что, если работа среди армии была слишком ничтожной? А, быть может, и пропаганда среди рабочих в городах и среди крестьян в деревне, ве-

лась недостаточно, чтобы поднять на решительный натиск на такую твердыню, как самодержавие и его защитников? Не рано ли? Но жребий брошен, и каждый из нас обязан сделать все возможное, чтобы борьба закончилась победой: надеяться на «освобожденных» и болтунов нечего. Мы одни в борьбе, мы одни в победе и поражении.

(Сб. «Декабрьское восстание в Москве». Ст. Седого. Стр. 24—25).

22. Красная Пресня.

Во все время восстания Пресня, этот Монмартр Москвы, жила своей особой жизнью. 10 декабря, когда в центре уже раздавалась пушечная стрельба, на Пресне царил еще покойствие. Митинги шли своим чередом, но они уже не удовлетворяли массу. Она жаждала действий и осаждала депутатов. Наконец, в 4 часа дня был получен приказ из центра: строить баррикады. Все ожило на Пресне. Рабочие разбились на десятки, выбрали начальников, вооружились лопатами, ломami, топорами и в порядке выступили на улицы, точно на муниципальные работы. Никто не стоял без дела. Бабы выносили на улицу сани, дрова, ворота. Рабочие пилили и рубили телеграфные и фонарные столбы. Стук топоров стоял по всей Пресне, — казалось, будто рубят лес.

Отрезанная от города войсками, сплошь покрытая баррикадами, Пресня превратилась в пролетарский лагерь. Всюду были установлены дежурства дружинников, по ночам вооруженные часовые расхаживали между баррикадами и спрашивали у прохожих пароль. Наибольшим воодушевлением выделялись девушки-работницы. Они любили ходить на разведки, заводили разговоры с полицейскими и добывали таким путем полезные сведения. Сколько вооруженных дружинников действовало на Пресне? Человек 200, не более. В их распоряжении было до 80 винтовок и маузеров. Несмотря на такую малочисленность активных сил, стычки с войсками шли непрерывно. Солдат обезоруживали, сопротивляющихся убивали. Разрушенные баррикады восстанавливались рабочими. Дружинники строго придержива-

лись партизанской тактики: разбивались на группы в 2—3 человека, стреляли по казакам и артиллеристам из домов, дровяных складов, пустых вагонов, быстро меняли место и снова осыпали солдат выстрелами... 12 декабря дружинники отбили у драгун и артиллеристов пушку. Четверть часа они возились вокруг нее, не зная, что с ней делать. Из затруднения их вывел большой отряд драгун и казаков, который завладел орудием.

13 декабря вечером пресненская дружина привела на фабрику 6 взятых ею в плен артиллеристов. Их накормили за общим столом. Во время обеда говорили речи политического характера. Солдаты слушали внимательно и с сочувствием. После ужина их отпустили без обыска и с оружием: не хотели озлоблять.

Вечером 15 декабря дружинники арестовали на улице начальника охранного отделения Войлошников, произвели обыск на его квартире, конфисковали карточки поднадзорных и 600 руб. казенных денег. Войлошников был тут же приговорен к смертной казни и расстрелян во дворе Прохоровской фабрики. Он выслушал приговор спокойно и встретил смерть мужественно,—благороднее, чем жил.

16-го начался пробный артиллерийский обстрел Пресни. Дружинники ответили энергичным огнем и заставили артиллерию отступить. Но в этот же день стало известно, что Дубасов получил из Петербурга и Варшавы большие подкрепления, и настроение стало падать. Началось повальное бегство ткачей в деревню. По дорогам потянулись толпы пешеходов с белыми котомками за плечами.

В ночь на 17-е Пресня была окружена железным кольцом правительственных войск. В седьмом часу утра открылась жестокая канонада. Артиллерия делала до 7 пушечных выстрелов в минуту. Это продолжалось с часовым перерывом до 4-х часов дня. Разгромили и подожгли ряд фабрик и жилых домов. Палили с двух сторон. Пресня—вся в дыму и огне—походила на ад. Дома и баррикады обжаты пламенем, женщины и дети мечутся по улицам в клубках черного дыма, под гул и треск выстрелов. Зарево стояло такое, что можно было далеко в окружности поздним вечером читать, как днем. Дружина до 12 часов дня

успешно выступала против пехоты, но под ее непрерывным огнем вынуждена была прекратить боевые действия. С этого времени под ружьем оставалась лишь небольшая группа дружинников за свой страх и риск.

К утру 18-го Пресня была очищена от баррикад. «Мирному» населению был открыт выход из Пресни, по неряшливости выпускали даже без обысков. Первыми вышли дружинники, некоторые даже с оружием. Дальнейшие расстрелы и насилия разнузданной солдатчины производились уже тогда, когда ни одного дружинника на Пресне не было.

(Троцкий. «1905 год». Стр. 228—230).

IV. Мировая война и революция 1917 г.

А. Империалистическая Россия.

Вводная статья.

После потрясений, связанных с японской войною и революцией, Россия оправилась быстро и примерно к 1909—1910 году залечила нанесенные ей раны. Правда, революция не увенчалась успехом. Попрежнему и в городе и, в особенности, в деревне были сильны старые полукрепостные отношения. Налуганная революцией буржуазия в лице кадетов и октябристов стремилась найти общую почву с правительством, которое после революции очутилось в плену у «зубров»—им руководил совет объединенного дворянства. Но экономические противоречия не были изжиты. Попрежнему крестьянин мечтал о земле, а рабочий о свержении власти капиталистов. Правительство Столыпина, учитывая силу демократического крестьянства, пытается законом 9 ноября 1906 г. о выходе из общины и дальнейшим насаждением отрубов и хуторов создать себе опору в лице крупного кулацко-крестьянского землевладения. Этому крепкому крестьянству оказывается всяческое содействие, ему ставится сравнительно широкая агрономическая помощь, растут ссудо-сберегательные товарищества и кооперация. Но аграрный вопрос не разрешен и висит грозным—«помни о смерти»—над правительством и дворянством. Промышленный подъем оживил рабочее движение, а вместе с тем заставил насторожиться и промышленников, которые за эти годы великолепно организовались по производствам, имея верхов-

ный орган в лице Совета съездов промышленности и торговли.

Неразрешимый внутренний кризис заставил буржуазию и крепостников обратить усиленное внимание на наступательную внешнюю политику. При полной поддержке буржуазии начинается постепенное завоевательное устремление к проливам, к Персии, к Монголии. Вместе с тем русские хлебо-торговцы стараются добиться выгодных условий таможенного обложения русского сырья в Западной Европе—особенно в Германии. Развивается стремление к овладению ключом от своего дома—проливами, и идет усиленный рост армии и флота, на что либералы дают даже больше денег, чем просит правительство. Militarизм приносит барыши и владельцам многих промышленных предприятий. Вместе с тем положение России на международной арене значительно улучшается. Ища себе союзника для войны с Германией, Англия миром заканчивает ряд спорных вопросов с Россией (Персия, Афганистан, Тибет и особенно Турция), этим создается в противовес тройственному союзу тройственное согласие (Антанта).

За это же время процесс создания двух громадных промышленных групп в Европе вокруг Англии и Германии почти закончился, и вооруженные до зубов представители их ждали только удобного случая, чтобы разрешить спорные вопросы силою оружия. И этот момент настал в 1914 г. «Человечество сошло с ума»—наступил период полного идейного разброда и бессилия. II Интернационал, видевший с самого своего момента возникновения в 1889 году, своего злейшего врага в милитаризме и грозившей мировой войне, во всех своих резолюциях непрестанно указывавший на эту грозную опасность европейской культуре и всему рабочему классу и призывавший к активной, деятельной борьбе с войною, капитулировал. Вместо лозунга—пролетарии всех стран, объединяйтесь—был выставлен лозунг объединения с буржуазией своей страны. Под покровом общенародной опасности большинство социалистов призвало рабочих отказаться на время войны от классовой борьбы с капиталом и заключило с последним священное единение или гражданский мир. Но мало того, социалисты стали всячески

помогать своему буржуазному правительству вести завоевательную войну, всячески оправдывать захватническую политику. Шейдеман с братией в Германии, Гэд, Самба, Тома и Ренодель во Франции, Гендерсон в Англии, Вандервельде в Бельгии, Плеханов в России на перебой старались доказывать рабочему классу своей страны, что его злейшим врагом является пролетариат воюющей страны.

Только немногие социалисты остались верны лозунгу и заветам международной солидарности пролетариата и пытались нелегальными способами (им были закрыты открытые пути для выявления своих взглядов) распространять свои взгляды. Социалисты большинства заявили, что интернационал может быть восстановлен только после полной победы до конца их страны, а так как война затянулась, то они теперь не желали даже и разговаривать друг с другом. И только последовательные социалисты собрались в 1915 г. в Циммервальде, а в 1916 г. в Кинтале на свои конференции, на которых хотели положить основание новому действительному интернационалу. Наиболее последовательную линию вела так называемая левая Циммервальда, вождями которой были т.т. Ленин, Либкнехт и Люксембург. Большинство русских рабочих не поддалось на призывы оборонцев, прекрасно зная на своем опыте, что только поражение царизма на поле брани поможет победить революции в России, а победа царизма даст ему сил существовать еще долгие годы и укрепит его развалившееся уже к началу войны 1914 г. здание. Вот почему, проводя так называемую «пораженческую» линию, пошли на поселение рабочие депутаты 4-й гос. думы.

1. Крестьянство после революции 1905 г.

После революции 1905—1906 г.г. крестьяне довольно широко использовали возможность покупки земли. В целях расширения крестьянского землевладения, 12 августа 1906 года была передана Крестьянскому банку для продажи крестьянам часть удельных земель; всего по 1 января 1916 года их было передано 1.258.089 дес., т.-е. около шестой части всех удельных земель.

27 августа 1906 года было сделано распоряжение о передаче для той же цели части казенных земель. На основании этого указа были проданы крестьянам 309.441 десятина. Одновременно были расширены операции Крестьянского Поземельного банка по покупке частно-владельческих земель и по продаже их крестьянам. За время с 1 января 1906 года по 1 января 1916 года Крестьянский банк продал крестьянам 9.461.003 дес.

Расширение площади землевладения досталось крестьянам не легко: покупать приходилось с боя, отрывая нужную землю друг у друга. Отсюда понятен тот резкий рост цен на землю, который у нас наблюдался. Так, цены на землю, проданную через Крестьянский банк, изменялись следующим образом:

Год .	Цена на землю за дес. в руб.
1883—1890	45,4
1891—1895	47,1
1896—1900	75,7
1901—1905	104,9
1906—1910	113,3
1911—1915	131,6

Отсюда видно, что цена земли за истекшие 30 лет возросла почти втрое, совершенно не соответствуя росту доходности земли.

Что платежи Крестьянскому банку были не легки, это с достаточной ясностью вытекает из следующей таблицы, где мы приводим данные о недоимках крестьян по платежам Крестьянскому банку:

Годы.	Сумма недоимки.	Прог. недоимки к годовому окладу.
по 1 янв. 1911 .	9.071.900 руб.	21,3
„ 1 „ 1912 .	13.135.800 „	26,1
„ 1 „ 1913 .	15.382.800 „	27,2
„ 1 „ 1914 .	18.414.200 „	30,1
„ 1 „ 1915 .	33.685.000 „	51,6
„ 1 „ 1916 .	46.525.400 „	68,5

Отсюда видно, что недоимки крестьян по платежам Крестьянскому банку сильно растут за последние годы, дойдя за время войны до двух третей всего годового платежа.

Арендная плата за землю, как и цена на самую землю, сильно возросла, доходя порой до чрезвычайной высоты; например, для черноземной центральной полосы до революции 1917 года арендные цены доходили до 40—50 рублей за десятину под посев.

При таких условиях крестьянской массе трудно было вносить улучшения в свое хозяйство.

По подсчетам Центрального Статистического Комитета, в 1910 году из всех орудий вспашки у крестьян 43 процента составляли сохи, 5 проц.—косули и 52 процента—плуги, т.е. почти половина важнейших орудий земледелия принадлежала к стародавним эпохам. Плуг стал завоевывать себе широкие права гражданства лишь в 900-х годах. Из всех орудий разрыхления пашни у крестьян 25 процентов составляли деревянные бороны с деревянными зубьями, 70 проц.—деревянные же бороны с железными зубьями и только 5 проц. приходилось на орудия более усовершенствованного типа.

Не лучше были и рабочие лошади крестьян, мелкие и слабосильные; к тому же далеко не все крестьяне имели их в достаточном количестве. Так, по переписи 1912 года, 31,5 процентов крестьянских хозяйств не имели вовсе лошадей, 32,1 проц. их имели по 1 лошади на двор, 22,2 проц. хозяйств имели по 2 лошади и только 14,2 проц. всех дворов имели 3 и более лошадей на двор.

Слабая лошадь легкой сохой или плугом не в состоянии глубоко захватить черноземную почву. Таким образом, истощается и выпахивается только самый верхний слой.

Не лучше, чем с обработкой земли, обстоит дело и с удобрением ее. Так, от своего скота крестьянство в 1916 году могло получить самое большее 22.763,4 миллионов пудов навоза. При правильном удобрении в 2.400 пудов на десятину этого количества навоза могло хватить не более, как на 9.500 тысяч десятин; весь же посев крестьян составлял в 1916 году 64.022 тысячи десятин; следовательно, навоза могло хватить едва на 14,8 процентов площади.

Здесь надо принять во внимание, что часть соломы и навоза в черноземных безлесных губерниях шла на топку, а часть—на огороды; поэтому на пашню навоза прихо-

дится очень мало. К тому же в больших селах часть земли сплошь и рядом очень далеко отстояла от усадеб, а потому ее вовсе не удобряли.

Низкая урожайность земли, вызванная плохой обработкой и слабым удобрением ее, настойчиво заставляла крестьянина искать новых земель. Несмотря на сверхчеловеческие лишения, которые приходилось переживать переселенцам, поток их безудержно шел на восток, к простору земли.

Скоро, однако, и в Сибири оказались заняты уже почти все удобные земли. Приходилось переселяться или на Дальний Восток, или в лесную тайгу, или в сухие степи Туркестана и Средней Азии. Переселенцам приходилось вступать в тяжелую борьбу с природой, осушать болота, вырубать и жорчевать леса, орошать безводные степи.

Вот почему мы замечаем, что за последние годы перед войной переселение в Сибирь сильно сократилось.

Так, в среднем в год переселялось:

Годы.	Число переселенцев в год (в тысячах).
1896—1900	143
1901—1905	68
1905—1910	401
1911—1913	203

Во время японской войны и революции 1905 года переселение сильно упало; а затем, когда крестьяне отчаялись получить землю здесь, на родине, они массой хлынули в Сибирь. С переселенческой волной, превывсившей в 1909 году 600 тысяч душ, в Сибири не могли справиться: земли не успевали нарезать, толпы переселенцев, не находя дела, бродили без места, и разоренные, сотнями тысяч двинулись обратно.

Посмотрим теперь, как отразилось на положении крестьянства законодательство Столыпинского правительства о выходе из общины.

К 1 января 1916 года вышли из общины, по указу 9 ноября 1906 г. и по закону 14 июня 1910 г. и стали личными собственниками, укрепив за собою землю по документам, 2.478.224 домохозяина на площади в 15.919.208 дес.

Подворных владельцев, ставших по указу 9 ноября

1906 года личными собственниками земли, к 1 января 1905 года насчитывалось 2.817.998 домохозяина на площади в 22.977.451 десятины; к 1916 году число их значительно увеличилось вследствие естественного дробления семей. Всего же личных владельцев наделной земли, даже по преуменьшенным расчетам, было к 1916 году, таким образом, около 4,3 миллиона дворов, располагавших площадью в 38 миллионов десятин наделной земли.

Кроме того, по приблизительным подсчетам, в обществах, где не было переделов, осталось около 2.000.000 домохозяев крестьян, не получивших еще удостоверительных актов; они имели свыше 14 миллионов десятин наделной земли.

Таким образом, из общего числа 10 миллионов крестьянских дворов к 1 января 1916 г. в личной собственности фактически находилось около $6\frac{1}{2}$ миллионов дворов, т.-е. почти $\frac{2}{3}$ общего числа крестьянских хозяйств.

Столь крупное число крестьян, перешедших от общинного к личному владению, свидетельствует, что указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г. попали в самое больное место общины: в одних случаях они доканчивали процесс разложения общины, переставшей переделывать землю; в других случаях они поощряли на разрыв с общиной тех, кто боялся потерять часть земли при переделе, или тех, кто все равно стремился порвать связь с деревней, живя промыслами вне своей деревни.

Что этих последних было немало, достаточно сказать, что на 1 января 1915 года 1.022.622 домохозяина продали всю или часть своей земли, а всего продано ими 2.515.513 десятин, т.-е. около 2,5 десятин на продавца. Продавцы земли расставались с ней или потому, что и раньше слабо держались за землю, живя далеко от своей деревни, или, продав землю, уходили из деревни в города или в Сибирь. Некоторая же часть продавцов, продав землю из нужды, становились нищими.

Скупка земель в сколько-нибудь широких размерах происходила лишь в некоторых многоземельных местностях, как, например, Самарская, Ставропольская, Херсонская и некоторые другие южные и юго-восточные губернии. В мало-

земельных же губерниях продаваемые наделные земли раскупались большей частью по мелочам нуждающимся в земле соседями; при незначительных размерах отдельных покупок они мало улучшали положение покупателей, тем более, что рост земельных цен заставляли затрачивать на покупку земли значительные средства, вместо того, чтобы употреблять их на улучшение своего хозяйства.

Такова была одна сторона земельной реформы 1906—10 годов. Одновременно выдвигалась и другая ее сторона—землеустройство, т.-е. свертание чересполосных наделных земель к одним местам, в виде отрубных и хуторских участков.

В этих целях были учреждены землеустроительные комиссии, в обязанности которых входило проведение в жизнь землеустроительного законодательства.

Чтобы оценить, что дало землеустройство истекших 10 лет, необходимо помнить две основные цели, которые руководили авторами описываемого законодательства. Первоначально наиболее заметной была цель политическая—создание класса крепких, сильных крестьян, владеющих достаточным количеством земли, способных к улучшениям в своем хозяйстве; они должны были стать естественными союзниками крупных землевладельцев в борьбе их за свои права в ожидавшейся революции. Другая цель, особенно подчеркивавшаяся при создании Положения о землеустройстве 29 мая 1911 г., состояла в том, чтобы дать возможность вести правильное сельское хозяйство, чрезвычайно затрудненное крайней чересполосицей, удаленностью полей от усадеб, обязательностью для всех однообразного порядка землепользования и проч. Эта цель—чисто хозяйственная, агрикультурная. Таким путем надеялись поднять производительность крестьянского хозяйства и тем ослабить остроту аграрного вопроса.

Политические цели вначале играли первостепенную роль: к ускорению хода землеустройства принимались различные меры.

Так, нередко выделявшимся из общины домохозяевам нарезалась лучшая и ближняя земля, несмотря на протесты остававшихся в общине. Далее, для поощрения выхода на отрубные и хуторские участки правительство выдавало на

льготных условиях ссуды и субсидии. За 10 лет было выдано ссуд на 33 миллиона рублей 320.000 домохозяев; 60.000 домохозяев получили в безвозвратное пособие 1.300.000 руб. Иногда, не ограничиваясь легальными путями, прибегали к разного рода давлению на крестьян, чтобы побудить их к выходу из общины. Бывали случаи и явного принуждения. Деловая же, полезная сторона реформы: правильное устройство земельной площади, отходила на второй план.

Между тем, без коренного переустройства земельной площади невозможно сколько-нибудь серьезное улучшение в сельском хозяйстве.

Прежде всего, совершенно невозможно правильно обрабатывать и удобрять землю в селах, насчитывающих несколько тысяч жителей. В таких крупных поселениях, а у нас почти вся черноземная полоса и особенно юг и юго-восток заселены именно большими селами, земля раскидывается на 10—15 и более верст; между тем, по исчислениям практиков, с выгодой можно вывозить навоз не далее 3—4 верст; поэтому дальние земли остаются совершенно неудобренными. Отсюда вытекает настоятельная необходимость расселения больших сел на мелкие поселки и отдельные хутора.

Далее, представляется совершенно невозможным правильно обрабатывать сотни полосок, разбросанных на большом расстоянии. Как известно, крестьянские земли лежат в чрезвычайно пестрой чересполосице; мелкие, узкие полосы невозможно правильно обрабатывать; земля теряется на межах; межи зарастают сорными травами, засоряющими и все поле; на переезды с полосы на полосу теряется непроизводительно много времени и т. д.

Затем, очень часто, особенно в черноземной полосе, земли крестьян были спутаны с землями частных владельцев или земли одних обществ чередовались с землями других обществ, что вело к постоянным недоразумениям при пастьбе скота, к излишним переездам и проч.

Наконец, недостаток выгонов у крестьян и чересполосность их земель связывали все хозяйства, заставляя всех подчиняться однообразному порядку. Недостаток выгонов вызывает необходимость пасти скот по пахотным землям: по парам до сева озимых и по жнивьям после снятия урожая.

Отсюда необходимость для всех принаравливаться к установленному обществом порядку в выборе времени работ, растений для посева. С другой стороны, при чересполосице полевой земли все должны по возможности одновременно пахать, сеять, убирать урожай, чтобы не повредить полос при переездах. В результате и получается та общая связанность, которая не дает возможности отдельным домохозяевам применять улучшенные способы ведения хозяйства. Нужно ждать, пока весь мир сознает необходимость таких улучшений, что, конечно, совсем не так легко.

Каковы же количественные результаты землеустроительной деятельности?

В приводимой ниже таблице мы даем цифровые данные по «единоличному» землеустройству, имеющему целью создание отрубных и хуторских участков единоличного владения, и по «групповому» землеустройству, преследующему цели устранения внешней чересполосицы крестьянских земель с землями других сословий, отдельных обществ между собой и проч.

Годы.	Работы по размежеванию наделов, земель на отрубные и хуторские участки.		Работы по групповому землеустр. (размежевание земель разных о-в. на части и проч.)	
	Число домохозяев.	Площадь в десят.	Число домохозяев.	Площадь в десят.
1907—1911	484.374	4.474.211	329.786	2.592.090
1912	114.541	1.219.770	124.053	824.358
1913	180.342	1.697.138	190.917	1.125.389
1914	196.317	1.901.436	265.618	1.910.177
1915	173.502	1.666.875	220.918	1.751.201
Всего..	1.149.076	11.259.637	1.134.292	8.203.215

Из приведенных данных видно, что на отрубные и хуторские участки вышло свыше миллиона домохозяев, что составляет около 8—9 процентов крестьянских дворов в настоящее время. Такое же приблизительно количество дворов было затронуто групповым землеустройством.

Таким образом, к 1 января 1916 г. землеустроительные мероприятия коснулись, в большей или меньшей мере, почти $\frac{1}{5}$ общего количества крестьянских дворов.

Нам остается еще сказать несколько слов о результатах

землеустройства. Какие изменения произошли в хозяйстве крестьян, земли которых были сверстаны в отрубные и хуторские участки?

В области земледелия на землеустроительных участках замечалось значительное движение вперед: более ранний взмет пара, углубление запашек, более тщательная обработка пашни, усиленное удобрение, применение искусственных удобрений, переход к многопольным системам полеводства, и проч., например, по Богородицкому уезду, Тульской губернии, оказалось, что глубина запашек на хуторских участках в 1913 году равнялась 3,2 вершка, на отрубных—2,8 вершков; а на чересполосных землях—2,2 вершка. На общественных землях вспашка земли под рожь производилась в конце июня; тогда как хуторяне и отрубники по преимуществу пахали весной; в обществах крестьян ежегодно удобрялось 7 процентов посева, у отрубников 23 процента, у хуторян 45 процентов и т. д. Подобные данные имеются по целому ряду уездов.

При оценке этих результатов необходимо, однако, иметь в виду, что хуторяне, а отчасти и отрубники представляют собой более обеспеченный слой деревни, который естественно опережает более слабых однообщественников. Выделение из общины дало возможность наиболее сильным элементам крестьянства развернуть и усовершенствовать свое хозяйство. Большая же часть крестьянской массы от реформы только пострадала.

Выделы отдельных домохозяев вели к чрезвычайно печальным последствиям для оставшихся в общине. Раз из общины могли в любое время выделиться отдельные домохозяева и отрезать от общества часть его земель в свою собственность, то вся община часто переставала удобрять землю, в спорах о выделе опаздывали со вспашкой пара, засеивая его чем придется, чтобы не доставалась отдохнувшая земля отрубщикам и хуторянам.

Малоземельные крестьяне ничего не выиграли и от сверстания земли. Скорее, наоборот, они потерпели известный ущерб, будучи не в состоянии выдержать неизбежного при этом потрясения хозяйства. Например, в Богородицком уезде, Тульской губ., в хозяйствах, имевших земли меньше

3 десятины на 1 двор, увеличилось количество дворов без инвентаря с 60 до 69 процентов, количество голов скота уменьшилось с 2,3 голов на хозяйство до 1,3 и т. д. Подобные же указания имеются по Торопецкому уезду, Псковской губернии, по Новоградволыньскому уезду, Волынской губ., и проч.

Мы видим, таким образом, что и крестьянский банк, и переселения, и землеустроительные мероприятия оказались бессильны разрешить аграрный вопрос. Положение громадной массы крестьянства оставалось попрежнему безвыходным.

(Мозжухин. Аграрный вопрос в цифрах и фактах действительности». Стр. 12—47).

2. Промышленное развитие России после революции 1905 г.

От катастрофы, пережитой в связи с японской войною и революцией 1905—6 гг., Россия быстро оправилась. К 1-му января 1908 г. финансы пришли в равновесие, и это знаменовало изжитие кризиса. И темп ее хозяйственного развития стал гораздо быстрее. За 10-летие (1905—1915 г.) городское население увеличилось в полтора раза при общем увеличении на одну четверть. Для всей страны площадь посевов увеличилась на 10 процентов, при чем для сибирских степных областей дошло до 140 процентов. Выплавка чугуна с 172 миллионов пудов дошла в 1913 до 283, а число прядильных веретен с 7.800.000 дошло до 9 миллионов. Число рабочих в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, с 1.800 тысяч в 1907 г. дошло к 1913 до 2.300 тысяч. При чем важно отметить, что капитал организовал в России более крупные предприятия, чем на Западе. В среднем каждое русское предприятие имело рабочих на 400 человек более, чем германское. То же мы замечаем и на предприятиях гигантах, где в среднем на каждое приходится в России больше рабочих, чем в Германии (2.300 и 1.900), да и самых этих гигантов в России было больше, чем в Германии.

Со времени 1905 г. Россия решительно вступила на путь полнейшей реорганизации в области экономических отношений. Если до этого времени синдикаты и тресты у нас были

редки, то в течение этого короткого срока синдикатская форма организации промышленности сделалась господствующей в нашей торгово-промышленной жизни.

Во главе всех русских синдикатских организаций стоит известный синдикат Продамет (сокращенное продажа металла). В 1911 г. этот синдикат объединял в своих руках продажу 81 процента всего сортового железа и балок, производимых в России, 74 процента листового железа и 68 процентов бандажей и осей. Этого вполне достаточно, чтобы держать контроль над всем металлургическим производством и управлять им по своему желанию. Деятельность этого могучего синдиката дополняется работой синдикатов «Кровля» и «Проволока».

Такую же роль в угольном производстве играет синдикат «Продуголь». Этот синдикат в настоящее время сосредоточивает в своих руках свыше 600 милл. пудов угля и кокса в год и объединяет под своим руководством самые крупные предприятия юга и Домбровского бассейна, выбрасывающие свыше 95 процентов всего угля, добываемого в России.

Производство нефти объединено в России трестом Бакинских, Грозненских и Английских нефтепромышленных предприятий с центральным управлением в Лондоне. Создание этого треста было прекрасно подготовлено высокой степенью концентрации капиталов в этой отрасли производства. 16 нефтепромышленных фирм сосредоточивают в своих руках 56 процентов всей добычи нефти. Еще сильнее развита концентрация в области торговли керосином, а именно: в руках двух обществ Товарищество бр. Нобель и компания Мазут сосредоточено 70 процентов торговли керосином.

Синдикат «Медь» контролирует в настоящее время 83 процента производства всей русской меди. Сахарный синдикат держит в своих руках весь внутренний рынок. Соляной синдикат охватывает всю Россию и Сибирь. Главными заправками его являются представители Харламовского рудника, принадлежащего французскому обществу, рудника Петра Великого, принадлежащего голландскому обществу, и русского солепромышленного общества. В обществе холодильного дела

орудует настоящий трест с основным капиталом в 12.500.000 рублей.

Кроме того, у нас существуют синдикаты по производству табачных изделий, стеариновых свечей, спичек, бумаги, гильз, крахмала, ламп, пива, полотняных пуговиц, резиновых изделий, анилиновых красок, белильной извести, винно-каменной кислоты, уксуса, серной кислоты, сульфата. Трест фабрикантов сельско-хозяйственных орудий «Урожай» угрожает повышением цен сельским хозяевам; многочисленные пароходные синдикаты, среди которых выделяется своими размерами новый волжский пароходный синдикат, усиленно взвинчивают фрахты, и т. п., и т. п.

Другими словами, в настоящее время в России нет ни одной отрасли промышленности, играющей значительную роль в хозяйственной жизни страны, которая не была бы объединена в различные организации, начиная от временных и несложных, в роде корнеров или рингов, и кончая самыми усовершенствованными синдикатами и трестами американского типа.

Подобно Западной Европе и в России замечался процесс все большего вмешательства финансового капитала в промышленную жизнь страны. «Первые шаги по пути к экспроприации частновладельческих функций предпринимательского капитала были сделаны в России банками, естественно, прежде всего, в области торговли, к которой кредитные операции финансового капитала могли быть легче приспособлены; а первый товар, на который наши банки обратили в этом смысле усиленное внимание, был хлеб, уже давно питавший их, как ссудные учреждения. К 1909 г. весь николаевский экспорт хлеба равнялся 100 миллионам пудов, и из них 36 миллионов, т. е. 36 процентов, было экспортировано не частными хлебными фирмами, а банками. Среди последних наиболее видное место занимал С.-Петербургский Международный банк (20 милл. п.), Северный банк—8 миллионов пудов и Русский для внешней торговли банк—7 миллионов пудов; несмотря на то, что эти банки захватили только одну треть экспорта, они играли в торговле Николаева господствующую роль, так как финансировали почти все крупные фирмы и держали в своих руках значительную часть ко-

миссионного дела. От торговли банки перешли к промышленности и, например, указанный выше синдикат Продамета находился в руках четырех групп—французской, немецкой, бельгийской и, наконец, русской, которая в конечном счете является опять же иностранной, так как большинство наших банков находится под контролем соответствующих учреждений на Западе. В результате и сами банки подвергаются процессу объединения, продолжая объединение в своих руках промышленности. Вот деятельность пяти важнейших петербургских банков: Международного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Учетно-ссудного и Русского торгово-промышленного. Первое место среди левиафанов нашего финансового капитала занимает Международный банк, который был заинтересован в следующих промышленных предприятиях: петербургские товарные склады (капитал 4 милл. руб.), восточное о-во товарных складов (7,7), российское общество транспортирования и страхования (4,2), страховое о-во Россия (5), Нефтяное о-во Манташев—20, нефтяное о-во Нобель—30, Асерин о-во добывания цемента—5, Ленское золотопромышленное—16,5, Всеобщая компания электричества—12, Донецко-юрьевское о-во—31, Вагоностроительный завод Феникс—6, Коломенский машиностроительный—15, Русское общество артиллерийских заводов—25, Механические заводы Бромлей—2, Машино-строительный завод Гартман—9, Русское паровозостроительное и механическое т-во—8, Сормовские заводы—10, Брянский рельсопрокатный—30, Никополь-Мариупольское горное и металлургическое о-во—13, Мальцевские заводы—12, Тульский патронный—9, Тушетухановские рудники—3, итого 22 предприятия, с капиталом 270 миллионов рублей. Этим однако сфера влияния Международного банка не ограничивается. Кроме акций двух других крупных петербургских банков—Русского для внешней торговли и Азовско-донского, в его руках находятся акции пяти важнейших частных железных дорог: Владикавказской, Северо-Донецкой, Юго-Восточной, Московско-Виндаво-Рыбинской и первого общества подъездных путей. В общем заинтересованность Международного банка во всех перечисленных предприятиях достигала приблизительно до полумиллиарда. Что же касается до остальных четырех банков, то они

заинтересованы в целом ряде разнообразнейших предприятий, при чем Русско-Азиатский банк влияет на предприятия с капиталом в 200 милл., Азовско-Донской—138 милл., Учетно-ссудный 133 милл. и Русско-торгово-промышленный—60 милл. В общем только эти пять банков по самому скромному расчету влияют на промышленный капитал в 700 милл. руб., и таким образом, прямо или косвенно контролируют важнейшие отрасли промышленности, постепенно подготавливая господство банковского капитала в русской хозяйственной жизни.

(Цыперович. «Синдикаты и тресты». Стр. 14—15, 94—95, 104—105).

3. Рабочее движение.

В связи с промышленным подъемом находится и начало нового революционного подъема среди рабочих, которое можно отнести приблизительно к 1911 г. Этот подъем происходил в условиях, существенно изменившихся по сравнению с условиями подъема, приведшего к революции 1905 г.

Дело в том, что, несмотря на самый широкий разгул реакции, оставалась еще кое-какая возможность легальной организаторской работы среди рабочих. Правда, что и люди, работавшие в рамках строгой легальности (законности), подвергались полицейским гонениям, арестам и высылкам. Но эти гонения были все же слабее, чем по отношению к членам нелегальных партийных организаций. И до ареста человек успевал кое-что сделать не в тесном нелегальном кружке, а среди более широкого слоя рабочих.

Таковыми легальными возможностями (страшно к тому же урезанными) являлись Государственная Дума, профессиональные союзы, рабочие клубы, просветительные общества, вечерние курсы, участие в буржуазных съездах, рабочая легальная печать и позже рабочие страховые (больничные) кассы.

В вопросе об отношении к «легальным возможностям» в партии наметилось три течения.

Часть большевиков стояла за бойкот и Государственной Думы и других легальных возможностей организаций. В третью Думу уже прошли социал-демократические депутаты,

почему бойкотисты требовали, чтобы партия отзывала депутатов из Думы. Сторонники этого течения получили название «отзовистов». Через несколько лет, с ростом нового подъема рабочего движения, отзовизм сам собою растаял.

Большинство большевиков и часть меньшевиков стояли за использование легальных возможностей, но при непременном условии существования нелегальной партии, которая объединяла бы и дополняла бы деятельность легальных организаций, руководясь широкими задачами революционной с.-д. Эта часть партии получила название партийцев, в противоположность «ликвидаторам». Из числа видных меньшевиков в числе партийцев был Г. В. Плеханов. И в годы перед войною замечалось некоторое сближение Плеханова с большевиками.

Наконец, третье течение, главным образом, среди меньшевиков, провозгласило, что нужно ликвидировать партию. Оно начало открытую борьбу против самого существования нелегальной партии. Вождями и вдохновителями ликвидаторства были А. Потресов, Ф. Дан и другие меньшевистские литераторы с органом этого направления «Наша Заря». По отношению к с.-д. партии наиболее ярко лозунг ликвидаторства был высказан Даном в словах: «Антиликвидаторство (т.-е. борьба за партию) предстало перед ним (рабочим движением) лицом к лицу, как непримиримый противник, которого надо победить в открытом бою... Антиликвидаторство есть вечный тормаз, вечная дезорганизация... Надо всеми силами стараться убить ее теперь же».

При таких лозунгах уничтожения партии, естественно, уже не могло продолжаться то объединенное существование партии, которое было достигнуто на стокгольмском объединенном съезде 1906 г. и подтверждено на лондонском съезде 1907 г. Борясь с революционной социал-демократией, меньшевики в августе 1912 г. создали свой собственный центр — Организационный комитет, который и создал совершенно невозможные отношения внутри с.-д. фракции 4-й Гос. Думы, что и привело к расколу и образованию большевиками социал-демократической рабочей фракции, которая и стала за защиту неурезанных лозунгов, которые сводились к следующим трем «китам» (ругательная кличка, данная меньшевиками).

1. Демократическая республика (ради цензуры в легальных газетах печаталось: «действительная и всесторонняя политическая демократия»).

2. 8-часовой рабочий день (выяснялось, что это требование выдвигается как основа для всяких других экономических завоеваний пролетариата).

3. Переход помещичьих земель в руки крестьян без всякого выкупа.

Взамен этого ликвидаторы выдвигали свободу коалиций (союзов) и другие политические права.

(Ольминский, М. «Из эпохи Звезды и Правды». Т. I).

4. Ленский растрел 4 апреля 1912 г.

В истории рабочего движения знаменитый «ленский растрел» сыграл крупную историческую роль. В далекой лесной таежной пустыне раскинулся на сотни верст ленский золотопромышленный район. Капитал здесь царит безраздельно. Экономика и политика объединены здесь в самой откровенной, самой наглой форме: все органы политической власти—полиция, суд, военное начальство, школа, находятся в руках или на откуп у золотопромышленных фирм. И между этими фирмами царит самодержавно над всем районом «Лензото». Самодержавие его находилось в прямой связи с питерским самодержавием и с международным империализмом, так как большая часть его акций принадлежала англичанам.

На приисках полностью царили нравы доброго старого времени, нравы крепостного права—вплоть до права высших чинов располагать по своему произволу женами и дочерьми рабочих. А перед забастовкой ленское товарищество систематически ухудшало положение рабочих: уменьшало заработок, увеличивало штрафы, поднимало цены на съестные продукты (кроме хозяйских лавок их негде купить), обчитывало, расплачивалось талонами вместо денег, ухудшало рабочие жилища и оборудование шахт. Поэтому 20 февраля началась чисто-экономическая забастовка.

Войска в районе приисков было недостаточно; и первое время администрация приисков держалась уклончиво, со-

глашаясь даже на удовлетворение мелких требований рабочих, но с прибытием войск картина резко изменилась. Были арестованы выборные от рабочих, избранные по предложению исправника и окружного инженера. 4 апреля рабочие отправились на Надеждинский прииск для переговоров с прокурором по поводу этих арестов и для вручения ему «сознательных» записок, в которых все рабочие в одинаковой форме заявляли следующее: «Я, рабочий Лензота, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки со стороны рабочих не было. И мы продолжаем забастовку в виду нарушения с нами договора Лензотом и неудовлетворения наших требований».

Все шли с простою душою. Открытые сердца были у всех. Пошли, как в церковь. Пошли просить об освобождении выборных. Все шли спокойно; многие держали в руках сознательные записки. Впереди шли выборные, за выборными—семейные, а за семейными—все остальные. Шли, растянувшись узкою лентою от одной до двух верст, по два, три человека.

Рабочие приближались к Надеждинскому прииску. И когда до народного дома оставалось от 120 до 250 саж., тогда жандарм Трещенков (виновник бойни) возбудил солдат против рабочих, говоря: «торопитесь; вас хотят обезоружить», и ожесточил против рабочих.

Трещенков затем послал стражника Титова остановить толпу. Вместе с ним пошел и окружной инженер Тульчинский. Рабочие же уже свернули с главной дороги на Надеждинский прииск.

Толпа остановилась. Передние ряды окружили Тульчинского и подали ему заявление. Тульчинский начал читать. Рабочие теснились около него. Часть села на штабеля бревен... часть на изгородь... начали курить.

Но вот... Трещенков сделал знак рукою, как дирижер, и неожиданно раздался залп.

За залпом последовала стрельба начками. Послышались стоны и крики. Потеряв самообладание, солдаты продолжали стрелять по бежавшим и лежавшим рабочим. Когда выжили ружья, стрельба прекращалась с тем, чтобы через мгновение возобновиться.

Кончилось.

Стали собирать и увозить убитых и раненых. Один из урядников стоял около подвод, считал и записывал, сколько положено на каждую подводу мертвых тел.

Убитые и раненные были увезены.

На месте остались победители—Трещенко и администрация. Чем же занялись эти люди? Они занялись работою по созданию вещественных доказательств вооружения толпы. Вот что рассказывали об этом свидетели. «Когда убитых и раненных увезли, Трещенко обратился с вопросом: «всех увезли?» И когда получился утвердительный ответ, он дал распоряжение собирать палки и выбрасывать их на дорогу. И стражники стали собирать колья из изгороди, «стежки» (толстые палки, которыми пользуются при складывании бревен, кирпичи, оставшиеся с осени от стройки и т. п.). Было тихо и спокойно. Не было ни смятения, ни волнения. Начальство ходило взад и вперед по дороге, упитанной кровью, и покуривало. «Эти люди,—добавляет другой свидетель,—рассуждали что-то тихо, как будто сенокос покончили».

В результате оказалось 270 убитых и 250 раненых. Расстрелы рабочих во имя барышней капитала и раньше были в России не редкостью. Но для истории рабочего движения новостью явилось то, как встретил этот расстрел рабочий класс по всей России. Как только в Петербурге 7 апреля стало известно о ленском расстреле и о нем сообщила в ряде пламенных статей большевистская «Звезда», поднялся горячий, деятельный протест сперва питерцев, а потом и всех русских рабочих. В резолюциях, в политических однодневных забастовках, в демонстрациях на улицах рабочие требовали расследования и наказания виновных. В ответ на это последовал со стороны власти высокомерный ответ министра внутренних дел «так было, так будет». И в ответ на эти слова еще выше поднялся гребень стачечной волны. Поэтому правительство вынуждено было признать незаконность расстрела и послать на Лену ревизию, надеясь этим окончательно сразить ленских рабочих.

Ответ на ленский расстрел по своему духу протеста и по единодушию рабочих явился повторением того ответа, который был дан рабочими после расстрела 9 января. Стало

лено, что воскресает революция, задушенная пять лет назад, воскресает с новыми силами расширенная и углубленная.

Но и власть царского ревизора не сломила настойчивости ленских рабочих. Лензото не уступило в главном, и рабочие после 4-месячной забастовки решили покинуть прииски, но уходили они обогащенные политическим опытом. Перед отъездом к ним на общее собрание явился чиновник и предложил обратиться с верноподданнической благодарностью за ревизию к царю, и произошло следующее. Проект резолюции с выражением верноподданнических чувств был поставлен на голосование нескольких тысяч рабочих. Факт беспримерный в истории рабочего движения в России. При голосовании проект был отвергнут всеми голосами при 7-ми воздержавшихся. И в адресе адвокатам они намекали на свою правду, горько ими познанную в кровавое утро 4-го апреля 1912 г. В своем адресе они высказали «свою твердую веру в то, что настанет для них и для всех рабочих России лучшее светлое будущее, в котором будет свободнее жить и дышать».

(Тюшевский. «К истории забастовки и расстрела рабочих на ленских промыслах». Петербург, Госиздат., 21 г., стр. 42).

5. Рабочая пресса.

В 1909 г., во время частичных петербургских выборов в Государственную Думу, в Петербурге, в течение нескольких недель, существует марксистский еженедельник «Новый Путь». Его главной задачей была борьба с кадетами из-за влияния на городскую курию избирателей. Отклик рабочих на эту газету был крайне слаб. Газета прошла почти незамеченной рабочими.

В 1910 г. в марксистских кругах (так ради цензуры называли социал-демократическую партию) снова заговаривают о постановке легального еженедельника. И к концу года газета выходит.

В течение первого полугодия успех «Звезды» был сравнительно невелик. Рабочие все еще не оправались от ударов. В рабочих кварталах все еще господствовало подавленное

настроение, усталость, равнодушие, разобщенность. Дела «Звезды» в начале шли настолько плохо, что она на 25 номере вынуждена была приостановиться. После трехмесячного перерыва она возобновляется. В «Звезде» увеличивается хроника рабочего движения. Газета становится все более и более рабочей. С другой стороны, и направление «Звезды» становится все более и более определенным. «Звезда» занимает бесспорно резко антиликвидаторскую (читай: партийную) позицию.

В декабре 1911 г. впервые в «Звезде» поставлен вопрос об ежедневной рабочей газете. Сначала идея казалась на ближайшее время совершенно несбыточной мечтой. Как же случилось, что то, что казалось волшебной сказкой, фантастическим сном, так скоро претворилось в живую действительность? Кто совершил это чудо?

Это чудо совершил русский рабочий класс, его движение.

Русский рабочий одним ударом решает такую важную и трудную задачу, как постановка ежедневной рабочей газеты. «Правду» вынесла на своем гребне волна начавшегося в 1912 году рабочего движения.

«Ну, товарищ Георгий, решено.—«Правда» выходит надвигаясь... И там будешь действовать красными чернилами, клеем, ножницами и телефоном... А «Звезда» (дело происходит в редакции «Звезды») скоро потухнет, сиять будет лишь «Правда»—рабочая «Правда»—на всю Россию.

Вот и первый номер «Правды» вышел 22 апреля 1912 г. и с трепетом душевным читаю его... Первый ежедневник.

Сажу за рабочим столом. Пишу, режу, клею. Статьи приносят, шлют, телефонируют... И все рабочие, сами рабочие, пишут, сообщают... Рабочая «Правда». Так дни и шли: пишешь, правишь рабочие рукописи. Говоришь с профсоюзом по телефону, а кругом кипит жизнь—рабочие приходят, уходят.

А вечером, ночью—в типографии на корректуре газеты. Но вот в наборной голос дяди Кости (т. К. Еремеев—теперешний редактор «Рабочего»). Лечу туда. И в сиреновом тумане от висящей в пространстве свинцовой пыли от касс и тусклого электрического света—начинаем верстку «Правды». Не опоздать бы...

— А все же местечко мне оставьте на этот раз,—бубнит раскатието кто-то свыше.

— А, Демьян Бедный. Что, басню приволокли?—улыбаясь ворчит дядя Костя. Вот и басня набрана после долгих совещаний: нет ли в ней чего-либо прицепистого для цензуры... Каждую ведь ночь ждем визита полиции...

— Тов. Георгий, к телефону. От металлистов звонят—стачка,—кричит над моим ухом малыш—ученик-наборщик, нагруженный гранками...

Бегу, слушаю, пишу. Набрано, читаю корректуру—2—3 забористых словечка вон—не то завтра конфискуют. И стачка «влезла».

А вот и т. Н. Г. Полетаев—посмотреть номер пришел. Прямо с вечернего заседания Г. Д.

— Эх, не запоздал? Во фракции нашей задержали. С Песков к вам в типографию не близко.

А вот и телеграммы тащат.

— Фу, и куда только.

Но вот номер сверстан. Полосы просмотрены и в цензуру посланы. Стереотипы уже отлиты, и уже шуршат газетные листы в ротационной, а около них черед газетчиков и рабочих с заводов... За газетой... Торопят.

«Правда» была создана на рабочие гроши, которые собирались и отдельными рабочими, и за два года 1912—13 пожертвования поступили от 3.196 рабочих групп. Так «Правда» подобно «Искре» становилась обще-русской политической газетой, спланивающей около себя ряды последовательных большевиков. За это же самое ее не взлюбило царское правительство, и на ее долю, вместе с ее преемницами, пришлось следующее количество репрессий: всего за 1912—1914 г.г. было выпущено 746 номеров, а подверглось репрессиям по неполному подсчету—156 номеров, т.е. каждый из 4—5 номеров газеты обязательно подвергался изъятию.

(«История рабочей печати в России». «Рабочий», 22 апреля 1914 г., стр. 7—8. Г. Шидловский. «Родная». «Из эпохи «Звезды» и «Правды», т. II, стр. 232—233.

6. Русский империализм.

Русский империализм—это главным образом ситцевый империализм. За первое десятилетие XX ст. текстильная промышленность достигла небывалого размаха. Никакого кризиса, за исключением непродолжительной заминки, вызванной непосредственной войною и революцией—она не знала. Теперь Россия была на другой день неудавшейся попытки изменить ее государственный строй. Другими словами—попытки освободить ее производительные силы, сжатые тисками устаревшего государственного строя. Но задержка в развитии производительных сил равносильна и задержке внутреннего рынка: это хорошо чувствует именно текстильная промышленность, главным покупателем для которой являются народные массы. Производство растет быстрее, чем внутренний рынок: значит, необходим рынок внешний. Национализм Столыпина вытекает из его победы над революцией.

Наибольшее внимание публики привлекал к себе до последних дней дальне-восточный театр русского империализма. О Монголии так много шумели, что мудрено о ней не слышать. В Манчжурии и в Монголии очень богатые перспективы, но в наличности, кажется, пока еще ничего нет: русская торговля с Китаем в общем и целом попрежнему остается пассивной, попрежнему мы гораздо больше покупаем у Китая, чем продаем ему. Совсем иначе обстоит дело на Ближнем Востоке. Но достигнутые здесь результаты, по крайней мере в одном пункте, нельзя не назвать огромными. Сейчас персидский рынок всецело в русских руках: по оборотам с Персией Россия занимает первое, притом далеко первое место среди европейских государств. На турецком рынке на первом плане еще Англия, как и в течение всего XIX в. Но не только ее доля в турецком ввозе, но и абсолютная величина английского ввоза в Турцию быстро падает: растут зато и абсолютно и относительно русский и немецкий ввоз, при чем первый и абсолютно больше и растет быстрее. Россия в Турции является одним из конкурентов Германии по части претензий на английское наследство и конкурентом пока не несчастным. Отсюда до вопроса о дележе наследства один шаг.

Отсюда центром буржуазно-патристического движения несомненно является Москва—центр русской текстильной промышленности в то же время. Отсюда роль в русской истории устремления к Константинополю.

Я позволю себе ответить сравнением: какую роль в нашем крестьянском хозяйстве играют переселения в Сибирь? Означают ли они, что на старых крестьянских наделах нельзя вести более интенсивного хозяйства? Отнюдь нет, но крестьяне не могут завести этого более интенсивного хозяйства, оттого выселяются. Отчего русская промышленность ищет иностранных рынков? Значит ли это, что внутренний рынок уже исчерпан? Отнюдь нет: этому внутреннему рынку мешают развиваться устарелые социально-политические условия, соответствующие устарелому складу помещичьего хозяйства. Помещики же не хотят расстаться с этими условиями. В этом «могут» и «хотят», в этом субъективном оттенке вся разница. Объективно и турецкие войны и крестьянские переселения служили одной цели: поддержанию устаревшего типа народного хозяйства; те и другие служили орудиями экономического, а с ним и всяческого иного застоя.

Вот почему все три устремления к Царьграду тесно связаны не только с международной обстановкой своего времени, но еще теснее с внутренним состоянием России в данный момент. Вот почему русская буржуазия и при Столыпине начала мечтать о ключах от своего дома—проливах, и недаром внешняя политика Столыпина находила полное одобрение вождя кадетов, т. е. либеральной буржуазии, Милюкова. Он находил только, что эта политика слишком мягка, недостаточно воинственна.

(Покровский. «Внешняя политика», стр. 157 и сл.).

7. Империализм и мировая война.

Колониальная политика в настоящее время преследует следующие цели. Дать своей стране, или точнее ее капиталистам, монопольный рынок для сбыта товаров, монопольный источник получения сырья (каучук, нефть, хлопок) и монопольное право на устройство в колониях всякого рода промышленных или сельскохозяйственных предприятий, а так-

же для перенесения туда своего «избыточного» населения, которое является избыточным только потому, что дома оно не имеет средств производства, или не находит заработка потому, что владельцы капитала находят более выгодным открывать новые предприятия в колониях.

Из всех трех видов капитала (торгового, промышленного и денежного) конкуренция последнего на иностранных рынках особенно требовала от иностранной политики своего государства расширения колоний и сферы влияния. Одновременно у себя дома денежный капитал, в форме акционерного и банкового капитала, подчиняет себе промышленность и торговлю, благодаря чему его влияние в государстве усиливается. Он становится вождем нации и навязывает ей свои идеалы и цели. Это стремление к колониальному расширению открывает в политике новую эру империализма.

При большой территории и большой населенности колониальных владений Англии, приобретенных много раньше, чем сложились теперешние международные отношения, английский империализм не мог иметь агрессивного характера по отношению к другим европейским государствам. Задачей английского империализма является не приобретение новых колоний, а закрепление за собой старых. Поэтому английский империализм носит преимущественно оборонительный характер. Отсюда—основная задача английской внешней политики: мешать образованию других сильных соперников, могущих посягнуть на ее владения.

В Германии обстоятельства сложились совершенно иначе. К тому времени, когда Германия вступила на путь колониального расширения, весь почти мир был поделен между другими державами, и львиная доля Англии была обеспечена за нею давностью ее владения. Оставалось еще несколько больших областей, где путем «мирного расширения» можно было достичь значительных результатов. Это—Турция, Марокко, Персия и Китай в Старом свете и южно-американские республики—в Новом. На рубеже XX ст. мировые задачи германской внешней политики определялись таким образом: не допускать без компенсаций в свою пользу никаких приобретений других держав и в то же время сделать все возможное для расширения своих колоний и полуколоний.

На этой-то почве и возникла война, и вот короткое суммирование того, чего добиваются великие державы в этой войне.

Турецкий вопрос играет первенствующую роль в нынешней войне. Раздел Турции—вот один из главных программных пунктов одной из групп воюющих держав. Окончательное удержание Турции за собою—вот программа другой группы. Богатейшие барыши, которые сулит буржуазии обеих коалиций турецкая добыча, охьяняет правящие сферы, туманит головы мировых политиков, разжигает аппетиты, плодит бешеное состязание.

Германия стремится получить Малую Азию, Мессопотамию, бельгийское и французское Конго, Нидерландскую Индию, португальские колонии, Марокко, объединить в сплошную территорию свои юго-западные и восточно-африканские владения, если можно, то и отхватить часть африканских колоний и у Англии. Далее Германия воюет из-за того, чтобы упрочить безраздельную власть над Турцией. Кроме того, Германия не прочь «выравнять» свою границу за счет русской Польши и подчинить себе ту часть Бельгии, которая ей нужна, как револьвер, направленный против Англии.

Франция стремится получить Сирию, часть Малой Азии, немецкие владения в Африке. Кроме того, в нынешней войне для Франции решается вопрос о том, удержит ли она те обширные колониальные владения, которые она скопила в течение последних десятилетий. Соревнование отечественных капиталов из-за рынков вывоза, борьба за лучшие условия приложения капитала и во Франции играет громадную роль. И, наконец, движущей силой войны для Франции является идея реванша за 1870—71 г.г., стремление вернуть себе Эльзас-Лотарингию, а заодно и прихватить кое-что и по другую сторону Рейна.

Англия борется за захват всей Африки. Ее стремлением является соединить в одно сплошное владение все пространство Африки от Мыса Доброй Надежды на юге и до Египта, на севере. А оттуда через Суэцкий канал забрать в свои руки Малую Азию, Мессопотамию, Аравию, Персию, Афганистан и сомкнуть всю эту территорию с Британской Индией.

Россия стремится на Балканы, в Константинополь, к проливам, в Малую Азию, Персию, Монголию. Она хочет, еже-

ли можно будет, и получить порты в Атлантическом океане. Далее России нужно получить Галицию для истинно-русского разрешения украинского и польского вопросов у себя.

Германия, Франция, Англия, Россия, Япония и Соединенные Штаты считают своей будущей добычей Китай.

Австрии важно восточное побережье Адриатики. Ей нужно подчинить себе Сербию—укрепиться на Балканах, оттереть Италию.

Италия ищет расширения в Африке, чтобы упорядочить свои триполитанские владения, затем надеется получить кое-что в Малой Азии. Кроме того, она хочет получить Трентино, Триест, Истрию, Далмацию, Албанию, порты в Адриатике.

Бельгия стремится удерживать свои африканские владения (Конго), которые она неминуемо потеряла бы в случае победы Германии. В случае же поражения последней, бельгийским империалистам, быть может, удастся округлить свои владения в Африке.

И так далее, и так далее, и так далее...

На этой-то почве дележки мира и создались две группировки держав, во главе одной стала Англия (Антанта), а во главе другой—Германия.

Тройственный союз (Германия, Австрия и Италия) возник на развалинах германо-русского союза. Этот разрыв произошел сперва на почве стремления Германии допустить в 1875 г. Францию, что не могло нравиться русской дипломатии. Отсюда тяга России к Франции. Но решающие события произошли в 1876—78 г.г. в связи с балканскими событиями. Германия не хотела поддерживать турецкой политики России. Она вырабатывала свою собственную турецкую политику. Она избирала Турцию объектом своей собственной всесторонней эксплуатации. Поэтому в 1879 г. был заключен двойственный союз Германии с Австрией, к которому присоединилась в 1882 г. Италия, вследствие захвата Туниса Францией.

Тройственному согласию (Антанте) предшествовал франко-русский союз—совершенно так же, как тройственному союзу предшествовал австро-германский союз. Франко-русский союз имел своей важнейшей предпосылкой два фактора: 1—

вражду между Францией и Германией и 2—империалистическое соревнование между Францией и Англией. Эти два фактора толкали Францию в объятия России.

На русской стороне также действовали два фактора: 1—империалистическое соревнование между Россией и Англией и 2—соревнование между Россией и Австрией на Балканах. Эти два фактора толкали Россию в объятия Франции. Кроме того, Россия представлялась для французского капитала превосходной сферой приложения, а для русского правительства и для русской промышленности французский капитал представлялся неистощимым золотым дном, из которого можно было черпать полными пригоршнями.

В тройственном согласии Англия играла и играет первенствующую роль совершенно так же, как Германия в тройственном союзе. Но такой союз России, Франции и Англии, в котором Англия бы играла роль диктатора, мог быть осуществлен только после того, как на поле империалистической борьбы Англия победила Францию и Россию—ее двух крупнейших соперников.

Так оно и было на самом деле. Англия сперва подчинила себе Францию (после поражения последней в верхнем Египте—фашиодский инцидент), затем нанесла поражение (руками Японии) России и уже потом заключила союз с обоими соперниками на началах английского преобладания.

(Вл. Розанов. «Происхождение войны», стр. 16 и сл. Зиновьев. «Англия и Германия перед войною», стр. 58 — 59. Зиновьев, Г. «Тройственный союз и тройственное согласие», стр. 5 и сл.).

8. Крах второго Интернационала.

Базельский конгресс 1912 г., созданный для предотвращения надвинувшейся тогда на Европу опасности мировой войны в связи с балканской войною, призвал пролетариат всего мира к следующей борьбе с войною. «Если война все же разразится,—долг рабочего класса выступить за скорейшее ее окончание и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать порожденный войною экономический и по-

литический кризис для возбуждения народа и тем самым для устранения капиталистического классового господства».

Выдержал ли испытание войны второй Интернационал? Нет, он погиб. Международный пролетариат оказался еще не в силах массовыми согласованными действиями помешать возникновению войны. Но этого мало; оказалось, что идея мира и международного братства рабочих еще недостаточно проникла в сознание пролетарских масс: национальное чувство и идея отечества пересилила интернациональное. Изменив великому завету — «пролетарии всех стран, соединяйтесь» — большинство социалистов во всех странах (за исключением Сербии, Италии и России) стало на национальную точку зрения: война оправдывалась во имя защиты отечества, проповедывалось классовое примирение с буржуазией, социалисты голосовали за военные кредиты, входили в буржуазные министерства. Никакие совместные действия и даже совещания рабочих воюющих стран стали невозможны. Война разрушила второй Интернационал. Лишь немногие из испытанных вождей пролетариата остались верны идеям международного социализма, но их мужественные призывы тонули в массе патриотических голосов.

Чем же объясняется это примирение с буржуазией? Для примера возьмем германский пролетариат. Относительное и при том обусловленное временными обстоятельствами благополучие сделало германский пролетариат более мирным, как бы приручило его к буржуазному государству. В массах появилась и укрепилась вера в возможность улучшения положения рабочих в рамках капиталистического строя. Социализм стал казаться чем-то далеким, да, пожалуй, и не столь и нужным для пролетария. Это настроение масс особенно ярко сказалось в политике профсоюзов. Профсоюзы усиленно накапливали капиталы в своих кассах, расширяли свои организации, но все реже и реже решались на дорогостоящие и связанные с большим риском стачки: они сосредоточивали все внимание на текущей борьбе, равнодушно относясь ко всему, что выходит за пределы интересов сегодняшнего дня. Тот же дух умеренности проникал все более и более в с.-д. партию. Правда, попытка некоторых вождей (реформистов или ревизионистов) исправить и смягчить рево-

люционный учение Маркса встретила должный отпор, но по своей тактике германская с.-д. становилась все менее и менее революционной. Партия пользовалась и превозносила только парламентские, легальные приемы борьбы, направляла свою энергию на завоевание возможно большего числа мест в рейхстаге и ландтагах. Погоня за депутатскими местами и вера в спасительность одной парламентской борьбы неизбежно приводили к сближению с буржуазными партиями, к политике избирательных соглашений, «притушению» социалистической агитации при перебаллотировках, наконец, к уступкам в вопросе о налогах и милитаризме.

(Н. Антонов. «Германская с.-д. и война». Стр. 5 и 8).

9. Отношение русского пролетариата к войне.

Волна рабочего движения, поднимаясь с 1910 г., все крепла и крепла и, наконец, привела к баррикадам в Питере в июле 1914 г. 4 июля среди рабочих распространился слух, что на Путиловском заводе совершилось зверское нападение полиции на рабочих, при чем в результате несколько было убито. Возмущение рабочих было очень глубоко и было ясно, что разгоряченная атмосфера приведет к кровавой битве. Утром 5 на Б. Сампсониевский проспект со всех сторон стекались группы рабочих, образуя более чем десяти тысячную толпу манифестантов. В воздухе загрели революционные песни, засверкали красные ленты и платки. Полиция была смята и заперлась в своем участке. Выступали ораторы с призывом к вооруженной борьбе за свержение царизма. Трамваи на Выборгской стороне были остановлены и в течение более часа ряды рабочих с революционными песнями двигались по улицам. На помощь полиции были присланы казаки, которые с гиканьем, держа ружья на изготовке, врывались в толпы рабочих, избивали своими палками, стреляли в незакрытые окна рабочих квартир.

На Выборгской стороне рабочие решили организовать оборону своего района от казачьих налетов. Появились лопаты, пилы, молотки, топоры и т. п. шанцевый инструмент; рабочие начали валить телефонно-телеграфные столбы, устраивать переплеты, проводочные заграждения. От клиники Вильо

до завода Айваза были спилены столбы, снята проволока. Все эти работы производились самой массой, инструкторами были московские металлисты, бывшие участники или свидетели декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г.

Под вечер рабочие группами по несколько сот направлялись к проволочным заграждениям. В районе фабрики Ляндрина рабочие останавливали ломовых извозчиков, отпрягали лошадей и отдавали их возчикам, а телеги валили поперек дороги, сплетали проволокой, делали баррикады. Редко у кого были револьверы, главная же рабочая масса была вооружена одним только энтузиазмом.

Столкновение около клиники Вилье имело характер организованного сражения; при этом обороняющиеся были почти без оружия и пользовались баррикадой и проволочными заграждениями, как прикрытием, из-за которого осыпали полицию и казаков камнями. Собираaniem камней, дерганием их из мостовой занимались дети и приносили их рабочим в подолах своих рубашек. Только револьверной и оружейной стрельбой удалось полиции и казакам взять баррикаду и очистить площадь.

Но настала мобилизация, и картина резко изменилась. Когда рабочие пришли на работу утром в день мобилизации, о работе никто и не думал. Не раздеваясь сходились по мастерским, споваривались и выходили на улицы под звуки революционных песен. На некоторых заводах были общие собрания с присутствием мобилизуемых, с которых рабочие брали клятвы не забывать борьбы и при первой же возможности с оружием в руках добиваться освобождения славян в самой России.

И опять, как и в дни мобилизации сил труда для протеста против режима угнетения, улицы пригородов наполнялись людьми, и тысячные толпы манифестировали по улицам с песнями и криками «долой войну». Не редко и стоявшие около участка заплаканные и убитые горем женщины кричали сквозь слезы «долой» и призывали кричать других.

Около полудня потянулись к центральным городским сборным пунктам первые партии мобилизованных. К ним быстро примыкала толпа, и создавалась манифестация с красными лентами или плакатами, привязанными на тросточки. В цен-

тре были и кровавые столкновения манифестантов с полицией.

(А. Шляпников. «Канун 17 года», ч. 1, стр. 13, 15, 21).

10. Манифест Р.С.-Д.Р.П.-большевиков о войне.

(Сперва идет характеристика империализма и его политики, приведшей к войне) отсюда «на с.-д., прежде всего, ложится долг раскрыть истинное значение войны и беспощадно разоблачать ложь, софизмы и патристические фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками, буржуазией в защиту войны (далее идет детальная характеристика двух группировок держав и одинаковость их преступлений). Тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения... Отказаться от этой задачи, значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей граничит с прямой изменой социализму.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что будто бы этим они борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что считаем такое оправдание софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Война же только отсрочит гибель царизма.

Наша партия Р. С.-Д. Р. П. понесла уже и еще понесет

громадные жертвы в связи с войной, но наше парламентское представительство—Российская с.-д. рабочая фракция в Государственной Думе—сочла своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседаний для еще более энергичного выражения своего протеста.

Надо открыто признать крах второго Интернационала и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран. Крах второго Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве миновавшей так называемой мирной исторической эпохи, и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготавливали этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества, ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной борьбы пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвения обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпоху кризисов. Нельзя выполнить задач социализма... без разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм (кадетов) и частью народников, вплоть до с.-р. и правых с.-д.

При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать со-

мнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии.

В России задачами с.-д., в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех народов), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской 1912 г. резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран.

Да здравствует пролетарский интернационал, освобожденный от оппортунизма».

(Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П., октябрь 1914 г.).

Б. Революция 1917 года.

Вводная статья.

Война 1914 года приободрила русскую буржуазию, ей казалось, что путем оружия ей удастся крепкой ногой стать на Балканах и заодно прихватить и часть Германии. Первона-

чальные победы еще более окрылили ее надежды, но вот, через полгода, все яснее стала вырисовываться неспособность России участвовать в войне вследствие технической отсталости, а там пошла в 1915 г. поражение за поражением, и от былых завоеваний на Западном фронте не осталось ничего; даже больше—Польша была захвачена, и немцы все дальше продвигались на Восток. Тогда буржуазия решила под патриотическим предлогом захватить власть в свои руки. Объявлено было, что царское правительство неспособно вести войну, а потому в Гос. Думе и в Гос. Совете создан прогрессивный блок, поставивший своей задачей «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы».

В тесной связи либерального движения с неудачами на фронте—коренной источник внутренней его слабости. При установлении на театре военных действий известного равновесия Дума была распущена за ненадобность, излишеством и бессилием. К тому же и в среде самого прогрессивного блока не было единства, многие в него вошли исключительно под влиянием паники лета 1915 г. Отчаявшись победить царизм на парламентской трибуне, прогрессивный блок пытается произвести дворцовый переворот, но и из этого, благодаря трусости буржуазии, ничего не выходит.

Недовольство в стране между тем усиливалось. Неудачи на фронте, неурядицы в тылу с ростом дороговизны и отсутствием товаров, наконец, приводят к взрыву в феврале 1917 г. Нужно иметь в виду, что все время войны рабочий класс России ведет свою неустанную борьбу с капиталом и с царизмом и в лице последовательной своей части не идет ни на какие уступки своим врагам. Иное дело меньшевики—большинство их было оборонцами и, несмотря на то, что пролетариат Питера, а затем всей России, категорически высказался против участия в военно-промышленных комитетах и вынес такое решение на собраниях выборщиков, меньшевики с помощью полиции и буржуазии провели фальсифицированные выборы и не за страх, а за совесть принялись за сотрудничество с буржуазией. Это сотрудничество в зна-

чительной степени подготовило и участие «социалистических» министров во временном правительстве.

После своей победы питерский пролетариат через свой Совет вместе с Госуд. Думой создал временное правительство, программа которого состояла из 8 пунктов: 1) полная амнистия по всем политическим делам; 2) свобода слова, печати, союзов и стачек, с распространением политических прав на военно-служащих, допускаемых военно-техническими условиями; 3) отмена сословных, национальных и религиозных ограничений; 4) немедленная подготовка к созыву, на основе четыреххвостки, Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; 5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; 6) выборы в органы местного самоуправления на основе четыреххвостки; 7) неразоружение и невывод из Петербурга воинских частей, принимавших участие в революционном движении; 8) при сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. «Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий».

С первого же дня существования временного правительства встал остро вопрос о взаимоотношениях его с Советом сперва питерским, а затем и со Съездом Советов и его исполнительным органом—Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Большевики выставили лозунг «вся власть Советам», меньшевики и эсеры сперва настаивали на поддержке временного правительства постольку, поскольку оно выполняет принятую программу, а для контроля над его работой была создана контактная комиссия. Временное правительство было составлено сплошь из представителей цензовых элементов, и по своему желанию в него вошел и Керенский. Помимо политической программы еще от первой революции остался неразрешенным аграрный вопрос, но к его разрешению

временное правительство совершенно не приступало, отлагая все до учредилки. Кроме того; был еще вопрос, совершенно не терпящий отлагательства, — вопрос о войне. И вот в этом-то вопросе и вскрылась буржуазная сущность временного правительства, что и привело к апрельскому кризису.

Кадеты и все ценовые элементы считали, что революция сделана под трехцветным флагом для успешного окончания войны полной победой над немцами и получением Константинополя с проливами и Галиции и Польши. Для внутреннего употребления говорилось, что война ведется для демократического мира без аннексий и контрибуций, формула советского большинства, а союзников уверяли в верности обязательствам царского правительства и готовности вести войну до конца. Когда это стало известно, питерский пролетариат потребовал отставки министров-капиталистов и борьбы за мир, в результате чего Милюков и Гучков были уволены, а во временное правительство вошли по три меньшевика и с.-р. Но и новое коалиционное министерство оставалось в плену у буржуазии, что и привело к июльским дням, первой попытке пролетариата взять власть в свои руки.

Предметный урок в июле не прошел даром, и в октябре пролетариат с революционным крестьянством и армией берет власть в свои руки, создав для этого перехода власти полномочный орган всей революционной демократии России — Второй Съезд Советов.

На другой же день после 25 октября началась гражданская война: Керенский ведет на Питер казаков, но они переходят на сторону революции, с.-р. во время боя с Керенским поднимают в тылу в самом Петербурге конвекское восстание, а в Москве сознательно обнажают оружие, и Москва в течение кровавой недели потрясается выстрелами.

Все привилегированные слои настроены против «захватчиков». По указке с.-ров начинается в Питере, а затем распространяется и на всю Россию саботаж интеллигенции. Она отказывается повиноваться власти рабочих и крестьян и всячески портит — срывает мирную работу. Она начинает политическую забастовку и оставляет детей без школ, больных без лечения. В то же время гражданская война на юге

получает и опору в лице реакционных элементов казачества, к которому спешат все офицеры со всей России, и на юге создается первый анти-большевистский фронт. На призыв к миру союзники не отвечают, и Россия поэтому вынуждена в феврале заключить с империалистической Германией грабительский Брестский мир, как передышку для накопления революционных сил.

После Бреста немцы ставят черносотенное правительство на Украине с помощью с.-р., и с тех пор русская контр-революция все время работает на средства мировой буржуазии (в Сибири и на Севере с помощью Антанты). Представители ее же пытаются свергнуть большевиков с помощью заговоров и внутренних восстаний (Локкарт, Ярославский мятеж, чехо-словаки). После падения германского империализма русские патриоты находят и деньги и вооружение у Антанты, и это продолжается и по сей день. Ибо Советская Россия—бельмо на глазу у буржуазного мира. К тому же влияние России сказывается и на других странах. Германскую революцию технически во много подготовили представители русского Советского Правительства, а затем по образцу России создается две Советских Республики, утопленные в море крови: Баварская и Венгерская. Да и внутри всех остальных стран влияние русского опыта велико: им заражаются и становятся на революционный путь борьбы и рабочие других стран. И как завершение в марте 1919 г. создается в Москве 3-й Коммунистический Интернационал—Интернационал борьбы пролетариата всех стран за введение социализма. И этим самым воплощаются в жизнь мечты большевистского манифеста, начала войны. И это чудо совершил, как и многое другое, русский рабочий класс.

1. Экономическое влияние войны.

Война очень дорого обошлась России.

Расходы на войну превзошли всякие расчеты, какие делались раньше. С каждым днем, с каждым часом они росли и росли и достигли колоссальных размеров. Все больше вво-дилось войск, все больше надо было готовить орудий и снарядов, дороже становился материал.

Как только началась мобилизация в 1914 г., потребовались сразу громадные деньги. Вот что израсходовала Россия.

С июля месяца по первое января 1915 г. было израсходовано на войну 3 миллиарда золотых рублей. Иными словами, за пять месяцев на войну был истрачен почти весь доход, какой получает в год государство.

За 1915 год военные расходы составили до 9 миллиардов золотых рублей, в 1916 г.—до 12 миллиардов и в 1917 г. до 25 миллиардов рублей, а всего было истрачено около 50 миллиардов золотых рублей.

Еще заметнее этот рост расходов на войну, если мы посмотрим, сколько стоил каждый день войны.

Ежедневно расходовалось:

в начале войны в 1914 г.	8 миллионов,
в конце 1915 г. и в 1916 г.	31 миллион,
в 1917 г.	50 миллионов золотых рублей.

Эту громадную цифру трудно вообразить.

Все богатства России, если перевести на деньги, оцениваются в 70 миллиардов рублей—война обошлась России почти в $\frac{3}{4}$ всего этого.

На 50 миллиардов можно всю Россию покрыть густой сетью железных дорог, школами, купить для крестьян колоссальное количество сельскохозяйственных машин и поднять на необычайную высоту благосостояние населения. И все пошло в кровавую бездну войны.

И в результате—разорение страны.

Вот яркий пример современного безумия и преступления капиталистов. Общая сумма народного дохода в 1913 году выражалась в 16 миллиардов рублей, и на каждую душу населения приходилось немногим больше 100 рублей. Под влиянием войны народный доход значительно упал, а расходы все росли, население должно было отдавать на войну все большую долю своего дохода, и его потребление все уменьшалось, и в результате мы получим, что, под влиянием расходов на армию, в первый год войны потребление мирного населения сократилось приблизительно на 25%, во второй—на 43% и в третий—на 52%. Лишь вследствие полунату-

рального строя нашего хозяйства население не отдавало на войну еще большую часть своего потребительного фонда.

Вместе с тем, начиная с 1915 г., идет постепенное падение ценности рубля, и в ноябре 1917 г. к Октябрьской революции он стоил всего 27 копеек—вместо 100.

В экономическом положении народных масс война произвела серьезные изменения. Правда, безработица почти прекратилась, заработная плата повысилась, при чем повышение коснулось преимущественно обученных рабочих. Однако, чрезвычайное вздорожание всех предметов потребления не только поглотило прирост заработной платы большинства категорий рабочих, но и уменьшило ее покупательную способность. Многие семьи лишились того заработка, который получали их члены, взятые на войну; частью этот заработок возмещен заработками оставшихся членов и пособиями семьям запасных, но в общем благосостояние этих семей должно было понизиться. Такие же перемены произошли и в положении ремесленников и кустарей. В крестьянское хозяйство война внесла значительное расстройство. Здесь также действовали противоположные влияния, при чем для разных групп крестьянства их результаты были далеко неодинаковы. Более состоятельные слои крестьянства менее пострадали от войны, чем беднота. Продажа по высоким ценам сельскохозяйственных продуктов увеличивала доходы более зажиточных групп крестьянского населения. В то же время живой и мертвый инвентарь их хозяйства подвергся уменьшению и пришел в упадок. Уменьшение рабочих сил семей не могло не отразиться крупным ущербом для хозяйства. Беднейшие слои крестьянства, стоящие на границе пролетариата, у которых мало излишков для сбыта на рынок, не могли заметно выиграть от высоких цен, а все отрицательные последствия от войны испытывали еще в большей степени. Прекращение продажи водки и выдача пособий семьям запасных в лучшем случае могли задержать упадок крестьянского хозяйства.

Война не устранила классовой борьбы, а, наоборот, усилив эксплуатацию рабочего класса, вызвала более острые формы ее. Стаечную борьбу рабочего класса в России нельзя изолировать от обще-демократического буржуазного движе-

ния в стране. Заводы и фабрики, перегруженные военными заказами, были заинтересованы в повышении производства путем удлинения рабочего дня и т. д. Жажда высокой прибыли толкала их на путь эксплуатации труда женщин, детей, ввоза китайских и корейских дешевых рук. В этом вопросе правительство исполняло все просьбы предпринимателей, отменяло законы, охраняющие здоровье и интересы рабочих. Противоречия между трудом и капиталом быстро обострились и привели к конфликтам. Орудие борьбы у рабочих было одно—стачки. Предприниматели прибегали к шпионажу, провокации, локаутам. Полиция, охранка, генеральный штаб были также к услугам предпринимателей.

Но это движение не могло остаться чисто экономическим. Еще в 1914 г. были сосланы на поселение пять членов российской социал-демократической рабочей фракции Государственной Думы, которые проводили в жизнь идеи большевистского манифеста о войне. А в 1916 г. мы имеем уже две политических забастовки, в октябре и ноябре, в Петербурге—первая, по случаю ареста 130 человек рядовых 181 пех. полка, который вмешался в избивание рабочих-забастовщиков казаками, и вторая—по случаю суда над моряками—членами военной организации Питерского комитета большевиков 26 октября 1916 г. В день суда над товарищами-матросами свыше 130.000 рабочих бросили работу, покинули горны, станки и душные своды тюрем труда на три дня. Этими выступлениями закладывались основы единения рабочих и солдат.

Солдатская масса тоже глухо волновалась. И наблюдатели военной жизни сообщают, начиная с 1916 года, все чаще такие, например, вещи: «Неудачный подбор командного состава, неумение воевать и т. п. привело к тому, что летнее наступление 1916 года замерло, не закончив войны, но стоит нам бесконечно дорого, как с чисто материальной стороны, так и, главное, с моральной. Потеря веры в командный состав стала, к сожалению, общим явлением и выливается иногда в уродливые формы. Так, 7-й сибирский корпус по сигналу атаки не вышел из окопов и отказался атаковать, несмотря на блестяще произведенную подготовку артиллерией. Другой подобный случай был и у наших соседей в

9-й армии в Карпатах, где одна дивизия (номера ее не запомнил) также отказалась выйти из окопов и атаковать. Подобные же случаи были и в других местах в большем или меньшем масштабе. Это явление уже прямо угрожающее. Видимо, терпение народное приходит к концу» (сентябрь). Или: «Мало того, из некоторых частей войск до нас донесся определенный тревожный ропот—обороняться будем, а наступать не пойдем». Разложение армии, следовательно, началось задолго до революции, замечает по этому поводу Верховский. Мы взяли из страны до 15 миллионов людей, а в действительности имеем в окопах не более двух миллионов бойцов, да 2 миллиона у нас считается дезертиров и около 2 миллионов сдалось в плен.

2. Февральская революция.

Во второй половине февраля, числа 18, вспыхнула забастовка в юдной мастерской Путиловского завода. Стачка возникла из-за солидарности, в виде протеста и поддержки увольняемых администрацией рабочих, 22 стали на работу, но администрация объявила рабочим локаут.

Митинги в день 23 февраля (женский день) были устроены на многих фабриках и заводах, где эксплуатировался женский труд. Собрания всюду проходили удачно, с подъемом и под нашими (большевистскими) революционными и анти-военными требованиями. Напряженная атмосфера последних дней выражалась в боевых предложениях. Пущенный и пропагандированный нами лозунг борьбы—«на Невский»—прививался в сознании широких масс. Женщины, работницы Выборгской стороны, были первыми активными проводниками этого нашего решения. Митинги закончились приостановкой работ, съемкой работающих. По Выборгским улицам ходили толпы демонстрировавших работниц. По пути к городу они снимали работающих и с криками «долой войну» и «хлеба» направлялись к центру города. Кое-где были стычки с полицией. На местах, соединяющих Выборгскую сторону с другими частями города, были сосредоточены усиленные наряды полиции, не пропускавшие никого из рабо-

чих в город. Производились аресты. Над городом, особенно над его рабочими кварталами, навис полицейский террор.

В пятницу, 24 февраля по фабрикам и заводам всей Выборгской стороны были устроены митинги. Рабочие призывались к забастовке и к демонстрациям в центре города. Наши товарищи выступали с предложением братанья с солдатами, проникновения к ним в казармы. Рабочая масса с энтузиазмом приветствовала эти предложения и, в свою очередь, непосредственно проводила их в жизнь. Вокруг солдатских казарм, часовых, патрулей и цепей стояли кучки рабочих и работниц, дружески перекидываясь словами.

Весть о локауте на Путиловском заводе разнеслась по всему городу, вызывая всеобщее возмущение рабочих во всех районах. Стачки, митинги и демонстрации стали разливаться по всем районам. Выборгский район и Путиловский завод уже не были одиноки в борьбе с правительством.

25 февраля движение приняло характер всеобщей стачки петерского пролетариата. К движению примкнули самые отсталые заводы, трамвайные парки, трамвай, все типографии, мелкие мастерские и торговые заведения. С самого утра рабочие районы находились в состоянии необычного оживления. Полиции в одиночку не видно. Все черные силы реакции сконцентрировались по отдельным участкам, ходили группами и целыми взводами. Митинги, собрания, кучки собеседников покрыли все окраины. Власти приняли все меры к тому, чтобы волны бушующей пролетарской стихии не перекачивались в центр города. Но напрасны были все полицейские барьеры и солдатские штыки. Перед обеденным временем началась усиленная тяга из районов в центр города. «Сегодня к Казанскому собору» — проносилось по всем рабочим районам. И рабочие вместе с работницами и своими женами, обходя все препятствия, прокладывая новые дороги по льду, проникали тысячами в центр города. Впервые после двенадцати лет реакции и борьбы, Петербург видел такой массовый наплыв рабочих в центр города. Тысячные толпы со всех районов, по всем улицам и закоулкам, стремились прорваться к месту боевого сбора — Казанскому собору. Несмотря на всю энергию полиции как конной, так и пешей, ей не удавалось сдерживать наших рабочих и в

обеденный час там, около Казанского собора, собралась огромная толпа. Немало было там и полицейских сил.

Оказывая самое упорное сопротивление жандармам и полиции, этим продажным шкурам, как характеризовали основную силу царской власти рабочие, они всячески избегали столкновений с солдатами. К пехоте все стремились приблизиться, и были случаи, когда по команде офицеров солдаты брали ружья на перевес, чтобы разгонять толпу, но за их винтовки хватались женщины, поднимался такой шум и крик, что солдаты терялись, этими мгновениями толпа разединяла их, превращала воинскую часть в кучку спорящих, волнующихся, упрекающих друг друга солдат и рабочих.

Первые расстрелы на улицах Петербурга, имевшие место 25 (в субботу) и 26 (в воскресенье) вызвали возмущение роты Павловского полка. И вся рота, имея всего 30 винтовок, выступила на улицу на подмогу восставшим рабочим. Расстреляв все свои патроны, потеряв примкнувшего к ним командира, с печалью покинули они бурные улицы и направились в свои казармы, где зачинщики были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

Волынцы 25 февраля ни одного выстрела не сделали по рабочей демонстрации. Поведение второй роты, не давшей ни одного выстрела, ни одного удара прикладом взволновало реакционное офицерство. На другой день учебной команде пришлось открыть огонь. К вечеру все приходило к выводу, что на следующий день никто не должен идти против народа. Теми же думами жили и «солдатские командиры» — унтер-офицеры. Взводные второй роты устроили небольшое совещание у фельдфебеля тов. Кирпичникова, на котором приняли решение не идти на другой день против народа.

27 февраля казарма оживилась с раннего утра. Взводные устроили собрания своих взводов, и все солдаты выразили свою солидарность с принятым решением. Тотчас решили вооружиться и обеспечить себя солидным запасом патронов. Из полкового цейхгауза были взяты ящики с патронами и разобраны по рукам. Явившихся офицеров солдаты встретили заявлением о том, что больше стрелять не будут. После последовавшего затем бегства офицеров тов. Кирпичников вы-

водит свою роту на двор, а остальные солдаты направились поднимать все команды Волянского полка. На дворе радостное возбуждение охватило волянцев, раздались выстрелы вверх, пальба смешивалась с победными криками «ура».

Через несколько минут весь Волянский полк был в сборе. Не видно было только офицеров. Перед полком со словами призыва «вперед» и с командой выступил т. Кирпичников. Его призыв «к преображенцам», «к литовцам» был принят всеми и части двинулись в боевом порядке, охраняя дисциплину, «снимать» соседние полки. Первым был поднят Преображенский полк, следом за преображенцами были выведены из казарм литовцы.

Разобрав склады с оружием, все три полка с музыкой двинулись к Литейному и направились на Выборгскую к москвцам.

После взятия казарм Московского полка, вооруженный поток разделился на многочисленные ручейки, которые начали затоплять щетиной штыков весь Выборгский район. Часть откатилась назад к Литейному, где занялась установкой баррикад и орудий против ожидавшегося со стороны Невского проспекта, врага.

(Шляпникова. Семнадцатый год. Кн. первая. Госиздат. 1923 г. Стр. 73, 74, 86, 104, 106, 107, 171 и сл.)

3. Февральская революция 1917 г.

В четверг 23 февраля в Петербурге начались волнения. В разных частях города народ собирался с криками «хлеба». «Появились красные знамена с революционными надписями. Бастовало до 50 предприятий с 90.000 рабочих. За порядком следила полиция, но вызывались уже и воинские части.

Это было в пятницу, 24 февраля, когда по улицам уже шли демонстранты, требовавшие хлеба, уже свирепствовали конные городовые, наезжая на тротуары и разгоня любопытствующих, уже не шли трамваи.

Граждан еще не было. Были обыватели, но уже непослушные, уже трепетно ожидавшие.

На Выборгской стороне по Сампсониевскому шла толпа работниц. Свинцовые лица, воспаленные глаза, усталый шаг.

Толпа шла безоружная, без песен. Вдали показались разъезд городских. Демонстрантки замялись, остановились. Одна работница крикнула.

— Они не тронут нас. Ведь мы просим хлеба.

Это было убедительно. Разве за то, что требуют хлеба, можно бить?

И толпа молча двинулась вперед.

Конные городские пустили лошадей галопом, врезались в толпу безоружных голодных женщин и начали бить. Для них не было ни голодных, ни женщин.

Это было в пятницу, 24 февраля.

Ни в этот день, ни в один из следующих революционных дней на улице не было контр-революционных войск. Были городские, конные жандармы, переодетые солдатами полицейские. Били, стреляли из пулеметов, из винтовок; из револьверов.

На Знаменской площади пристав приказал городским обнажить пашки и рубить безоружных демонстрантов.

— Казаки, заступитесь,—обратился кто-то к отряду казаков.

И случилось невероятное, то, чему в другие дни суждено было разлиться волною по всей столице. Казаки кинулись на помощь толпе, изрубили и смяли пристава и прогнали городских на Гончарную. Пристава унесли мертвого.

...Поезд Финляндской железной дороги неожиданно остановился у семафора. Пассажиры тревожно выскочили на площадки, на полотно. Что случилось? И увидели, что случилось нечто потрясающее.

К поезду шел патруль: шестеро солдат и двое рабочих—все с винтовками. А на штыхах—красные флажки. И глаза у солдат были новые, внимательные и радостные. И слова у них новые.

— Граждане, поезд не пойдет.

Солдаты вошли в вагон первого класса, где сидели старик-генерал и два поручика. У генерала сдвинулись белые брови.

— Э-э. Нижним чинам воспрещ...

И не договорил. Увидел красные ленточки, флажки.

— Что та-ко-е?

— Господин генерал, отдайте ваше оружие,—так сказал солдат.

У генерала задергалась левая бровь. Он побелел. Потом дернул плечами и резко встал. Офицеры, точно привязанные к нему ниточкой, вскочили.

Солдаты преградили дорогу винтовками.

— Стой. Оружие.

— Что? Не смей. Присяга твоя? Где присяга, па-адлец? Красный флаг, а? М-мерз...

Генерал задохнулся.

— Вы не подчиняетесь? Вы арестованы,—спокойно заявил солдат.

Генерал провел по своему белому лицу:

— Кто приказал?

Солдат погладил свою ленточку на груди, усмехнулся:

— Народ.

— А-а, народ,—криво улыбаясь произнес генерал и, обернувшись к офицерам, повторил: — слышите, господа. На-а-род.

И сразу пятясь, не попадая руками куда следует, вытащил из кармана черный браунинг и протянул солдату—вот.

...И вдруг... Что такое? Откуда-то доносятся медные звуки труб. Музыка? Да, да, военная музыка, слышен тулкий, твердый, размеренный шаг солдат.

Вчера я видел их выстраивали против нас. Пел рожок, они брали винтовки на прицел и не стреляли. Офицер кричал что-то, но не серьезно, не строго, а также для вида, как они целились в нас, опять пел рожок, и опять солдаты притворялись, будто собираются стрелять.

Я видел вчера это несколько раз и не верил, что они будут стрелять в нас. А если будут, не все ли равно—мы умрем.

Музыка ближе. Мы слышим знакомые радостно-близкие, боевые звуки. Это—марсельеза.

— Вставай, поднимайся, рабочий народ.

Не верится, это должно быть обман слуха. Рабочий в куртке разжимает скрюченные пальцы, вскакивает на ноги и, бросившись за угол, кричит:

— Братцы, солдаты, братцы.—Голос у него иступленный, хриплый.

— Братцы,—кричат все такими же хриплыми от напряжения голосами.

Раз-два, раз-два—со строгой отчетливостью отбивают шаги солдаты.

Из-за угла выползает голова колонны, предшествуемая толпою. Впереди красное знамя. Это не правда, это сон, я сошел с ума. Нет, не сон, а действительность. Я вижу ее и еще не верю в нее.

И, бросившись на шею первому солдату, я целую его колкие щетинистые щеки, губы, все лицо и чувствую, как теплая влага течет по моим щекам.

— Братец, братец...

Солдат отстраняет меня и усмехается.

— Ну, и чего ты, чужак?—спрашивает он.—Удивительный человек, право.

И снова, деловито нахмурившись, вышагивает по мостовой в такт маршевые: раз-два, раз-два.

(Як. Окунев. «В огне восстания»—впечатления, стр. 16, 20 и 5).

4. Первое заседание Петербургского Совета.

Я очутился во второй комнате, где большая часть кресел у стола уже была занята депутатами и, кроме того, множество народа расположилось на досках, положенных вдоль стен, на что попало. Рабочие делегаты оживленно разговаривали, собирались в группы, стояли и переходили с места на место.

Солдаты держались разнó, одни, прошедшие партийную школу или просто более смелые и энергичные, более ориентируясь в положении, чувствовали себя центром внимания и старались оправдать это своими рассказами о событиях в своих частях. Другие, новые в политике люди, бородачи с винтовками и делегированные представители низшего командного состава, с нашивками, молча сидели за столом, жадно вслушиваясь и всматриваясь.

Вон Шляпников—он пытается созвать и рассадить большевиков. Гвоздев, с огромной шелковой розеткой в петлице, собирает правую вокруг своей «рабочей группы военно-про-

мысленного комитета». Другие — меньшевики — виднелись около недоумевающей фигуры Чхеидзе, от которого в ответ на бесконечные вопросы доносились обрывки фраз: я не знаю, господа, я ничего не знаю...

Зал заседания наполнялся. Ровно в 9 часов вечера 27 февраля Н. Д. Соколов открыл заседание Совета предложением избрать президиум.

К моменту открытия заседания депутатов было около 250 человек. Но в зал непрерывно вливались все новые группы людей.

В Президиум Совета были естественно названы и, немедленно, без возражений, приняты думские депутаты — Чхеидзе, Керенский и Скобелев. Кроме председателя (Чхеидзе) и двух товарищей, были избраны еще четыре секретари — Гвоздев, Соколов, Гриневич и рабочий Панков, левый меньшевик. Керенский прокричал несколько, ничего незначащих фраз, долженствующих изображать гимн народной революции и ментально исчез, чтобы больше не появляться в Совете, куда-то девался и будущий постоянный председатель Совета Чхеидзе и председательствовать остался Скобелев, который, среди суматохи и всеобщего возбуждения, совершенно не владел собранием, протекавшим шумно и довольно беспорядочно. Но это не мешало Совету в первом же своем заседании создать сплоченный идейный и организационный центр всей петербургской демократии с огромным непрерываемым авторитетом и способностью к быстрым и решительным действиям.

...Требование солдат предоставить им слово для доклада было поддержано с энтузиазмом. И сцена этих докладов была достойна энтузиазма.

Встав на табуретку, с винтовкой в руках, волнуясь и запинаясь, напрягая все силы, чтобы связно передать несколько порученных слов, с мыслями, направленными на самый процесс рассказа, бесконечно усиливая отсутствием всяких подчеркиваний — один за другим рассказывали солдатские делегаты о том, что происходило в их частях. Рассказы были примитивны и почти дословно повторяли один другой. Зал слушал, как дети слушают чудесную, дух захватывающую и

наизусть известную сказку, затаив дыхание, с вытянутыми шеями и невидящими глазами.

• — Мы от Волынского... Павловского... Литовского... Кексгольмского... Саперного... Егерского... Финляндского... Гренадерского...

Имя каждого из славных полков, положивших начало революции, встречалось бурей оваций. Но не меньше волнения вызывало и название новых частей, вновь вливающихся в революционную армию и несущих ей победу.

— Мы собрались... Нам велели сказать... Офицеры скрылись... Чтобы в Совет Рабочих Депутатов... велели сказать, что не хотим больше служить против народа, присоединяемся к братьям-рабочим, чтобы защищать народное дело... Положим за это жизнь... Общее наше собрание велело приветствовать: да здравствует революция. Было тут же предложено и принято при бурных аплодисментах, — слить воедино революционную армию и пролетариат столицы, создать единую организацию, называться отныне Советом Рабочих и Солдатских Депутатов...

Сквозь неплотные заграждения у дверей в эту минуту бурно прорвался молодой солдат и выбежал на середину залы. Он не просил слова и не дожидался разрешения выступить с речью. Подняв над головою винтовку и потрясая ею, захлебываясь и задыхаясь, он громко выкрикивал слова радостной вести.

— Товарищи и братья, я принес вам братский привет от всех нижних чинов в полном составе лейб-гвардии Семеновского полка. Мы все до единого постановили присоединиться к народу против проклятого самодержавия, и мы клянемся все служить народному делу до последней капли крови.

В собрание вновь хлынула струя энтузиазма и романтики. Никто не помешал семеновцу довести до конца затянувшуюся речь, сопровождаемую гулом рукоплесканий... Притом всем было ясно значение принесенной вести: Семеновский полк был одной из самых надежных твердынь царизма. В зале не было человека, который не знал бы славных традиций «молодцов-семеновцев» и в частности не помнил московских подвигов в 1905 г... Всего этого не было больше. Сирад-

ный туман рассеялся в один миг при свете нового ослепительного солнца...

(Суханов, Н. «Записки о революции», книга первая. Стр. 93 и сл.).

5. Арест Николая II Петербургским Советом.

В ночь Исполком получил сведения, что временное правительство решило бывшую императорскую фамилию, во главе с Николаем II, эвакуировать сегодня, 9 марта, в Англию. Поэтому решено, что «опасные» должны быть в руках непосредственно у Петербургского Совета. У нас, а не временных, по выражению Чхеидзе. В связи с состоявшимся решением пленума и сообразуясь с духом его (еще раз мрачно блеснули глаза Чхеидзе) остается довершить начатое. Для выполнения этого постановления в Царское был отправлен отряд во главе с Метиславским. Преодолев сопротивление офицеров, всюду натываясь на распоряжения Корнилова, Метиславскому с большим трудом удалось проникнуть в подземелье, где помещался караул.

— Здорово, товарищи. Поклон от петербургского гарнизона, от солдатского Совета.

Бодро, душевно, бесстройно отзывается казарма. Лежавшие поднимаются с нар, грудятся к проходу. Комендант торопится дальше.

— Какой полк?—Второй стрелковой. Дело выиграно.

Я остановился: мгновенно выросла вокруг толпа. В коротких резких словах разъяснил я солдатам, в чем дело—зачем меня прислал сюда Совет. И сразу посумрачнели глаза, сдвинулись брови, ошетинились только-что ласково гудевшая беззаботная казарма.

— Мирно, по-доброму, без крови, товарищи. Но твердо: как революционный народ хочет, так тому и быть. Петербург на вас надеется, видите, я один пришел к вам: вам передаем мы это дело... не выдадите.

— Не выдадим, товарищ. Статочное ли это дело. Разве мы не понимаем. Пока от Совета приказа не выйдет—не смеемся... Пока стоим не вывезут—ни прямиком, ни обманом...

...На очереди—последний акт: проверка караулов. «Убедитесь сами, что капкан замкнут наглухо».

— Да, но для этого мне еще надо предварительно убедиться, что зверь действительно в капкане... Вам придется мне предъявить арестованного.

Собеседники мои даже вздрогнули. И, нахмурившись, потемнели сразу.

— Предъявить императора? Вам? Он никогда не согласится...

— Что за мысль? Да ведь это хуже, чем...

— Не стесняйтесь: чем царевубийство. Совершенно верно. Поэтому-то я и настаиваю...

Несмотря на все возражения офицеров, я категорически требую предъявления...

Офицеры, почувствовав, что я в этом пункте не уступлю, вызвали, наконец, графа Бенкендорфа, церемониймейстера. Если офицеры вздыхали, то легко себе представить, что случилось со стариком. Он весь, в буквальном смысле, заценился и в первый момент не мог произнести ни слова. «Предъявить»... его величество? Что за наглое слово... И кому... бунтовщику. Будем называть вещи своими именами... бунтовщику».

Он наотрез отказался даже доложить об этом его величеству.

Опять начались пререкания. Я вынул часы: «Скоро час, как я уехал со станции, на которой меня ожидает мой отряд: если я сейчас не сообщу командиру отряда, что все идет благополучно—это будет сигналом. Через четверть часа семеновцы будут у дворца,—а Петербург двинет вслед за моим авангардом свои войска на Царское. Судьба временного правительства, бывшей династии, всей России, наконец, снова станет на карту. И тада ли, чья карта будет бита? Реальная сила—у нас в руках безраздельно. Прислушайтесь к вашим подземным казармам. Разве мне недостаточно вынуть из ножен пашку? И ответственность за то, что произойдет, полностью падет на вас; я сделал все, чтобы избежать крови.

Новая делегация к Бенкендорфу. На этот раз после недолгой борьбы церемониймейстер в свою очередь уступил насилью... Устанавливается ритуал. Император будет мне

предъявлен во внутренних покоях, у перекрестка двух коридоров: он пройдет мимо меня, а не навстречу. Я от души расхохотался—сделайте одолжение, если вас может утешить этот котильон.

Пошли на предъявление, долго открывали висячий замок массивной наружной двери, а внутри этой клетки все было оставлено временным правительством попрежнему, так как оно было до катастрофы, в былой расцвет «большого императорского дворца» со всей его роскошью, со всем его ритуалом. Когда мы вступили в вестибюль—нас окружила почтительно, но любопытно-фантастической казавшаяся на фоне простых переживаний революционных этих дней—толпа придворной челяди. Огромный гайдук в медвежьей чаном шапке, скороходы, придворные арапы, в золотом расшитых, бархатных малиновых куртках, чалмах, острыми носами, загнутыми вверх, туфлях; выездные в треуголках в красных, штампованных императорскими орлами отороченных пелеринах. Бесшумно ступая мягкими подошвами лакированных полусаложек, в белоснежных тамашах—побежали перед нами вверх, по застланым коврами ступеням, лакеи «внутренних покоев». Все по старому: словно в этой затерянной среди покоев дворцовой громаде не прозвучало и дальнего даже отклика революционной бури, прошедшей страну из конца в конец.

И когда, поднявшись наверх, мы следовали сквозь гостиные, угловые балкешные, переходя с ковров на лоснящийся паркет и вновь коврами глуша дерзкий звон моих шинор—мы видели у каждой двери застывшими парами лакеев в различнейших, сообразно назначению комнаты, к которой они приставлены—костюмах: то традиционные черные фраки, то какие-то кунтуши белые, черные, красные, туфли, чулки и тамашы. А у одной из дверей два красавца лакея в нелепых малиновых повязках, прихваченных мишурным аграфом на голове,—при фраке, белых чулках.

В верхнем коридоре нас ожидала небольшая кучка придворных, которые были в черных, наглухо застегнутых сюртуках. Шагах в шести—восьми от места нашей встречи со свитой коридор пересекался на-крест другим, по нем-то и должен был выйти ко мне бывший император.

Я стал посередине коридора: правее меня Бенкендорф. Он, не сдержавшись, стал мне шептать на ухо (здесь все говорили шепотом—ведь его величество изволили быть в соседних покоях) что-то об оскорблении величества, о том, что только исключительная снисходительность монарха, его искреннее желание сделать все, чтобы успокоить своих заблудших, но верных, чтобы там ни говорили... верных ему подданных—заставило его пойти навстречу моему заявлению, которому он лично не находит названия... «Мое имя ему известно: он знал моего отца, помнит деда». И как вы, именно, с прошлым вашего рода—могли пойти на такое оскорбление величества. Если бы еще кто-нибудь, из этих парвеню, там в Таврическом—из этих, как они называются, на «идзе», но вы, и в таком виде».

Вид у меня, действительно, был разинский: ведь со дня переворота почти не приходилось раздеваться. Небритый, в тулупе с приставшей к нему соломой и папахе, из-под которой выбивались слежавшиеся всклокоченные волосы. И эта рукоять браунинга, вынутаго из кобуры, так назойливо торчащая из бокового кармана. Один из придворных не сводит с нее глаз.

Где-то, в стороне, певуче щелкнул дверной замок. Бенкендорф смолк и задрожавшей рукой расправил седые бакенбарды. Офицеры вытянулись во фронт, торопливо застегивая перчатки. Послышались быстрые, чуть призывающие шпорами, шаги.

Он был в кителе защитного цвета. Как всегда, подергивая плечом и потирая, словно умывая руки, он остановился на перекрестке, повернув к нам лицо—одутловатое, красное, с набухшими, воспаленными веками, тяжелой рамой окаймлявшие тусклые свинцовые кровяной сеткой прожилок подернутые глаза. Постояв, словно в нерешительности—потеряв руки и двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом. Была мертвая тишина. Застылый, желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд императора вдруг оживился: в глубине зрачков—словно огнем полыхнула, растопившая свинцовое безразличие их—яркая, смертная злоба. Я чувствовал, как вздрогнули за моей спи-

ной офицеры. Николай остановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая.

(С. Мстиславский. «Пять дней». Начало и конец февральской революции).

6. О задачах пролетариата в данной революции.

Тезисы т. Ленина 4 апреля 1917 г. первого его выступления по приезде в Россию.

В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^о безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству.

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающего к нему беднейшего крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братание.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который дол-

жен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

3. Никакой поддержки временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов наша партия в меньшинстве и пока в слабом меньшинстве перед блоком всех мелко-буржуазных элементов.

Разъяснение массам, что СРД есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей пока это правительство поддается влиянию буржуазии может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок и тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика—возвращение к ней от СРД было бы шагом назад—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества, т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы Батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация всех земель в стране, распоряжение зе-

млею местными Сов. Батр. и Кр. депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения образцового хозяйства под контролем Батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленно всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны СРД.

8. Не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии,

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и наше требование государства коммуны, т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна,

3) исправление отсталой программы-минимум,

в) перемена названия партии—вместо социал-демократии, официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии (оборонцы, колеблющиеся каутскианцы), надо называться Коммунистической партией.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра.

7. О двоевластии.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие. В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее другое правительство, Советы Рабочих и Солдатских депутатов. Поскольку эти Советы существуют, поскольку они власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны.

Это лишь зачаточная власть. Она сама прямым соглаше-

нием с буржуазным временным правительством и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии.

На вопрос, надо ли свергнуть временное правительство, отвечаю: 1) его надо свергнуть, ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с СРД и Главным Советом—питерским прежде всего; 3) его вообще нельзя свергнуть обычным способом, ибо оно опирается на поддержку буржуазии вторым правительством СРД, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знали.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти.

Буржуазия за единовластие буржуазии. Сознательные рабочие за единовластие СР, Б и КД, подготовленное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия—соц.-дем.—меньшевики, с.-р. и пр., и пр.—колеблется, мешая этому прояснению, этому освобождению.

Ибо коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве.

(Н. Ленин. «Правда». 9 апреля 1917 г.)

8. Июльские дни 1917 г.

Явное стремление буржуазии тянуть войну и под шум оружия задушить революцию, неспособность меньшевиков и эсеров повести за собою массы, предательство правящих партий, преследования большевиков, гнусная клевета о немецких деньгах, голод на фронте и в тылу, пропаганда и агитация, правильная и решительная тактика партии больше-

виков—все это создавало огромное недовольство самых широких трудящихся масс.

На собраниях военной организации большевиков то и дело приходилось слышать: «Чего на них смотреть? Надо силой заставить передать власть Советам». Особенно волновался 1-й пулеметный полк на Выборгской стороне.

Мы боролись с подобными устремлениями с утра до ночи. Но 3 июля первый пулеметный полк постановил выступить в Таврическому дворцу с требованием передачи власти Советам.

Под массовым напором, чтобы влить разгоревшееся движение в организованные рамки, ЦК большевиков приказал военной организации и партии стать во главе движения. Вечером третьего июля, под влиянием нашей агитации, массы решили разойтись.

Но поднявшиеся в движении рабочие и солдаты на следующее утро начали посылать делегации ко дворцу Кшесинской, где помещались центральные большевистские организации, с требованием вывести на улицу весь Петербург. Как раз с 3 на 4 июля временное правительство закрыло большевистскую «Солдатскую Правду» и разгромило наши типографии. Вспыхнувший гнев рабочих вывел их на улицу. Приехавший из Финляндии т. Ленин несомненно не был за выступление.

Нужно отметить, что после демонстрации 18 июня Керенский, ожидая решительного выступления большевиков, озабочился о продвижении в Петербург верных правительству войск и юнкеров. Прибытие их могло, очевидно, осуществиться только 5 июля. Желая оттянуть время, штаб округа, в согласии с меньшевистско-эсеровским ВЦИК'ом, вступил с большевиками в переговоры.

В начале штаб округа шел на всяческие уступки, растерянность командующего была неопишима. Но как только получились сведения о подходе к Питеру войск, штаб и ЦИК стали держать себя все более и более вызывающе. При посредстве вновь прибывших войск, правительство к 5 июля овладело положением. Условия соглашения были нарушены... Большевистские партийные организации разгромлены. Пе-

тропавловская крепость и дворец Кшесинской — опорные пункты большевизма — были сданы.

Правительство решило воспользоваться положением. Разгром большевистских организаций перекинулся и на провинцию. На заводах производились обыски и аресты. В Питере были арестованы лучшие работники, в том числе: Троцкий, Каменев, Крыленко, Коллонтай, Луначарский. Было закрыто 8 большевистских газет.

Клевета о шпионаже, пущенная в эти дни в оборот правительством, и травля большевиков, усиливались, распространяясь по всей России и за границей. Буржуазия ликовала. Казалось, удар надолго не даст возможности оправиться революционным силам.

(Подвойский, Н. «Как в октябре 1917 года рабочие свергли капиталистов и помещиков». «Рабочекрестьянский календарь на 1922 г.», стр. 94).

9. Перед октябрём.

России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен невероятно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо. Все признают, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы «героические» усилия народа для предотвращения гибели и т. д.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается.

Прошло полгода революции. Катастрофа надвинулась еще ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов,

от недостатка рабочих рук — и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица. Какое еще нужно доказательство того, что за полгода демократической республики, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именующими себя революционно-демократическими, на деле ровнехонько ничего серьезного против катастрофы, против голода не сделано. Мы приближаемся к краху все быстрее и быстрее, ибо война не ждет и создаваемое ею расстройство всех сторон народной жизни все усиливается.

Происходит повсеместный, неуклонный, систематический саботаж всякого контроля, надзора и учета, всяких попыток наладить его со стороны государства. И нужна невероятная наивность, чтобы не понимать, пущю сугубое лицемерие, чтобы прикидываться непонимающим, откуда этот саботаж исходит, какими средствами он производится. Ибо этот саботаж банкирами и капиталистами, этот срыв ими всякого контроля, надзора, учета приспособляется к государственным формам демократической республики, приспособляется к существованию «революционно-демократических» учреждений.

Современный новейший республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах «горячо» признают «принцип» контроля и необходимость его (как и все меньшевики и с. р., само собою разумеется), но только настаивают на постепенном, планомерном, государственно-упорядоченном введении этого контроля.

В России переломный момент революции несомненен. В крестьянской стране, при революционном республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, растет крестьянское восстание. Это невероятно, но это факт.

(Ленин. «Грядущая катастрофа». Сентябрь 1917 г.
Ленин. «Кризис назрел». Октябрь 1917 г.)

10. Аграрное движение.

На ряду с фактами волнений, возникавших на продовольственной почве, в деревне начинается движение, направлен-

ное к самочинному и немедленному разрешению аграрного вопроса.

На такой путь становятся крестьянские массы, начинающие терять веру в осуществление своих исконных чаяний, неорганизованные и темные, возбуждаемые окончанием полевых работ: уезд за уездом, губерния за губернией охватываются аграрными беспорядками, принимающими форму разгрома помещичьих усадеб, уничтожения инвентари и деленки земли. Весь сентябрь и октябрь проходят в деревне под знаком этой «анархии». Посылка карательных отрядов не дает осязательных результатов. Намечающееся в связи с этим оживление министерства земледелия получает определенные очертания—законопроект Маслова об земельных комитетах—лишь в середине октября и оказать существенно-го влияния на состояние деревни не успевает.

Картину того состояния, в котором находилась деревня перед октябрьским переворотом, дают приводимые ниже сообщения за сентябрь и октябрь правительственного телеграфного агентства.

Кишинев, 13 сентября. Донесения с мест свидетельствуют о разрастающемся движении во всех уездах. Возникают опасения за своевременность и успешность посева озимых.

Тамбов, 14 сентября. Точных сведений о беспорядках в Козловском уезде еще не получено. Определенно известно, что разграблено одно имение и сожжено до 25 имений частных владельцев. Кроме того, пострадало много крестьян, поселившихся на хуторах.

Тамбов, 14 сентября. Прибыл из Москвы для подавления волнений экспедиционный отряд. Прибыли также представители Московского С. Р. и С. Д. По их сообщению, беспорядки в Козловском уезде продолжают. В момент их отъезда из Козлова беспорядки вспыхнули в новом пункте, в 40 верстах от Козлова. Горит село Ярославка.

Тамбов, 16 сентября. В Софьинской волости, Кирсановского уезда, началось аграрное движение.

Таганрог, 19 сентября. В волостях Таганрогского округа возникло аграрное движение. В округ выехали представители окружной управы и С. Р. и С. Д.

Саратов, 25 сентября. В Сердобском уезде крестьянами

разгромлены имения бар. Черкассовой и Азаревича. Начальнику Сердобского гарнизона предложено двинуть в уезд для восстановления порядка отряд.

Саратов, 27 сентября. Аграрные беспорядки в Сердобском уезде охватили большой район. Похищают скот, делят землю, леса и забирают хлеб. Уездные власти требуют помощи войск. Опасаются расхищения огромного запаса казенного спирта. Исполнительный уездный комитет предлагает передать частновладельческие земли земельным комитетам. Беспорядки перебросились в Аткарский уезд.

Кишинев, 27 сентября. Крестьяне села Мегуры Белецкого уезда приступили под влиянием агитации к разделу между собою земель и выпасов соседних имений.

Одесса, 29 сентября. Получены тревожные сведения о настроении в Аккермане и в Ортеве, а также об усиленной агитации темных сил в Березове. В Сороковском у. продолжают отдельные аграрные недоразумения.

Житомир, 29 сентября. Губернским комиссаром получены сообщения о начавшихся в губернии беспорядках, уничтожаются леса и посевы. Для успокоения посланы войска.

Саратов, 29 сентября. В Сердобском уезде разрастаются беспорядки. Разгромлен Павловский посад. Во многих усадьбах отрубщиков наблюдаются пожары. Комиссар требует присылки военной силы.

Корнешт, 29 сентября. В Ортевском у. производство озимых посевов идет угрожающе медленно, вследствие отсутствия рабочих и самочинных захватов земли. Для выработки арендных цен и выработки мер против захватов созвано совещание уездного продовольственного комитета и представителей военных и земельных комитетов.

Киев, 3 октября. Получены сведения о разгроме имений и беспорядках в Кременецком уезде.

Воронеж, 7 октября. В Задонском у., в районе с. Животинского крестьянами частично разгромлены имения Черткова и других помещиков. Сожжено более 60.000 пудов пшеницы и других хлебов. Уничтожена старинная ценная мебель.

Тамбов, 11 октября. Убытки от погрома в Козловском у. исчисляются миллионами. Так, одному только губернского

му земству приходится платить за застрахованные в земство и сожженные имения пол-миллиона рублей.

Житомир, 11 октября. Возвратившийся из поездки по Во-
лыни помощник губернского комиссара представил доклад
о положении Волыни. По словам докладчика, Волынь нахо-
дится в состоянии полной анархии. Во многих уездах идет
поголовное истребление лесов и захват частновладельческих
земель. В Старо-Константиновском у. большевики захвати-
ли в свои руки власть.

Николаевск, Самарской г., 11 октября. Исполнительный
комитет из опасения, что массовые беспорядки уничтожают
в уезде ценные хозяйства, объявил все частновладельческие
хозяйства обще-народным достоянием и приступил к немед-
ленной их конфискации, создав для этого специальное бю-
ро, состоящее из представителей комитета, земельной, про-
довольственной и земской управ, социалистических партий
и профсоюзов, которому поручено и управление конфиско-
ванными имениями.

Чернигов, 13 октября. Беспорядки в губернии продолжа-
ются. В уездах Сосницком и Суражском истребляются лес
и посевы.

Пенза, 13 октября. В Новочеркасском уезде разгромлено
8 имений. Для ликвидации беспорядков послана кавалерия.
В Краснослободском у. ограблено имение Лебедевой, а в
Инсарском у. имение Андропова.

Спасск, 14 октября. Погромная волна охватывает уезд. По
всему уезду происходит массовая порубка и расхищение ле-
сов. Разграблено и сожжено имение Шредера. Разгромлено
имение графа Граббе, уничтожена ценная библиотека.

Нижний-Новгород, 19 октября. По последним сообщениям,
волнениями охвачено 6 уездов, в которых разграблено и
сожжено много имений. Наибольшего развития беспорядки
достигли в Лукьяновском уезде, где, по донесению комис-
сара, уничтожается все ценное и культурное. В связи с рас-
пространяющимися волнениями созван губернский съезд уезд-
ных комиссаров.

Пенза, 20 октября. В Саранском уезде начались массовые
разгромы имений. Волна погромного движения разрастается,

перекидываясь и на другие уезды, в связи с чем осложняется продовольственный кризис.

Так, в условиях низкого культурного уровня, стихийное недовольство масс готово было принять грозные разрушительные формы. В падении местной власти, оказывавшейся обычно неспособной к предотвращению и ликвидации собственными силами возникающих волнений, отражалось лишь бессилие власти центральной.

(Попов, А. «Октябрьский переворот». Стр. 80).

11. Настроение армии.

Все чаще и чаще временному правительству приходилось компенсировать бесплодие своей политики действиями вооруженною силою. Но и последняя становилась уже для временного правительства ненадежной, как сделалась она раньше ненадежной для царизма.

Рост оппозиционных настроений городских масс и анархических настроений в деревне не мог не найти своего отражения в настроении солдатских масс.

Революция способствовала связи армии с тылом, и преимущественно крестьянская по своему социальному составу солдатская масса весьма чутко реагировала на настроения хозяйственной жизни деревни. Прекращение отпусков, проведенное в связи с наступлением в период полевых работ, возвращение в армию сорокалетних, мобилизация бедобилетников, низкая величина «пайка» семьям призванных — все это были меры, содействовавшие ухудшению положения деревни и, в то же время, росту оппозиционных настроений в армии. В том же направлении действовали и результаты политики наступления. С другой стороны, если коалиционная политика сотрудничества с буржуазией в правительстве в ее приложении к армии означала примирение со старым высшим командным составом, то после корниловского выступления возросло недоверие солдат к командному составу, в значительной части обнаружившему сочувствие корниловскому движению. После подавления мятежа верховного главнокомандующего Корнилова, который требовал уничтожения Советов и установления военной диктатуры, по

всей армии прокатилась волна кровавых самосудов над офицерами и генералами. Дезорганизация армии пошла ускоренным темпом.

Положение фронтового хозяйства в свою очередь питало такого рода настроения. В течение сентября и октября случались моменты, когда фронт оказывался накануне голода.

Дезорганизованная, охваченная массовым недовольством армия выражала это недовольство в требовании немедленного прекращения войны.

Мысль о невозможности зимней кампании крепко внедрялась в солдатские массы. Возрождалось братание. Дезертирство увеличивалось.

(Попов. «Октябрьский переворот». Стр. 83).

12. Перелом в настроении города.

Этот политический сдвиг в настроении масс обуславливал соответствующую, отмечавшуюся на всем пространстве Российской республики, перемену в политической позиции советских организаций. Если в июльские дни руководимые эсерами и меньшевиками местные Советы и первый Съезд Советов отказались взять в свои руки власть, то происходившие, начиная с августа, частичные перевыборы, протекавшие под знаком победы большевиков, ускоряли этот процесс.

Наконец, 31 августа, под влиянием корниловских дней, когда только усилиями большевиков была отражена попытка государственного переворота, впервые за 6 месяцев своего существования, Петербургский Совет принимает общую политическую резолюцию, предложенную большевиками. 6-го сентября та же резолюция проходит и в Московском Совете. В результате этого голосования и неполном и президиум переходит в руки большевиков.

10 октября, по инициативе Петербургского Совета, происходит съезд Советов Северной области, который 12-го принимает резолюцию о переходе власти к Советам. «Коалиционная власть дезорганизовала, обескровила страну. Гибельная предательская политика соглашения с буржуазией с не-

годованием отвергается рабочими, солдатами, сознательными крестьянами.

Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции—Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов—в центре и на местах.

Советское Правительство немедленно предложит от имени России перемирие на всех фронтах и честный демократический мир всем народам.

Советское Правительство немедленно и без выкупа передаст помещичьи земли в руки крестьян.

Советское Правительство немедленно приступит к демобилизации промышленности и к обеспечению крестьян.

Назначенный на 22 октября день Петербургского Совета явился лишней демонстрацией, лишним случаем подсчета сил большевизма среди петербургского гарнизона и пролетариата.

Многочисленные и многолюдные митинги происходили в атмосфере сочувствия Петербургскому Совету. Так, на многотысячном митинге в Народном Доме, после речи Троцкого, призывавшего присутствующих к клятве бороться до последней капли крови за переход власти к Советам, весь зал с поднятыми вверх руками присягнул ринуться по первому зову Петербургского Совета на решительную схватку во имя торжества идеи Советской Власти.

(Полов. «Октябрьский переворот». Стр. 89, 111, 159).

13. Письмо в П.К. и М.К. Р.С.-Д.Р.П. (6.).

Дорогие товарищи.

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление положительно становится преступлением.

Аграрное движение растёт, правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут (99% голосов солдат за нас в Москве) финляндские войска и флот против правительства (свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве—в районные думы—52%.

б-ков—гигантская победа. С левыми эсерами явное большинство в стране.

При таких условиях «ждать»—преступление.

Большевики не вправе ждать Съезда Советов, они должны взять власть тотчас (либерданы, вместо съезда на 20 октября, говорят уже о съезде в 20 числах). Этим большевики спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и против нас объединятся), и русскую революцию (ибо волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

Медлить—преступление. Ждать Съезда Советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с питерским советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу—агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим—тотчас и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне—езде, 3) флот и финские войска идут на Питер.

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаваться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за Московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена и на 9/10 шансы, что бескровно.
Ждать—преступление перед революцией.

Привет Н. Ленин.

(Написано в начале октября 1917 г.) (Соч. Ленина, т. XIV, ч. II, стр. 266—267).

14. 25 октября 1917 г.

К моменту открытия Съезда Советов 562 делегата распределялись по партиям следующим образом: 382 большевика (70%), 31—сочувствующих б., 70 левых эсеров, 5 анархистов—всего советское большинство—488 человек или 87%, оппозиции было—13% или 74 человека. Съезд стоял перед фактом совершенного Питерским Советом переворота. Он стоял перед задачей организации власти, на основе программы, провозглашенной восставшими.

«В 10 ч. 45 м. вечера 25 октября, в большом актовом зале Смольного, в белом, от огромных огней, временем отяжеленных, хрустальных люстр, переполненном до головокружения своими и чужими, открылся, наконец, съезд,—оттягивать дальше было незачем. Настроенные фракцией определилось, было известно, что правые социалистические партии, оказавшиеся в ничтожном меньшинстве, со съезда уйдут независимо от его программы и тактики; с другой стороны, боевые действия в городе шли также к концу; временное правительство было обнаружено в Зимнем дворце, дворец со всех сторон обложен, «Аврора» стояла перед самыми его окнами и долго упрямившиеся орудия Петропавловской крепости были, наконец, направлены на беспомощные стены Зимнего, этого катафалка «кереенщины». Дело должно было кончиться с минуту на минуту... Не «ударницам» же (женщины-солдаты женского ударного батальона) отвести удар, который вели, под прикрытием ружейного и пудметного огня, Подвойский и Антонов...

Заседание открыл от имени старого ВЦИК'а—меньшевик Дан. Во вступительной речи его слышались панихидные слова: «Сейчас не время политическим речам... Наши товарищи, заседающие в Зимнем, находятся под обстрелом...»

Есть в голосе тупая покорность судьбе. И невольно, руша напряженность, пробежал по рядам веселый смехок. На деле: от слов Дана так ярко представилось, там—в Зимнем, гнездо побледневших до белизны их манишек, Кишкинных и Терещенок, на раззолоченных диванах бывших императорских покоев, жмущихся друг к другу, зажмурив глаза... Под охраною... женщин. Воистину и смешно и противно...

...Каменев сменяет на председательском месте Дана. Тоже радостный, праздничный. Он оглашает порядок дня:

1. Вопрос об организации власти.

2. О войне и мире.

3. Об учредительном собрании.

— Возражений нет?

Снова глухой, далекий удар, от которого скрипит зубами, приплясывающий за трибуною, словно от нестерпимой зубной боли, меньшевик Абрамович.

— Какие тут возражения.

Идет доклад представителя Питерского Совета. Резкий, чекающий голос докладчика, жгучие взрывы рукоплесканий. Наконец, доклад кончен. Получает слово Мартов: как всегда, упираясь в бок дрожащей бескровной рукою, весь кривенький и тородивый, бодая взлохмаченной головой упрямое пространство, он требует мирного разрешения начавшегося конфликта. Ему жидко хлопают свои.

Слово за мною, представителем фракции левых с.-р.

Я говорю о том, что с момента открытия Съезда—ему, никому другому, принадлежит верховная власть: что не время судить—прав или неправ был Петербургский Исполнительный Комитет, собственной волей, не дождавшись властного слова Съезда, дунувший на карточный домик «временной власти», но дальнейшее руководство действиями должно принадлежать открытому ныне Съезду Советов. Я предлагаю поэтому подчинить Петербургский Военно-Революционный Комитет специальному органу, который Съезд немедленно изберет из среды своих членов... А до того в виду полной, бесспорной небоеспособности тех жалких кучек, которые имеет бывшее временное правительство—левое большинство фракции эсеров, от имени которого я выступаю, предлагает немедленно прекратить видимость боевых действий,

Слишком ответственные, слишком велики стоящие перед нами решения; чтобы принимать их—отвлекаясь, волнуясь гулом канонады...

Слово это подхватывает Троцкий: «Кому могут мешать звуки перестрелки? Напротив. Они помогают работать». Что же до самого предложения, то большевики не возражают против включения его в порядок дня.

Очередь за старым Таврическим, старым ВЦИК'ом. Он начинает спор марта с октябрем. Хинчук от меньшевиков, Гендельман от правых с. р.—протестуют против преступления, совершенного над родиной и революцией.

А воздух за старыми стенами дрожит от участвовавших ударов... Жутко перезваниваются, вздрагивают в такт им высокие чуждые окна. Там, за колоннами.

Партийные декларации—идеологическая прелюдия: за нею начинается позванивание оружием.

«От имени фронтовой группы Съезда,—кричит, хмурясь и пыжась, с трибуны меньшевик Кучин,—я заявляю, что фронт полностью против захвата власти...»

«На... чальство»—презрительно доносится из рядов. — «От штаба прислан». Пересвист, пересмех. «Ты скажи, кем избран?... Видно птицу по полету»...

Но Кучин самоуверенно, вызовом прямится над трибуной: «Я избран на съезде представителей всех фронтов и армий. И от имени армейских комитетов: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й 10-й, 11-й, 12-й, особой и кавказской...», он напрягает голос до высшей доступной его голосовым средствам угрозы, «фронтовая группа снимает с себя всякую ответственность за последствия этой авантюры и покидает Съезд. Отныне—арена борьбы переносится на места».

За колоннами яро свищут. Но все же словно тучею темною перекрыло на мгновение белый, светлыми огнями играющий, зал...

И зорко ловя настроение зала, Каменев, тотчас, не медля дольше выпускает на трибуну уже давно переминающегося сзади нас с ноги на ногу матроса с «Авроры».

Кто видел наших матросов в боевые дни—тот знает, насколько неотразимо впечатление их литых, волей напоенных, фигур, короткого—на смерть, без колебаний бьющего

жеста—резким броском режущих воздух прямых, незнающих изворота, слов. Так и теперь. Едва над кафедрой взметнулась плечистая, гибкая фигура, красуясь волосатую крутую грудью, под растегнутым бушлатом—и приветственным жестом закрутились над кудрявой головой георгиевские ленточки «Авроры»—зал дрогнул от приветственных криков. Иступленно, словно оттоняя, накликаемый было Кучиным, черный призрак—Съезд тянулся к фигуре этой, вставшей перед нами символом победного восстания. Да здравствует революционный флот.

«Зимний кончается. «Аврора» стреляет по нем без малого, что в упор».

— О-о-о,—стонет,—заламывая руки у самых ног матроса бледный с ошалелыми глазами Абрамович. И отзываясь на этот жалкий стон—великодушным и неподражаемо-бесшабашным жестом—аврорец успокаивает его, добавляя громким, дрожащим от внутреннего смеха, шопотом,—«холостыми стреляем».

— С них, министров и ударниц—хватит и холостых.

Но снова зловецким шипением прорезают настроение зала новые декларации «правых». Истерически зовет Абрамович Съезд к Зимнему дворцу, куда решила идти—«погибнуть с временным правительством группы бундовцев», выславшая его на трибуну. Заявляют о своем уходе со Съезда и меньшевики и «правые»—отныне отмежевывавшиеся от нас эсеры и еще, и еще какие-то группы из маленьких.

И все резче, все наглее угроза «фронтowymi» и «взрывом народного возмущения» «неизбежного»... в итоге этого безумного и преступного шага. Так формулируют эсеры.

Верят они себе или нет—но они пытаются глумиться: «Радуйтесь, радуйтесь. Ваша победа на час. Разве не виден уже перст судьбы уже в том, что Керенский ускользнул уже от броневиков и пикетов ВРК—один из всех министров. Единственный, которого вам стоило ловить. Но вы его упустили. И пока вы здесь тешитесь хлопанием и свистом—он уже идет на Петербург, он близится уже к его заставам—во главе, спешащих «на спасение революции» с фронта, верных временному правительству, войск.

И снова тем же приемом парируя удар, уже захолонувший

предчувствиями души более робких—встает на трибуне—без жеста—спокойный, прямой, сухой, костистый—без нервов, весь из сухожилий и мышц, затянутый в солдатскую защитную блузу—латышский стрелок Петерсон. Они тронулись уже, фронтовые латышские полки. Они идут на переймы в тыл войскам Керенского. И раньше, чем он успеет собрать свой дух, растерянный в бегстве, он окажется между двух огней, недоношенный диктатор. Если уже не оказался... «Ибо уже теснятся к трибуне представители Гатчинских войск, войск Царскосельских. Живою стальною оградой стать на пути «временщику»—как стали они в дни свержения царской власти—обещаются, клянутся гарнизоны».

И снова в зале радостно и светло. И сгорбясь, волоча ноги, словно придавленные, выбираются из рядов жидкими вереницами эсеры и меньшевики... «Март» уходит.

И наконец—решающая весть: дворец взят. Весь состав Временного правительства арестован и отвезен в крепость. Самосудов удалось избежать—цолы и юнкера, и министры...

(Мстиславский, С. «Пять дней», стр. 71).

15. Октябрь в Петрограде.

На рассвете 25 октября в Смольный явились из партийной типографии рабочий и работница и сообщили, что правительство закрыло центральный орган нашей партии и новую газету Петроградского Совета. Типография была опечатана какими-то агентами власти. Военно-Революционный Комитет немедленно отменил приказ.

Типография работала после этого без перерыва, и обе газеты вышли в положенный час.

Правительство попрежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало только тенью самого себя. Политически оно не существовало. Зимний дворец в течение 25-го октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Революционного Комитета, что правительство Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского Съезда Советов, власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета.

Ленин уже несколько дней перед тем покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих квартирах. 25-го вечером он конспиративно прибыл в Смольный. По газетным сведениям положение рисовалось ему так, как будто между нами и правительством Керенского дело идет к временному компромиссу. Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о выступлении вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем, без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение захватывалось за другим стройными отрядами солдат, матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного института.

Вечером происходило предварительное заседание Второго Всероссийского Съезда Советов. Докладчиком от имени Центрального Исполнительного Комитета выступил Дан. Он произнес обвинительную речь против бунтарей, захватчиков, мятежников и пытался запугать Съезд неизбежным крахом восстания, которое-де на днях будет подавлено силами фронта. Его речь звучала неубедительно и неуместно в стенах зала, где подавляющее большинство делегатов с восторгом наблюдало за ходом победоносного петроградского восстания.

Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время от времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые сужали свое кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два—три оружейных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного. Мартов с беспомощным негодованием говорил с трибуны Съезда о гражданской войне и, в частности, об осаде Зимнего, где в числе министров находились—о, ужас—члены партии меньшевиков. Против него выступили два матроса, которые явились для сообщения с места борьбы. Они напомнили обличителям о наступлении 18-го июня, обо всей предательской политике старой власти, о восстановлении смертной казни для солдат, об арестах, разгромах революционных организаций и клялись победить или умереть. Они же принесли весть о первых жертвах с нашей стороны (на

Дворцовой площади. Все поднялись, точно по невидимому сигналу, и с единодушием, которое создается только высоким нравственным напряжением, пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

Заседание нарушилось. Невозможно было теоретически обсуждать вопрос о способах построения власти под долетавшие до нас отзвуки борьбы и стрельбы у стен Зимнего дворца, где практически решалась судьба этой самой власти. Взятие дворца, однако, затягивалось, и это и вызывало колебания среди менее решительных элементов Съезда. Правое крыло через своих ораторов пророчествовало нам близкую гибель. Все с напряжением ждало вестей с Дворцовой площади. Через некоторое время явился руководивший операциями Антонов. В зале воцарилась полная тишина. — Зимний дворец взят. Керенский бежал, остальные министры арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. — Первая глава октябрьской революции закончилась.

В Петрограде была одержана полная победа. Власть находилась целиком в руках Военно-Революционного Комитета. Мы издали первые декреты — об отмене смертной казни, перевыборах армейских комитетов и проч. Но тут же обнаружилось, что мы отрезаны от провинции. Верхи железнодорожных и почтово-телеграфных служащих были против нас. Армейские комитеты, думы, земства продолжали бомбардировать Смольный грозными телеграммами, в которых объявляли нам прямую войну и обещали смести мятежников в короткий срок. Наши телеграммы, декреты и объяснения не достигали провинции, так как Петроградское Телеграфное Агентство отказывалось нам служить. В этой атмосфере изолированности столицы от остальной страны легко рождались и распространялись тревожные и чудовищные слухи.

Убедившись, что Совет, действительно, оказался у власти, что старое правительство арестовано, а на улицах Петрограда господствуют вооруженные рабочие, буржуазная и соглашательская печать подняла кампанию поистине несравненного бешенства: не было той лжи и клеветы, которой она не мобилизовала бы против Военно-Революционного Комитета, его руководителей и его комиссаров.

Днем 26-го происходило заседание Петроградского Совета

при участии делегатов Всероссийского Съезда, членов гарнизонного совещания и многочисленной партийной публики. Здесь впервые после почти четырехмесячного перерыва выступили Ленин и Зиновьев, встреченные бурными овациями. К радости по поводу одержанной победы примешивалась, однако, тревога, по поводу того, как откликнется на переворот страна, и удержат ли Советы власть.

Вечером происходило решающее заседание Съезда Советов. Ленин внес два декрета: о мире и о земле. Оба они были приняты после коротких прений единогласно. На этом же заседании была создана новая центральная власть в лице Совета Народных Комиссаров.

Декреты о земле и о мире, утвержденные Съездом, печатались в огромных количествах и через делегатов с фронта, через привезавших из деревень крестьянских ходоков, через агитаторов, которых мы отправляли в провинцию и в окопы, распространялись по всей стране. Одновременно шла работа по организации и вооружению Красной гвардии. Вместе с старым гарнизоном и матросами она несла тяжелую караульную службу. Совет Народных Комиссаров завладевал одним правительственным учреждением за другим, но всюду наталкивался на пассивное сопротивление высшего и среднего чиновничества. Прежние советские партии прилагали все усилия к тому, чтобы найти в этом слое опору и организовать саботаж новой власти. Наши враги были уверены, что дело идет об эпизоде, что завтра, послезавтра, через неделю Советская власть будет сброшена... В Смольном появились первые иностранные консулы и члены посольств, движимые столько же текущими деловыми потребностями, сколько любопытством. Корреспонденты спешили туда со своими записными книжками и фотографическими аппаратами. Все торопились посмотреть, как выглядит новая власть, ибо были уверены, что через день—два будет уже поздно.

В городе царил полный порядок. Матросы, солдаты, красногвардейцы держали себя в эти первые дни с превосходной дисциплиной и поддерживали режим сурового революционного порядка.

(Л. Троцкий. «Октябрьская революция»).

16. Как они „умирали“ за Керенского.

Городская дума была ярко освещена. За ней мы с трудом разобрали темную массу народа и кордон моряков, которые кричали нам, приказывая остановиться.

Это была поразительная сцена. Как раз на углу Екатерининского канала под большим электрическим фонарем кордон вооруженных матросов тянулся через Невский, закрывая путь толпе, шествовавшей в колонне по четверо в ряд.

В демонстрации принимало участие от 300 до 400 человек мужчин в куртках, хорошо одетых женщин, офицеров всякого рода. Среди них мы заметили много делегатов съезда, вождей меньшевиков и с.-р.: Авксентьева—худощавого, краснобородого председателя крестьянских советов, Сорокина—ближайшего соратника Керенского, Хинчука, Абрамовича, во главе с седобородым стариком Шрейдером городским головой Петербурга и Прокоповичем—министром временного правительства, арестованным сегодня утром и уже выпущенным на свободу.

Я увидел Малкина—репортера «Русских Ведомостей», кадетского органа.

— Отправляемся умирать в Зимний дворец—весело прокричал он.

Процессия не продвигалась. Но в передних рядах ее шел горячий спор. Шрейдер и Прокопович кричали по адресу рослого матроса, который, повидимому, командовал отрядом.

— Мы требуем, чтобы нас пропустили. Смотрите—эти товарищи идут со Съезда Советов. Посмотрите на их билеты. Мы отправляемся в Зимний.

Матрос, видимо, был поставлен в тупик. Он почесал огромной рукой голову и нахмурился:

— У меня приказ Комитета никого не пропускать в Зимний дворец—проворчал он.—Но я пошлю товарищей протелефонировать в Смольный...

— Мы настаиваем на том, чтобы нас пропустили. Мы не вооружены. Мы пойдем. Пропустите вы нас или нет?—кричал старик Шрейдер, крайне взволнованный.

— У меня приказ,—недовольно повторял матрос.

— Стреляйте в нас, если хотите. Мы пойдем. Мы готовы умереть, если у вас хватит духа стрелять в русских и товарищей. Мы подставим наши груди под ваши выстрелы.

— Нет—твердо ответил матрос,—я не могу пропустить.

— А если мы пойдем вперед—будете ли вы стрелять?

— Нет я не собираюсь стрелять в публику, у которой нет ни единого ружья. Мы не будем стрелять в невооруженных русских.

— Мы пойдем вперед. Что вы можете с нами сделать?

— Мы что-нибудь да сделаем,—ответил матрос, очевидно, в недоумении,—мы не можем вам позволить пройти. Мы что-нибудь да сделаем...

— Но что именно, что же вы сделаете?

Подошел другой матрос в весьма повышенном настроении.

— Мы отдубасим вас,—воскликнул он энергично.—Если будет необходимо, мы будем и стрелять. Отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое.

В ответ на это последовал взрыв негодования и гневных восклицаний. Прокопович взобрался на какой-то ящик и, размахивая своим зонтиком, обратился к демонстрантам с речью:

— Товарищи и граждане. Против нас пущена в ход сила. Мы не можем нашей невинною кровью запятнать руки этих невежественных людей. Ниже нашего достоинства быть расстрелянными здесь на улице этими стрелочниками. Вернемся в думу и обсудим средства спасения страны и революции.

И в полном достоинства молчании процессия повернулась и пошла назад по Невскому, сохраняя свой прежний строй.

(Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. Изд. «Красная Новь». 1923 г., стр. 106—108).

17. Октябрь в Москве.

Первые же петербургские выстрелы в день 25-го октября вызвали немедленный отклик и в пролетарской, к этому времени уже рдяно-красной Москве: на соединенном заседании Советов Рабочих и Солдатских Депутатов избран был Военно-Революционный Комитет для организации поддержки Петербургу. За избрание голосовало 394 де-

путата, против—106 (меньшевики и беспартийные), воздержалось—25 (объединенцы). Большевики все же решили послать двух своих представителей в В.-Р. К.—но, как они заявили, они входят туда не для активной работы, а с целью противодействия губительной работе большевиков. Эсеры отказались участвовать в голосовании... В дальнейшей борьбе меньшевики колебались—то выходили, то снова входили в В.-Р. К., пытаясь примирить противников и посредничая в переговорах с Комитетом Общественной Безопасности: фактически всю работу вынесли одни большевики.

Еще вечером, 25 октября, в заседании Городской Думы, рабочий Девяткин, от имени фракции меньшевиков заявил: «Если Временное Правительство вступит на путь расстрелов, меньшевики выступят против него и будут в рядах рабочего класса»... Увы, рабочий класс видел, что меньшевики «держат нейтралитет»,—и окончательно отшатнулись от соглашательской, в этот момент ставшей на путь прямого предательства «рабочей» партии: рабочие-меньшевики Пресни, Замоскворечья и Рогожской, примыкая к движению, говорили: «Когда льется пролетарская кровь, рабочие должны быть со своими братьями».

Утром 26 октября «Социал-Демократ» оповестил Московских рабочих, что в Питере В.-Р. К. занял вокзалы, телеграф, почту, Государственный банк, Зимний Дворец, что Временное Правительство низложено... «Дело не кончено,—писала газета в передовице,—сделан только первый шаг, война только началась»... И орган революционного пролетариата призывал рабочих и солдат в эти решительные дни к величайшей революционной дисциплине, к сплочению вокруг Советов. Тут же напечатано было принятое Советом еще 24 октября обращение ко всему трудящемуся населению, бывшее в набат и призывавшее всех к дружной и стройной контр-атаке по всему фронту против организованного капитала, помещиков и генералов.

Сформировался Военно-Революционный Комитет. Но в этот первый из «решительных дней» боевой орган революции стоял без реальных организованных сил: когда он отправился в 12 час. ночи в генерал-губернаторский дом, в его распоряжении была лишь небольшая команда самокатчиков. Но

на другой уже день, в противовес контр-революционному Совету Солдатских Депутатов, созвана была конференция представителей всех частей московского гарнизона, 116 голосами против 18, выразившая доверие В.-Р. К. Вслед за тем в Комитет послали своих представителей Ц. Бюро профсоюзов, Визель и с.-р. интернационалисты... Это окончательно санкционировало авторитет Комитета в революционных массах и сообщило ему характер неоспоримого командующего центра.

27 октября В.-Р. К. уже тоном власти имущего опубликовывает следующий приказ:

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга, во главе с Петербургским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, начали решительную борьбу с изменившим революции Временным Правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-Революционный Комитет объявляет: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета, или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

«День второй революции настал—возвещал в то же время «Социал-Демократ»,—в Петербурге власть перешла уже в руки народа и Советов, в Москве переход должен совершиться с минуты на минуту».

Тем временем буржуазия организовывала прямое выступление... Она сформировала в Городской Думе кадетско-эзеровский Комитет общественного спасения, во главе с Рудневым, Гельфготом и др... Караулы в Кремле несли тогда солдаты большевистского 56 полка, и буржуазия решила отнять у большевиков Кремль, который она явно собиралась сделать базой, крепостью сил контр-революции, сил вооруженной буржуазии.

Военным штабом контр-революции стало Александровское

военное училище. Командующий войсками Рябцов stanул к центру юнкеров и казаков (последние скоро отказались действовать и были заперты во дворе Александровского училища). К юнкерам присоединились студенты и гимназисты, а также черносотенное офицерство. Отказалась воевать против народа лишь 1-я юнкерская школа, состоявшая из бывших солдат-боевиков. Зато школы, состоящие из бывших студентов, проявляли особенно зверское настроение... Юнкерами занят был манеж, где стояли автомобили, и Рябцов приказал привести машины в негодность или перегнать их в Кремль.

А между тем $\frac{3}{4}$ преданного В.-Р. К. гарнизона не имели оружия. Красная гвардия была в зачаточном состоянии. Из Кремлевского арсенала юнкера успели разобрать все оружие. Там удалось, после долгих пререканий с начальником арсенала, добыть оружие только для роты 193 полка, которою В.-Р. К. постановил усилить гарнизон Кремля.

В ответ на это полковник Рябцов предъявил В.-Р. К. «ультиматум»: немедленно упразднить Комитет, вывести из Кремля большевистский караул и возвратить взятое из арсенала оружие... Желая избежать кровопролития, В.-Р. К. вступил в переговоры... Тем временем белогвардейцы окружили Кремль...

Это придало решимости Рябцову потребовать вывода из Кремля большевистских войск. «Разговор короток: все войска уже разоружены мною», — нагло лгал белогвардейский Наполеон... Вся внешняя обстановка — затишье в городе, отсутствие связи с центром, благодаря перерыву телефонной связи с Советом — заставляла думать, что это — печальная истина. И Кремль, несмотря на попытку возбужденных революционных солдат воспротивиться приказу об эвакуации, был сдан... В ночь на 28 октября юнкера ворвались в Кремль, сняли охрану 56 полка, а на утро начали расстрелы.

Одновременно со сдачей Кремля, В.-Р. К. отвергнул ультиматум Рябцова, и началась война.

Стягивание сил противника к центру ставило на очередь вопрос об охране Совета. Президиум Совета вызвал команду «двинцев». В две минуты «двинцы» были на ногах, и, вооруженные, выступили из казармы. Через четверть часа они

уже переходят через Красную площадь, но не успели поравняться с памятником Минину и Пожарскому, как с кремлевских зубцов грянули залп юнкеров, и 45 товарищей легло у стен Кремля. Начальник команды был поднят на штыки подоспевшим белогвардейским отрядом, в три раза превосходящим по количеству. Это была первая пролитая в эти великие дни кровь...

Остальные «двинцы» все же пробились и добрались до Совета.

28 октября московское население читало на стенах домов и заборов приказ полковника Рябцева, начинающийся весьма успокоительно: «Кремль занят. Главное сопротивление сломлено. Но в Москве еще продолжается уличная борьба». Уличная борьба, на самом деле, «не продолжалась», а разгоралась с неудержимой силой. И Рябцев грозит: «В ответ на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома».

Уличная борьба в этот день носила еще партизанский характер, так как сопротивление, которое организовал В.-Р. К. наступающей белогвардейщине, с самого начала было парализовано захватом Кремля. Весь центр города, кроме части Тверской улицы, смежной со Скобелевской (где находилось здание Совета—бывший дом генерал-губернатора), площадью, был в руках юнкеров; в их же руках—вокзалы, трамвайная и электрическая станция, телефон. В.-Р. К. сразу оказался почти отрезанным от районов; связь кое-где поддерживалась только через Страстную площадь.

Район господства юнкеров в центре Москвы определялся к 29 октября следующими границами: Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуэктов переулок, Пречистенка, Мертвый пер., Старо-Конюшенный, Криво-Никольский, Б. Молчаевка—проход через церковный двор и переулок, Хлебный пер., Никитский бульвар, Калашный пер., Средн. и Б. Кисловки, Воедвиженка, Моховая, Охотный ряд, проезд Театральной площади и гост. Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд «Метрополя», Третьяковский проезд.

Отрезанность центра от районов подвергала его ежеминутной опасности разгрома. Юнкерские броневики появлялись на самой Скобелевской (ныне Советской) площади. Выдава-

лись моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бежать... Это сильно отражалось на настроении В.-Р. К.; делало его склонным к переговорам о перемирии, о соглашении с эс-эрами и т. п.

Совсем иное настроение наблюдалось в районах—именно в районах, плохо связанных между собой и оторвавшихся от центра: настроение повышалось со дня на день. Всю тяжесть борьбы вынес на своих плечах рабочий.

Не получая определенной на этот счет директивы из центра, заводы в первые дни работали. Забастовка осуществлялась самочинно только 28 октября. Рабочие кварталы оживлись. Рабочие лихорадочно формировали красногвардейские отряды, добывали оружие, фабриковали бомбы... Рабочие отправляли эмиссаров в провинцию за поддержкой, за оружием, за взрывчатыми веществами. В виду того, что милиция держала «нейтралитет», поддержание революционного порядка взяли на себя рабочие, организовывали борьбу с громилами и грабителями.

День 29 октября был днем разгара боя в Москве. Геройские районы начали наступление на белогвардейский центр, шли на выручку Совету... Боевая хроника этого дня изобилует примерами высокого революционного героизма. С ожесточением дрались и белые, на стороне которых все еще было подавляющее превосходство техническим оборудованием: пулеметы, артиллерия, броневики, снабжение... Ожидание помощи ударников и казаков еще больше придавало упорства их натиску: это правда, вызванные части прибывали по железным дорогам, но обычно сейчас же вступали в ряды борющихся за «всю власть Советам».

Один из самых жарких боев завязался у Никитских ворот. От артиллерийских снарядов запылали здесь, в конце Тверского бульвара, два громадных дома... Развалины их и до сих пор служат выразительным памятником Московской Октябрьской революции...

В.-Р. Комитет вступил со штабом противника в переговоры, под давлением левых эс-эров, вижельцев и других групп, которым казалось, что возможно еще какое-то «соглашение», что возможно создание вместо власти В.-Р. К. какого-то общедемократического Советского органа...

29 октября вечером, в целях создать спокойную обстановку для переговоров, было заключено перемирие. Была установлена нейтральная полоса,—и с утра 30 октября должна была собраться комиссия для выработки прочного соглашения.

Но сразу же выяснилось, что никакое соглашение между пролетариатом и буржуазией немислимо... Рудневцы ультимативно требовали роспуска Красной гвардии... На это разоружение рабочих В.-Р. К., разумеется, не мог пойти и призвал рабочих и солдат к генеральной атаке на воинствующую буржуазию и ее прихвостней.

В сущности, фактически объявленное перемирие так и не состоялось: военные действия в районах не прекращались: слишком были ослеплены друг против друга юнкера и офицеры, с одной стороны, солдаты и рабочие—с другой, слишком разьединены были они той кровью, которая была пролита...

К моменту разрыва переговоров перевес сил явственно обозначился на стороне В.-Р. К. Загремела Советская артиллерия. Районы начали свой организованный нажим на центр, стягивая его железным кольцом. Отовсюду из области прибывали на помощь пролетарской Москве отряды красновардейцев. Из Тулы на автомобилях привезли пулеметы. Вся область по условленному конспиративному призыву Бюро партии большевиков восстала. Рабочие железных дорог, в противовес своим вилляющим профессиональным верхам («Вик-жель») были всюду на стороне Советов. В.-Р. К. установил на Воробьевых горах тяжелые прекрасные французские орудия и навел их на белогвардейский Кремль...

1-го ноября, после долгих колебаний, В.-Р. К. решил приступить к бомбардированию этого осиногo гнезда контр-революции, где в то время (в Малом Николаевском дворце) помещался ее штаб. Этого требовали солдаты и рабочие. «Что вы их жалуете?—говорили они.—Наших людей расстреливают из всех домов, расстреливают из пулеметов со всех сторон»... Видя, что борьба, которая велась на улицах и в закоулках, грозит затянуться еще на неделю, если не дольше, и полагая, что человеческие жизни, которые затяжка борьбы поглотила бы, дороже всяких, хотя бы и «священных» ху-

дожественно-исторических груд камней, В.-Р. К. отдал приказ приступить к бомбардировке Кремля...

Это решило судьбу сражения... В тот же день красногвардейские и солдатские части заняли телефон и телеграф. Рябцовские юнкера и Рудневские белогвардейцы всюду капитулировали. Здание Городской Думы было занято Советскими караулами.

Тогда председатели Комитета Общественной Безопасности Руднев 2-го ноября обратился к В.-Р. К. с предложением сообщить его условия для прекращения военных действий. Мотивируя свое обращение желанием будто бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение жителей», Комитет Общественной Безопасности заявлял, что по существу военные действия окончены, и что он переходит к «политической» борьбе против большевиков.

В.-Р. К. принял предложение. Был выработан и подписан обеими сторонами договор, гарантировавший юнкерам и офицерам свободу и известное количество оружия... В 9 час. вечера 2 ноября за подписью т. Усиевича были издан приказ по всем войскам Военно-Революционного Комитета, где говорилось:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-Революционного Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции. Враг сдался. В.-Р. Комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, орудийный, пулеметный огонь). С прекращением военных действий войска Совета остаются на своих местах—до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа. В.-Р. Комитета».

7 ноября состоялся пленум Московского Совета, в котором В.-Р. К. вручал ему завоеванную в октябрьско-ноябрьские дни власть, давал полный отчет в своей деятельности. В этом докладе нарисована была исчерпывающая картина того наследства, какое получал пролетариат от буржуазно-соглашательской власти: все учреждения, самоуправления—

банковские, хозяйственные, административные, были разгромлены,—в них всюду царило жуткое молчание пустыни... Это начинался организованный буржуазией саботаж Советской власти: от военной борьбы буржуазия переходила к борьбе политической.

Солдаты и рабочие плотной стеной встали вокруг своего Совета.

(Из «Красной Москвы»).

18. Октябрь на фронте.

Мно вспоминается одна ночь.

На дворе темнота непроглядная. Ветер бросает горстями дождь в окно и тревожит мои мысли. Я избегаю глядеть в него.

На горизонте, в эту ненастную ночь, по направлению покинутой нами Риги, пылали тринадцать костров пожара. Красное дрожащее зарево боролось в темной ночи. И эта ночь мне казалась ужасной. Чувство обиды за покинутую нами Ригу, которую продали николаевские генералы немцам, не давало мне покоя, и мне казалось, что это наша кровь, которая борется с черной капиталистической ночью. И мысли—разбить эту проклятую ночь, которая пожирает в своей необъятной глотке все, что дорого человечеству. Бросить все, все, что оставили еще нам, на этот костер, так, чтобы кровавое пламя его поднялось до звезд и рассеяло бы эту черную ужасную ночь и озарило бы новым невиданным светом всех угнетенных рабов капитализма.

В ротной канцелярии нас было трое, но никто из нас не решался нарушить тишину. Перед каждым из нас лежали газеты, но то, что мы искали было прочитано, а остальное не интересовало нас.

Наконец, открылась дверь; мы устремили свои взоры на вошедшего. От наших пытливых взглядов не ускользнуло, что вошедший принес нам то, что мы ждали.

Моментально наши головы сомкнулись тесным кольцом.

«Итак, товарищи, по первому зову из полевого комитета мы построим роту. Она нас послушается».

Мы своим неустанным трудом воспитали роту в своем духе.

Все нас слушаются, уважают и любят. Мы доказали, что защищаем их интересы и что наши действия и мысли не ошибочны. И с этого момента все приказания, данные нами, должны быть обдуманы. Надежная связь установлена, пришла бы только связь из Петрограда».

«И вы, товарищи, доверяете мне командовать ротой?» — конфузясь, спросил нас пришедший.

«Мы тебя выбрали, и ты должен исполнить нашу волю. Но и мы с тобой неотлучно: победить, или умереть».

Крепкое рукопожатие, и пришедший ушел.

Мы тут же легли спать. И как только погасили свечу, черная ночь сдавила мне грудь до боли.

Черная ночь — долгое рабство народов.

И все пережитое в последние дни соглашательства стояло передо мною ужасным кошмаром.

Приказы Керенского идти в наступление под Ригой, приказ о смертной казни, угроза расформированием непослушных латышских стрелковых полков, закрытие наших большевистских газет, подстрекательство «батальонов смерти» против нас, продажа Риги, лишение всякого руководства при отступлении, с целью уничтожения всей 12-й армии, полный разгром культурной жизни Лифляндии в отместку латышам-непослушникам и т. д. Все это терзало меня.

Победить или пасть побежденным, но терпеть и ждать невозможно.

И какие грандиозные планы создавались в моем мозгу в ожидании момента наступления. Всевозможные препятствия были обдуманы и найдены возможности устранения их. Победа должна быть во всем.

Недолго пришлось мучиться с терзающим кошмаром в эту ненастную ночь.

С тихим скрипом отворилась дверь; мы привстали. И мои товарищи не могли уснуть за эти два, три часа. Ощупью, шопотом были произнесены несколько слов, и мы, не зажигая свечи, вышли.

Костры пожаров с приближением утра как будто ослабевали. Дрожь пробегала по телу, но это усиливало решительную готовность во всему.

Черные фигуры, слабо оттененные дальним заревом по-

жара, безумно спешили к одному месту, куда и мы направились.

Мы подошли и нас тесным кольцом окружили.

«Товарищи, исполняйте только наши приказания».

И этого было достаточно, Рота построилась.

Мы оставили роту на месте ждать, а сами отправились через огород в следующий домик, где проживали офицеры нашей роты. Минуту только пришлось ждать за дверьми. И там предчувствовали угрозу. Увидав нас, организаторов роты, вооруженными, поняли, что положение изменилось. Мы объяснились коротко.

Наше предложение было немедленно принято, и пять офицеров с ротным командиром во главе последовали за нами.

Рота была вверена офицерам, и черная масса, чувствуя важность момента, бесшумно двинулась вперед.

У полкового командира получили инструкции, и путь продолжался.

Рота медленно развернулась в цепь, приближаясь к роще, где находился штаб бригады.

Наконец, штаб был окружен тесным кольцом. Члены комитета вошли.

Штабу было предложено работать под нашим контролем, но начальник штаба и все прочие офицеры, в числе тридцати человек, отказались, — поэтому были арестованы и на место их оставлены члены комитета.

Когда я вышел из штаба, был уже день, первый день освобождения российской бедноты от рабства капитализма.

«Да здравствует незабвенный октябрь!» — поздравлял я товарищей с первой победой.

(«Первый народный календарь на 1919 г.», изд. Союза Коммун Северной области, стр. 99—100).

19. Союз рабочих и крестьян.

16 ноября, в среду утром, после страшной всю ночь длившейся борьбы было достигнуто соглашение между Крестьянским съездом и Всероссийским Центральным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, о чем Устинов и возвестил Крестьянскому съезду, и все делегаты приняли

это извещение с дикой радостью. Неожиданно появился Чернов и потребовал слова.

— Мне сообщили—начал он,—что в настоящую минуту заключается соглашение между крестьянским съездом и Смольным. Подобное соглашение было бы незаконным ввиду того, что подлинный съезд крестьянских советов собирается лишь на следующей неделе... Более того, я хочу предупредить вас теперь, что большевики никогда не примут ваших требований.

Его прервал взрыв хохота и, представив себе сложившееся положение, он сошел с трибуны, вышел из комнаты, уже совершенно лишившимся популярности человеком.

Вечером 16 ноября съезд собрался на чрезвычайное заседание. Атмосфера была праздничная. На каждом лице—улыбка... Старик Натансон с большой седой бородой, вождь левых социалистов-революционеров, дрожащим голосом со слезами на глазах прочитал сообщение о соглашении крестьянских советов с советами рабочих и солдатских депутатов. Каждый раз, когда произносилось слово «союз», оно приветствовалось неизменными рукоплесканиями...

Под конец Устинов сообщил, что прибыла делегация Смольного в сопровождении представителей армии. И съезд их приветствовал долго несмолкавшей овацией. Один за другим рабочий, солдат и матрос выступали, приветствуя крестьянский съезд.

Затем слово получил Борис Рейнштейн—представитель американской рабочей социалистической партии.

— День заседания крестьянского съезда и советов рабочих и солдатских депутатов—это один из величайших дней революции—сказал он. Отзвуки его отдадутся громовым эхом по всему миру. Этот союз наполнит счастьем сердца всех трудящихся. Великая идея победила. Запад и Америка ожидали от русского пролетариата исключительных дел...

Председатель ВЦИК-а Свердлов также приветствовал съезд, и с криком: «Да здравствует конец гражданской войны», «Да здравствует объединенная демократия» крестьяне вышли со съезда.

Было уже темно, и на покрытом ледяной коркой снегу отражался бледный лунный и звездный свет. Вдоль выстро-

ились в полном походном порядке солдаты Павловского полка с оркестром музыки, который заиграл Марсельезу. Среди громовых раскатов приветственных восклицаний солдат крестьяне выстроились, развернули огромное красное знамя Исполнительного Комитета Всероссийского Крестьянского Совета, расшитое золотыми буквами:

«Да здравствует союз революционных трудящихся масс».

За ним были еще знамена районных советов, затем Путиловского завода, на котором золотом горели слова: «Мы преклоняемся перед этим знаменем для того, чтобы создать братство народов».

Откуда то появились факелы, заливая светом ночную тьму и тысячами искр отражаясь на льдинах и дым от них разносился над толпою, стоявшей в полном изумления молчании по тротуарам.

— Да, здравствует революционная армия!

— Да здравствует красная гвардия!

— Да здравствует крестьянство!

Так шла огромная процессия по городу, все разрастаясь и развертывая все новые и новые красные знамена. Два старых крестьянина, согбенных трудом, шли рука об руку и на их лицах было написано прямо-таки детское блаженство.

— Ну,—сказал один,—хотел бы я посмотреть, как они отнимут у нас землю.

Возле Смольного Красная Гвардия выстроилась по обе стороны улицы. В диком настроении восторга другой старик крестьянин сказал своим товарищам:

— Я не устал. Я всю дорогу, как по воздуху прошел.

На ступеньках Смольного собралось около сотни рабочих и солдатских депутатов со своими знаменами, темневшими на фоне лившегося из-за них через арку света. Подобно волнам, быстро двинулись они вниз по ступенькам, обнимали крестьян, целуя их, потом вошли в огромную дверь, поднялись шумными толпами по лестнице...

В огромном белом зале заседаний ждал ВЦИК вместе с петербургским советом и тысячью зрителей. В этом зале царил торжественность, которая всегда вызывается великими моментами истории.

Зиновьев сообщил о достигнутом соглашении с крестьянским съездом, что вызвало целую бурю оваций. Когда звуки музыки слышались в коридоре, и голова процессии появилась в дверях, президиум встал со своего места и потеснился для того, чтобы президиум крестьянского съезда мог рассестись, при чем та и другая сторона обнялись. За ними на белой стене над пустой рамой, из которой был вырван портрет царя, скрестились два знамени.

Затем началось торжественное заседание. После нескольких слов приветствия Свердлова, поднялся полный огня Троцкий.

— Я приветствую вас, товарищи крестьяне. Вы пришли сюда не как гости, а как хозяева этого дома, в котором бьется сердце революции. Воля миллионов рабочих теперь сосредоточена в этом зале. Отныне одного лишь хозяина знает земля русская—союз рабочих, солдат и крестьян.

В этот день родится новое человечество. В этом зале мы клянемся рабочим всех стран оставаться стойкими на нашей революционной позиции. Если мы погибнем, то это только будет при защите нашего знамени...

Сташков, почтенный старик крестьянин, член президиума крестьянского съезда, поклонился на все четыре угла:

— Поздравляю вас с крещением русской новой жизни и свободы. Затем в бесконечном числе выступавшие ораторы говорили от полного сердца, со счастливым красноречием бывших надежд.

Была уже глубокая ночь, когда была предложена и принята единогласно следующая резолюция:

«ВЦИК, объединенный в чрезвычайном заседании с Петербургским советом и Крестьянским Съездом, подтверждает декреты о земле и мире, принятые вторым Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а также декрет о рабочем контроле над производством, принятый ВЦИК.

Объединенное заседание ВЦИК-а и Крестьянского Съезда выражает свою полную уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян, этот братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепит власть, завоеванную ими, примет все революционные меры для ускорения перехода власти в руки

рабочего класса в других странах и обеспечит, таким образом, действительный справедливый мир и победу социализма».

(Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. Изд. «Красная Новь». 1923 г., стр. 302—306.)

20. Советская Республика, как политическая форма диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата тем сходна с диктатурой других классов, что она вызвана необходимостью, как и всякая диктатура, подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное различие между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов—диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собой насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно трудящихся масс, между тем, как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, т.-е. явного меньшинства населения—крупных помещиков и капиталистов.

Отсюда опять-таки следует, что диктатура пролетариата должна неизбежно повлечь за собою, вообще говоря, не только изменение формы и установлений демократии, но и такое их изменение, которое привело бы к еще невиданному в мире распространению действительного использования демократизма на поработанные капитализмом трудящиеся классы.

И в самом деле, форма диктатуры пролетариата, которая фактически уже выработана, т.-е. Советская власть в России и аналогич. советские установления в других странах, все они позволяют трудящемуся классу, т.-е. подавляющему большинству населения, осуществлять пользование демократическими правами и свободами, каковой возможности еще никогда не бывало, хотя бы в приблизительной степени, в лучших демократических буржуазных республиках.

Сущность Советской власти заключается в том, что массовая организация именно тех классов, которые были угне-

таемы капиталистами, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, которые не эксплуатируют чужого труда и которые постоянно продают хотя бы часть произведений своего труда), является постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата. Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках были по закону равноправны, а на деле, при помощи тысячи разных средств и ухищрений отстранялись от участия в политической жизни и от использования демократических прав и свобод, ныне привлекаются к постоянному беспрепятственному и при этом решающему участию в демократическом управлении государством.

То равенство граждан без различия пола, вероисповедания и национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала и нигде не выполняла, и вследствие господства капитализма и не могла выполнить—Советская власть или диктатура пролетариата осуществила сразу и вполне, так как только власть рабочих, которая не заинтересована в частной собственности на орудия производства и в борьбе за их распределение и раздел, могла это осуществить.

Старая, т.-е. буржуазная демократия и парламентаризм, была так организована, что именно трудящиеся классы были более всего далеки от правительственного аппарата. Советская власть, т.-е. диктатура пролетариата, так организована, что она приближает рабочие массы к правительственному аппарату. Той же цели служит объединение законодательной и исполнительной властей в советской организации государства и замена территориальных выборных округов—производственными единицами—фабриками и заводами.

Армия служила аппаратом для угнетения не только в монархии; она оставалась таковым и во всех буржуазных, даже самых демократических республиках. Только Советская власть, как единственная постоянная государственная организация угнетаемых капиталистами классов, в состоянии избавить армию от подчинения буржуазному командованию и действительно спаять пролетариат с армией. Она может вооружить пролетариат и обезоружить буржуазию, без чего победа социализма невозможна.

Советская организация государства приноровлена к тому, чтобы пролетариат, как класс наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный, занял руководящую роль в государстве. Опыт всех движений угнетенных классов, опыт социалистического мирового движения нас учат, что только пролетариату дано соединить воедино рассеянные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения и повести его за собой.

Только советская организация государства может разрушить—сразу и окончательно—старый, т.-е. буржуазно-чиновничий и судейский аппарат, который продолжал существовать и должен был существовать при капитализме даже в самых демократических республиках, и фактически служивший самым большим препятствием для рабочих и трудящихся масс при осуществлении ими демократизма. Парижская Коммуна сделала на этом пути первый всемирно-исторический шаг, а Советская власть—второй.

Все социалисты, среди них и во главе их Маркс, поставили себе целью уничтожение государственной власти. Без осуществления этой цели настоящий демократизм, т.-е. свобода и равенство недостижимы. К этой цели ведет, на деле, однако, только Советская власть или пролетарская демократия, ибо она сейчас же начинает готовить полное отмирание всякой государственности, привлекая массовые организации трудящегося народа к постоянному и безусловному участию в государственном управлении.

(Ленин, Н. «Буржуазная и пролетарская демократия». Тезисы на Первом конгрессе Коминтерна. Тезисы 14—20).

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

Серия историческая

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Астров, В. „Экономисты“, предтечи меньшевиков.—45 к.
Беркова, К. Процесс Людовика XVI.—1 р.
Волин, Б. Декреты Октября. (Разошлась).
Дочери Революции. Сборник.—80 к.
За пять лет. 1917—22 гг. Сборник ЦК РКП.—1 р. 50 к.
Луначарский, А. За пять лет.—12 к.
Лядов. 25 лет РКП.—30 к.
Заславский, Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. 2-ое изд.—20 к.
Майский, И. Внешняя политика РСФСР. 1917—22 гг.—45 к.
Меринг, Ф. История Германии с конца средних веков.—80 к.
Октябрь на Пресне. Воспоминания. (Разошлась).
Пионтковский, С. Хрестоматия по истории Октябрьской революции.—1 р.
Герасимов, В. Жизнь русск. раб. полвека тому назад.—15 к.
Залкинд, А. История русской фабрики.—35 к.
Октябрьск. дни в Сокольниках. Воспоминания. (Разошлась).
Пажитнов, К. Рабочее движение при крепостном праве.—15 к.
Панкратова, А. Фабрично-заводские комитеты в России.—2 р.
Рид, Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С предисл. Н. Ленина и Н. Крупской.—1 р. 20 к.
48-й год. Сборник статей. (Разошлась).
Степанов, И. Парижская коммуна 1871 г. 2-ое изд.—85 к.
Файнштейн, А. Марк Малиновский, рабочий пропагандист начала 70-х годов.—20 к.
Шестаков, А. Бунт земли.—45 к.
Яковлев, Я. Об историческом смысле русской революции.
Лелевич, Г. Как они делали революцию.
-

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ
В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР И ВЦИК“.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА;

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- Бухвалов. Прошлое русских крестьян.
Воровский, В. К истории марксизма в России.
Воробьев. Крепостное право.
Меницкий, И. Русское рабочее движение в РСДРП накануне войны.
Наумов, Г. Введение в политическую экономию (очерк развития народного хозяйства).
Платонов, А. Страничка из истории эсеровской контр-революции.
Покровский, М. Русская история в сжатом очерке. Вып. 3.
Фридлянд, Ц. Хрестоматия по истории революционного движения на Западе.
Сидоров. Материалы по истории РКП.
Язвицкий. Борьба крестьян за свободу.
Шестаков. Что дала Октябрьская революция.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Астров, В. Экономика и рабочее движение 90-х годов.
Викторов, Б. Буржуазия в 1905 г.
„ Лена.
„ Феодализм в древней Руси.
„ Идеолог самодержавия Иван Пересветов.
Лукин, Н. Новейшая история Западной Европы.
Мебель, Я. Крестьянская реформа.
„ Рабочий вопрос и рабочее движение во II половине XIX века.
Мстиславский, С. Народовольцы.
Пионтковский, С. Февральские дни 1917 г.
„ 9-ое января.
„ Октябрьская революция.
Покровский, М. Учебник русской истории.
Раковский, Х. Арест и освобождение за раб. Интернационал 1916—17 г.
„ Пять лет борьбы с румын. помещик. 1907—12 г.г.
Яковлев, Я. Учебник по истории Октябрьской революции.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ
В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК“.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

Серия—методы политпросветработы. Пособия и программы.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Агитпропработа ГПП.—16 к.
Адоратский, В. Программа по основным вопросам марксизма.
2-е изд.—62 к.
Голант, Е. Букварь крестьянина. (Разошлась).
Доблер, Ф. и Слуховский, М. О работе с передвижными
библиотеками (Разошлась).
Ефремин, А. Опыт методики политграмоты. (Разошлась).
Завадовский, Б. Внешкольные биологические экскурсии.
3-е изд.—1 р.
Завадовский, Б. Программа лекций по биологии.—18 к.
Заровнядный, Н. Беседы по самообразованию. 2-е изд.—35 к.
Керженцев, П. Газета. 2-е изд. (Разошлась).
Памятка организатора.—15 к.
Кон, А. Опыт программы курса марксист. полит. экономии.
(Разошлась).
Крупская, Н. РКСМ и бойскаутизм.—10 к.
Лойко. Школы взрослых повышенного типа и кому они
нужны. (Разошлась).
Наглядные пособия по экономической географии. 56 выпу-
сков.—20 руб.
Октябрьское торжество в клубе. Сборник. (Разошлась).
Политико-просветительная работа в условиях НЭПа.
Итоги и перспективы—15 к.
Покровский, А. Библиотечная работа. (Разошлась).
Популярно-политический словарь. Под ред. Б. Эльцина.
Печ. 2-е изд.
Программа для совпартшкол первой ступени—6 к.
Программа для школ взрослых повышенного типа. (Разошл).
Пролетарские праздники в рабочих клубах. Сборник
под ред. Крупской. (Разошлась).

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ
В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК“.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

Работа драматического кружка в клубах РКСМ. (Раз.).
„ хорового „ „ „ „

„ литературного „ „ „ „
Сельско-хозяйственное просвещение в деревенском клубе,
избе-читальне и народном доме. (Разошлась).

Справочник партработника. (Разошлась).

Спутник политпросветработника. (Разошлась).

Статьи по библиотечной работе. В. I.—65 к.

Спутник клубного работника. (Разошлась).

Троцкий, Л. Задачи коммунистического воспитания.—10 к.

Тезисы к первому мая. (Разошлась).

Устинов, И. Развитие речи.—12 к.

„ Новый орфографическ. справ. 2-ое изд.—1 р.
Хабас. Первомайские праздники. (Разошлась).

Херсонская, Е. Техника публичных выступ. 2-ое изд.—35 к.

Хлебцевич, Е. Изучение читательских интересов.—90 к.

Хрестоматия по русск. истор. Под ред. А. Удальцова. (Раз.).

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Бердников и Светлов. Лекции и программы по курсу
совпартшкол.

Голант, Е. О комплексном методе преподавания в школах
малограмотных.

Ефремин. Опыт методики политграмоты.

Завадовский, Б. Сборник статей по вопросам и популя-
ризации естественных наук.

Милонов, Ю. Чему и как должны учиться рабочие.

Подземский, С. Справочник по народному просвещению.

Программа для занятий со взрослыми на ликпунктах и в
школе малограмотных.

Пруссакова. Политпросветработа в совпартшколе.

„ Как готовиться к уроку.

Слепков, А. Учебник по истории для школ I ступ.

Херсонская, Е. В помощь клубной работе.

„ В помощь самообразованию.

Ярославский, Ем. Учебник политграмоты для деревни.

Элькина. Да здравствует труд.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ
В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР И ВЦИК“.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Милютинский пер., 22.